

Сочиненія К. К. Случевского. 6

Изданіе Т-ва А. С. Маркова С ПБ

СОЧИНЕНІЯ

К. К. СЛУЧЕВСКАГО.

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Проза.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРНОА.

Типографія А. Ф. Маркса. Среды Подъячская, № 1

ОГЛАВЛЕНИЕ VI ТОМА.

Наброски:

	СТР
La Pointe	3
Двѣ капли	9
Два тура вальса — двѣ елки	14
Слова на улицѣ	18
Въ пылу боя	25
Находка	28
Въ калмыцкой степи	32

Подражанія:

Капитанъ Немо въ Россіи. (Глава изъ Жюль Верна, никѣмъ и нигдѣ не напечатанная).	39
Недавно найденная глава Донъ-Кихота	66
Сказка тысяча второй ночи	74
Виртуозы. Повѣсть	81
Застрѣльщики. Повѣсть	259

НАБРОСКИ.

La pointe.—Двѣ капли.—Два тура вальса—двѣ елки.—Слова на
улицѣ —Въ пылу боя.—Находка.—Въ калмыцкой степи.

LA POINTE.

Къ одному изъ подъѣздовъ на Гагаринской улицѣ, часу въ двѣнадцатомъ вечера, подана была тройка. Ночь стояла лунная, тихая, градуса въ два мороза; съ вечера выпалъ свѣженькій снѣжокъ. На рослыхъ коняхъ вдоль сбури поблещивали во множествѣ свѣтлыя бляхи. Изъ подъѣзда вышли три дамы и двое мужчинъ.

— А что, пріятель,—спросилъ одинъ изъ нихъ у ямщика:—въ четверть часа на пуанту поспѣемъ?

— Коли, баринъ, во встрѣчныхъ задержки не будетъ— поспѣемъ,—отвѣтилъ ямщикъ, перебирая вожжи.

— А вы въ эти четверть часа расскажите намъ что-нибудь такое, что займетъ какъ разъ столько же времени,— сказала одна изъ дамъ мужчинѣ, спросившему ямщика:— согласны?

— Да, но за вами тогда лишній бокалъ по моему требованію?

— Согласна, только я сама вамъ дамъ тему.

— Слушаю-съ.

— Читали вы рассказъ «Альгоя»? Вѣдь тамъ идетъ рѣчь о какой-то пспорченной странѣ и о томъ, что въ главномъ ея городѣ воздвигли памятникъ одной великой кур-

тизанкѣ. Разскажите что-нибудь объ этомъ памятникѣ подробно.

— Могу,—отвѣтилъ мужчина.

— Такъ, по рукамъ?

— По рукамъ.

— Всѣ согласны! Трогай!..

Тройка двинулась и разсказъ начался.

— Извѣстно всѣмъ и каждому по наукѣ, что провалились въ болота цѣлые города, что новые люди осушили эти болота и явились новые города. Климаты измѣнились: гдѣ теперь холодно—было тепло, и наоборотъ. Есть основаніе полагать, что и на мѣстѣ Петербурга существовало нѣчто другое. Сказываютъ, будто здѣсь была столица какой-то совершенно невозможной, въ тѣ дни очень теплой страны. Въ странѣ этой совсѣмъ погасли всѣ нравственные силы, царилъ развратъ и стали поговаривать о томъ, что если поставлены памятники всякимъ полководцамъ, баснописцамъ, то отчего же на самой людной площади самаго люднаго города не поставить изображенія одной общепзвѣстной великой куртизанки, сдѣлавъ его, конечно, изъ бронзы.

«Страна была дѣйствительно совсѣмъ веселая. Гдѣ-нибудь въ глуши, въ деревнѣ, далеко отъ главнаго города. еще раздавалось иногда робкое слово «люблю», но оно звучало чрезвычайно стыдливо, потому что было необычайно. Семья, какъ видъ общежитія, исчезла съ поверхности страны почти совершенно, какъ исчезли волны Невы, на которую мы теперь спускаемся, подъ ледянымъ покровомъ; число рожденій уменьшалось, а то, что появлялось на свѣтъ, оказывалось мелко, хворо, некрасиво.

«Одно, что оказывалось хорошо въ этой развратной, изолгавшейся, продажной странѣ, такъ это войско: оно было нужно заправителямъ. Порядокъ, дисциплина, воодушевле-

ніе,—все это вызывалось въ немъ, вѣроятно, электрическими приспособленіями,—электричество тогда было извѣстно, но потомъ забыто,—по номерамъ устава, и по мѣрѣ надобности; на приспособленія эти выданы очень дорогія привилегіи—дѣло совершенно естественное въ той высокообразованной странѣ, гдѣ даже надъ люльками дѣтей, нарождавшихся въ очень маломъ числѣ, колыбельныя пѣсенки пѣлись въ телефоны, проведенныя изъ степей Украины, въ которой еще сохранились кое-какіе голоса; люльки раскачивались тоже электрическими приводами; питали младенцевъ не грудью, а соусами особаго приготовленія.

«Съ прямолинейностью Каменноостровскаго шоссе, по которому мы теперь мчимся, шла страна къ своему паденію. Въ ней, источенной всѣми язвами духа, съ изумительною быстротою пошли въ ходъ всякія ясновидѣнія, лжеученія, служенія тайнѣ и тѣмъ и явились прорицатели. Противъ нихъ заговорили журналисты, старавшіеся казаться тоже прорицателями; чѣмъ жили журналисты—остается неизвѣстнымъ, потому что въ странѣ не читали совершенно ничего, и это очень нравилось заправителямъ страны, людямъ силы, дѣльцамъ, воротиламъ житейскаго рынка.

«Послѣ долгихъ, упорныхъ споровъ и даже междоусобій по поводу вопроса о томъ: ставить или не ставить въ городѣ памятникъ самой великой изъ куртизанокъ,—одолѣли тѣ, что желали постановки памятника. Его воздвигли чудовищно громаднымъ. Фигура оказалась такъ велика, что, по очень сложнымъ внутреннимъ путямъ ея, какъ бы трубамъ, обильно снабженнымъ свѣтомъ изъ множества окошечекъ, можно было вѣхаться на плечи статуи въ экипажѣ. На обнаженныхъ плечахъ, представляющихъ изъ себя продолговатую, волнистую, залитую душистымъ асфальтомъ площадку, вдоль по ожерелью, окружавшему шею, устроенъ былъ объѣздъ: ожерелье служило перилами; смотрѣтъ от-

туда внизъ было страшно. и даже лошади пугались и фыркали; тутъ же, въ бусахъ ожерелья, стояли маленькіе ресторанички и въ нихъ назначались свиданія.

«Открытие памятника состоялось торжественно. Особенно сочувственно встрѣчена публикою новинка: вечерній концертъ, составленный изъ воспроизведенія утренняго рева орудій и кликовъ толпы въ моментъ открытія, уловленнаго какимъ-то губкамъ; губки эти нажимали и онѣ отдавали звуки; тончайшія, гармоничнѣйшія *pianissimo* были поразительны. На слѣдующій же день явилось въ газетахъ объявленіе какого-то музыканта, задумавшаго вызвать изъ песковъ деревень Арбеллы и Гавгамеллы для другого, совершенно небывалаго концерта голоса давнишняго сраженія, причемъ одному изъ гобоевъ поручалось воспроизвести *in naturam* голосъ самого Александра Македонскаго.

«Вновь открытый памятникъ великой куртизанки стоялъ во всеоружіи самой наглой, безстыдной красоты; влажность облаковъ, осаждаясь на ея открытыя очи, не лишала ихъ, однако, той сухой, острой зоркости, той дерзости взгляда, съ которыми смотрѣли они на закатъ солнца, стараясь подглядѣть, когда другіе люди за краемъ земли ничего больше видѣть не могли, что дѣлаетъ солнце, когда оно разоблачается отъ своего дневного одѣянія въ яркомъ и тепломъ заревѣ погасающихъ огней? Какъ ложится оно спать?

«Но пока, въ теченіе долгихъ лѣтъ, высилась великая куртизанка, подлѣ ожерелья которой ѣздили экипажи, а человечество въ странѣ, его воздвигшее, количественно и качественно погасало, земля, на которой все это происходило, предъявляла свои неотъемлемыя права. За недостаткомъ въ населеніи, такъ какъ смертность превышала рождаемость, надвигались отъ береговъ морскихъ летучіе пески и на многихъ мѣстахъ проступали топкія болота;

папоротникъ, стрѣльникъ и хвощи начали царствовать тамъ, гдѣ наливался яровой и озимый колосъ, и отвоеванныя человѣчествомъ мѣста шли на возобновленіе залежей торфа и каменнаго угля, сильно израсходованныхъ; купинчики и купавки начали расти на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гуляли нѣкогда въ прозрачныхъ чулочкахъ ножки хорошихъ женщинъ,—женщинъ, изъ которыхъ каждая имѣла нѣкоторое основаніе считать себя олицетворенною въ памятникъ великой куртизанки.

«Быстро погибала страна, о которой идетъ рѣчь. Опустѣлъ и вымеръ въ конецъ главный городъ ея: онъ сталъ погружаться въ наступающія отовсюду болота, а вмѣстѣ съ нимъ опускался въ трясины и памятникъ. Наглые очи бронзовой красавицы, старавшіяся подсмотрѣть, что дѣлаетъ солнце, когда разоблачается, опускались все ниже и ниже къ поверхности земли, потому что непомерный грузъ памятника много способствовалъ его погруженію. Скоро осталась отъ куртизанки поверхъ воды одна только маковка—куафюра, какъ бы островъ. На мелко гофрированные волосы ея вѣтеръ нанесъ, а вода отложила мпіяды всякихъ сѣмянъ и изъ нихъ поднялась зелень и выросли деревья. Люди тѣхъ дней, сохранившіеся только потому, что кое-гдѣ еще звучало робкое, теплое слово «люблю», нашли возможнымъ проложить между зеленью дорожки и надъ самымъ лбомъ великой куртизанки, на пуантѣ, обращенномъ къ западу, устроили очень хорошее гулянье. Зимой его покрываетъ снѣгъ и по немъ раскатываются тройки...»

— А сколько теперь времени, господа? — проговорилъ ямщикъ, сдерживая коней на самомъ поворотѣ.

— Стой! стой!—закричали ему изъ саней.

Они находились, дѣйствительно, на пуантѣ. Ярko освѣтила луна циферблатъ вынутыхъ изъ кармана часовъ: до

полной четверти часа не хватало одной минуты. Сквозь бѣлую пелену снѣговъ темнѣли стволы деревьевъ, а мгlistая даль, по направленію къ Кронштадту, мерцала въ какомъ-то неясномъ колебаніи. Мѣсяцъ свѣтилъ во всю.

— За вами лишній бокалъ! — проговорилъ рассказчикъ, обращаясь къ одной изъ спутницъ: — и по моему требованію.

— Да, если бы рассказъ вашъ длился ровно четверть часа, какъ я сказала, но минутою меньше...

— Минутою больше было бы хуже!

— Вамъ надо было исполнить мое требованіе точь-въ-точь, вотъ что! и не разсуждайте! Я люблю точность, — отвѣтила спутница: — и вы должны знать это на будущее время...

ДВѢ КАПЛИ.

Вотъ странная, совершенно невѣроятная исторія о двухъ капляхъ.

Въ глубокую, снѣжную зиму, по безлюднымъ путямъ Елагина острова, ровно въ полночь, мчалась во всю, весело, но безжалостно настиганная тройка. Четыре другихъ тройки много опередили эту пятую, и она нагоняла. То былъ пикникъ.

Ночь была свѣтлая, очень свѣтлая, хотя луны не замѣчалось. Такъ свѣтла была ночь, что на темныхъ очертахъ тройки, скользившихъ вихремъ по бѣлой пеленѣ недавно выпавшаго снѣга, ясно можно было отличить не меньше бѣлыя: пѣну на взмыленныхъ коняхъ, приборъ сбруи и горностаевую оборку шубки одной изъ сидѣвшихъ въ саняхъ женщинъ. Другая женщина была вся темная, очень темная, какъ и расположеніе ея духа. Обѣ были молоды. На передней скамейкѣ, спиною къ стоявшему ямщику, виднѣлось трое мужчинъ. Хотя извороты пути были круты, хотя тройка неслась чрезвычайно быстро, но санн не закатывались, потому что снѣгъ былъ глубокъ и не наѣзженъ. Темнѣла тройка, темнѣли голыя деревья, темнѣло на сердцѣ одной изъ женщинъ; все остальное, несмотря на ночь, было свѣтло.

Хохоть, болтовня, веселье...

— Да ну, слушай,—проговорилъ мужчина, сидѣвшій посрединѣ, обращаясь къ сосѣду слѣва: — скорѣй! или не справившись?

— А развѣ у тебя много души за это время уйдетъ, что ли?—отвѣтилъ спрошенный, продолжая возиться съ бутылкой шампанскаго.—Веревку я перерѣзалъ, теперь проволока осталась! кручу, стараюсь...

Мужчина, сидѣвшій справа, раздалъ въ это время, вытащивъ изъ корзины, стоявшей на его колѣняхъ, небольшіе стаканчики, и тоже просилъ ускорить съ бутылкою.

— Улю-лю-лю — ухъ! — завопилъ ямщикъ, стегнувъ по всѣмъ тремъ.

Щелкнула пробка и отскочила въ сосѣдную чашу невысокихъ кустиковъ, и была, конечно, очень довольна окончаніемъ милліона терзаній и долгой, сдержанной службы своей въ непомѣрно узкомъ горлышкѣ бутылки.

— Разливай, оберъ-форъ-шенкмейстеръ! — крикнулъ средній мужчина.

— Виночерпій! — подхватилъ правый.

— Ухъ, родимые! — добавилъ ямщикъ, взмахнувъ кнутомъ тѣмъ особеннымъ, извѣстнымъ ямщикамъ способомъ, что всѣ кони сразу увидѣли кнутъ и подхватили.

Протянулись руки къ бутылкѣ, полилось шампанское; значительная часть его не попала въ стаканы, а пошла на вѣтеръ, скатилась на полость, на снѣгъ.

— Здравье дамъ!

— Здравье любящихъ!

— Здравье свободной любви, господа! — перебилъ тотъ, который откупорилъ бутылку.

— Давай еще!

Снова налили, снова выпили, ямщикъ залюлюкалъ опять, и пустая бутылка, высоко подброшенная, шлепнулась на

Неву, вдоль которой тройка въ это время проносилась. Унесетъ по веснѣ эту бутылку, нѣмую свидѣтельница и вдохновительницу полуночной прогулки, въ далекое - далекое море. Унесло также отъ тройки на сторону и сложило на будущую мураву, почивавшей подъ снѣгомъ лужайки, каплю шампанскаго и другую каплю: молчаливую, довольно удачно скрытую женскую слезу. Легли эти двѣ капли рядышкомъ, одна подлѣ другой, чуть - чуть пробуравившись въ дѣвственную мягкоту рыхлаго снѣга; и только-что легли онѣ — замерзать стали!

А плакала женщина потому, что любовь уходила, потому, что близкій ей человѣкъ здоровье свободной любви провозгласилъ, и была ея соперница тутъ, возлѣ, и была она лучшимъ другомъ ея! Но любви ничѣмъ не остановишь, когда она уходитъ, ничѣмъ! Женщина знала это и не пыталась остановить, но, тѣмъ не менѣе, она была грустна и заплакала.

Сложивъ обѣ капли въ снѣгъ, тройка пронеслась дальше. Замерзали капли не быстро и не сразу потеряли свое значеніе.

Капля шампанскаго была чрезвычайно недовольна своею, какъ ей казалось, плебейскою сосѣдкою. Потонуть въ снѣгахъ далекой Россіи, гдѣ едва не потонулъ Наполеонъ, ей, дѣтницу счастливыхъ окрестностей Реймса, выдержанной въ просторныхъ школахъ погребовъ вдовы Клико, пожалуй, можно бы согласиться; но лежать и замерзать бокъ-о-бокъ со слезою! съ соленою слезою! Фи! некрасиво.

И стала она, замерзая, утѣшать себя яркими картинами былого; ей становилось даже тепло отъ тѣхъ лучей горячаго солнца, которые когда-то вскормили ее, согрѣли и вложили въ нее ту пылкую душу, которая оказалась способною возбуждать въ людскихъ душахъ то, что называютъ французы—*les esprits*.

«Но какое сосѣдство, какое непріятное сосѣдство! — думала капля шампанскаго: — и что́ это за пдіотская молчаливость, что́ за плебейская солоноватость! Она меня въ консервъ обратить, просолить, впрокъ пригото́вить».

Замерзала и слеза! Ея грѣзы были туманны, или медленнѣе и какъ будто не хотѣли уступать мѣсто одна другой. И въ нихъ были тоже воспомина́нія, хорошія воспомина́нія... Несмѣлый лепетъ первой надежды, обаятельная правда счастливаго дня...

«Зачѣмъ только это сосѣдство? — думала слеза: — это странное, неподходящее мнѣ сосѣдство! Я бы не прочь, пожалуй, заснуть, заснуть навсегда въ бѣломъ саванѣ снѣговъ моей милой Россіи, но не подлѣ этой дерзкой, самоувѣренной француженки. Она какъ будто жжетъ меня чѣмъ-то ѣдкимъ, жжетъ невыразимо; я даже чувствую, какъ пьянѣю, сужденія мои сбиваются, подо мною земля не прочна становится, мнѣ небо съ овчинку казаться начинается».

-- Фатумъ! — проговорила француженка.

— Судьба! — промолвила русская, — русская потому, что женщина, обронившая ее, принадлежала этому народу.

Обѣ капли были, конечно, правы въ своихъ сужденіяхъ, обѣ родились не по своей волѣ, ихъ сблизили, не спрашивая ихъ согласія, и та и другая отстаивали свое «я». Но маленькія, неслышныя и незримыя недовольства, проявлявшіяся въ обѣихъ капляхъ, покоившихся въ рыхломъ снѣгу, мощно, безмолвно, неотвратимо успокаивались неліцепріятнымъ морозомъ. Онъ крѣпчалъ и оковывалъ ихъ все сильнѣе и сильнѣе...

Начинали дѣйствовать въ капляхъ, опять-таки не спрашивая ихъ разрѣшенія, совершенно своеобразные законы физики и химіи. Отъ капли шампанскаго не замерзло только ровно восемнадцать процентовъ чистаго алкоголя, а отъ

слезы сохранилось подобающее количество хлористаго натрія и немного, очень немного, фосфорнокислаго кали.

Скоро капель не существовало больше, ни той, ни другой. Пришла весна и не застала ихъ. Весна могла бы, конечно, если бы онѣ существовали, освободить ихъ отъ холодныхъ объятій снѣга, могла бы, можетъ-быть, помирить, устроить между ними соглашеніе или что-нибудь въ родѣ этого. Весь вопросъ состоялъ только въ томъ, чтобы до поры до времени, до весны, каплямъ сохраниться.

Но что же дѣлать съ законами физики и химіи!

Впрочемъ, въ утѣшеніе памяти обѣихъ капель можно сказать, что и та тройка, съ которой обѣ капли свѣялись, во всей ея совокупности и со всѣмъ ея содержимымъ, съ любовью, грустью, весельемъ, ухарствомъ, съ бѣлою ночью и заморенными конями, была тоже наступнута своевременно химією и физикою и, какъ подобаетъ, разнесена по частямъ.

Если бы было побольше вѣры въ неуклонность этого разноса, очень можетъ быть, что слеза не родилась бы вовсе, а капля шампанскаго не отнеслась бы такъ свысока къ плебейской солоноватости своей безмолвной сосѣдки.

— Фатумъ!—проговорила одна.

— Судьба!—сказала другая.

Но обѣ сгинули.

Есть извѣстное преданіе неизвѣстнаго народа. что и весь существующій міръ—тоже капля, тоже чья-то большая слеза...

ДВА ТУРА ВАЛЬСА—ДВѢ ЕЛКИ.

Возникають иногда нѣкоторыя отношенія мужчины къ женщинѣ, которыя такъ призрачны, такъ неуловимо воздушны, что ихъ даже и клевета не замѣчаетъ и потому не можетъ растрепать. Ихъ ни написать, ни описать невозможно, по той простой причинѣ, что никакого очерка, собственно говоря, нѣтъ: ничего не случилось, ничто не обнаружено, никто ничего не знаетъ, потому что нечего знать. Проявись, скажись подобное очертаніе, и оно перестало бы существовать, стало бы другимъ. Это своего рода чуткая мимоза, не выдерживающая никакого прикосновенія... А между тѣмъ двѣ самостоятельныя жизни человѣческія и все, что подлѣ нихъ, находятся въ томительной зависимости отъ своеобразныхъ, неуловимыхъ отношеній, отъ этого ничѣмъ не сказывающагося, не имѣющаго воплощенія бытія. Отъ нихъ падаетъ въ жизнь какъ бы тѣнь: предмета не видно, тѣни не замѣтно, но она есть.

Дѣвушка объявлена невѣстою, и родители даютъ балъ. Много блеска, говора, музыки, веселья, много поздравленій, шутокъ, пожеланій. Въ глазахъ красивой невѣсты сказывается то приличное довольство, та вполне законная, спо-

койная радость, въ извѣстной долѣ обезпеченная, которыя такъ заурядны при нашихъ салонныхъ свадьбахъ. Балъ въ разгарѣ, намѣчаются среди танцующихъ будущія свадьбы, будущія, въ пзвѣстной долѣ обезпеченныя, спокойныя радости. Женѣхъ—юноша какъ слѣдуетъ, и парочка будетъ, какъ говорится, подходящая.

Много новыхъ кавалеровъ. Къ невѣстѣ подводятъ одного, ей незнакомаго, и представляютъ. Онъ отвѣшиваетъ поклонъ, она кладетъ къ нему на плечо руку; оркестръ играетъ вальсъ на мотивъ изъ «Оберона».

Какъ хорошо уноситься въ этомъ мотивѣ; какъ хорошо, какъ складно имъ другъ подлѣ друга; вотъ кого бы не разлучать нпкому, нпкогда — это такъ огненно-ясно... и какъ близки они, какъ близки. До этой встрѣчи не сказали они одинъ другому ни слова; они и потомъ, при многихъ другпхъ встрѣчахъ, скажутъ не многимъ болѣе... но въ этотъ завѣтный мигъ, въ этомъ мотивѣ «Оберона», стремился онъ, не сговорившись, не условившись, въ какомъ-то безумномъ полетѣ, въ царство невѣдомой сказки. Въ сіяніи безсчетныхъ огней и алмазовъ, въ тепломъ трепетѣ кружевъ и шелковъ, на глазахъ всего общества, родителей и самого жениха, совершался этотъ совсѣмъ незаконный полетъ!

Какъ это возможно, скажутъ систематики, люди послѣдовательности и порядка, чтобы, увидѣвшись впервые, не сказавъ другъ другу ни слова—полюбить и, полюбивши, опять-таки не сказать ни слова! и это съ обѣихъ сторонъ, одновременно, обоудно!

Кажется, что было сдѣлано два или три тура вальса больше, чѣмъ обыкновенно дѣлають. Состоялся принятый въ этихъ случаяхъ вторичный поклонъ, и между обоими возстановилось подобающее разстояніе. Эти два лишнпхъ тура вальса могли бы служить единственнымъ доказатель-

ствомъ, единственною уликою, но кто же замѣтилъ ихъ въ блескъ бала, не будучи предупрежденъ, а послѣдствій они рѣшительно никакихъ не имѣли.

Сыграли свадьбу. Нѣтъ, двѣ свадьбы, потому что и онъ, года черезъ три, тоже женился. Ничто не взбаломучивало мирнаго теченія жизни обоихъ молодыхъ семействъ. Все это были люди хорошіе, спокойные; пошли дѣти, стали подростать, и въ обонхъ домахъ на Рождество загорѣлись елки.

У нея, у той, что вальсировала, такъ какъ дѣти были постарше, послѣ елки, устроили дѣтскую пляску. Гувернантка заиграла вальсъ на мотивъ изъ «Оберона».

— Нѣтъ, нѣтъ! Не это, что-нибудь другое! — проговорила быстро и нервно хозяйка, устанавливая дѣтей:—*ce n'est pas assez dansant!*

У него, у того, что вальсировалъ, елка устроилась иначе. Въ виду множества другихъ елокъ у родныхъ, рѣшено было зажечь ее утромъ, когда дѣти встанутъ. Жена и онъ размѣстили бездѣлушки, подарки, развѣсили блестящія сласти. Когда огни были зажжены, жена попросила, чтобы мужъ самъ ввелъ дѣтей изъ-за запертой двери; она ждала въ залѣ и хотѣла видѣть картинку радости. Какъ только стала открываться дверь, и розовыя, только-что умытыя личики дѣтей глянули изъ-за нея, проступая въ золотистомъ свѣтѣ елочныхъ огней, мать, державшая въ рукахъ игрушку съ музыкой, назначенную бѣлокурой старшей дочери, заиграла. Это былъ мотивъ изъ «Оберона».

Тоненькіе, острые голосочки музыкальной коробки звучно отчеканивались въ безмолвіи дѣтской радости, еще не успѣвшей сказаться словами... Струны вообще звучатъ такъ ярко... такъ жалостно.

Отецъ немедленно поблѣднѣлъ.

— Чтò съ тобою? Ты плачешь?—спросила жена, подойдя къ мужу.

Онъ быстро наклонился и началъ цѣловать дѣтей...

Дѣвочка, которой подарили коробку, скоро убѣдилась въ томъ, что въ коробкѣ были струны, что за нихъ цѣплялись, производя музыку, острые зубчики бѣлыхъ гусиныхъ перьевъ и—больше ничего.

СЛОВА НА УЛИЦѢ.

«Можно ли,—такъ думалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, приличной наружности, порядочно одѣтый,—можно ли изъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, доносящихся до слуха на улицѣ, составить себѣ какой-либо характерный узоръ, картинку, что-либо такое, что бы говорило о сегодняшнемъ днѣ, о характерѣ времени и рисовало бы ихъ?»

И было это въ Петербургѣ, и вышелъ гулять по улицамъ его этотъ странный человѣкъ, задавшійся подобною мыслью.

— Эй! берегись!—рявкнулъ надъ самымъ ухомъ его кучеръ въ шляпѣ съ кокардой, круто осадивъ сѣрыхъ въ яблокахъ коней.

— А еще баринъ,—добавилъ кучеръ, взглядывая на сторону съ высокихъ козелъ и тронувъ вожжами; кони подхватили.

— Осторожнѣе, осторожнѣе!—раздалось изъ отвореннаго окна кареты и изъ него глянуло хорошенькое, спльно набѣленное личико испанки или итальянки.

Странный господинъ среднихъ лѣтъ остановился въ время.

«Вотъ они, первыя встрѣчныя слова! Ну, какъ же нельзя,

конечно, можно картинку себѣ составить»,—отвѣтилъ онъ самъ себѣ.—«Берегись»— въ одной стороны и на первыхъ же шагахъ; тотчасъ вслѣдъ затѣмъ—«осторожнѣй»—съ другой, а между обоими характерное «а еще баринъ!» Прежде эти слова чаще звучали».

Господинъ направился большою торною улицею—Невскимъ проспектомъ.

День былъ осенній и пасмурный; вмѣсто солнца проглядывало иногда пятно; вмѣсто вѣтра дули изъ-подъ воротъ и на углахъ улицъ сквозняки; вмѣсто снѣга, дождя или тумана опускалась иногда изъ атмосферы какая-то недостаточна обслѣдованная, не имѣющая имени, будущая слякоть; нельзя сказать тоже, чтобы она, эта слякоть, опускалась, или падала, или сыпалась,—нѣтъ, она какъ будто новаго глагола въ богатомъ русскомъ языкѣ для своего схождения на землю ожидала.

— Полная неопредѣленность, полная!—слышится господину на перекресткѣ двухъ улицъ.—Вотъ хоть бы министерство путей сообщенія...

Господинъ даже улыбнулся, такъ кстати явилось это восклицаніе для объясненія чудесной картинки природы, развертывавшейся передъ нимъ во всей ея мѣстной прелести.

Дома громоздились съ обѣихъ сторонъ, высокіе, одинъ другого вычурнѣе; магазины красовались одинъ другого богаче, пестрѣе. Въ окнахъ ихъ виднѣлись характерныя надписи: «безъ обмана», «безъ запроса» и т. п.

«Значить, много существуетъ обмановъ и запросовъ, если такія надписи въ торговлѣ красуются, или правда, что «не надуешь—не продашь»,—подумалъ господинъ, остановившись передъ какимъ-то магазиномъ олеографическихъ картинъ, противъ Казанскаго собора.

Въ двухъ окнахъ, приходившихся на полдень, стояли

выставленными двѣ картины: на одной изображалась ночь на серебряной рѣкѣ, ясная, лунная; рѣка обозначалась излучинами; небольшой хуторокъ виднѣлся на берегу, съ красными огоньками, пылавшими въ окнахъ. На другой картинѣ, съ надписью: «Поѣздъ стоитъ три минуты», изображена была желѣзнодорожная станція: свѣтъ фонарей локомотива прорѣзывалъ могучими бѣлыми лучами тьму ночи; по сторонамъ довольно слабо обозначались постройки и люди. Обѣ картины ярко освѣщались фонаремъ, закрытымъ отъ смотрѣвшихъ въ окна непроницаемымъ для свѣта щитомъ. День былъ настолько пасмурный, что искусственное освѣщеніе картинъ было необходимо.

«Красиво, очень красиво!»—подумалъ господинъ.—«Но только вѣдь это фокусы, вѣдь тутъ фонарь, прикрытый для меня щитомъ, бросающій свой свѣтъ на картины и дающій имъ эту удивительную яркость,—главная дѣйствующая сила. Это ужъ не то, что надпись въ магазинахъ: «безъ обмана», напротивъ того, это несомнѣнный, царящій, патентованный обманъ. И какъ онъ въ ходу!»

Дѣло шло къ полудню и надо было закусить. Доменикъ подъ бокомъ. Едва только входилъ въ него посѣтитель, какъ тотчасъ же и на первыхъ шагахъ поражался онъ нѣсколькими надписями, глядѣвшими изъ нѣсколькихъ мѣстъ разомъ и на разныхъ языкахъ: «посѣтителей просятъ наблюдать за своими губами и прочими вещами», „messieurs sont priés de surveiller“ и т. д.

У господина въ карманахъ пальто ничего, кромѣ носового платка, не было, портмоне помѣщалось въ брюкахъ, и онъ, поблагодаривъ мысленно хозяина ресторана за предупредительность, не боясь воровъ, спросилъ закуску, унчтилъ ее, прочелъ газету и тотчасъ же двинулся дальше съ тѣмъ же желаніемъ возсоздать картинку жизни по словамъ, уловленнымъ на улицѣ. Онъ направился въ Большой

театръ за билетомъ, посѣтилъ знакомаго на Васильевскомъ островѣ и опять очутился, по пути къ дому, на Большой Морской. Народу много, пришлось идти шагъ за шагомъ. Всякія, самыя разнообразныя слова сыпались отовсюду обильно.

— Завтра хоронять его; будешь?

— Ну его! вѣдь поминокъ не сдѣлаютъ!

Немного дальше:

— Хотятъ опять упорядочить экспертизу.

— Да вѣдь это ужъ было...

Немного дальше:

— Мими, взгляни на Зизи! она опять въ интересномъ положеніи.

— Благородное занятіе... назначеніе женщины. Смѣшно, но законно...

— Нельзя ли не толкаться!—грубо и неожиданно прозвучало надъ ухомъ господина, заглядѣвшагося, по указанію Мими, на Зизи въ интересномъ положеніи.

— Впновать!—робко отвѣтилъ господинъ, сторонясь и давая дорогу тучному и щеголевато одѣтому франту. Онъ хотѣлъ-было сказать ему, что невѣжливость никакъ не на его сторонѣ, но воздержался; это было ему тѣмъ легче, что Зизи оказалась хорошенькою и было что прослѣдить глазами.

Дамы скрылись и путешествіе наблюдательнаго человѣка продолжалось.

— Присяжные, это такое зло...

Черезъ нѣсколько шаговъ:

— Напротивъ, институтъ присяжныхъ—апогей человѣческой совѣсти...

— Купилъ, это, онъ акціи «Вулкана», а «Надежды» продалъ, и на разницу...

— Приходитъ онъ, это, домой усталый, а она въ это время, жена-то... фить!

— Если бы еще купоны не были отрѣзаны, а то купоновъ слѣда нѣтъ, а вѣдь они металлическіе!

— Думаль-думаль—пить началъ, ну и пьетъ горькую...

— Поручикомъ семнадцатый годъ, вѣришь ли...

— Совсѣмъ ни на что не похоже, только и ставить, что свои пьесы... охъ, ужъ эти присяжные поставщики репертуара.

— Брррысь, негодная!..

Послѣдній возгласъ былъ произнесенъ какимъ-то оборванцемъ по адресу чудеснаго сенбернардскаго пса. Собака, повидимому, вовсе не привыкшая къ такому обращенію, съ достоинствомъ остановилась и глядѣла въ упоръ на оборванца, обозвавшаго ее негодною. Ей вовсе не хотѣлось исполнить сдѣланнаго ей предложенія; напротивъ того, она тихонько двинулась на своего оскорбителя, которому ничего другого не оставалось, какъ юркнуть въ сторону, что онъ и исполнилъ. Собака не удостоила его преслѣдованіемъ; она молчала и, такъ сказать, словъ по пустому не тратила.

Давка на улицѣ становилась все сильнѣе, идти свободно было не легко, приходилось то останавливаться, то лавировать. Выдалась такая минута, что въ ближайшей толпѣ разговоровъ не слышалось никакихъ.

Господинъ взглянулъ на лица.

Красиваго ни одного; нервныхъ, болѣзненныхъ много; умныхъ... вотъ умныхъ лицъ мало, очень мало...

«Да не оставляютъ ли эти люди,—подумалъ господинъ,—настоящихъ выраженій своихъ лицъ дома и, выйдя на улицу, стараются казаться не тѣмъ, что они есть въ дѣйствительности?»

Въ это время подлѣ тротуара раздался между экипажами какой-то рѣзкій, спланный трескъ. Колесо извозчичьихъ дро-

жекъ застряло въ подножкѣ дверецъ очень нарядной кареты.

— Чортъ, лѣшій!

— Самъ дьяволъ.

— Кнутомъ его...

— Попробуй—самъ кнутомъ получишь...

Движеніе экипажей должно было временно приостановиться. Подошли полицейскія власти.

— Покажи, дуракъ, номеръ!

— Ваше благородіе...

— Не своей держишь, дьяволъ!

— Позвольте вашу фамлію, — говоритъ полицейскій, вѣжливо обращаясь къ дамамъ, сидѣвшимъ въ каретѣ.

— Ils sont insolents ces gens-là! — слышится отъ одной изъ нихъ.

— Какъ изволите говорить?

Фамилія была, наконецъ, сообщена, колесо освободили, движеніе по улицѣ возобновилось.

Толкотня слишкомъ долгая вообще непріятна, и господинъ, наскучивъ толкотнею, своротилъ въ очень тихій сравнительно переулокъ, въ Кирпичный.

— Христа ради для праздника... — слышится справа отъ какой-то сѣрой фигуры.

Подбѣжали двое мальчишекъ.

— Баринъ, дай на хлѣбъ, со вчерашняго не ѣли...

Говоря это, одинъ изъ мальчишекъ, позабывъ должно-быть свой доводъ, будто они два дня не ѣли, грызъ огромную булку.

— Вишь, юродивый, на хлѣбъ проситъ—хлѣбъ жретъ! не давай ему, баринъ! — возгласилъ неожиданно другої мальчикъ, подбѣжавъ съ другой стороны: — дай мнѣ!

У этого мальчика въ рукахъ была колбаса...

Между ребятами завязалась немедленная потасовка;

булка откатилась на улицу, колбаса тоже; шапки свалились.

Въ это самое время изъ скромнаго, невзрачнаго подъѣзда, составлявшаго боковой входъ въ ресторанъ, вышла подъ полуувалью нарядная барыня.

— Vous direz à mon mari de mes nouvelles n'est-ce pas?!—громко проговорила она, обращаясь къ кому-то, стоявшему за дверью. Замѣтивъ близость незнакомаго ей человѣка, женщина вдругъ замолчала.

Лица того человѣка, которому говорила барыня, стоявшаго въ дверяхъ, не было видно, но это былъ офицеръ, онъ что-то сказалъ ей.

— J'm'en fiche!..—отвѣтила неожиданно барыня, махнувъ ручкой, и направилась далѣе.

«И это, подумаешь, бѣлымъ днемъ?—соображалъ господинъ, увидѣвъ эту быструю, характерную сцену.—А что же вечеромъ... ночью... когда есть основаніе полагать, что никто не видитъ и никто не слышитъ?»

Вѣдь это были тоже слова на улицѣ, пустыя слова!

— Беррегисъ!—вдругъ завопилъ у него надъ самымъ ухомъ голосъ, чрезвычайно схожіи съ тѣмъ, который онъ слыхалъ, выйдя на прогулку.

На этотъ разъ возгласъ шелъ съ высокихъ козелъ роскошнаго ландо. Господину почему-то казалось, что вслѣдъ за тѣмъ раздастся въ дополненіе, какъ это было утромъ, слово: «осторожнѣе»! Но этого умнаго слова «осторожнѣе»! никто не произносилъ...

Темнѣло, и на Невскомъ вспыхнули электрическіе фонари...

ВЪ ПЫЛУ ВОЯ.

Не первый годъ шла великая война... Оскудѣли поля, поникли города; по избитымъ войсками и обозами путямъ высились больницы и горѣвшіе въ нихъ огни тускло свѣтили въ темныя ночи. Свѣжіе, только-что наваленные повсюду холмы надъ тѣлами убитыхъ быстро осѣдали, бесчисленные, однообразные. Не было нигдѣ веселья; не было вѣтерка, не отягченнаго стономъ, а горячимъ слезамъ не было числа.

Много, много земель охватила война. Она была кровопролитная, ужасная. Обѣ стороны вѣрили въ правоту своего дѣла. Обѣ онѣ вышли въ бой напутствуемые молитвами, окропленные святою водою, осѣненные хоругвями, разгоряченные воззваніями; обѣ бились за хлѣбъ насущный, за честь, за свою родину. Обѣ были правы!

Можетъ-быть, и таилась гдѣ-нибудь неправда со стороны правителей, но она оставалась такъ ловко скрыта, такъ обойдена, такъ закутана въ разные противорѣчивые государственные договоры, международныя постановленія, съезды, клятвенныя и другія обѣщанія, что добратся до нея не было никакой возможности.

И шла война, шла не первый годъ.

И насталь день одного великаго сраженія.

Необозримыя пространства заняли войска; цѣлыя рѣки бѣжали между боевыми линіями; многое множество селъ и городовъ служили опорными пунктами. Ангелу смерти приходилось хоть разорваться на части. Много разъ восходило солнце и опускалось, а люди все бились ожесточенно, безжалостно. Казалось, убитые возставали, чтобы возобновлять ряды бойцовъ, такъ ихъ было много, такъ они легко возобновлялись.

Всѣ они бились за правду!

Въ одномъ изъ маленькихъ уголковъ великаго боя, въ небольшомъ, уже разрушенномъ селѣ, высилась сохранившаяся какимъ-то чудомъ церковь. Въ церкви былъ органъ. Село безсчетное число разъ переходило изъ рукъ въ руки противниковъ.

Выдалась такая удивительная минута,—это случилось въ самый полдень яснаго, жаркаго дня, — что подлѣ церкви установилось какъ бы молчаніе: главная свалка отошла въ это время за нѣсколько верстъ въ сторону.

Усталые, запыленные, съ потеряннымъ сознаніемъ, стали входить въ прохладу высокихъ стѣнъ церкви бойцы съ обѣихъ сторонъ. Входили потихоньку, одинъ за другимъ, изъ противоположныхъ дверей, какъ бы крадучись и боясь себя, люди вражды и убійства, всѣ бывшіеся за правду, всѣ исполнявшіе свой долгъ. Разнообразные мундиры враждебныхъ войскъ размѣстились по обѣимъ сторонамъ церкви.

Церковь молчала, но въ ней было прохладно, тихо. Не имѣлось на-лицо служителя алтаря, но входившіе въ церковь оказались такъ утомлены, такъ жаждали покоя, что размѣстились другъ подлѣ друга безмолвно, кротко, точно никогда не враждовали.

Тутъ были люди разныхъ вѣръ, но всѣмъ имъ одинаково хотѣлось отдохновенія; безмолвная святыня умиротворяла

ихъ. Что - то безконечно - кроткое, величавое, времени и мѣста не знающее очаровывало входящихъ. Большинство стало на колѣни и молплось.

Глядѣль на эту безмолвную картину съ высоты хоровъ испуганный органщикъ. Случайно тронулъ онъ клавишъ органа, тронулъ другой; взялъ аккордъ, заигралъ...

О. какъ упоительно разливалась по душамъ вошедшихъ въ церковь эта тихая музыка! Какъ обвѣвала она и баюкала воспоминаніями мпновавшаго дѣтства и любви домашняго очага. У всякаго поднимались въ душѣ — своя церковь, свой Богъ, своя любовь... Органщикъ зналъ свое дѣло и игралъ хорошо.

Вдругъ раздался гдѣ-то далеко призывный рожокъ. Прошло очарованіе! Люди, точно устыдившись себя, стремглавъ бросились въ противоположныя двери, наваливая одни на другихъ, всѣ къ своимъ войскамъ. Загудѣль снова бой, страшнѣе прежняго, и зарокотали подвезенныя близѣхонько орудія. Не прошло и пяти минутъ, какъ внеслись въ разтворенныя двери храма какіе-то не удержавшіе коней своихъ всадники; качнулись своды церкви, рухнулъ органъ и задавилъ подъ собою органщика...

Къ вечеру не оставалось слѣда отъ самой церкви и отъ всего того, что въ ней случилось, потому что обѣ стороны дрались за правду, гибли за нее и, все-таки, не знали, гдѣ ее найти...

НАХОДКА.

Черное море въ ту ночь, о которой идетъ рѣчь, обидѣвшись своимъ названіемъ, доказывало, что оно, при участіи луны, обладаетъ удивительною способностью щеголять всѣми переливами аквамариновъ и изумрудовъ. Луна всходила полная, но она еще не глянула на южный берегъ пзъ-за Яйлы, а свѣтила по ту сторону, на Байдарскую долину, на Бахчисарай съ его ханскими гробницами и на мертвый городъ Чуфуть-Кале.

Ночь выдалась теплая, тихая; ни одна волна не плескалась, ни одна струя воздуха не шевелилась; все и вся въ этой восхитительной дремотѣ, въ полномъ равновѣсіи, безъ всякой борьбы, безъ исканія лучшаго, было довольно своимъ положеніемъ, довольно собою и всѣмъ окружающимъ и, по мѣрѣ силъ, способствовало тихому царству зеленыхъ и аквамаринныхъ тѣней и очертаній. Наступило время цвѣтенія винограда, и если бы кто вздумалъ отправиться отъ берега въ лодкѣ, то ему пришлось бы ѣхать очень далеко, чтобы выйти пзъ сильнаго запаха этого цвѣтенія, тянувшаго отъ виноградниковъ на море: будущее, еще не родившееся на свѣтъ, вино уже давало знать о себѣ — опьяняя! Зеленѣло море, зеленѣло небо; темные айланты, пинія, маг-

ноли и кипарисы прибрежныхъ садовъ, крутые поднебесные утесы Яйлы, округленныя глыбы поверженныхъ въ море гранитовъ, даже звѣзды небесныя,—все это было покрыто дымкою аквамаринной зелени.

Пройдетъ еще очень немного времени, выкатится изъ-за Яйлы луна, громадная тѣнь горнаго хребта, налегшая на море, точно суживается, подбирается; глянетъ луна, посеребрить зелень ночи и все испортить.

Отъ берега только-что отчалила лодка; должно-быть, какой-нибудь мечтатель—ихъ вездѣ много. Лодка идетъ прямо въ море; весла ударяютъ мѣрно, ровно. и сбѣгающія съ нихъ капли, и поднимаемые лодкою борозды воды,—все это хотя и замѣтно въ полусвѣтѣ, но не блещетъ, не искрится: луна еще не глянула—она за Яйлою. На всемъ неоглядномъ пространствѣ видимаго моря, какъ и на берегу, ничто не выдѣляется своею самостоятельностью и не нарушаетъ общаго, блаженнаго еднѣнія въ колыбаніи таинственныхъ тѣней!

Куда ѣхать гребцу? все равно, вездѣ одинаково хорошо; отплывъ съ версту, онъ остановился и опустилъ весла, чтобы смотрѣть на то, какъ выйдетъ изъ-за зубцовъ Яйлы луна.

Вдругъ, впереди, не очень далеко отъ лодки, обозначилась, надъ самою водою, зеленоватая искорка. Значитъ, тамъ, гдѣ искорка—уже блещетъ луна. Но что, или кто именно заявилъ такъ послѣшно, такъ неожиданно о своей самостоятельности и нежеланіи оставаться бархатистою зеленою тѣнью между другихъ тѣней? Кто не довольствуется мягкостью аквамаринныхъ красокъ и тоновъ мирно дремлющей ночи?

Весла на воду! Еще нѣсколько ударовъ—и искорка находитъ подлѣ самой лодки, маленькая, это правда, но все-таки искорка. Что бы это могло быть? Искорка мгновенно

погасла, потому что лодка покрыла ее своею быстро надвинувшеюся тѣнью. Гребецъ ухватилъ рукою, на ходу, еще непонятный ему предметъ и лодка сильно покачнулась. Глубина тутъ неизмѣримая, вода прохладна. Чтѣ, если бы вдругъ, по неосторожности...

Въ рукѣ гребца очутилась довольно крупная щепа и на ней огромная береговая улитка, съ кулакѣ ребенка величиною. Это она такъ дерзко блеснула верхнимъ краемъ своей прочной, слонстой витушки, блеснула совѣтъ неподходящею ей окраской электрическаго огонька.

Неподходящею? почему же неподходящею? И отчего, какимъ путемъ, она, улитка, это вялое, безотвѣтное земноводное, выросшее въ неподвижности береговыхъ камней, привыкшее ползать по кремнистому, горячему щебню виноградниковъ, почему она тутъ, на этой прохладной влагѣ, на щепѣ! Чтѣ сдѣлало изъ нея смѣлаго мореплавателя? Ужъ не любопытство ли? какое-нибудь смѣлое, но неудачное похождение? И какъ же цѣпко держится она за щепу, какъ прпсосалась къ ней! Да, да, здѣсь на-лицо имѣются, несомнѣнно, какая-то драма, а можетъ-быть комедія, послѣдствіе роковой или легковѣрной ошибки или неосторожности, источниковъ всѣхъ столкновеній на землѣ: на улиткѣ горѣло прелестное, обманчивое сіяніе зеленоватаго огня.

Спасеніе улитки мореплавателемъ было предопредѣлено, точно такъ же, какъ предопредѣлена всякая развязка въ драмѣ или комедіи: гребецъ взялъ ее съ собою на берегъ. Гребецъ, въ данномъ случаѣ, явился въ роли судьбы: случайный, неожиданный, никакимъ расчетамъ не поддающийся, самъ въ себѣ не властный, но, тѣмъ не менѣе, все-сильный, непрощенный и непреодолимый.

Не успѣла лодка, на которую забрали улитку на щепѣ, повернуться носомъ къ берегу. какъ изъ-за Яйлы выкатилась полная луна.

Мириады мириадъ, тьма отъ темъ зеленовато-серебристыхъ искръ, точно такихъ, какъ та, чтò сіяла одинокою на улткѣ, сразу посыпались на зеленныя волны моря и налегли на него широкимъ столбомъ. Засеребрились струи, поднимаемая лодкою, алмазными искрами посыпались капли съ веселъ. Каждая изъ этихъ искръ, если бы только случай, могла бы засвѣтиться въ какой-нибудь драмѣ или комедіи жизни. Да чтò—искры? не только ихъ, но и самыхъ лунныхъ столбовъ не счесть, такъ ихъ много, потому что сколько бы ни шло лодочекъ, сколько бы ни имѣлось на лицо гребцовъ, всякій изъ нихъ двигался бы по своему собственному, имъ видимому, для него опрокинутому на море столбу, хотя, на самомъ дѣлѣ, ни одного изъ этихъ лунныхъ столбовъ не существовало.

Нашъ мореплаватель направился къ берегу по одному изъ этихъ несуществующихъ столбовъ. Ночь была восхитительная и на душѣ у него было какъ-то особенно легко: онъ спасъ отъ несомнѣнной смерти—ультку.

ВЪ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ.

Троїка, съ калмыкомъ на облучкѣ тарантаса, быстро двигается степью между Волгою и Дономъ. Зарево ярко-краснаго вечера охватило всю ширь и, казалось бы, что всякое понятіе о соотношеніяхъ и размѣрахъ тонуло въ этомъ властительномъ молчаніи красной степи и въ полымъ вечернимъ огней, если бы не мѣрное побрякиваніе колесъ тарантаса, если бы не разстоянія между отдѣльными облачками краснаго золота, остановившимися въ небѣ, со страха идти дальше въ адски пылающей закатъ; кому хочется тонуть, да еще въ пламени?

Невыротно душно; мучаетъ жажда; приходится, въ который уже разъ, открыть длинный кувшинъ съ кумысомъ, лежащій въ тарантасѣ, въ сѣнѣ, въ ногахъ путника; въ кумысѣ этомъ, навѣрное, градусовъ двадцать тепла, но онъ кажется такимъ прохладнымъ; живая игра шипучихъ струй его, въ этомъ пропаленномъ мертвомъ молчаніи степи, много способствуетъ обману впечатлѣнія. Пьешь и прославляешь степныхъ кобылицъ.

Что только имѣлось въ запасѣ у солнца красныхъ огней— все было зажжено, все. И никогда не достигали, не могли

достигнуть даже приблизительно этой золотистой красноты степного вечера всѣ пышнѣйшія краски земныя, отъ временъ финикійскихъ пурпуровъ, украшавшихъ древнихъ, нынѣ умершихъ, куда-то разсыпавшихся, царствъ Востока, до внутреннихъ, теремныхъ палатъ московскихъ царей, наводненныхъ золотомъ тяжелой парчи, фигурчатыхъ поставцовъ, пылающихъ божницъ и сіяніемъ рубиновъ и розовыхъ алмазовъ. Не могли они достигнуть этого потому, что съ красками то же, что и со звуками въ отзвѣдахъ души человѣческой:

«И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли»

Но въ этомъ безмолвномъ пожарѣ вечера одна точка горитъ на малиновой степи сильнѣе всего; это, впрочемъ, только такъ кажется, что точка эта горитъ ярче огней небесныхъ, кажется потому, что она земная, наша, близка и родственна намъ. Точка эта неподвижна.

— Что это тамъ такое, ямщикъ?

Широкоскулый калмыкъ безмолвно оборачивается.

— Вонъ, тамъ, видишь?

Калмыкъ протягиваетъ кнутъ по направленію къ свѣтящейся точкѣ, ему указываемой, какъ будто понимая что - то.

— Ну, да, да! что это?

Калмыкъ, кивнувъ головою, отворачивается и стегаетъ по лошадямъ.

— Туда мы ѣдемъ или нѣтъ?

Калмыкъ опять киваетъ головою, но уже не оборачиваясь. Пламенная точка близится, потому что тройка направляется прямо на нее. Такъ какъ дорогъ въ степи нѣтъ, то вся степь дорога. Замѣтно, однако, что колеса тарантаса по-

хрустываютъ какъ-то сильнѣе, чѣмъ прежде, какъ будто въ этомъ мѣстѣ посохшаго ковыля и мертвой полыни больше, какъ будто это мѣсто понпже и весною сырость держится здѣсь дольше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; къ концу лѣта и оно опалено, мертво.

Тройка бѣжить дружно, но желательно доѣхать скорѣе, потому что вотъ-вотъ погаснетъ этотъ свѣтъ лучезарно-малпновой искры: кажется, будто нѣкая блѣдность уже скаывается въ немъ и причастность къ жизни ухсдить, заволакивается, погасаетъ. Потянуло первую прохладую; отъ солнца, поверхъ земли, виденъ только верхъ круга.

— Стой!

Тройка остановилась, п въ это самое мгновеніе налегла на степь, на все, чтò близко, на все, чтò далеко, голубоватая тѣнь. Степь погасала.

Подлѣ тарантаса—могила. Чья? на ней ни креста, ни чалмы, ни одинаго признака личности. Надо, однако, обойти ее кругомъ. Точно! это гробница, удлиненная, въ полроста человѣческаго вышиною, длиною болѣе обыкновеннаго роста, не сложенная, а смазанная изъ какого-то густого раствора, въ родѣ штукатурки, мѣстами облупившейся. Поверхность ея не забыли щедро выбѣлить, п эти-то бѣлила горѣли такъ ярко въ полымѣ только-что закатившагося солнца. Открытая всѣмъ вѣтрамъ, гробница служить временнымъ пристанищемъ наносимыхъ на нее отовсюду посохшихъ перекалп-поле, ковыля, полыни п другихъ солончаковыхъ. Всѣ эти мертвыя травы облегли основаніе ея, сплелись, спутались, окружили вѣнкомъ такъ плотно, что ихъ и ногою не раскидаешь. Приголубили, значить, почтили, увѣнчали! Кого? пмени на гробницѣ все-таки нѣтъ.

Что-то юркнуло въ стебляхъ мертваго сухого вѣнка, окружавшаго гробницу, и зашелестило въ немъ. Должно-

быть землеройка, вонъ ихъ нѣсколько видно по сторонамъ. Прыткіе звѣрки, нѣчто въ родѣ хорька, ласки или суслика, повывскакали съ закатомъ солнца изъ норокъ, сѣли на заднія лапки, словно высматриваютъ что-то, прихорашиваются; это своего рода кокетство.

Какъ египетскій фараонъ на сѣдалищѣ, сидитъ калмыкъ на облучкѣ тарантаса неподвижно.

— Чья это могила?

Опять безмолвный кивокъ.

— Нойонъ, что ли, князь? Зайсангъ—духовное лицо?

Калмыкъ, въ знакъ согласія, киваетъ головою.

— Да ты по-русски не говоришь, что ли?

— Говору!

— Ну, такъ кто же тутъ лежитъ? чья могила?

Калмыкъ оставался попрежнему безмолвнымъ; свернувъ немного на сторону шапку, почесалъ онъ въ головѣ, а потомъ сталъ поправлять кнутомъ сбрую коренного.

Степь тѣмъ временемъ посинѣла; въ небѣ глянули огни, а землеройки, кончивъ высматриваніе степи, забѣгали кругомъ едва замѣтныя, сообщая полумраку не то мерцаніе, не то миганіе, скорѣе какую-то суетливую бѣготню какихъ-то сѣрыхъ, беспокойныхъ точекъ.

Чего же хотѣли, однако, люди, воздвигая, смазывая и обѣляя эту безымянную гробницу? Кто въ ней, безмолвный и безличный, вступилъ въ сумасшедшую борьбу съ забвеніемъ? Бороться съ забвеніемъ, не имѣя имени—что за безуміе! впрочемъ, такъ же безумны были и Римъ, и Пальмира, только тамъ имѣется хоть имя, а тутъ ничего, ничего! что же желали сохранить, кто, для кого и кому, и за что? бороться противъ забвенія!

Отъ багроваго заката въ небѣ и пожара въ степи не

оставалось болѣе и помпну; ночь вступила сразу во всѣ свои права, въ воздухѣ быстро холодѣло, и кувшинъ съ кумысомъ, который пришлось продвинуть въ сѣнѣ, къ ямщику, впередъ, для того, чтобы помѣститься въ тарантасѣ удобнѣе, казался на-ощупь чрезвычайно теплымъ; въ этомъ сказывалось несомнѣнное воспоминаніе только-что отгорѣваго, горячаго дня. Погасшій день еще не совсѣмъ отошелъ въ забвеніе и чувствовался въ теплѣ кумыса.

ПОДРАЖАНІЯ.

Капитанъ Немо въ Россіи. (Глава изъ Жюль Верна, никѣмъ и нигдѣ не напечатанная.)— Недавно найденная глава Донъ-Кихота.—

Сказка тысяча второй ночи.

КАПИТАНЪ НЕМО ВЪ РОССИИ.

(Глава изъ Жюль Верна, никѣмъ и нигдѣ не напечатанная.)

I.

Капитанъ Немо сидѣлъ угрюмъ и задумчивъ въ углу своего плавающего кабинета. «Наутилусъ» шелъ въ это время на глубинѣ 2,000 метровъ по проливу Маточкинъ Шаръ; онъ избѣгалъ подниматься выше, потому что, вотъ уже не первый день, надъ головою его Сѣверный океанъ бушевалъ жестоко. Еще недавно, въ глазахъ Немо, опустилось на дно океана какое-то трехмачтовое судно, не выдержавшее бури; это случилось ему видѣть нерѣдко изъ-за громаднаго стекляннаго глаза «Наутилуса», свѣтившаго въ водную тьму своимъ электрическимъ свѣтомъ. Хотя «Наутилусъ», вооруженный всѣми рѣшительно приборами для предсказанія, предупрежденія, отклоненія и, наконецъ, полного отвращенія опасностей, не особенно боялся ихъ, но капитанъ былъ все-таки остороженъ и не отваживался на неизвѣстное. Какъ ни могуча наука, какъ ни точны цифры, но нѣкоторая доля сомнѣнія должна быть оставляема всегда и во всемъ: а ну какъ ошибку дать?

Цѣль путешествія «Наутилуса» на этотъ разъ была очень своеобразна. Еще будучи въ Гамбургѣ, въ послѣднее свое посѣщеніе, капитанъ прочелъ въ газетахъ о какомъ-то уди-

вительномъ человѣкѣ, ученомъ сверхъ мѣры, убѣжавшемъ отъ свѣта и поселившемся на одномъ изъ дикихъ маленькихъ полуострововъ русскаго сѣвероокеанскаго побережья, не вдали отъ пролива Маточкинъ Шаръ. Въ гамбургскихъ газетахъ сообщалось, что этотъ ученый, по имени Фицъ-Рой, имѣетъ на полуостровкѣ почти въ родѣ своей обсерваторіи, свой физическій кабинетъ, химическую лабораторію и всѣ нужные къ нимъ приборы и аппараты; что, кромѣ жены Фицъ-Роя и находящагося въ услуженіи его какого-то русскаго помора и еще одного семейнаго дикаря, подлѣ него нѣтъ другихъ людей; что все, все рѣшительно добываетъ онъ тамъ своими личными средствами, что машины его исполняютъ всѣ обязанности полей, парниковъ, чуть ли не пастуховъ и молочницъ, доставляютъ ему всякую пищу и шьютъ платья, что фрукты созрѣваютъ у него искусственно, что ураганы, проносящіеся надъ нимъ, даютъ ему живую силу, гораздо большую, чѣмъ сила Ниагарскаго водопада, и что даже краткія сѣверныя сіянія—и тѣ подвергаются непосредственной концентраціи и развиваютъ свою магнитную силу для службы Фицъ-Роя, когда ему это нужно. Сообщали газеты также и о томъ, что онъ очень гостепріименъ, радъ посѣщеніямъ, которыхъ, однако, почти не бываетъ, потому что отыскать его трудно, потому что на лодкѣ къ острову не подплыть, а въ экипажѣ не подъѣхать.

Все это плѣнило болѣзненную фантазію капитана Немо; онъ рассчитывалъ встрѣтить въ Фицъ-Рой человѣка подобнаго ему, съ нимъ вполне схожаго по учености, съ тою, однако, разницею, что онъ, Немо, чудодѣй на морѣ, а тотъ, Фицъ-Рой, такой же на сушѣ.

По расчетамъ капитана Немо, «Наутилусъ» долженъ былъ находиться очень не далеко отъ цѣли своего путешествія. Чтобы точнѣе опредѣлить положеніе судна, капитанъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ столу, на которомъ лежала карта

сѣвернаго побережья Россіи. Три дня тому назадъ «Наутилусъ» находился у Соловецкихъ острововъ, на мѣстѣ послѣдней стоянки, и на этомъ мѣстѣ карты виднѣлась неподвижная красная точка, обозначавшая положеніе «Наутилуса». Особая система приборовъ обуславливала то, что, при желаніи Нѣмо, красная точка эта могла бѣжать или бѣжала по картѣ точь-въ-точь по тому пути, по которому шелъ «Наутилусъ»; но если Нѣмо не хотѣлъ этого, то точка оставалась неподвижно на мѣстѣ послѣдней остановки и только при желаніи его пробѣгала по картѣ именно тѣмъ же путемъ, по которому уже прошелъ «Наутилусъ» до той минуты, когда обратились къ прибору.

Подойдя къ столу, капитанъ прикоснулся къ одной изъ многочисленныхъ кнопокъ, торчавшихъ подлѣ стола на стѣнѣ, и красная точка мгновенно побѣжала по картѣ именно такъ, какъ прошелъ «Наутилусъ», отъ Соловецкихъ острововъ до Маточкина Шара; тутъ красная точка остановилась между островками, упершись въ черту, потому что карты больше не имѣлось. Необходима была большая осторожность.

Капитанъ нажалъ другую кнопку, и «Наутилусъ» мгновенно остановился. Никакого содроганія отъ мгновенной остановки не произошло, благодаря особому приспособленію для обратнаго хода, нейтрализующему энергію двигательной силы.

— Такъ вотъ мы гдѣ! — проговорилъ тихонько капитанъ.—Островковъ и мысковъ видимо-невидимо, но на которомъ же изъ нихъ обрѣтается Фицъ-Рой?

Согласно желанію капитана, «Наутилусъ», остановившійся на глубинѣ 2,000 метровъ, началъ медленно подниматься къ поверхности океана. При освѣщеніи снопами электрическаго свѣта, которые были направлены во всѣ стороны, не трудно было убѣдиться въ вулканическомъ происхожде-

ніи подводныхъ частей побережья; испуганные неожиданнымъ свѣтомъ, киты, дельфины, акулы и прочіе болѣе мелкіе обитатели глубины морской были потревожены чуть ли не впервые и сторонились отъ всплывавшаго невиданнаго ими гостя—кто медленно, неуклюже-тяжело, а кто съ юркостію и быстротою невѣроятною.

Такъ какъ дѣло происходило лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, то было очень свѣтло и днемъ, и ночью. «Наутилусъ», пока подъ рукою Нѣмо имѣлись морскія карты, двигался безстрашно, но, когда онъ достигъ мѣстъ, не подвергавшихся точной съемкѣ и красная точка остановилась, движеніе стало затруднительно и опасно. Въ одной изъ многочисленныхъ, окруженныхъ темными скалами, бухтъ Нѣмо рѣшилъ остановиться; онъ заштопорилъ машину, и «Наутилусъ», какъ сказано, началъ подниматься.

Минутъ пять спустя. одинъ изъ приборовъ воздушнаго давленія показалъ, что поверхность воды очень близка, а гармоническій звонъ верхней части обнажавшагося, т. е. выходившаго на воздухъ, «Наутилуса» подтвердилъ это; этотъ звонъ былъ однимъ изъ послѣднихъ усовершенствованій на «Наутилусѣ».

Капитанъ вышелъ на поверхность своего мѣднаго коня сквозь люкъ. Утро было восхитительное. Виды скалистыхъ островковъ, безъ всякой растительности, окружавшихъ неподвижно стоявшій «Наутилусъ», смотрѣли дико, пугали своею пустынною; міриады всякой морской птицы носились надъ нимъ, перелетая со скалы на скалу, и кричали какимъ-то совсѣмъ особымъ голосомъ.

«Если,—думалось капитану Нѣмо, стоявшему на «Наутилусѣ» и глядѣвшему въ подзорную трубку,—Фицъ-Рой дѣйствительно ученый человѣкъ, то это мы сейчасъ узнаемъ; онъ, можетъ-быть, уже извѣщенъ о моемъ приѣздѣ; надо только соединиться съ матерью-землею».

Давъ самый тихій ходъ «Наутилусу», капитанъ направилъ носъ его къ одной изъ ближайшихъ скалъ п такимъ образомъ вошелъ въ прямое соединеніе, т. е. въ «контактъ», съ сушею, вслѣдствіе чего пользованіе предназначенными для этой цѣли аппаратами сдѣлалось вполнѣ возможнымъ, такъ какъ Немо давно уже имѣлъ все нужное для переговоровъ на дальнія пространства безъ посредства какихъ бы то ни было проводовъ.

«Но по какому же, однако, направленію буду я говорить?—задалъ себѣ капитанъ вопросъ,—и какое между мною и Фицъ-Роемъ можетъ быть разстояніе? Надо предпринять изслѣдованіе по кругу, и одинъ изъ радіусовъ непременно дастъ мнѣ искомое.

Не успѣлъ капитанъ подумать о сказанномъ, какъ услышалъ очень ясно донесшійся до него голосъ неизвѣстнаго лица, произносившаго прекрасную англійскую рѣчь:

— Добро пожаловать!—говорилъ голосъ.—Если вы направляетесь ко мнѣ, то вамъ придется немного измѣнить свой курсъ.

— Вы, можетъ-быть, господинъ Фицъ-Рой? — спросилъ Немо, приставивъ къ уху одну изъ находившихся подъ рукою его трубокъ.

— Да, да, я Фицъ-Рой.—отвѣтилъ голосъ,—а съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить я?—добавилъ онъ отъ себя;—ужъ не со знаменитымъ ли капитаномъ Немо?

— Да, да, я капитанъ Немо, владѣлецъ «Наутилуса»,—отвѣтилъ онъ; самолюбіе его было сильно польщено послѣдними словами Фицъ-Роя.

— Ахъ, очень, очень радъ! — возгласилъ Фицъ-Рой — Давно хотѣлъ я съ вами познакомиться, давно. Смотрю я на васъ,—продолжалъ голосъ,—и не вѣрю глазамъ своимъ? Ваши портреты вовсе не похожи на васъ.

— А вы развѣ видите меня? —спросилъ удивленный ка-

питанъ; — сколько миль отдѣляетъ насъ другъ отъ друга?

— Между нами двадцать пять миль, а васъ я, копечно, отлично вижу, въ Эдиссоновскій приборъ вижу; а развѣ у васъ нѣтъ его?

Капитану Немо стало вдругъ какъ-то очень совѣстно: впервые довелось ему уступить въ первенствѣ человѣку, болѣе ученому, болѣе свѣдущему, чѣмъ онъ; въ немъ шевельнулись всѣ его злые инстинкты, и только-что наслаждавшееся самолюбіе было оскорблено.

— Былъ у меня этотъ приборъ, да потерялъ въ пути,— отвѣтилъ Немо.

— Жаль, очень жаль! Но мы скоро увидимся лично. Я знаю съ точностью мѣсто, на которомъ вы остановились. Вашъ путь ко мнѣ слѣдующій: отойдите отъ берега на сто сажень въ направленіи къ NNO, затѣмъ поверните носъ вашего «Наутилуса» на два съ половиною градуса къ NO и направляйтесь самымъ малымъ ходомъ къ береговой толщѣ. При скорости хода 30 узловъ въ часъ, вы черезъ 25½ минутъ войдете въ узкій проливъ, достаточно широкий, однако, и совершенно прямой; 8 минутъ спустя заштопорьте машину, потому что въ томъ мѣстѣ существуетъ сильное теченіе и васъ понесетъ въ сторону; черезъ часъ пути вы увидите на берегу мое обиталище и меня самого. До скорого свиданья? не повторить ли вамъ сказаннаго мною?—спросилъ Фицъ-Рой.

— О, нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣтилъ Немо съ нѣкоторою даже гордостью: — ваши слова уже записаны и я исполню ихъ въ точности.

Голосъ замолчалъ.

Немедленно вслѣдъ за этимъ «Наутилусъ», успѣвшій немного обсохнуть, сталъ опять качиваться океанскою волною. Немо исполнилъ въ точности сказанное Фицъ-Роемъ.

Именно на далекомъ сѣверѣ, въ необслѣдованныхъ рус-

скихъ водахъ, сказалося для капитана Немо нѣкоторое неудобство, котораго онъ, несмотря на всю свою проникаемость, все-таки не предусмотрѣлъ: люкъ, служившій сообщеніемъ внутренности сказочнаго «Наутилуса» съ вѣшнимъ міромъ, оказался немного узкимъ, во вниманіе къ теплomu одѣянію, которое Немо долженъ былъ навьючить на себя, такъ какъ температура, несмотря на іюнь мѣсяцъ, не превышала семи градусовъ, а вѣтеръ пронизывалъ довольно рѣзкій. Немо, не привыкшему къ этому, пришлось одѣть даже шапку съ наушниками и мѣховыя рукавицы.

«Наутилусъ» остановился у цѣли своего плаванія. Высокія черныя скалы, окружавшія со всѣхъ сторонъ глубокую, какъ бы озеро, бухту, въ которой Немо находился, и весь пейзажъ, несмотря на солнце, показались ему траурными. Вдоль отвѣсныхъ расщелинъ скалъ бѣлѣли кое-гдѣ длинныя полосы дѣвственнаго снѣга, и хотя подлѣ нихъ бокъ-о-бокъ, озаряемые полуденнымъ солнцемъ, зеленѣли яркіе мхи, тѣмъ не менѣе, въ общемъ видѣ мрачныхъ скалъ подавлялъ собою. Невѣроятное количество всякихъ чаекъ, гагаръ, утокъ, альбатросовъ, отъ бѣлыхъ до черныхъ включительно, рѣяли по воздуху и давали такой удивительный концертъ, какого Немо никогда и нигдѣ не слышалъ. Хотя глаза капитана были очень зорки и крѣпки, тѣмъ не менѣе, онъ вооружился зрительною трубкою. Заливъ, или озеро, былъ не великъ, и кое-гдѣ изъ темной океанской воды выкидывались дельфины. Въ одномъ изъ уголковъ этого холоднаго непригляднаго побережья виднѣлся на берегу большой косякъ грѣвшихся моржей. Голубое небо, хотя и безоблачное, смотрѣло все-таки блѣдно, очень блѣдно. На берегу, справа отъ «Наутилуса», виднѣлось какое-то какъ бы жильѣ или зданіе, а передъ нимъ, у края воды, стоялъ человѣкъ—вѣроятно, самъ Фицъ-Рой—въ ожиданіи рѣдкаго и дорогаго гостя.

— Бросьте якорь!—раздалось съ берега въ рупоръ;—я пришло за вами моего вѣстового!—крикнулъ Фицъ-Рой.

Не успѣла загрохотать цѣпь якоря, какъ Немо замѣтилъ, что отъ берега отдѣлилось какое-то небольшое темное тѣлце и быстро направилось къ «Наутилусу»; на этой пловучей сигарѣ или рыбѣ не видѣлось ни одного живого человѣка, но, несмотря на то, тѣлце шло съ точностью удивительною, перерѣзывая наискось волны, прямо на «Наутилусъ»; оно подошло къ нему и встало бортъ-о-бортъ, словно существо разумное и опытное. Немо не задумался тотчасъ перейти на сигару, сѣлъ на скамью и немедленно, влекомый неизвѣстною силою, направился къ берегу; въ самую мнуту прикосновенія къ землѣ у своеобразной сигары какъ будто сразу выросли колеса; она побѣжала по направленію къ Фицъ-Рою и остановилась въ одномъ шагѣ отъ него.

Два очень важныхъ и любопытныхъ человѣка, никогда не видѣвшіе другъ друга, встрѣтились за сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, въ царствѣ русскаго царя, и пожали другъ другу руку.

— Очень, очень радъ!—сказалъ Фицъ-Рой.

— И я не менѣе!—отвѣтилъ Немо.

Насколько Немо былъ замкнутъ, мраченъ, почти злобенъ своею внѣшностью, настолько же Фицъ-Рой являлся привѣтливымъ, свѣтлымъ и радушнымъ. Два величайшихъ ученыхъ міра, два властителя всѣхъ знаній человѣческихъ встрѣтились; каждый изъ нихъ былъ заинтересованъ въ новомъ знакомствѣ, и такъ какъ подобныя случайности происходятъ не часто, то оба они понимали значеніе этой встрѣчи.

Берегъ былъ, какъ сказано, пустыненъ, но одно изъ углубленій въ скалахъ и одна изъ самыхъ большихъ скалъ какъ бы обличали присутствіе человѣческаго жилья, чрезвычайно своеобразнаго и исключительнаго. Совершеннымъ особнякомъ стоялъ впередъ остального какой-то какъ бы

домъ, высѣченный въ скалѣ, несомнѣнно сорванной когда-то отъ вершины ближайшей скалы и улегшійся у подножія ея; прежнее мѣсто прикрѣпленія этой скалы обозначилось на скалѣ-матери широкимъ розоватымъ рубцомъ, тогда какъ вся остальная поверхность ея являлась черною.

Нѣмо, направлявшемуся къ жилью рядомъ съ хозяиномъ, стоило взглянуть на это, чтобы увидѣть воплощеніе труда и мысли почтеннаго Фицъ-Роя.

— А давно вы эту скалу оторвали и эту титаническую шуточку устроили, положивъ ее сюда?—спросилъ онъ Фицъ-Роя, указывая глазами на прежнее мѣсто скалы.

— Это мое первое обзаведеніе,—отвѣтилъ Фицъ-Рой.

— А сколько вольтовъ нужно было вамъ для этого сверженія?

— Право не помню, но помню очень хорошо, что вся трудность состояла не въ томъ, чтобы оторвать скалу, а въ томъ, чтобы заставить ее упасть такъ, какъ мнѣ хотѣлось: я желалъ непремѣнно, чтобы самою широкою плоскою стороною она упала къ морю и чтобы имѣть передъ будущими окнами видъ на него.

— И вы достигли цѣли?

— Я ошибся въ моемъ вычисленіи футовъ на пять, не больше, и совершенно имъ доволенъ; вы видите: лежитъ какъ ей приказано.

— Смѣлая вещь, смѣлая!—отвѣтилъ Нѣмо.

— Да, такого метательнаго маневра со скалою около 400,000 пудовъ вѣсу...—началъ-было Фпцъ-Рой, но капитанъ перебилъ его.

— А почему же вы на пуды, а не на тонны мѣрите?—спросилъ удивленный Нѣмо.

— Да вѣдь мы съ вами въ Россіи, капитанъ,—отвѣтилъ, улыбаясь, Фпцъ-Рой.—Ну, если хотите, я скажу 700 тоннъ!

Такъ видите ли: жена моя ужасно пугалась этого предстоявшаго маневра...

— А вы женаты?—спросилъ Немо, и черная туча, вѣчно висѣвшая надъ его бровями, стала еще чернѣе.

— А вотъ я васъ сейчасъ съ женою познакомлю,—отвѣтилъ хозяинъ.—Мэри, Мэри!—крикнулъ Фицъ-Рой, приближившись къ жилью.

Немедленно вслѣдъ за этимъ возгласомъ на порогъ входа въ скалу показалась молодая женщина лѣтъ тридцати, не дурная собою. Послѣдовало представленіе ей гостя.

— А вамъ бы закусить чего-нибудь, капитанъ Немо? — спросилъ хозяинъ.—Ты гдѣ же насъ угощать будешь: въ Африкѣ, что ли?

— Хорошо, можно и въ Африкѣ,—отвѣтила Мэри.

— Это мы съ нею,—объяснилъ хозяинъ,—Африкою нашу маленькую оранжерейку называемъ: въ ней у меня и кактусы, и пальмочки есть.

Фицъ-Рой понялъ, что слово Африка должно было удивить Немо и поэтому объяснилъ его.

Нѣсколько собачонокъ выбѣжали къ этому времени изъ дверей дома и весьма ласково обнюхали незнакомца.

— А это ваши сторожа?—спросилъ Немо.

— Да, это здѣшнія лайки, удивительныя тварь; но, собственно говоря, мнѣ сторожей не надо: я окруженъ электрическою изгородью.

— Да гдѣ же она у васъ?—спросилъ Немо.

— Ея не видно, но дѣйствіе ея вы можете увидѣть тотчасъ же, если хотите, на первой птицѣ, которая вздумаетъ пролетѣть. Эй, Бруть!—крикнулъ Фицъ-Рой.

Явился откуда-то сбоку, изъ помѣщенія въ матерой скалѣ, служитель, русскій поморъ.

— А на какой вышиной у насъ въ настоящую минуту нашъ заборъ?

— На десять сажень, господня, — отвѣтилъ Брутъ.

— Подними на 150.

— Слушаю-сь!

Брутъ повернулся и ушелъ для исполненія приказанія, а Фицъ-Рой объяснилъ, что на этой именно высотѣ, и отнюдь не выше, полетятъ сейчасъ встревоженные птицы и что опытъ будетъ сдѣланъ тотчасъ же. Вынувъ изъ-за пояса револьверъ, Фицъ-Рой выстрѣлилъ на воздухъ. Откуда ни возьмись, изъ сосѣднихъ скалъ поднялось невѣроятное множество испуганной птицы и бросилось вразсыпную. Большинство изъ нихъ отлетало далеко, но многія падали моментально на землю мертвыми, коснувшись на полетѣ какого-то незримаго смертоноснаго забора; мертвые, онѣ лежали на землѣ по шпрокому, правильно очерченному вѣкругъ поселенія, кругу.

Ипчему не удивлявшійся Нѣмо, привыкшій самъ удивлять всѣхъ и каждого, любовался видѣннымъ имъ зрѣлищемъ и даже какъ-то начиналъ злорадствовать. Онъ нашеть себѣ человѣка по плечу и гдѣ же — на крайнемъ Сѣверѣ, да еще въ Россіи.

— Ну-съ, любезный гость, по пути къ Аѳрицѣ покалуйте въ домъ мой и въ лабораторію; это все у меня подъ рукою, все въ миниатюрѣ.

— У васъ опять, пожалуй, гдѣ-нибудь, — сказалъ Нѣмо, — на электрическую защиту наткнешься?

— Мы примемъ мѣры, — отвѣтилъ Фицъ-Рой и немедленно нажать какую-то очень большую кнопку, мимо которой они проходили.

— Теперь, — сказалъ онъ, — все мое хозяйство обезоружено, и даже глупые пингвины могутъ напасть на меня и одолѣть... ха-ха-ха!

При томъ шпрокомъ просторѣ, который всегда царствуетъ на далекомъ сѣверѣ, на безконечномъ побережьи океана,

всякое сравненіе становится ошибочнымъ. Скала, оторван-
ная отъ матерой земли, показалась Нёмо гораздо меньшею
снаружи, чѣмъ внутри. Въ ней помѣщались три большія
комнаты и весьма просторная лабораторія. Внутренность
лабораторіи чрезвычайно напоминала внутренность «Паути-
луса», съ тою, однако, разницею, что она была гораздо бо-
гаче приборами и поражала своими размѣрами. Благодаря
яркому солнцу, лабораторія была залита обильнымъ свѣ-
томъ и блистала своими роскошными аппаратами.

— Вамъ, я думаю,—сказалъ Фицъ-Рой,—тутъ показывать
нечего—сами все знаете! Объ одной только вещи я бы
поговорилъ съ вами и поговорю, и даже, можетъ-быть, по-
прошу принять на память какъ новинку; а теперь пожа-
луйте въ оранжерею—должно-быть обѣдъ готовъ.

— Позвольте, позвольте,—перебилъ его Нёмо, завидѣвъ
Брута, молчаливо торчавшаго за однимъ изъ столиковъ,
провѣрившаго инструменты и вносящаго что-то въ табли-
цы.—Это вашъ помощникъ?

— Это мое все, весь мой живой рабочій инвентарь, кромѣ
жены,—отвѣтилъ Фицъ-Рой.

— Англичанинъ?

— Нѣтъ, русскій, и еще изъ простыхъ мужиковъ.

— Какъ такъ изъ мужиковъ?—воскликнулъ Нёмо.

— Да, онъ уроженецъ сосѣдняго Архангельска, удивительная
голова, способностей замѣчательныхъ, самородокъ
чпще золота, жаль только, что глуховатъ немного и глу-
хота эта усиливается.

— Какъ такъ! русскій и еще мужикъ?

— Да, да, что же вы удивляетесь, капитанъ. Тутъ, у
нихъ, народъ удивительный.

— Ну, ужъ!—отвѣтилъ сквозь зубы Нёмо,—царство мрака
и сальныхъ свѣчей—извините...

— Ахъ, какъ вы ошибаетесь, какъ вы ошибаетесь! —

отвѣтилъ Фицъ-Рой, добродушно покачавъ головою.—Однако, милости просимъ.

За лабораторіей помѣщалась оранжерея. Хотя она была и невелика, и невысока, но, тѣмъ не менѣе, глаза путника, привыкшаго на сѣверѣ къ блѣднымъ тонамъ красокъ, къ чахлой растительности мховъ, лишайевъ, карликовой сосны и березки, неожиданно встрѣчался съ очертаніями,—правда, очень небольшихъ — пальмъ и алоэ; нѣсколько вѣтвистыхъ въ воздушныхъ корзинахъ орхидей находилось въ полномъ цвѣту; бесѣдка изъ плетей стояла въ углу оранжереи, а въ ней былъ небольшой фонтанъ.

— Какъ, однако, у васъ тутъ хорошо! — воскликнулъ противъ своей воли Немо.

— Тутъ царство Мэри, а не мое,—отвѣтилъ Фицъ-Рой.

— Но сколько же мѣсяцевъ въ году приходится вамъ поддерживать электрическій свѣтъ зимою для этихъ растений?

— Около девяти мѣсяцевъ. Но, долженъ сказать вамъ, что есть только два опасныхъ момента въ жизни моей маленькой Африки—это время перехода отъ солнечнаго свѣта къ электрическому и наоборотъ; нѣкоторое преждевременное частичное обмраченіе сказывается при этомъ переходѣ всегда, и моя добрая Мэри бываетъ иногда въ отчаяніи.

— Милости просимъ, господа,—проговорила Мэри, подойдя къ гостю и мужу,—тѣмъ Богъ послать!

— Ужъ не русская ли и жена ваша, достопочтенный Фицъ-Рой?—спросилъ Немо.

— Да, русская.

— Какъ? и она? и какъ хорошо говорить по-англійски!—спросилъ удивленный Немо, оглядывая хозяйку съ ногъ до головы.

Хозяйка, припавъ на себя этотъ взглядъ, не могла удержаться отъ того, чтобы не улыбнуться самымъ добродушнымъ, отнюдь не обиднымъ, образомъ.

— Милости просимъ покушать, пожалуйста! — обратился Фипцъ-Рой къ капитану. Они усѣлись за столъ, въ виду невысокихъ пальмъ и алоэ, совсѣмъ позабывъ о близкомъ сосѣдствѣ къ нимъ сѣвернаго полюса.

II.

Наступилъ уже третій день пребыванія капитана Немо у Фипцъ-Роя. Это было воскресенье. За эти три дня переговорено было о всемъ рѣшительно, показано было обоюдно, конечно, все и вся. Разъ обѣдали на «Наутилусѣ». Тутъ превосходство погребка капитана, по сравненію съ погребкомъ Фипцъ-Роя, сказалось полностью. Но зато капитанъ не могъ угостить своего посѣтителя такими мѣстными диковинками, какъ Фипцъ-Рой. Съ особенною любовью показалъ Фипцъ-Рой своему гостю стадо своихъ оленей; ходили на охоту, причемъ Немо убилъ альбатроса, размахъ крыльевъ котораго имѣлъ больше сажени; интересны были парники и теплички, разведенные въ скалахъ, на полдень. Весьма и весьма практично устроены были машинное отдѣленіе и электрическіе аккумуляторы; стукъ отъ машины слышался днемъ и ночью. Очень велики были естественные запасы топлива, потому что нѣчто въ родѣ цѣлой горы, обнаженной бокомъ своимъ, виднѣлось шагахъ въ двухстахъ отъ самого жилья, и вся эта гора была антрацитовая.

При осмотрѣ этой замѣчательной горы Немо спросилъ Фипцъ-Роя:

— А скажите, пожалуйста, отчего пменно выбрали вы для вашего любопытнаго поселенія такую безконечную глушь, такой дальній сѣверъ и, наконецъ, такую дикую страну, какъ Россія?

— Милый мой гость, — отвѣтилъ Фипцъ-Рой, — у меня въ этомъ отношеніи совсѣмъ своеобразные взгляды. Во-первыхъ, я жаркаго пояса, экватора, тропиковъ не выношу;

пробовалъ я жить подъ тропиками и окружать себя искусственными льдами, но окончательно пзнывалъ. Грудь моя не особенно крѣпка, и если здѣсь, какъ вы видите, я имѣю полную возможность имѣть подъ рукою въ моей оранжереѣ кусочекъ Африки, то тамъ—при всѣхъ моихъ успліяхъ—кусочка полярнаго круга въ моемъ распоряженіи я имѣть не могъ.

— Да, да, — добавила Мэри. — онъ ужасно опускается, старѣетъ на югѣ: тепло не по немъ.

— Но вы уроженецъ Англіи?—спросилъ Немо.

— Нѣтъ, я австраліецъ, изъ Поваго Южнаго Валлиса. На первый вашъ вопросъ о выборѣ дальняго сѣвера я отвѣтилъ, теперь отвѣчу на второй: развѣ для человѣка съ головой и сердцемъ и въ извѣстныхъ лѣтахъ еще можетъ существовать гдѣ-либо глушь? Отъ него самого записать населить эту глушь всѣми созданіями своего труда, знаній, опыта, къ его услугамъ фантазія, воображеніе и, наконецъ, неисчерпаемый міръ воспоминаній. Укажите мнѣ, капитанъ, мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ у меня не будетъ всего только-что мною перечисленнаго, и тогда я согласусь съ вами, что существуетъ на свѣтѣ глушь и что я въ глуши!

— Я понимаю цѣну одиночества, — возразилъ Немо, — но я не понимаю вашего сидѣнія на мѣстѣ, обуславливающего вѣчное одно и то же—это скучно!

— А мы слова «скучно» не понимаемъ, — вставила отъ себя Мэри.

— Счастливая!—замѣтилъ Немо.

— Нѣтъ, я не счастливая, — возразила она: — у меня нѣтъ дѣтей.

— Да, это и моя невзгода, — прибавилъ Фипцъ-Рой, — но что же прикажете—на то воля Божья!

— Божья?—рѣзко спросилъ Немо, взглянувъ на Фипцъ-Роя.

— А то какъ же —отвѣтилъ хозяинъ.

Нѣкоторое молчаніе слѣдовало за этими словамъ: на этой почвѣ, видимо, разговоръ не могъ продолжаться, и почву перемѣнилъ.

Только-что приведенная бесѣда имѣла мѣсто утромъ; черезъ сутки, т. е. на слѣдующій день, капитанъ Немо предполагалъ покинуть Фицъ-Роя. Нѣкоторые починки на «Наутилусѣ» были закончены, припасы кое-чѣмъ подновлены и наконецъ, надобно же и честь знать.

Наступилъ третій день.

— Ну, капитанъ, — сказалъ Фицъ-Рой, — если уже дѣйствительно васъ не удержать, такъ я вамъ, какъ сказалъ, на добрую память подарочекъ сдѣлать хочу. Пожалуйста въ лабораторію.

— А чѣмъ же я васъ отдарю? — спросилъ Немо, слѣдуя за нимъ.

— Сосчитаемся! Мнѣ тѣмъ пріятнѣе поднести вамъ мое изобрѣтеніе, что на «Наутилусѣ» у васъ электрической силы вволю, а моя игрушка только при этомъ источникъ силы и можетъ дѣйствовать.

— Любопытно посмотрѣть на вашу игрушечку, — отвѣтилъ Немо, входя вслѣдъ за хозяиномъ въ лабораторію.

Брутъ находился въ это время въ ней за своими обычными занятіями.

— Даѣ-ка мнѣ, Брутъ, — сказалъ ему Фицъ-Рой, — послѣднюю мою шапку.

Брутъ, не долго думая, вынулъ изъ одного изъ шкаповъ какую-то мѣховую шапку, и Фицъ-Рой просилъ Немо одѣть ее. Шапка оказалась довольно курьезною: къ ней были придѣланы наушники и очки.

— Вы въ холодныхъ странахъ, капитанъ: вамъ наушники нужны; вы въ такой сторонѣ, гдѣ свѣту мало и тумановъ много — очки не лишнее. Одѣньте!

Нѣмо одѣлъ шапку, причемъ наушники покрыли его уши, а очки сами собою опустились на носъ.

— Что вы видите?—спросилъ капитанъ Фицъ-Рой.

Вмѣсто отвѣта, капитанъ отшатнулся: Фицъ-Рой стоялъ передъ нимъ въ образѣ костяка, объ одѣяніи, о тѣлѣ его не было и помину.

— Ну, что, — спросилъ Фицъ-Рой, — хороша моя игрушечка?

Въ это время Нѣмо снова увидѣлъ передъ собою настоящаго Фицъ-Роя, а не костякъ его.

— Не дурна!—отвѣтилъ капитанъ. — Но можно бы сдѣлать и лучше.

— Можно и лучше, и ваше желаніе предусмотрено.

Опять видѣть Нѣмо костякъ своего хозяина, но, кромѣ того, слышитъ онъ и голосъ Мэри. Онъ повернулъ голову въ сторону этого голоса и увидѣлъ сквозь саженную толщѣ скалы, составлявшей стѣну лабораторіи, что Мэри стоитъ со своими собачонками и разговариваетъ съ нимъ. Еще одно мгновеніе—и оба видѣнія, какъ слуховое, такъ и видѣніе зрѣнія—прекратились: опять темная толща скалы, опять Фицъ-Рой вмѣсто костяка. Въ рукахъ у него виднѣлась переносная кнопка, отъ которой шелъ небольшой проводъ къ шапкѣ.

Нѣмо снялъ шапку и осмотрѣлъ ее. Металлическіе наушники являлись усовершенствованнымъ аудиофономъ, а на днѣ шапки помѣщалась небольшая электрическая батарея, сообщавшаяся какъ съ наушниками, такъ и съ очками.

— Позвольте мнѣ вашу кнопку.—попросилъ Нѣмо, обращаясь къ Фицъ-Роя и одѣвая шапку; проводъ находился теперь въ его распоряженіи. Онъ нажалъ кнопку. Опять костякъ хозяина, опять прозрачная скала и за нею хозяйка съ собаками и разговоръ ея съ нимъ. Нѣмо тотчасъ же сообразилъ, что если онъ видѣлъ костякъ хозяина, а хо-

зййка за стѣною являлась въ своемъ настоящемъ образѣ и въ одѣяннѣ, и собаки тоже не скелетами, такъ это потому, что часть силы аппарата истрачивалась на то, чтобы освѣтить скалу до полной прозрачности.

Нѣмо снялъ шапку.

— Спасибо!—сказалъ онъ Фпцъ-Рою, протягивая руку,— подарокъ прпнимаю, но позволяю себѣ отдарить васъ на «Наутплусѣ» чѣмъ-либо подобнымъ.

Наступилъ, наконецъ, день отбытія. Капитану Нѣмо, этому опытному морскому волку, уже прпскущпло проводить третью сутки въ мпрномъ обиталищѣ Фпцъ-Роя и видѣть себя въ обществѣ одной изъ женщпнъ, которыхъ онъ вообще терпѣть не могъ. Какъ ни упрашивалъ его хозяева обождать еще, но онъ ни за что не соглашался и въ ожиданнѣ отъѣзда сталъ даже нервнымъ, раздражительнымъ.

Часовъ въ десять утра, когда не спускавшееся подъ горизонтъ солнце стояло въ небѣ уже очень высоко и нагрѣвало своими яркими лучами выпщенные и вылощенные бока «Наутплуса», его подвели къ самому берегу съ тою цѣлю, чтобы пмѣвшіе прпдти къ отъѣзду Фпцъ-Рой и Мэри могли удобнѣе взойти на него.

Опускаясь сквозь люкъ въ каюту, Фпцъ-Рой обратился къ Нѣмо съ вопросомъ:

— А вы не кувырнете насъ съ женою, какъ тѣхъ ди-карей—помните—электричествомъ?

Капитанъ Нѣмо улыбнулся. Онъ велѣлъ съ вечера прпготовить хорошій завтракъ и вытащить изъ погребка превосходное вино: старый хересъ и шампанское. Нѣмо и Фпцъ-Рой съ супругою не замедлили сѣсть за столъ. Завтракъ прошелъ очень оживленно. Когда подали кофе, слухъ гостей былъ пораженъ удивительною, неслыханною ими музыкою. Слышалось не то журчанье воды, не то воздушная Эолова арфа, не то церковный органъ, но въ общемъ

нѣчто удивительно пріятное, убаюкивающее. Звуки лились непрерывно и чередовались съ такимъ гармоническимъ спокойствіемъ, съ такою умпротворяющею музыкальностью, что даже самъ суровый Нѣмо какъ будто поддался звуковому очарованію. Фицъ-Рой слушалъ внимательно и одобрительно покачивалъ головою, а Мэри замечталась до такой степени, что ея чашка съ кофе остыла совершенно.

— Чудесно, восхитительно!—проговорилъ Фицъ-Рой.

— Да, очень, очень хорошо!—пробормотала Мэри.

Когда музыка прекратилась, Мэри заявила желаніе ознакомиться съ самымъ инструментомъ. Устроень онъ былъ въ одномъ изъ боковъ кабинета, и вся музыкальность его основывалась на болѣе или менѣе высокомъ паденіи сверху внизъ, въ водяной бассейнъ, болѣе или менѣе большихъ капель воды. Мѣдная доска съ отверстіями для капель была укрѣплена надъ бассейномъ и могла быть легко замѣнена другою, съ другими нотами; въ инструментѣ этомъ имѣлось также нѣчто въ родѣ педали: струя воздуха, отъ поры до времени пускаемая на падавшія капли и дробившая ихъ, придавала звуку очень большую мягкость и могла вызывать даже тончайшія *pianissimo*; для этого, кромѣ струи воздуха, нужно было еще и уменьшеніе діаметра тѣхъ отверстій, сквозь которыя капли падали; то и другое производилось механически.

— Но вѣдь это мы можемъ и у насъ дома устроить?—сказала Мэри, обращаясь къ мужу.

— Непремѣнно устрою, неpremѣнно; мнѣ эта музыка тоже очень нравится.—отвѣтилъ Фицъ-Рой.

— Это будетъ намъ воспоминаніемъ о васъ, капитанъ,—проговорила Мэри.

При этихъ словахъ Нѣмо поднялся съ мѣста и молча направился въ сосѣднюю со столовой спальню; онъ скоро

возвратился и принесть съ собою небольшой ящикъ, который и поставилъ на столъ.

— Вотъ это воспоминаніе обо мнѣ будетъ нѣсколько существеннѣе.—сказалъ онъ, пощелкивая задвижками ящика, имъ принесеннаго, и открывъ крышку.

— Что это такое?—спросилъ Фицъ-Рой, заглядывая въ ящикъ.

— А это вотъ что: вы жаловались мнѣ на глухоту, одолевшую вашего Брута, ну, такъ, благодаря этому прибору, глухоты нѣтъ болѣе.

— Не можетъ быть!—воскликнула Мэри.

— Да, это вѣрно,—добавилъ капитанъ Немо.—Приборъ этотъ—микрофонографъ; его недавнее изобрѣтеніе сдѣлаетъ переворотъ въ медицинскои наукѣ и во многомъ другомъ.

— Вѣроятно, — добавилъ отъ себя Фицъ-Рой, — вашъ приборъ улавливаетъ звукъ?

— Да, въ чудовищной, совершенно невѣроятной степени. Онъ дѣлаетъ со звуками, даже съ самыми крохотными, нѣкъмъ неслышными и даже не подозрѣваемыми, то, что дѣлаетъ съ изображеніемъ предмета лупа или микроскопъ,—объяснилъ Немо.

— Но вѣдь, въ такомъ случаѣ, послѣдствія этого изобрѣтенія дѣйствительно неисчислимы!—проговорилъ Фицъ-Рой, очень хорошо и быстро сообразивъ, къ чему можетъ привести открытіе. — Мало того, что глухонѣмые обрѣтутъ слухъ, но вѣдь и медицина, ограничивающаяся выслушиваніемъ и постукиваніемъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи гораздо болѣе вѣрнаго и нелицепріятнаго распознавателя, чѣмъ пальцы и уши врачей.

— Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ,—отвѣтилъ Немо,— что теперь можно будетъ изучать самоналѣйшіе звуки какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ организмѣ, и какіе чудесные диагнозы болѣзней будутъ возможны!

Нѣмо вынулъ приборъ изъ ящика и не замедлилъ поставить на столъ, между тарелокъ и ножей.

— А уже дѣлались съ приборомъ опыты? — спросилъ Фицъ-Рой.

— Дѣлалось, и весьма удачно. Для того, чтобы уловить едва слышные звуки, мало того, для того, чтобы записать ихъ, приставляютъ къ изслѣдуемому органу особый микрофонъ и соединяютъ его съ микрофонографомъ, т. е. съ записывателемъ звуковъ; электрическій проводъ отъ батареевъ въ 60 небольшихъ элементовъ изъ сѣрно-кислой ртути достаточенъ. Новый аппаратъ этотъ изобрѣтеніе молодого французскаго ученаго Дюссо, онъ записываетъ даже неслышные нами звуки въ сердцѣ человѣка и въ его легкихъ съ необыкновенною точностью.

— Но вѣдь это безконечно и поразительно въ своихъ примѣненіяхъ! — воскликнулъ Фицъ-Рой, — вѣдь такимъ способомъ можно будетъ, пожалуй, записывать и шумы движенія мысли въ мозгу человѣка!

— Да, да, конечно, — добавилъ Нѣмо, — и по этому пути уже идутъ изобрѣтатели. Аппаратъ Дюссо сталъ извѣстнымъ Эдиссону, и магъ Америки работаетъ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать микрофонографъ безконечно чувствительнымъ. Самому Дюссо уже удалось записать безконечно малые шумы, производимые, напримѣръ, насѣкомыми при ихъ хожденіи; онъ записалъ также звуковыя измѣненія, вызванныя нервнымъ волненіемъ у артиста и оратора.

— Чудесно, чудесно! — добавилъ Фицъ-Рой; онъ внимательно осматривалъ аппаратъ, знакомился съ его не очень сложнымъ механизмомъ.

— Такъ это поможетъ, значитъ, нашему бѣдному Бруту? — замѣтила Мэри.

— Да, несомнѣнно, — сказали въ одинъ голосъ и Нѣмо, и Фицъ-Рой.

— А нельзя ли позвать сюда Брута сейчас же?—спросила Мэри.

— Конечно, можно...

Не прошло и пяти минут времени, какъ Брутъ появился на «Наутилусѣ». Приспособленіе аппарата, при томъ условіи, что имъ орудовали такіе люди, какъ капитанъ Немо и Филъ-Рой, длилось очень недолго, а электричества на «Наутилусѣ» имѣлось достаточно всегда.

Брутъ, человѣкъ угрюмый отъ природы, по мѣрѣ усиленія глухоты, становился еще угрюмѣе и мотчаливѣе, и лицо его приобретало ту неподвижность, въ которой нѣтъ мѣста ни малѣйшей улыбки и которое отличаетъ глухихъ и въ особенности глухонѣмыхъ.

Опытъ съ Брутомъ удался совершенно и вполне наглядно. Когда ему было предложено взять въ руки микрофонографическій рожокъ, схожій съ давно знакомымъ ему телефоннымъ, и приложить къ уху, когда пущенъ былъ электрическій токъ, весьма слабый изъ осторожности, лицо Брута немедленно просіяло и онъ улыбнулся: міръ звуковъ, ясныхъ и отчетливыхъ, давно ему незнакомыхъ, возникъ для него снова и приобщилъ къ жизни тѣмъ общеніемъ, которое когда-то, до глухоты, имѣлось для него.

Когда затѣмъ Немо, приставивъ микрофонъ къ своему сердцу, соединилъ его съ микрофонографомъ и далъ опять рожокъ въ руки Брута и онъ приложилъ его къ уху,—лицо Брута стало совсѣмъ весело.

— Что ты слышишь?—спросила его Мэри, замѣтивъ эту веселость.

— Мельница стучитъ!—отвѣтилъ онъ.

Всѣ расхохотались, и даже самъ Немо вмѣстѣ съ другими.

— Ну, многотимый хозяинъ,—проговорилъ Немо,—вы, конечно, не откажетесь принять отъ меня этотъ приборъ въ обменъ на вашу чудесную шапку.

— Не могу отказаться, спасибо! — отвѣтилъ Фипцъ-Рой и, взявъ гостя за руку, сильно пожалъ ее.

— Меня больше не нужно? — спросилъ Брутъ и, получивъ отвѣтъ, вышелъ.

Завтракъ прошелъ очень оживленно. Особенно поправился Немо фаршированный языкъ трески, поданный къ закуску. Такая роскошь возможна только на мѣстѣ, гдѣ треска, не выдерживающей въ свѣжемъ видѣ и нѣсколькихъ часовъ перевозкѣ, мѣриады.

— А вы изъ этихъ языковъ консервовъ не дѣлаете? — спросилъ Немо.

— Не стоить того!

— Но, скажите, почтенный Фипцъ-Рой, я видѣлъ у васъ на столѣ разные консервы, я видѣлъ у васъ въ лабораторіи множество новыхъ приборовъ; всѣ ваши окна снабжены стеклами—откуда и какъ получаете вы все это и вообще какъ общаетесь съ жителями мѣстностями, пѣзъ которыхъ ближайшая, кажется, Архангельскъ?

— Архангельскъ не ближайшая, — отвѣтилъ Фипцъ-Рой, — но въ ближайшихъ, какъ, наирямѣръ, Мезень, ничего достать нельзя. Что касается до сообщеній, то онѣ чрезвычайно удобны и просты. Лучшее и главное, конечно, зимнее время. Бываютъ у насъ иногда въ морѣ суда, но рейсы ихъ не срочны, и на нихъ надежда плохая, а вотъ зимую другое дѣло: на близкія разстоянія ѣздимъ на собакахъ или на оленяхъ, на далекія, по тундрѣ, на буэрѣ!

— На буэрѣ? по тундрѣ?

— Да, лучшей дороги на свѣтѣ нѣтъ. Гладь неопиcуемая на тысячи верстѣ. Бѣльшею частью, при посредствѣ тѣхъ или другихъ вѣтровъ, достаточно одного только паруса, но на всякій случай я всегда беру съ собою и электрическій двигатель, который, однако, пустилъ въ ходъ не болѣе двухъ или трехъ разъ.

— По вѣдь вамъ необходимъ компасъ?—спросилъ Пѣмо. Вмѣсто отвѣта Фицъ-Рой взглянулъ на жену, немного вспыхнувшую и опустившую при этомъ глаза.

— Да,—отвѣтилъ онъ,—однажды Мэри забыла компасъ, мы вспомнили о немъ часа черезъ два пути и едва не погибли.

— Да, это было ужасно!—ввернула отъ себя Мэри.

— Я помню, что сильнѣйшій нордъ-остъ успѣлъ отнестъ насъ на западъ въ часъ времени не на одинъ десятокъ верстъ. Совершенно неожиданно скользнули мы въ область вѣтровъ. Кругомъ не было видно ни зги и пришлось остановиться. Если бы не особенное счастье и не звѣзды небесныя, которыя явились къ намъ вдругъ на помощь, едва ли бы имѣли мы удовольствіе принимать васъ, капитанъ, здѣсь у себя.

— Но нѣтъ худа безъ добра,—отвѣтила Мэри;—съ тѣхъ поръ ни я, ни мужъ съ компасомъ не расстаемся.

При этихъ словахъ она вынула изъ-за платья висѣвшій у нея на груди вмѣсто медальона компасъ; имѣлся также компасъ на ремennomъ поясѣ, которымъ опоясанъ былъ Фицъ-Рой.

— Но что за восторгъ, если бы вы знали! — сказала Мэри,—нестись на буэрѣ со скоростью вихря по безконечной тундрѣ! намъ приходится одѣвать въ этихъ случаяхъ кожаныя маски съ очками. И красны мы тогда, нечего сказать!—добавила она.

— Да, отмѣривать по верстѣ въ полминуты --- это удовольствіе большое,—сказалъ Фицъ-Рой.—А ужъ, если хотите роскошную картину, такъ представьте себѣ безмолвную, тихую, зимнюю ночь, магнитное сіяніе, охватывающее полнеба и освѣщающее безконечность, потрескиванія этого сіянія и тихій, равномерный стукъ электрическаго двигателя, уносящаго васъ по свѣтлой, но мертвой безконечности!

— Вотъ бы вы къ намъ зимою пріѣхали, капитанъ!— сказала Мэри.

— На «Наутилусѣ»?—отвѣтилъ Нѣмо, улыбаясь.

Близилось время, назначенное для отбытія Нѣмо—ровно полдень. Съ невѣроятною быстротою погода, очень хорошая съ утра, захмурилась, и свинцовыя тучи начали облегать небо. Порывистый вѣтеръ крѣпчалъ, неслпсь по водѣ одинъ другому навстрѣчу шквалки, а неистовыя завыванія въ расщелинахъ скалъ предрекали близость урагана. Облака въ небѣ то сбивались въ кучи, то разсѣпвались, образуя какіе-то просвѣты, тотчасъ же закрывавшіеся. Безпокойство облаковъ передавалось и міру пернатыхъ, начавшихъ снова надъ «Наутилусомъ» во всѣ стороны съ дикимъ, испуганнымъ крикомъ. Вдали раздавались раскаты грома.

— Вѣдь грозы у васъ здѣсь большая рѣдкость?—спросилъ капитанъ Нѣмо.

— Да, не часты,—отвѣтилъ Фипцъ-Рой.

Нѣмо ужасно боялся того, чтобы словоохотливый Фипцъ-Рой не началъ болтать съ нимъ по поводу грозъ. Въ три истекшихъ дня ему такъ надоѣло пребываніе на сушѣ, онъ такъ неудержимо стремился снова покачаться въ океанскихъ волнахъ, наступавшая гроза такъ манила его къ себѣ, что онъ только и думалъ о томъ, какъ бы ему поскорѣе отчалить отъ берега. Онъ обратился къ рупору, впсѣвшему на стѣнѣ за его спиною, и очень громко спросилъ въ машинное отдѣленіе:

— Готовы ли къ отплытію? а? что? готовы?

Отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный.

Хотя стоянка «Наутилуса» была совершенно безопасна и, казалось, никакая волна океанская не проникнетъ въ этотъ спокойный заливчикъ, тѣмъ не менѣе, «Наутилусъ» началъ слегка постукивать своими металлическими боками о береговую скалу.

— Неужели вы тронетесь теперь, — спросила Мэри, — когда еще вчера вечером состоялось предсказаніе бури?

— Это ему ни по чемъ, дорогая Мэри, онъ немедленно нырнетъ ниже пояса волненія.

— Нырну, конечно, нырну' — нервно отвѣтилъ Немо. Онъ уже воображалъ себя на волнахъ.

Приближавшіеся раскаты грома учащались.

— Ну, если васъ не удержать, такъ прощайте, капитанъ, — проговорилъ Фпцъ-Рой, вставая пзъ-за стола; ему вслѣдъ поднялась и Мэри.

Хотя прощаніе послѣдовало очень радушное, но Немо, видимо, не принадлежалъ болѣе себѣ и ему стоило много, усилій сдержать себя и быть вѣжливымъ.

— Да и, по правдѣ, дѣйствительно вамъ надо торопиться. — говорилъ Фпцъ-Рой, выпраясь на воздухъ изъ широко-раскрытаго люка; за нимъ направилась Мэри, которой помогъ сойти на берегъ соскочившій на него Брутъ.

Послѣдовали рукопожатія. Наконецъ, освободясь отъ гостей, Немо почувствовалъ себя въ своей стихіи и обратился къ кнопкамъ. «Наутилусъ» тронулся.

— Прощайте, прощайте! — раздавалось съ берега.

По Немо не замѣчалъ болѣе ничего. По мѣрѣ быстрого успленія бури выросталъ и онъ, и что значили ему эти мелкіе людскіе возгласы, пчезавшіе въ чудовищныхъ возгласахъ бури, что значило ему маханіе платками, когда, уйдя весь во вниманіе и хозяйничая съ кнопками, онъ слѣдилъ за движеніями своего «Наутилуса».

Буря разыгралась страшная, и молніи заструились по совсѣмъ стемнѣвшему небу змѣями. Даже въ мѣрномъ залпчикѣ начали появляться на волнахъ зайчики, и Немо, спрятавшись въ люкъ и обезпечивъ «Наутилусъ» герметическимъ закупориваніемъ, заштопорилъ машину и тронуть клапанъ для погруженія въ воду.

Тихо, еле замѣтно для глазъ, погрузилось чудесное судно, и сколько бы ни трудились Фицъ-Рой и его жена увидѣть его, это было бы невозможно. Океанская глубина сказывалась подлѣ самаго берега, и Нѣмо ознакомился съ предстоявшимъ ему путемъ еще вчера, сдѣлавъ нѣсколько промѣровъ.

Находя дальнѣйшее опусканіе «Наутилуса» излпшнимъ, потому что судно находилось въ неволнующейся глубинѣ, Нѣмо, освѣтившись электричествомъ, сталъ тихонько двигаться въ обратномъ направленіи къ тому, которое было у него записано до прибытія въ бухту со словъ Фицъ-Роя и по которому онъ прибылъ.

Тишина въ каютѣ Нѣмо наступила полная, такъ какъ гудѣвшая надъ водою неисчислианными голосами буря въ эту область вѣчной тишины не доносилась, и о ея присутствіи свидѣлствовалъ только необычайно быстро упавшій барометръ.

Нервы капитана Нѣмо вполне успокоились.

Вѣрный своей всегдашней привычкѣ, онъ только въ пути намѣчалъ себѣ ближайшую цѣль дальнѣйшаго слѣдованія. На этотъ разъ капитанъ, почти не колеблясь, рѣшилъ плыть прямо на Одессу съ тѣмъ, чтобы познакомиться съ Россіей съ другой стороны.

Есть полное основаніе полагать, что капитанъ благополучно обогнетъ всю Европу, пройдетъ по Средиземному и Черному морямъ, нисколько не заботясь о предъявленіи своего вида въ Дарданелахъ, и прибудетъ вполне благополучно къ Одессѣ. Есть также полное основаніе быть увѣреннымъ въ томъ, что Нѣмо сообщитъ людямъ о томъ, что онъ знаетъ Россію и что бывалъ въ ней.

Конечно, Нѣмо будетъ совершенно правъ.

Недавно найденная глава Донъ-Кихота.

Тѣмъ временемъ Санхо, только-что проснувшійся, привѣтствовалъ восходившее раскаленнымъ шаромъ солнце почесываніемъ своего праваго бока; онъ, должно-быть, долгое время покоился на немъ, избравъ кроватью, поневолѣ, поверхность кочковатаго поля, подготовленнаго къ бороненію.

Чахлая мимоза стояла у Санхо, въ ночи, въ головахъ. Тучный оруженосецъ, отойдя шага на два отъ своего ложа, соображалъ слѣдующее:

«Вѣдь, вотъ, — думалъ онъ: — накаталъ я собственными боками довольно гладкую постель; ну, чтò бы стоило господину рыцарю вторично остановиться заночевать на этомъ самомъ мѣстѣ? Постель готова! Правда, это будетъ уже въ третій разъ, потому что я ясно помню это мѣсто, мы тутъ уже были. Да, да. Вотъ и дорога».

При этомъ Санхо взглянулъ въ сторону къ дорогѣ и, ковыляя по кочкамъ, тотчасъ же перевалилъ на нее.

— И чего это онъ мечется?—проговорилъ Санхо, взглянувъ съ дороги на Донъ-Кихота, наѣзжавшаго, неподалеку отсюда, по кочковатому полю, свою Россинанту.

Щитъ, шлемъ, копье,—все это было на немъ, какъ и

слѣдовало. Въ яркомъ утреннемъ солнцѣ длинная фигура его качалась въ высокомъ сѣдлѣ самымъ уморительнымъ образомъ.

«Ужъ не выписываетъ ли онъ опять, — думалъ Санхо: — какъ это не разъ бывало, подковами лошади сладкое имя своей Дульциней?»

Санхо имѣлъ нѣкоторое основаніе такъ думать, потому что Донъ-Кихоть, дѣйствительно, ломалъ своего коня самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Россинанта то и дѣло спотыкалась, и тогда длинныя ноги рыцаря, точно клещи, проскакивали впередъ, далеко впередъ за бедровыя кости лошади.

Когда, послѣ долгихъ усилій, Донъ-Кихоту удалось, наконецъ, поднять коня вскачь, длинные волосы, висѣвшіе съ путовыхъ косточекъ всѣхъ четырехъ ногъ коня, точно густые султанчики, стали болтаться по воздуху и едва не обматывали собою копыта Россинанты.

Санхо давно уже замѣтилъ удивительное отростаніе этихъ волосъ, шедшее рука объ руку съ худобою Россинанты: чѣмъ худѣ становился конь, тѣмъ мохнатѣе, пушистѣе выдавались султанчики путовыхъ косточекъ. Онъ даже принялся за нѣкоторыя соображенія насчетъ того: не отрѣзать ли ихъ, коню легче будетъ, да и волосъ продать можно; но соображенія эти тотчасъ же прекратились, потому что Донъ-Кихоть замѣтилъ проснушагося Санхо и направился къ нему.

По мѣрѣ приближенія къ оруженосцу, улыбка, давно уже свѣтившаяся на лицѣ Донъ-Кихота, становилась все шире, внушительнѣе, и когда онъ подѣхалъ вровень къ нему, усы рыцаря, обыкновенно горизонтальные, приподнялись каждый подъ угломъ въ сорокъ пять градусовъ.

«Бьюсь объ закладъ, — подумалъ Санхо, — что у него новая затѣя въ головѣ. Лишь бы только опять къ табунщикамъ не попасть и не быть битымъ»

— Прежде, чѣмъ ты успѣешь прочесть «Отче нашъ»,—сказалъ подѣхавшій рыцарь:—въ судьбахъ Дульцинеи должна произойти великая перемѣна.

— Какъ такъ, господинъ рыцарь?

— А потому что мы, направляясь въ Микомиконское царство, вмѣсто того, чтобы ѣхать на сѣверъ, куда ѣхали до сихъ поръ, поѣдемъ на востокъ. Подержи коня!—проговорилъ Донъ-Кихоть, и началъ слѣзать съ сѣдла.

Привыкшая къ дѣлу рука Санхо точно сама собою отыскала и приняла поводья.

— Поставь коня на дорогу!—сказалъ рыцарь.

Дорога была тутъ же, стоило передвинуть Россинанту на два шага. Санхо исполнилъ это, толкнувъ Россинанту въ бокъ. Всѣ трое стояли на пути.

Но тутъ, именно тутъ, случилось нѣчто совершенно неожиданное, поставившее кверху ногами всѣ расчеты не только Санхо, но и самого Донъ-Кихота.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по направленію къ восходившему свѣтилу и едва только давъ время вытянуться вслѣдъ за собою Санхо, державшему въ поводу Россинанту, Донъ-Кихоть, словно осѣненный какою-то особенно свѣтлозарною мыслью или пораженный громомъ, остановился.

Онъ остановился и уткнулъ глаза въ землю такъ быстро и неожиданно, что Санхо, шедшій за нимъ слѣдомъ, даже коснулся его животомъ своимъ, а Россинанта положила голову на плечо Санхо.

— Смотри, Санхо, смотри!—воскликнулъ Донъ-Кихоть, указывая пальцемъ на землю.—Видишь?

— Чтò такое?

— Видишь ты кровь на землѣ?

Съ той несчастной ночи, когда въ корчмѣ Донъ-Кихоть воевалъ съ великаномъ, принявъ за голову великана мѣхъ

съ краснымъ виномъ; когда въ самую рѣшительную минуту битвы появились на шумъ люди, принесли фонари и увидѣли Донъ-Кихота прокалывающимъ мѣхъ; когда самъ рыцарь увидѣлъ красную струю вина, обильно брызнувшую изъ мѣха,—видъ этой крови на землѣ подѣйствовалъ на него какимъ-то сходственнымъ образомъ. Созерцая передъ собою дѣйствительную кровь, хотя и запекшуюся, онъ даже содрогнулся.

— О! эта кровь,—мрачно проговорилъ рыцарь:—убѣждаетъ меня на первыхъ же шагахъ, сдѣланныхъ нами по новому направленію, на востокъ, что мы идемъ вѣрно!

— Позвольте, господинъ рыцарь...—началь-было Санхо.

— На востокъ, на востокъ! Да, именно туда,—продолжалъ Донъ-Кихотъ:—именно туда! Это первый несомнѣнный слѣдъ великаго преступленія... Можетъ-быть, Дульцинея...

— Да какое же это преступленіе, господинъ рыцарь, когда...

Но и тутъ Донъ-Кихотъ не далъ Санхо возможности возражать. Мысли рыцаря клубились бурно, и за потокомъ словъ, обращенныхъ противъ преступленій вообще, а этого преступленія въ особенности, слѣдовали соображенія о томъ, что дѣлать, какъ поступить?

— Коня! коня!—завопилъ Донъ-Кихотъ неожиданно.—Видишь ли, Санхо, видишь ли тамъ, въ туманѣ, по дорогѣ, приближеніе этихъ полчищъ? Видишь ли ты, какъ близко подтвержденіе моихъ предположеній? Счастливое утро, свѣти мнѣ!

Санхо взглянулъ на востокъ по указанному направленію; оттуда, насколько мерцаніе дали позволяло различать, двигался отрядъ солдатъ.

Хотя Санхо привыкъ къ увлеченіямъ своего господина, но онъ все-таки не могъ привыкнуть къ тѣмъ пинкамъ,

побоямъ и оплеухамъ, которые были слѣдствіемъ этихъ увлеченій.

Ужасъ объялъ его при одной мысли о томъ, что это не мельницы, не овцы, даже не мирные табунщики, а вооруженные и ученые солдаты, можетъ-быть, даже съ самопадами, и что тутъ дѣло должно кончиться вовсе нежелательно.

— Господинъ рыцарь,—началь Санхо:—это точно, я вижу, солдаты идутъ, но, могу васъ увѣрить, что изъ-за этой крови, на которую я, вотъ, плюнуть готовъ, ополчаться противъ бравыхъ солдатъ...

— Коня!—подтвердилъ Донъ-Кихотъ повелительнѣйшимъ голосомъ и, не ожидая исполненія своего приказанія, самъ подошелъ къ сѣдлу и сталъ карабкаться на него. Санхо, по обычаю, поддержалъ стремя.

До солдатъ, мало-по-малу приближавшихся, оставалось еще довольно далеко. Санхо все-таки рассчитывалъ на возможность удержать чрезвычайно опасную ярость Донъ-Кихота и началъ-было опять о крови.

— Скажи еще одно только слово,—перебилъ его Донъ-Кихотъ:—и, клянусь тебѣ, что твоя спина, Санхо, извѣдаетъ первая силу моего меча.

Донъ-Кихотъ брякнулъ мечомъ. Рыцарь былъ въ сѣдлѣ и, не касаясь еще поводьевъ, началъ разбираться со своими остальными доспѣхами.

— Я это не насчетъ того, господинъ рыцарь,—заговорилъ робко Санхо:—чтобы остановить ваше стремительное теченіе, но я насчетъ того, какъ это лучше сдѣлать! Я даже вовсе не прочь...

Донъ-Кихотъ продолжалъ разбираться и слушалъ.

— Я думаю,—говорилъ Санхо:—что такъ какъ намъ предстоитъ, повидимому, правильное сраженіе съ регулярными войсками, то надобно и дѣйствовать правильно. Ни-

что не дѣйствуетъ на противника такъ сильно, какъ гордая увѣренность. Подождете ихъ тутъ, они сами подойдутъ, а я направлюсь въ сторону, къ моей мимозѣ, и составлю резервъ.

Мысль эта понравилась Донъ-Кихоту.

— Бравый оруженосецъ, — отвѣтилъ онъ: — ступай въ резервъ.

Санхо не заставилъ повторять приказанія.

Солдаты тѣмъ временемъ быстро приближались; ясно можно было разглядѣть, что это пѣхота, человекъ около сотни. На конѣ сидѣлъ одинъ только начальникъ отряда.

Вытянутые во весь ростъ рыцарь и его конь стояли посреди дороги, освѣщенные яркимъ солнцемъ, безусловно неподвижные, точно статуи.

Донъ-Кихоть и Санхо не могли не замѣтить, что, не доходя шаговъ двухсотъ до рыцаря, отрядъ остановился. Всадникъ обратился къ солдатамъ съ какою-то рѣчью.

«Ага! — думалъ Донъ-Кихоть, — онъ свои распоряженія дѣлаетъ».

«Разнесутъ они насъ, разнесутъ!» — думалъ Санхо, стоя подлѣ мимозы, изображая изъ себя резервъ и искренно жалѣя о томъ, что мимоза недостаточно, или даже вовсе не прикрывала его собою.

Рѣчь всадника къ солдатамъ была не длинна и чрезвычайно проста; онъ, офицеръ, былъ хорошо знакомъ съ герцогомъ, въ замкѣ котораго такъ недавно и такъ гостепріимно были приняты Донъ-Кихоть и его оруженосецъ, и, какъ и герцогъ, много слыхалъ о рыцарѣ печальнаго образа. Онъ объяснилъ солдатамъ, что это за фигура высится передъ ними въ сіяніи солнца, и просилъ, чтобы они обращались съ фигурою осторожно и никакого зла ей не дѣлали.

Послѣ этого объясненія отрядъ двинулся навстрѣчу Донъ-Кихоту.

— Остановитесь!—громко и внятно проговорилъ рыцарь, когда солдаты подошли къ нему вплотную.

Отрядъ остановился.

— Преступленіе ваше мнѣ извѣстно! Вотъ слѣды его,—и Донъ-Кихоть указалъ при этомъ на запекшуюся кровь, образовавшую среди дороги порядочное пятно.

Отрядъ, весь цѣлкомъ, въ полномъ составѣ, точно по командѣ, молча улыбался.

— Кровь, всякая кровь вопіетъ о возмездіи. Мои резервы сильны! Сдаетесь ли вы и согласны ли на условія? Господинъ рыцарь,—добавилъ Донъ-Кихоть, обращаясь къ офицеру: — сопротивляться съ вашей стороны будетъ безуміемъ, будетъ безсовѣстно!

— Знаю, и вполне вѣрю этому,—отвѣтилъ офицеръ.

— Сдаетесь?

— Сдаемся, но только подъ условіемъ, господинъ рыцарь, что вы позволите намъ остановиться подлѣ вашихъ резервовъ и пригласить васъ и резервы ваши къ завтраку чѣмъ Богъ послалъ. Добрый стаканъ вина и кусокъ говядины будутъ не лишнею данью нашей покорности и удивленія.

Какъ ни далеко стояли резервы отъ этой сцены, но приглашеніе къ завтраку услыхали и двинулись ему навстрѣчу.

Впрочемъ, убѣжденія, съ которыми приближался Санхо, желая склонить рыцаря къ перемирію, оказались излишними. Донъ-Кихоть былъ глубоко польщенъ словами офицера, данью удивленія; да и завтракъ чувствовался не лишнимъ.

— Хотя,—заговорилъ послѣ короткаго раздумья Донъ-Кихоть:—условія предлагаются обыкновенно побѣдителемъ, но рыцарское чувство возбраняетъ мнѣ пользоваться моею

побѣдою вполнѣ, тѣмъ болѣе, что покорность ваша такъ безусловна. Я принимаю ваше предложеніе.

Офицеръ почтительно поблагодарилъ. Онъ предвидѣлъ любопытный завтракъ съ рыцаремъ печальнаго образа. Солдаты были тоже очень довольны. Веселье сходило на всѣхъ и никто не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ.

Во время завтрака, Санхо, сидѣвшій съ солдатами поодаль отъ офицера и рыцаря, по обыкновенію, разболтался не на шутку и сообщилъ, между прочимъ, что пятно крови, на которое Донъ-Кихоть указалъ какъ на слѣдъ преступленія, было ни чѣмъ инымъ, какъ его собственнымъ, Санховымъ, слѣдомъ: у него шла кровь носомъ именно на этомъ мѣстѣ.

— Нашъ рыцарь забывчивъ, — объяснилъ онъ: — напоминаній не допускаетъ, а подите-ка, скажите: что бы случилось съ нами, если бы онъ разогналъ на васъ свою Росинанту... Ужасъ что бы было!

Завтракали долго и выпили больше, чѣмъ слѣдуетъ.

СКАЗКА ТЫСЯЧА ВТОРОЙ НОЧИ.

Прошла тысяча первая ночь.

Въ столицѣ Шахріара, великаго повелителя Персіи и Индіи, всѣ находились въ возбужденномъ состояніи. На всѣхъ устахъ только и было рѣчи, что о Шехеразадѣ и ея удивительныхъ сказкахъ. Дворецъ повелителя, колонны и стѣны котораго отливали перламутромъ и эмалью, всегда таинственный, казался теперь еще загадочнѣе; бородатые часовые окружали его со всѣхъ сторонъ; головы казненныхъ женъ торчали на пикахъ. Такъ какъ газетъ въ то время не было, а потребность въ сообщеніяхъ всякихъ новостей чувствовалась не меньшая, то людямъ, подѣйжавшимъ къ городу со стороны моря, всякимъ купцамъ и мореплавателямъ, толпившимся въ гавани, то и дѣло объясняли вновь, отчего въ городѣ такая смутная тревога.

— Три года тому назадъ, — говорили имъ, — нашего великаго повелителя Шахріара обманула его недостойная жена и всѣ другія жены тоже. Нашъ повелитель всѣхъ ихъ переказнилъ и далъ обѣщаніе жениться каждый день на новой женѣ и, для полного убѣжденія въ вѣрности ея, на слѣдующій день казнить.

— Такъ это шло долгое время, — говорили другіе, — и цвѣ-

тистые ряды нашихъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ сильно порѣдѣли. Во всѣхъ семьяхъ плачь и стоны. На обязанности великаго визиря лежало убивать самолично послѣднюю изъ женъ. Вдругъ, дочь этого самаго великаго визиря, Шехеразада, заявляетъ отцу, что желаетъ выйти замужъ за повелителя. Можно представить себѣ ужасъ отца: не могъ же онъ желать стать убійцею своей собственной дочери, а это должно было случиться несомнѣнно, потому что воля Шахріара отличалась свирѣпою непреклонностью.

— Ну и что же, — спрашиваютъ удивленные купцы и мореплаватели, — по примѣру другихъ, убита также и Шехеразада и голова ея торчитъ, вѣроятно, на одномъ изъ окружающихъ дворецъ копій?

— Нисколько, — отвѣчаютъ имъ. — Сегодня прошла тысяча первая ночь и вотъ уже кончается и тысяча первое утро, а ее не казнятъ. Мы ждемъ не дождемся и ничего не понимаемъ.

— Какъ же объясняете вы, однако, — спрашиваютъ купцы и мореплаватели, — это удивительное явленіе?

— Толкуютъ, будто Шехеразада съ перваго дня брака рассказывала повелителю по ночамъ удивительныя сказки и вела свой рассказъ такъ, что къ утру сказка не досказывалась, а останавливалась на самомъ любопытномъ мѣстѣ. Повелитель, желавшій узнать конецъ сказки, откладывалъ казнь Шехеразады. Такъ это и шло, вотъ уже третій годъ подрядъ, и всѣ мы ждемъ и не дождемся, и всѣ въ тревогѣ, и ничего рѣшительно не понимаемъ.

— Да неужели же дѣло въ однѣхъ только сказкахъ? — спрашиваютъ удивленные купцы и мореплаватели, — нѣтъ ли тутъ чего другого?

— Великъ пророкъ! онъ знаетъ, а мы не знаемъ.

И тревога въ городѣ растетъ. Биткомъ набиты товарами и людьми караванъ-сарай; тотъ или другой купецъ, сдѣлавъ

свое дѣло, давно бы уѣхалъ, но любопытство такъ сильно, что удерживаетъ его; имя благодѣтельницы Шехеразады на всѣхъ устахъ: если бы не она, то вокругъ дворца, отливавшаго эмалю и перламутрами, стояла бы лишнихъ тысяча копій съ женскими головами. Слава Шехеразадѣ и ея удивительнымъ сказкамъ! Слава великому визирю, имѣющему такую дочь! Слава повелителю, любящему сказки!

Вдругъ, все, что толпилось по площадямъ и въ караванъ-сараяхъ народу, хлынуло навстрѣчу какой-то удивительной, небывалой процессіи. Давка произошла страшная, даже ословъ, прочно стоявшихъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, сбила и смяла эта несуразная волна людская, ринувшаяся къ одной изъ улицъ, направлявшихся ко дворцу; такъ стремится по хорошо мощенымъ улицамъ дождевая вода, къ сторонамъ ея или къ срединѣ, смотря по тому, гдѣ и какъ это устроено. Нп какими силами нельзя было удержать этотъ потокъ бритыхъ головъ правовѣрныхъ, кое-гдѣ покрытыхъ пестрыми чалмами, этихъ бронзовыхъ людей пустыни, великихъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей, направлявшихся въ одну сторону—къ процессіи. Крикъ, гвалтъ, вопли свидѣтельстввали о томъ, гдѣ именно, въ какомъ мѣстѣ достигала давка самыхъ невозможныхъ размѣровъ. Особенно плохо приходилось всякимъ безрукимъ, кривымъ, прокаженнымъ, постоянно наполнявшимъ торжища столицы повелителя правовѣрныхъ — Шахріара.

Впереди процессіи ѣхали на статныхъ коняхъ, чистѣйшей арабской крови, тонкія жплки которыхъ сквозили изъ-подъ мягкаго, какъ шелкъ, волоса темныхъ мастей, въ красныхъ плащахъ смуглые джигиты, не особенно много церемонясь съ толпами людскими; за ними шествовали, по два въ рядѣ, чернокожіе рабы, босоногіе, въ полосатыхъ, синее съ бѣлымъ, курткахъ и въ желтыхъ шапочкахъ; затѣмъ на бѣломъ конѣ, увѣшанномъ золотыми цехинами и

побрякивавшимъ ими, красовался главный руководитель всѣхъ порядковъ дворца Шахріарова, длиннородый курдъ въ бѣлой чалмѣ. Всѣ эти люди двигались одни за другими, предшествуя тремъ совершенно непостижимымъ и для толпы новымъ носилкамъ. На первыхъ, въ рукахъ смуглой невольницы, въ золотой корзинѣ, видѣлся ребеночекъ лѣтъ трехъ; во второй, серебряной, ребеночекъ двухлѣтній, а въ третьей, брильянтовой, весь завернутый въ драгоцѣнныя ткани, должно - быть, тоже дитя, но только новорожденное; кричало ли оно — неизвѣстно, потому что говоръ толпы покрывалъ собою всѣ отдѣльные мелкіе голоса и голосочки. Разукрашенные павлиньими перьями вѣера качались на длинныхъ металлическихъ древкахъ надъ всѣми тремя носилками, отъѣняя ихъ своими подвижными маковками; носильщики шли въ ногу, оберегая вѣренныя имъ ноши отъ всякаго рѣзкаго толчка или качанія.

Но главнымъ предметомъ, останавливавшимъ на себѣ все вниманіе правовѣрныхъ, былъ верблюдъ, замыкавшій шествіе. Между двухъ горбовъ его, высоко надъ толпою, покачивалась богато убранная корзина и въ ней, подъ навѣсомъ бѣлой съ золотомъ тафты, высоко царило многимъ хорошо знакомое, сморщенное, загорѣлое лицо одной изъ повпальныхъ бабушекъ, пользовавшихся въ городѣ очень почтенною извѣстностью. Крючковатый носъ и остренькіе глазки Зобеиды принимали видимое участие въ торжественности минуты; ея носъ то и дѣло поднимался надъ толпою, облегчая дѣло плутоватымъ. ярко блиставшимъ глазамъ, бѣгавшимъ по сторонамъ и какъ будто вглядывавшимся въ cadaго.

— Зобеида!

— Она! Зачѣмъ? Чтò такое?

И люди, не давая себѣ отчета, глазѣли во всю на тихо подвигавшееся шествіе. Было около полудня, когда оно,

взобравшись по нѣсколькимъ террасамъ, окружавшимъ дворецъ повелителя, сквозь цвѣточные куртины и пальмовыя насажденія, втянулось во дворецъ и будто потонуло въ немъ. Догадкамъ не было конца, и только очень немногіе приближались къ истинѣ.

Когда миновалъ тысяча первый день и наступала тысяча вторая ночь, въ городъ стали мало-по-малу проникать слухи, объяснявшіе случившееся. Точнѣе прочихъ оказались свѣдѣнія, принесенныя Али-Бабою и подтвержденныя Синдбадомъ-морякомъ и Абу-Хассаномъ, умѣвшими проникать сквозь стѣны и видѣвшими даже во тьмѣ. Они говорили, что когда повелитель правовѣрныхъ, наскучивъ сказками Шехеразады, повелѣлъ, по примѣру прочихъ женъ, отрубить голову и ей, Шехеразада устроила такъ, что къ этому времени принесены были во дворецъ тѣ три дитяти, которыя за время тысяча и одной ночи рассказовъ явились на свѣтъ. На всякій случай приказано было прибыть во дворецъ и бабушкѣ Зобейдѣ, только не входить къ повелителю, а ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Вѣрно и исторически неопровержимо, что когда Шахріаръ увидалъ дѣтей своихъ, то, въ порывѣ необычайной нѣжности, простилъ Шехеразadu, которая не замедлила расцвѣсти по этому поводу новою, необычайною красотою.

— Даруя тебѣ жизнь,—сказалъ ей повелитель правовѣрныхъ,—я желалъ бы, однако, увидеть воочію хотя одно изъ тѣхъ удивительныхъ чудесъ, про которыя ты мнѣ рассказывала. Удивительна твоя Аладдинова лампа и невѣроятны всѣ твои великаны, людоеды и карлики, но еще невѣроятнѣе то, какъ это случилось, что я, ставъ отцомъ трехъ дѣтей, которыхъ ты являешься матерью, не замѣтилъ этихъ тройственныхъ событій? Покажи мнѣ ту повивальную бабушку, которая, конечно, не безучастна въ подобной хитрости и является сама чудомъ изъ чудесъ.

— Повелитель! я такъ привыкла предугадывать всѣ твои малѣйшія желанія, что могу исполнить и это. Повивальная бабушка Зобеида, которую ты желаешь осчастливить лицезрѣніемъ твоего могущества, здѣсь, только она не смѣла предстать передъ твои свѣтлыя очи.

— Здѣсь? такъ введи ее ко мнѣ!

Стражники не замедлили ввести почтенную бабушку; она глядѣла точно такою, какою видѣлась людямъ изъ корзины на верблюдѣ; только носъ ея былъ опущенъ долу и острые глаза полускрыты; такъ повліяло на нее присутствіе Шахріара и неизвѣстность того: награждать ее или отрубать ей голову.

— Скажи мнѣ, Зобеида, — началъ повелитель правовѣрныхъ:—какъ это случилось, что я, который все-таки не лишень ни зрѣнія, ни мышленія, ни осязанія, не замѣтилъ въ теченіе тысячи слишкомъ сутокъ, что былъ за это время трижды осчастливленъ доброю надеждою увеличенія семьи? Какъ это случилось, что сквозь медоточивыя рѣчи Шехеразады, яркія какъ розы Гулистана, исчезали предо мною трижды возникавшія очертанія моего отеческаго благополучія?

— Это наша тайна, великій государь,—отвѣтила Зобеида.

— Это больше, чѣмъ тайна! Это чудо, и настолько замѣчательное, что въ длинномъ ряду повѣданныхъ мнѣ другихъ чудесъ именно съ нимъ хотѣлось бы мнѣ познакомиться въ особенности.

— Предоставь это сдѣлать мнѣ, мой повелитель,—перебила Шехеразада:—и да послужить этотъ рассказъ мой сохраненіемъ сказки наступающей тысяча второй ночи.

Содержанія этой сказки въ историческихъ документахъ не сохранилось. До насъ дошли только начальныя слова ея:

«Я повѣдаю тебѣ на этотъ разъ,—говорила Шахріару

Шехеразада:—какъ можно изъ ничего создать что-нибудь, и какъ многое изъ того, что несомнѣнно доказано, могло не существовать вовсе, и наоборотъ...»

Этимъ словами ограничиваются всѣ историческія свѣдѣнія о сказкѣ тысяча второй ночи, хранящіяся во многихъ восточныхъ архивахъ. Найдется ли продолженіе — неизвѣстно.

В И Р Т У О З Ы.

(Повѣсть.)

1.

«Панихиды въ 1 часъ пополудни и въ 8 вечера».

Такъ было бы напечатано, если бы Алексѣй Григорьевичъ Гримайловъ умеръ своею смертию и въ обыкновенное время. Съ нимъ случилось совершенно иначе и другой былъ порядокъ похоронъ.

Въ чистомъ полѣ, въ полномъ сіяніи полудня, въ четырехугольникѣ, составленномъ изъ баталіона солдатъ, при значительномъ числѣ начальствующихъ лицъ, — полковой священникъ далъ ему вмѣстѣ съ другими послѣднее напутствіе.

Турки отрѣзали ему голову и его похоронили обезглавленнымъ.

Минута была торжественная.

Опустили въ землю, зарыли, разошлись.

— Вотъ вамъ и прелести войны!

— Да, хорошій былъ человѣкъ Гримайловъ!

— Долговъ у него было много; кто-то за нихъ расплатится?

— Глупая смерть, нечего сказать. И нужно было ему, штатскому, сунуться?

— Душа-человѣкъ былъ!

— Помните тотъ вечеръ съ цыганкамп, у Донона? Раз-

битыя зеркала?—говорилъ адъютантъ съ гвардейскими пуговицами на пальто и съ Георгіемъ въ петлицѣ.

— Да, да! поваръ самъ, въ бѣлой курткѣ и поварской шапкѣ, какъ пришелъ къ жаркому его рѣзать, такъ и не уходилъ послѣ этого: компанія не пустила; цыгане прибыли, пустились въ плясъ, и поваръ вмѣстѣ плясалъ,—чудесно было!

— Помнишь, Петя, директора банка съ длиннымъ носомъ и того... какъ его...

— Кого?

— Ну, кого, желѣзнодорожнаго?

— Хорошо было, хорошо...

— Алексѣй Григорьевичъ специально имъ занялся; взялся напоить, ну и напоилъ...

— А теперь, подумаешь, могла...

— Да, могъ бы пожить!

Таковъ былъ разговоръ двухъ офицеровъ, на коняхъ, уѣзжавшихъ съ похоронъ.

Погода за это время быстро измѣнилась.

Неизвѣстно откуда вдругъ налетѣли тучи, взвился вихрь, брызнулъ дождь.

Грома и молни не было, но, тѣмъ не менѣе, картина была темная-темная. Уходящіе съ похоронъ солдатики шлепали по грязи уже совсѣмъ не въ ногу, а вразбродъ, какъ попало. Музыканты, кто какъ могъ, прикрывали свои инструменты плащами шинелей. Священникъ, усѣвшійся въ фургонъ, пользуясь тѣмъ, что въ фургонъ ни вихрь не свистѣлъ, ни дождь не капалъ, закурилъ папироску и покачиваясь со стороны на сторону, глядѣлъ безропотно и терпѣливо.

Два офицера, разговоръ которыхъ только-что переданъ, пришпорили коней.

Ѣхать приходилось противъ вѣтра; разговоръ долженъ былъ, за неудобствомъ, прекратиться.

— Куда, господа?—громкимъ и какъ бы незаглушаемымъ вѣтромъ голосомъ прокричалъ имъ офицеръ пререгулярныхъ войскъ, наскочивъ на нихъ сзади.

Грудь его лошади была вся въ мылѣ; пѣна, обогрѣнная кровью, лежала по удиламъ; караковый донецъ, остановленный снаскока, отбросилъ голову назадъ и выпятилъ круглую, жилистую шею.

Самъ офицеръ былъ дѣтнна рослый, жилистый, съ большимъ ртомъ, углы котораго, оттянутые кверху, заодно съ длиннымъ носомъ, острый кончикъ котораго нависалъ книзу, сильно напоминали всѣмъ знакомую маску Мефистофеля. Сходство дополнялось нѣсколькими рѣзкими морщинкамъ, скучившимися между густыми бровями. Человѣкъ этотъ былъ жидовско-армянскаго типа.

— Въ главную квартиру,—отвѣчали офицеры и продолжали ѣхать ровною рысью.

— А зальетъ Алексѣя Григорьевича дождемъ въ могилѣ,—проговорилъ казакъ.

— Обсохнеть.

Ѣхали они небольшимъ перелѣскомъ; приземистыя акаціи размахивали своими длинными, ажурными вѣтвями. Дождь лилъ сильный. Небо казалось чрезвычайно подвижнымъ, такъ какъ постоянно рвавшіяся и снова скучпвавшіяся облака то и дѣло перемѣщали свѣтовые блики съ одного мѣста на другое.

— А гдѣ нынчѣ братъ Алексѣя Григорьевича?—спросилъ у казака одинъ изъ офицеровъ.

— Кажется, въ плаваніи,—отвѣтилъ казакъ,—въ Тихомъ океанѣ.

— Онъ старшій?

— Пѣтъ, младшій. Онъ, думаю, годами тремя моложе меня.

Дорога тѣмъ временемъ побѣжала болотцемъ; темныя

кочки, разбросанныя сыпью по гладкой низменности, смѣнили акации; вдали еле обрисовывались невысокіе профили холмовъ и виднѣлся городъ.

До него оставалось версты три—не больше. Задолго до вѣзда въ него, офицеры обогнули временный госпиталь съ его бараками и палатками, затѣмъ артиллерійскій паркъ.

— Куда же вы, Хиламовъ?—обратился одинъ изъ офицеровъ къ нерегулярному товарищу, вдругъ своротившему въ сторону.

— Письма везу, не будетъ ли почты. Нѣтъ ли у васъ чего?

— А пулька послѣ обѣда будетъ?

— Будетъ.

Казакъ отвѣтилъ это «будетъ» издали.

Почтовое полевое отдѣленіе помѣщалось недалеко отъ штабъ-квартиры.

Хиламовъ подѣхалъ къ окну невысокаго дома и постучалъ въ стекло нагайкой. Форточка отворплась.

— Когда отсылаете почту?—спросилъ офицеръ.

— Часа черезъ два.

— Потрудитесь взять заказное.

Письмо было просунуто въ форточку, тутъ же произведена расплата, и онъ отѣхалъ.

Письмо было адресовано: Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 125, Олимпіадѣ Ѳедоровнѣ баронессѣ Шимахъ. Написано оно было чрезвычайно безграмотно; вотъ его содержаніе:

«Посылаю вамъ,—значилось въ письмѣ,—сильно ожидаемую вамъ новость. Дѣло удалось лучшимъ манеромъ и дальнѣйшее въ рудѣ Божіей».

Подписи не было.

Записочка, вложенная въ конвертъ, была невелика, тщательно свернута, наглухо заклеена.

Черезъ два часа почта еще не тронулась; она отправилась только поздно вечеромъ.

Какъ равнодушно глядитъ на проѣзжающихъ и встрѣчныхъ увозимая почта, а между тѣмъ чего не везетъ она съ собою!

Стучать колеса, дремлетъ почтарь, совершенно равнодушный къ тому, что онъ везетъ съ собою цѣлый міръ новыхъ рожденій чувствъ, мыслей, надеждъ, отчаяній, обмановъ, упрековъ, счетовъ и проектовъ, что ездъ этихъ незримыхъ и неслышныхъ сѣмянъ, заключенныхъ, какъ въ капсулькахъ, въ заклеенныхъ конвертахъ, народятся цѣлые циклы дѣйствій, цѣлыя панорамы и анфилады обстоятельствъ, между которыхъ зашмыгаютъ человѣческія личности, воображая себя свободными, снабженными волею.

А почтарь дремлетъ, колеса стучать...

Отсылка письма стоитъ 7 коп. Если оно будетъ стоить 5, почтарь будетъ дремать такъ же спокойно. но лихорадки въ жизни людской прибавится: писемъ будетъ больше.

II.

Теперь просимъ читателя временно забыть сцену, нами описанную.

Разсказъ нашъ начинается ровно за два года до послѣдней турецкой войны. Человѣкъ, только-что похороненный нами, вполне живъ и тотчасъ явится на сцену. Баронесса, которой адресовано письмо съ таинственной записочкою, тоже дѣйствуетъ.

Вотъ какою женщиною была Олимпіада Ѳедоровна баронесса Шимакъ за три года до письма, при самомъ началѣ нашего разсказа.

Она дѣлала, завѣдомо для всѣхъ, много благотворительныхъ дѣлъ, потому что обладала чудесною способностью дѣлать нѣкоторыя дѣла такъ, чтобы о нихъ никто не вѣдалъ.

Ей было двадцать пять лѣтъ отъ роду, но никто не могъ дать ей больше двадцати.

У нея были прелестные, чистые, посаженные въ самыя розовыя десны зубы, и поэтому никто рѣшительно не хотѣлъ вѣрить, чтобы эти зубы были у нея свои.

Никому никогда и въ умъ не приходило, чтобы она была незаконною дочерью, а между тѣмъ это было такъ. Одинъ изъ очень кровныхъ представителей нашего высшаго дворянства сошелся съ графинею не менѣе древняго рода. Плодомъ была дѣвочка, рожденная за границею. Такъ какъ мужъ графини, какъ это не подлежало сомнѣнію, не могъ имѣть дѣтей, то и отыскано было честное люфляндское баронское семейство, которое, за извѣстную сумму, не то чтобы усыновило ее,—нѣтъ: устроена была цѣлая обстановка рожденія дѣвочки.

На семнадцатомъ году беронесса вышла замужъ за барона Шимака.

Пять лѣтъ жизни съ мужемъ. Состояніе прожито. Мужъ умираетъ, слѣдуетъ совпадающее съ его смертію начало у насъ разныхъ предпринимательскихъ горячекъ и устройство его вдовою нѣкоего своеобразнаго, вполне отвѣчавшаго времени, бюро.

Вотъ что происходило на одномъ изъ сотенъ подобныхъ засѣданій этого бюро, задолго до описанныхъ выше похоронъ Алексѣя Григорьевича.

Въ красивой, хотя и не особенно богатой гостиницѣ, часу въ одиннадцатомъ вечера, собралось весьма оживленное, пестрое общество.

Это было въ началѣ апрѣля. Свѣжая, лунная ночь давала себя чувствовать въ теплой, надушенной, не особенно сильно освѣщенной комнатѣ двумя способами: сквозь щели опущенныхъ занавѣсей ложился на полъ голубоватыя полосы свѣта, производя на цвѣтахъ ковра самыя неожидан-

ныя, сдававшіяся на кисть Маковского или Макарта, мелодіи красокъ, а входившія одна за другой дамы (ихъ собралось пять), входя, обязательно потирали себѣ щеки мягкою ворсою темныхъ, на нѣсколько пуговокъ застегнутыхъ, американскихъ перчатокъ.

Характеренъ установившійся способъ дамъ здороваться другъ съ другомъ: онѣ приближаются одна къ другой почти въ упоръ, берутся за обѣ руки, одновременно отбрасываютъ въ сторону хвосты своихъ платьевъ, наклоняются, причемъ фигура каждой изъ нихъ образуетъ трижды ломаную линію: голова, спина, прочее — и чмокаются.

Установлено обычаемъ и то, что присутствующихъ мужчинъ сперва какъ бы не замѣчаютъ, будь это хоть только-что осчастливленный женщиною смертный; только перечмокавшись съ дамами, снисходятъ повернуть къ тому или къ другому голову, кивнуть, а иногда протянуть руку.

Баронесса перечмокалась со всѣми.

Всѣ рѣшительно собравшіяся барыни, кромѣ одной, были ея однолѣтки, всѣ недурны собою, но ни одна не лучше ея. Это политика многихъ хозяекъ.

— Позвольте, однако, васъ познакомить,—обратилась она къ пожилой дамѣ, вошедшей позже всѣхъ:—Анна Федоровна Сытина. Mesdames...

— Господа мужнины, позвольте представить васъ...

Анна Федоровна Сытина была замѣчательнымъ типомъ женщины, встрѣчаемымъ у насъ довольно часто.

Ростомъ—гренадеръ, весьма плотная, весьма крѣпкая, дѣлецъ первой руки, чиповникъ-женщина, фузелиръ-баба, давно развѣхавшаяся съ мужемъ и не пьющая дѣтей. Никакихъ амуровъ, во всю свою жизнь, она не знала, и трудно было бы, при самой пышной фантазіи, предста-

вить ее себѣ, даже въ молодые ея годы, вмѣстѣ съ мужчиною.

Женственность и эта женщина—это было что-то непримиримое, несомѣстимое.

Она со страстью, съ увлеченіемъ, съ какою-то, если можно такъ выразиться, чувственностью относилась только къ цифрамъ, счетамъ, выкладкамъ. Тяжелый запахъ камеръ мировыхъ судей, окружного суда и всякихъ канцелярій былъ ея любимую атмосферою; жаться, тереться, проталкиваться на аукціонахъ было ея наслажденіемъ. Она пускала деньги въ ростъ, по громаднымъ процентамъ, но чрезъ третье лицо, чрезъ одного лысаго, прогорѣвшаго на всѣ лады нѣмчика, Адама Адамовича Фришмана, занимавшагося, кромѣ того, продажею безбандерольныхъ сигаръ. Тайный, весьма большой складъ этихъ сигаръ находился въ квартирѣ Анны Ѳедоровны.

Она ходила въ церковь въ удѣлы; посѣщала итальянскую оперу.

Злые языки говорили, что она жила съ Адамомъ Адамовичемъ. Если это правда, то оно отчасти понятно: этому была причина. Нѣмчикъ въ цвѣтущее время свое надавалъ много векселей...

Всѣ они покоились, скупленные, по хорошо составленному плану, по 10 к. за рубль, Анною Ѳедоровною.

Такимъ образомъ былъ онъ совершенно у нея въ рукахъ, и если правда, что она снисходила къ нему тѣмъ, чѣмъ можетъ снисходить къ мужчинѣ женщина, то она, безъ всякаго сомнѣнія, лобзала въ немъ не что иное, какъ векселя, учтенные чрезъ него, свои проценты, свои безбандерольныя сигары.

Когда, по веснѣ, приходили въ Неву съ моря суда и привозили сигары, Анна Ѳедоровна сама отправлялась къ

нимъ, сама условливалась и расплачивалась съ капитанами и законтрактывывала ихъ на будущій годъ.

Нѣмчикъ бывалъ всегда при ней: отписывался, когда приходилось, всегда онъ, никогда не она. Она не подписывала даже своихъ собственныхъ писемъ,—такъ сильно боялась она своей подписи, видя въ ней какую-то возможную улику, за которую, нѣтъ-нѣтъ, да и засадятъ въ тюрьму.

Когда Анна Ѳедоровна ознакомилась со всѣми гостями, она, въ свою очередь, представила хозяйкѣ вошедшаго за нею мужичку, высокаго, красиваго брюнета, чрезвычайно приличнаго. Если во внѣшности его была какая-либо ошибка, такъ это манера держать себя какъ бы слишкомъ прямо, головой на-отлетъ.

— Алексѣй Григорьевичъ Гримайловъ.

— Очень, очень рада, — отвѣтила хозяйка, — *Soyez le bienvenu*. Графъ не замедлитъ, вѣроятно, явиться, *et il sera charmé de faire votre connaissance*. Давно вы въ Петербургѣ?

— Я ѣздилъ въ Кіевъ и провелъ тамъ недѣли четыре, — отвѣтилъ Гримайловъ.

— И можете себя представить, — ввернула скороговоркою Анна Ѳедоровна, — въ четыре недѣли времени свеклосахарное производство изслѣдовано имъ, изучено, даже направлено удивительно удачно... Талантъ, талантъ! нечего сказать.

— Вы и у Бобринскаго были?

— Былъ. Прелестныя мѣста!

— Хорошо у нихъ поставлено дѣло?

— Очень, очень прочно.

— Я тоже была въ Смѣлѣ, — проговорила одна изъ дамъ, считавшая необходимою вернуть и отъ себя хоть что-нибудь въ разговоръ. — Оригинальный видъ свеклосахарныхъ насажденій..

— А вы это тоже замѣтили?—проговорилъ Гримайловъ.— Не правда ли, что яркая зелень листьевъ, перемѣшанная со стеблями малиноваго, кошенилеваго цвѣта, особенно при боковыхъ лучахъ заходящаго солнца, прелестна?

Пока, такимъ образомъ, устанавливался разговоръ между гостями и принялъ, наконецъ,—такъ какъ они почти всѣ сразу говорили,—характеръ какого-то неяснаго гула, въ которомъ порою четко проскакивали только отдѣльные слова и слышался удивительно изящный, блестящій французскій языкъ Гримайлова, благодаря именно этому говору, стала замѣтнѣе прежняго одна личность.

Это былъ офицеръ пререгулярныхъ войскъ—уже появившійся въ рассказѣ нашемъ Хиламовъ.

Онъ сидѣлъ неподвижно, въ углу, между каминомъ и стѣною, замѣтный не столько своимъ восточнымъ профилемъ, сколько полною молчаливостью.

Уроженецъ какихъ-то таинственныхъ областей, не то Ферганской, не то Тургайской, офицеръ, вслѣдствіе какихъ-то особыхъ правъ населенія, нигдѣ, конечно, не воспитывавшійся, почти безграмотный, Хиламовъ былъ страстнымъ игрокомъ и часто посѣщалъ собранія баронессы.

Костюмъ этого восточнаго человѣка, съ шашкою, княжачкомъ, серебряными галунами, очень рѣзко выдѣлялся на темномъ фонѣ спинки кресла и обоевъ.

— Что же,—обратилась къ нему съ вопросомъ Сытина,— вы насъ опять сегодня обыграете, какъ обыграли вчера у Битинскихъ?

— Постараемся.

— А рядомъ съ Лещинской сядете? Она тоже будетъ.

— Нѣтъ, не сяду, въ карты смотритъ,—отвѣтилъ Хиламовъ.

— Я это тоже замѣтила,—добавила Сытина.

Въ это время вошелъ челоѣкъ, доложившій хозяйкѣ:
— Графъ пожаловали.

III.

Кѣмъ-то сдѣлано было замѣчаніе, что въ наши дни встрѣчается гораздо меньше пожилыхъ людей съ брюшкомъ, чѣмъ лѣтъ тридцать назадъ, къ концу царствованія Николая Павловича.

Это замѣчаніе совершенно вѣрно; развитіе брюшка требуетъ извѣстной доли нравственной осѣдлости, которою люди въ прошлое царствованіе не отличались.

Все и вся неслоь куда-то, какъ-то, количество нервныхъ и мозговыхъ болѣзней увеличилось; исканія, чаянія, переполохи сдѣлались нормальнымъ положеніемъ, и если въ нравственномъ, какъ и въ историческомъ развитіи людей, бродячій образъ жизни предшествуетъ осѣдлому, то мы въ прошлое царствованіе были, несомнѣнно, въ періодѣ скитанія.

Графъ Аполлонъ Исаакіевичъ Верблиховъ, вошедшій въ комнату, при высокомъ ростѣ имѣлъ и весьма почтенное брюшко; это свидѣтельствовало о томъ, что онъ вошелъ во второй періодъ нравственнаго развитія, то-есть созналъ, что именно въ бродячествѣ, въ исканіяхъ и переполохахъ его времени и есть самая осѣдлость.

Сознанное онъ усвоилъ себѣ, и прямымъ слѣдствіемъ этого были: гуманность, готовность прощать все и вся, терпимость, доведенная до послѣднихъ ея предѣловъ, и брюшко.

Когда, однажды, лѣтъ десять до того вечера, который мы описываемъ, ему, сплѣвшему у себя за карточнымъ столомъ съ двумя пріятелями, пришли сообщить, что дочь его, поѣхавшая къ пріятельницѣ обѣдать, бѣжала, обвинчалась

и уѣхала въ Царское Село на тройкахъ, онъ спокойно продолжалъ игру и игралъ отчетливѣе, чѣмъ обыкновенно.

Когда, четыре года спустя, его увѣдомили, что дочь эта, брошенная мужемъ, въ глубокой бѣдности умерла въ послѣ-родовой горячкѣ, оставивъ ребенка, онъ промолвилъ:

— Я извиняю и ея мужа: у него были, конечно, уважительныя причины на то, чтобы бросить. Умѣть прощать, значитъ понимать жизнь и имѣть религію, свою религію!

О ребенкѣ, о внукѣ, графъ никогда ничего не разузнавалъ. Но гуманность его была такъ велика, что онъ не только простилъ дочь, но оправдывалъ даже и мужа.

Графъ занималъ очень высокое административное положеніе по благотворительнымъ учрежденіямъ: чрезъ его руки шло множество прошеній. Самъ онъ могъ обходиться безъ подачи какихъ-либо прошеній: онъ имѣлъ майоратъ, аренду и состоялъ директоромъ въ двухъ акціонерныхъ обществахъ.

Замѣтимъ еще, что графъ былъ однажды «оскорбленъ дѣйствіемъ». У насъ есть такіе! Въ Москвѣ полоснулъ его когда-то одинъ изъ сослуживцевъ; на дуэли графъ, понятно, не дрался.

— Если бы не положительное общаніе, — проговорилъ графъ, наклонившись къ рукѣ хозяйки и поцѣловавъ ее, — ни за что бы не могъ явиться.

Онъ окинулъ взглядомъ присутствующихъ и, завидѣвъ Алексѣя Григорьевича, тотчасъ убѣдился въ томъ, что его пріѣздъ не напрасенъ.

Хозяйка не упустила этого момента и представила его графу.

Когда, по приглашенію баронессы, гости, число которыхъ увеличилось прибытіемъ нѣсколькихъ шикарныхъ офицеровъ, направились къ столовой, гдѣ готовъ былъ чай, съ разными *petits-four*'ами, отъ общей толпы отдѣлились четверо: графъ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ остались въ

гостиной; хозяйка съ однимъ изъ офицеровъ пропла въ будуаръ.

— M-r Sèrge,—сказала она,—ваше желаніе исполнено: я говорила съ m-me Лещинской и должна передать вамъ, что она не всегда такъ горда, какъ кажется.

— Merci,—отвѣтилъ офицеръ.

— Другое ваше дѣло тоже идетъ на ладъ. О себѣ я бы никогда не хлопотала такъ, какъ я хлопочу о васъ. Вы знаете: Анна Ѳедоровна, *elle ne prête jamais sur gages!* на честное слово—да, если хотите, но на вексель—никогда! Ваше условіе, однако, было такое, чтобы непременно подъ вексель?..

— Да, да!—договорилъ торопливо шикозный офицеръ, замѣтивъ, что хозяйка, въ своей дальнѣйшей рѣчи, оставилась, какъ бы выжидая.

— Ну, да, я такъ это и поняла... Вы не знаете, сколько мнѣ это стоило ее уговорить! И къ тому же у нея, въ настоящее время, своихъ нѣтъ, а есть какое-то третье лицо; но никакъ не менѣе 5 процентовъ въ мѣсяцъ и комиссію, и то на полгода. Хотите?

— О! благодарю васъ!

— Затѣмъ еще условіе: никому ни слова, и дѣло берусь вести одна только я; вы ничего больше не знаете. *Entendu?*

— Oui, oui!

— А съ m-me Лещинской не медлите: тамъ есть кто-то на вакансію.

Офицеръ крѣпко пожалъ руку баронессы, торопившейся вернуться къ своимъ гостямъ.

Они направились къ двери.

На порогѣ, красиво освѣщенная свѣтомъ краснаго фонаря, стояла m-me Лещинская. Она была одѣта въ бальное платье и завернула къ баронессѣ по пути, на минутку, какъ она выразилась.

— Это мило, мило, мило!—отвѣтила баронесса, взявъ ее за обѣ руки и поцѣловавъ тою формою поцѣлuya съ изломомъ тѣла на три лпніи, о которой мы говорили выше.

— Знакомы?—обратилась она съ вопросительнымъ взглядомъ къ офицеру.

— Mais oui!—отвѣтила Лещинская.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Я пришлю вамъ чай сюда,—проговорила она и исчезла, не давъ времени отвѣтить.

Передъ шпкознымъ офицеромъ, котораго мы не называемъ даже по имени, потому что, однажды появившись въ нашемъ разсказѣ, онъ исчезнетъ безслѣдно, проходила слѣдующая минута жизни: передъ нимъ стояла одна изъ красивѣйшихъ, свободныхъ отъ предразсудковъ женщинъ, отъ которой только-что былъ переданъ ему своеобразный отвѣтъ; тутъ же, минутой назадъ, дано ему было обѣщаніе добыть значительную сумму денегъ, бѣльшая часть которыхъ пойдетъ, опять-таки, на эту же женщину, стоящую передъ нимъ.

Да позволено намъ будетъ въ нѣсколькихъ строкахъ опередить время, къ которому мы больше не вернемся, чтобы понять, въ какомъ смыслѣ сказано было баронессою офицеру, что посредничество, уплату пяти процентовъ по векселю и комиссію беретъ она на себя,—будетъ ясно, если мы сообщимъ, что Анна Федоровна никогда болѣе трехъ не брала, и въ этомъ частномъ случаѣ претензіи на пять процентовъ не заявляла.

Кромѣ того, черезъ недѣлю получила баронесса отъ офицера очень цѣнный подарокъ—серебряные подстаканники на 24 особы, а двѣ недѣли спустя она сама писала Лещинской:

«Милочка! мнѣ не столько дорогъ брильянтъ, присланный вамъ, сколько вниманіе въ выборѣ подарка: дѣйствительно, мнѣ не хватало именно такого брильянта для пра-

вой серьги; что за вода, блескъ, игра—предѣсть! Но какъ это вы-то могли знать, могли замѣтить, что мнѣ именно такого для полнаго прибора не хватало? Одно изъ двухъ: или я какъ-нибудь при васъ проболталась, или у васъ и ума и вниманія—палата. Чародѣйка! *A vous de sœur et d'âme*».

Баронесса завѣдомо солгала въ концѣ письма: она помнила очень хорошо, въ какой именно день, на какомъ мѣстѣ и въ какихъ выраженіяхъ она, въ присутствіи Лещинской, о недостаткѣ одного брильянта въ ея приборѣ—проболталась.

Нарочно ли?

IV.

Графъ Аполлонъ Исаакіевичъ и Алексѣй Григорьевичъ, оставшись въ гостинной одни, помѣстились на диванѣ, тамъ, гдѣ только-что сидѣли двѣ хорошенькія женщины и все кругомъ дышало еще ихъ обаяніемъ.

— Скажите, Алексѣй Ѳеодоровичъ... кажется, такъ?—началь графъ.

— Алексѣй Григорьевичъ.

— Виновать! Алексѣй Григорьевичъ,—скажите, Алексѣй Григорьевичъ, уполномочиваете ли вы меня говорить съ вами прямо? Такой человѣкъ, какъ вы, имѣющій большой успѣхъ у женщинъ, мнѣ очень, очень нуженъ.

— Я именно о прямотѣ и просилъ бы васъ, графъ; я давно уже хотѣлъ, искалъ случая съ вами познакомиться и признаюсь откровенно—весьма радъ служить вамъ.

— Я буду откровененъ,—отвѣтилъ графъ, улыбаясь;—случай—страненъ и вѣрно то, что мнѣ бываетъ выгодно служить, какъ вы выразились.

Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ «выгодно».

— Слыхалъ-съ...

— Ну, вотъ и прекрасно. Значить, можно говорить?

— Прошу васъ.

— Ваши дѣла очень запутаны? Вѣдь вы казначей въ обществѣ... у Казанскаго моста?

Гримайловъ немного смѣшался.

— Въ такомъ случаѣ, графъ, откровеннымъ придется быть сначала мнѣ, — отвѣтилъ онъ. — Но простите великодушно: въ чемъ же, какая увѣренность?..

— Ага! понимаю, — вы хотите сказать, въ чемъ мое ручательство, не такъ ли?

— Я бы выбралъ слово болѣе мягкое.

— Вотъ одно изъ ручательствъ.

Аполлонъ Исаакіевичъ вынулъ бумажникъ, порылся въ немъ, досталъ аккуратно сложенный вексель и показалъ Гримайлову. Это былъ его вексель на имя одного изъ купцовъ, имѣющихъ магазинъ офицерскихъ вещей и занимающихся ростовщичествомъ.

— Узнаете?

— Узнаю.

— Такъ вотъ видите ли, Алексѣй Григорьевичъ: услуга за услугу. Десять тысячъ сумма порядочная.

— Да, очень порядочная, но мною-то получены далеко не всѣ, а только шесть.

— Знаю, знаю, — быстро проговорилъ графъ, но тутъ же, спохватившись, прибавилъ: — предполагаю.

— А чтò же я долженъ буду сдѣлать за это? Вы позволите надѣяться, что...

— Я попрошу только исполненія такой вещи, которая, если бы она сама подвернулась вамъ, — вы бы непременно воспользовались ею и сдѣлали то, о чемъ я буду просить, не только даромъ, но даже съ нѣкоторыми расходами.

— Въ такомъ случаѣ я ее и такъ сдѣлаю.

— Тогда это не имѣло бы вида сдѣлки, условія, обя-

зательства, а я дѣлецъ прежде всего п вѣрю только обязательствамъ. Я бы не имѣлъ увѣренности, да, кромѣ того, вы бы довели дѣло не до того пункта, до котораго я желаю. Такъ вотъ за это разстоянїе отъ того пункта, до котораго вы бы сами собою непременно дошли, до того пункта, который нуженъ мнѣ, я плачу десять тысячъ.

— Шесть тысячъ, графъ.

— Ну, положимъ, немножко больше, согласны?

— И вы говорите, что тутъ ничего не будетъ такого...

— Ничего.

— Я васъ слушаю.

— Увезите отъ одного мужа его жену.

Алексѣй Григорьевичъ даже привсталъ съ дивана, но тотчасъ же сѣлъ обратно и вперилъ глаза на вексель, хотя п сложенный, но все-таки лежавшїй передъ нимъ на столѣ.

Послѣдовало нѣсколько секундъ молчанїя. Первымъ нарушилъ его графъ.

— Я обратился къ вамъ, Алексѣй Григорьевичъ, зная, къ кому обратиться.

— И хозяйка этого дома тоже знаетъ, почему вы желали видѣть меня?

— О, нѣтъ, не беспокойтесь,—поторопился отвѣтить ему графъ,—это знаю только я одинъ п вы. Женщина, о которой я говорю, чрезвычайно красива, съ нѣкоторыми средствами, пмѣетъ весьма стараго, гадкаго и очень богатаго мужа. Она, я такъ думаю, ждетъ не дождется смѣлаго челоуѣка, жаждетъ романа, такъ что съ этой стороны вамъ никакой особой трудности не предстоитъ.

— Она въ Петербургѣ?

— Пока—да, но будетъ очень недалеко лѣтомъ. Впрочемъ,—процѣдплъ графъ, улыбаясь,—дальнѣйшія свѣдѣнїя только по полученїи согласїя.

— Ну, если я дамъ согласіе, если успѣю увезти ее—что же потомъ?

— Какъ что?

— Но вѣдь, однако, женщина останется на моихъ рукахъ?

— До тѣхъ поръ, пока вы этого захотите; ни получаса больше.

— То-есть, что же, бросить?

— А развѣ вы другихъ не бросали?

Возраженіе было сдѣлано въ упоръ и съ такою увѣренностью, что требовать поименныхъ доказательствъ не представлялось ни малѣйшей надобности. Кромѣ того, репутація Алексѣя Григорьевича съ этой стороны была достаточно установлена.

— Послушайте, графъ,—возразилъ онъ, наконецъ, послѣ нѣкотораго раздумья:—вы сказали, что вы дѣлецъ, чело-вѣкъ обязательства. Вамъ, значитъ, дѣло въ дѣлѣ? Вамъ нужно только, чтобы эта красивая жена стараго мужа была увезена, мною или кѣмъ другимъ, это вамъ безразлично?

— Совершенно.

— Но вексель будетъ мой?

— Вашъ, въ день совершенія похищенія.

— Прелестно. Я согласенъ.

— Ну, такъ слушайте, — заговорилъ графъ, положивъ ногу на ногу.—Вамъ, конечно, знакома одна изъ старыхъ шведскихъ фамилій—Форескіольдъ?

— Знаю. Это не того ли, что состоитъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи?

— Его пменно. Вы его знаете?

— Видалъ нѣсколько разъ, но жену его не видалъ.

— Такъ-съ,—процѣдилъ графъ, выжидая.

— Говорятъ—прелестное существо, лихая наѣздница; между прочимъ. Такъ ее-то дѣло и касается?

— Её. Она на-дняхъ уѣзжаетъ въ свое помѣстье и проведетъ тамъ лѣто. Трудность задачи въ томъ, что дѣло должно быть сдѣлано до осени, непременно до осени, и для того, чтобы хотя сколько-нибудь подготовить почву, остается всего нѣсколько дней.

— Но зачѣмъ же вамъ это похищеніе, графъ?—съ дѣтскою наивною, не пересиливая себя, спросилъ его Алексѣй Григорьевичъ.

— О сообщеніи причины,—отвѣтилъ весьма мягко графъ, поднимаясь съ дивана, — у насъ уговора не было.

Гримайловъ тоже поднялся.

— Считать ли дѣло конченнымъ, условіе заключеннымъ?—спросилъ графъ, слегка накрепивъ голову и глядя на Алексѣя Григорьевича искоса.

— Да, конечно; но, какъ сказано, при условіи совершенія самаго факта мною или кѣмъ другимъ—безразлично.

— О, совершенно безразлично! По рукамъ, не правда ли?

— По рукамъ.

— И никому ни слова,—дополнилъ графъ иронически,—даже хозяйкѣ!

Послѣднія слова проговорилъ онъ, ухмыляясь, грозя пальцемъ, и съ легкимъ наклономъ головы, какъ бы прободая воздухъ, онъ высвободилъ себя и свое брюшко изъ-за стола и направился въ столовую.

Немного позже ихъ изъ будуара вышли Лещинская и шиказный офицеръ. Они были оба веселы, разговорчивы. Офицеръ надвигался очень близко къ Лещинской.

— Но останьтесь же! еще минуту!—говорилъ онъ.

— Не могу, не могу! скажите хозяйкѣ, что я уѣхала, не показавшись даже гостямъ и не простившись съ нею. Я въ столовую и не зайду: у меня, должно-быть, горять щеки.

Она приложила руку поочередно къ обѣимъ щекамъ,

какъ бы для провѣрки своихъ словъ, и быстро проскользнула въ прихожую.

— До свиданья!—слышалось изъ-за двери.

Шикозный офицеръ звякнулъ шпорами и поклонился по направленію къ голосу.

Затѣмъ и онъ пошелъ въ столовую.

V.

Былъ предестный майскій вечеръ, свѣтлый-свѣтлый, напрасно старавшійся стать, наконецъ, ночью. Это ему никакъ не удавалось: свѣта было слишкомъ много.

Отъ яхтъ-клуба, что на Крестовскомъ, часу въ девятомъ, отчалила изящная, ходкая яхта. Ловко управляемая, она проскользнула подлѣ самой Стрѣлки, уставленной экипажами и обрамленной довольно густою толпою пѣшиходовъ.

Яхта обратила на себя общее вниманіе; столпились, поглазѣли, пошушукали.

Въ прозрачномъ свѣтѣ вечера, не хотѣвшаго стать ночью, ясно было, кто сидѣлъ на яхтѣ: два матроса въ бѣлыхъ курткахъ съ синими отложнымп воротниками и офицеръ.

Это былъ не морякъ, а гвардеецъ одного изъ мѣстныхъ полковъ.

Проскользая у Стрѣлки, онъ разглядѣлъ нѣсколькихъ знакомыхъ; послѣдовали поклоны, зашевелилось нѣсколько шляпъ; офицеръ сначала прпложился, потомъ снялъ фуражку, потомъ сдѣлалъ кому-то особенно радушный поклонъ, потомъ сдѣлалъ ручку и быстро пронесся, отчасти задѣвъ бортомъ тѣ зеленые тростники, которые, безнаказанно плодясь передъ Стрѣлкою, уже составили островокъ, а современемъ, конечно, образуютъ продолженіе Стрѣлки.

— Такъ это Полѣвскій?—спросила дама у сидѣвшаго съ нею въ ландо мужины.

— Онъ.

— Дѣйствительно, красивъ! Онъ высокаго роста?

— Высокаго.

Въ кучкѣ офицеровъ, откуда вслѣдъ Полѣсскому посыпалось особенно много поклоновъ, на которые онъ отвѣчалъ, тоже шелъ говорить о немъ.

— Непремѣнно куда-нибудь на авантюру!

— У него дама въ трюмѣ.

— Да тамъ нѣтъ мѣста для дамы.

— Нѣтъ, есть. Я былъ на яхточкѣ: цѣлый маленькій салонъ есть.

— Замѣчательный человѣкъ! Съ такою страстью къ морю и—не морякъ.

— Чтò вы хотите? у насъ, въ Россіи, все и вся невпопадъ! А лихой бы былъ морякъ.

Яхта, тѣмъ временемъ, быстро ускользала. Красивыя очертанія ея выдѣлялись на ярко-пожелтѣвшемъ, плававшемъ закатѣ: она точно уплывала въ пожаръ, въ огонь, въ растопленное золото.

Какая-то гичка, съ пятью одѣтыми въ бѣлое трико гребцами, думала-было догнать ее. Куда! Сильный восточный вѣтеръ, дувшій яхтѣ идеально попутно, уносилъ ее съ быстротою замѣчательною.

Полѣсскому, Егору Ѳедоровичу, было ровно тридцать лѣтъ отъ роду.

Отецъ его былъ когда-то очень богатъ, но состояніе окончилось окончательно продыравленнымъ какъ разъ къ совершеннолѣтію сына.

Егоръ Ѳедоровичъ, пробывъ нѣкоторое время въ московскомъ университетѣ (они были москвичи), конечно, не кончилъ его, пошелъ въ юнкера и успѣшно произведенъ въ офицеры.

Онъ былъ великимъ любителемъ женщинъ—вкусъ, уна-

слѣдованный отъ отца. Имѣя все для успѣха, онъ продолжалъ массу любовныхъ походовъ. Человѣкъ смѣлости необычайной, находчивости самой быстрой, онъ былъ артистомъ своего дѣла.

Это онъ выигралъ пари, сохраненное товарищами въ глубокой тайнѣ, о томъ, что онъ будетъ играть съ Норде на сценѣ. Тогда существовалъ Буффъ. Полѣскій, переодѣтый, конечно, дѣйствительно пробрался однажды, когда играла Норде, въ хористы. Согласно условію, онъ дѣйствительно былъ на сценѣ въ хорѣ, сопровождавшемъ арію Норде. На слѣдующій день хористы были изумлены исчезновеніемъ своего новаго товарища, котораго поджидали...

Но пари было выиграно. Позже узнала объ этомъ Норде и познакомилась съ нимъ именно поэтому.

О женитбѣ Егоръ Ѳедоровичъ отзывался презрительно. Къ женитбѣ чувствовалъ Полѣскій болѣе чѣмъ отвращеніе: онъ считалъ бы позоромъ стать подъ вѣнецъ, и женщина была для него забавою, капризомъ, лакомствомъ, одною изъ усладительницъ того пира, который называется жизнью и въ которомъ онъ призванъ участвовать.

Другою страстью Егора Ѳедоровича было море. Понятно, что онъ былъ членомъ яхтъ-клуба, что онъ бралъ всевозможные призы.

По нѣсколькимъ днямъ исчезалъ онъ изъ Петербурга. Маленькая яхточка уносила его до Риги, Ревеля, Стокгольма. Лагерная стоянка въ Красномъ была для него настоящею пыткой: онъ не могъ рыскать по морю, видѣть его, качаться на немъ!

Какъ это случилось, что онъ сталъ пѣхотинцемъ, а не морякомъ, объяснить было бы мудрено, если бы не простой взглядъ на программы морского училища и на значеніе въ нихъ всякаго рода математики. Математики, даже настолько, насколько грамотный деньщикъ подавалъ ему ее

въ счетахъ на табакъ, ваксу, свѣчи и т. п., было для него болѣе чѣмъ достаточно.

Послѣдній выѣздъ его въ море мимо Стрѣлки имѣлъ дѣйствительно предметомъ своимъ авантюру, какъ было замѣчено кѣмъ-то изъ стоявшихъ въ числѣ зрителей.

Дѣло въ томъ, что разговоръ между графомъ Аполлономъ Исаакиевичемъ и Алексѣемъ Григорьевичемъ, при которомъ мы присутствовали, былъ причиною его поѣздки.

Алексѣй Григорьевичъ Гримайловъ, по здоровомъ обсужденіи вопроса, рѣшился лично не исполнять порученія похитить чужую жену, а передать кому-либо другому. Будь это предложеніе сдѣлано раньше, онъ бы ухватился за него, но теперь интересовала его очень сильно хозяйка дома, баронесса, по причинамъ, съ которыми мы познакомились позже.

Полѣскаго зналъ Гримайловъ давно. Репутація и наклонности Егора Ѳедоровича были ему тоже хорошо извѣстны и какъ разъ пригодны.

Улучить минуту для интимнаго разговора было не трудно. Понятно, что о графѣ, о векселѣ, о подкладкѣ дѣла не было и рѣчи; ему было сказано приблизительно такъ:

— Женщина завѣдомо сучаетъ; она дала замѣтить это тѣмъ-то и тѣмъ-то; плодъ готовъ, остается сорвать его и скушать.

Форескіюльды, тѣмъ временемъ, уже переѣзжали въ свое имѣніе. Наступали лагеря, долгая разлука съ моремъ; все это, вмѣстѣ взятое, быстро сложилось у Полѣскаго въ цѣлый планъ. За приведеніемъ его въ исполненіе нечего было останавливаться.

Яхта Полѣскаго скользнула по направленію къ Кронштадту.

VI.

Предпріятіе, на которое пускался Полѣсскій, было совершенно шальное, слѣдовательно совершенно по немъ. Чтѣ будетъ—то будетъ, а не будетъ ничего, такъ по крайней мѣрѣ прощусь съ моремъ, прежде чѣмъ погрузиться въ пыль и грязь маневровъ и ученій.

Затѣмъ шальные предпріятія, штуки, фокусы—дѣло у насъ довольно заурядное. Языкъ нашъ, всегда отвѣчающій характеру народа, выдумалъ даже особенное слово, совершенно не переводимое на какой-либо изъ европейскихъ языковъ: «удрать» какую-нибудь штуку. Удирать можно только въ двухъ направленіяхъ: или назадъ, отъ чего-нибудь, удирать физически, матеріально, или, наоборотъ—уноситься впередъ, во что-то, какъ-то, сломя голову, но уже не матеріально, а нравственно.

Для того, чтобы удрать штуку, нужно много безшабашности, ухарства, нужно отсутствіе здраваго смысла, нужно иногда полное презрѣніе къ законному, установившемуся порядку, нужно ни въ грошъ не ставить ни себя, ни другихъ, нужно быть русскимъ. Жизнь—копейка, судьба—индѣйка! Это тоже одна изъ характерныхъ пословицъ, сродни слову «удрать»,—того же гнѣзда.

Причинъ этому—множество. Пересчитывать ли ихъ?

Итакъ: Полѣсскій удиралъ штуку.

Море было прелестно.

Зеленѣющіе берега острововъ быстро уплывали назадъ. Все выше и выше поднималъ золотую голову Исаакіевскій соборъ; сначала, вблизи, онъ какъ-то мало выдѣлялся изъ другихъ куполовъ и шпилей. Особенно дерзко спорилъ съ нимъ, какъ вышиною, такъ и позолотою, Петропавловскій шпиль; но, мало-по-малу, все это мельчало, принижалось, и одна только золотая шапка собора, напоминая формою своею

папку Мономаха, высилась надъ городомъ, давила его, лежа на слоѣ дыма и копоти, какъ на бархатѣ какой-то чудовищной подушки.

Мимо Кронштадта прошелъ Полѣскій главнымъ фарватеромъ.

Неуклюжія массы фортѡвъ плыли мимо яхточки совсѣмъ розовыя.

Часа черезъ два вѣтеръ сталъ мѣняться: Ost преобразился въ NO. Подъ утро миновали островъ Сескаръ.

День занялся горячій, яркій, голубой, и Полѣскій, проспавшій часовъ шесть самымъ глубокимъ, невиннымъ сномъ, открылъ глаза довольный и счастливый. Сытная, вкусная закуска увеличила довольство.

Планы, роившіеся въ его головѣ, имѣли полный просторъ расти сколько угодно въ этой необъятной ширѣ и лазури и моря, и неба. Его ужасно занимала нелѣпость, дерзость предпріятія. Онъ, что было очень странно, никогда и нигдѣ не встрѣчалъ г-жи Форескіюльдъ. Чтѡ это за типъ? Слыхалъ онъ о ней, что это женщина — ухарь. Тѣмъ лучше, тѣмъ сподручнѣе.

Но плаванью его не суждено было быть счастливымъ.

На второй день къ вечеру вѣтеръ разсвирѣпѣлъ окончательно и подулъ съ сѣверо-запада. Тучи быстро надвигались, зашумѣлъ дождь, запрыгали и застучали крупныя капли его по волнамъ; вѣтеръ все крѣпчалъ и становился крайне рѣзокъ и порывистъ. Пришлось убавить парусовъ, лавировать.

Буря разыгралась настоящая. Не хватало только грома и молніи. Матросики, народъ ловкій и сподручный, справлялись отлично. Яхта стремилась съ быстротою удивительною, накрепившись такъ, что, будучи длиннѣе могучихъ, пѣвившихся валовъ, киль ея то и дѣло обнажался.

Полѣскій попалъ совершенно въ свою сферу. Онъ

былъ мастеромъ своего дѣла, а чувство страха было ему незнакомо.

Къ ночи засвѣжѣло настолько, что пришлось прибѣгнуть для согрѣванія къ рому. Удовольствіемъ больше! Одно только, что пить было трудно—выплескивало!

Полѣсскій выкинулъ лотъ.

— Двѣнадцать верстъ въ часъ, ваше благородіе,—проговорилъ матросикъ.

— Ходка, нечего сказать!

Яхта потрескивала довольно усердно. Парусъ вздулся полною грудью и казался неподвижнымъ, стальнымъ. Волны были настолько высоки, что когда яхта, скользя по одной изъ нихъ внизъ, достигала наибольшей глубины воронки, другія волны, налѣзавшія со стороны вѣтра съ вихрами пѣны на лбу и ухидившія подъ вѣтеръ, исполосованныя по широкимъ бокамъ отдѣльными струями и пузырями, задвигали горизонтъ отовсюду.

До полночи дллась эта исторія. Наконецъ, стало потише. Яхта вошла въ сферу густого тумана, и было рѣшено держать къ южному берегу.

Часа черезъ три глубина стала значительно уменьшаться. Вѣтеръ стихъ настолько, что намокшіе паруса оказывались лишнимъ грузомъ, пошли на веслахъ и, наконецъ, бросили якорь, такъ какъ, за мелководіемъ, въ туманѣ опасно было идти впередъ.

Туманъ сталъ такъ густъ, что отъ кормы не было видно носа яхты.

Буря смѣнилась самою полною тишиною. Хотя путники наши во время бури, въ свободныя минуты, закусывали отъ поры до времени и днемъ, но настоящая, спокойная жда была все-таки необходимостью.

— А гдѣ мы теперь, Исай, какъ думаешь? — спросилъ Полѣсскій старшаго изъ матросовъ.

— Подъ Нарвою гдѣ ни на есть, надобно полагать, или дальше, у Кунды.

— А я думаю, ваше благородіе, — выхватилъ изъ себя вдругъ молодой матросикъ, — я думаю, подъ Ревелемъ.

— А почему ты такъ думаешь?

— Да больно ходко шли, и вода очень ужъ солона, — прибавилъ онъ, зачерпнувъ ее горстью и смакуя, — такой воды подъ Нарвою нѣту-ти.

— Чтò же, можетъ-быть, ты и правъ. А развѣ очень солона? — спросилъ Полѣскій, тоже смакуя воду. — Дѣйстви-тельно. А ну-ка, братцы: аглицкой хотите?

— Благодаримъ покорно, — отвѣчали матросики въ одинъ голосъ.

Часа черезъ полтора, при первыхъ лучахъ весьма робко прорѣзывавшагося солнца, Полѣскій заснулъ въ чистой и удобной каюткѣ чуть-чуть покачивавшейся яхты.

Старшій матросикъ, прибравъ кое-что изъ такелажа, отливъ воды, заснулъ, свернувшись комомъ подъ мачтою.

Младшій, пошаривъ подъ скамьею, досталъ удочку, насадилъ червяка, взобрался на корму и забросилъ.

Онъ удилъ недолго: громадный окунь, прожорливо хватившій наживу, весь облитый золотомъ восходившаго солнца и серебромъ струй, грохнулся на палубу.

Молодой матросикъ, послѣ этого, не ложился спать вовсе...

VII.

Мы бы могли протянуть рассказъ, если бы стали описывать грѣзы Полѣскаго, когда онъ засыпалъ. Люди другого закала, чѣмъ онъ, допустивъ для нихъ возможность предпріятія подобнаго тому, на которое шелъ онъ, конечно, засыпая, обдумывали бы: чтò имъ дѣлать? Онъ не думалъ объ этомъ; жилка военного человѣка билась въ немъ очень сильно и обуславливала то, что рѣшенія принимались имъ

быстро, по мѣрѣ надобности, по мѣрѣ того, какъ слагались обстоятельства, съ которыми приходилось имѣть дѣло.

Онъ проснулся часу въ десятомъ, и вотъ что онъ увидалъ.

День воцарился самый горячій, ясный. На небѣ не было ни одного облачка, что замѣтилъ онъ, еще лежа въ каютѣ; въ воздухѣ не было ни одного дуновенія.

Яхта стояла посрединѣ небольшой бухты, берега которой были пологіе, и только съ одной стороны, у входа, поднималась значительная скала, какъ бы случайно занесенная сюда съ противоположнаго финляндскаго берега стѣ тамошнихъ шхеръ.

Скалою этою умѣлая рука воспользовалась весьма удачно. На ней красовался хорошенькій мавританскій павильонъ, которымъ въ свое время петербургская публика очень любовалась на одной изъ выставокъ садоводства въ Адмиралтействѣ.

Дорожки сбѣгали внизъ, между куртинъ, не выполнѣ еще обсаженныхъ цвѣтами, направляясь къ разбитому по берегу парку и исчезая въ темныхъ аллеяхъ кленовъ и липъ.

На другой сторонѣ бухты, съ другой стороны входа, высился могучій сосновый боръ и начинались мелкія песчаныя дюны.

Въ глубинѣ бухты, прямо противъ входа, стоялъ барскій домъ съ верандами, павильончиками. Нѣсколько статуй было разбросано по лужайкамъ.

На домѣ былъ поднять и висѣлъ, скучая по вѣтрѣ, флагъ.

Значить, хозяева дома.

Не надо было особенно много догадливости для того, чтобы убѣдиться, что Полѣсскій попалъ именно туда, куда ѣхалъ.

Если бы была возможность сомнѣнія, то она разсѣялась

бы окончательно при видѣ двухъ дамъ, стоявшихъ на берегу и удивленныхъ прибытіемъ въ бухту яхты.

Полѣсскій схватился за бинокль: два прелестныхъ женскихъ образа приблизились къ нему и дали чудесную картинку.

Попавъ между стеклами бинокля, картинка эта оставалась долгое время неподвижною; Полѣсскому было чрезвычайно ясно, какъ, увидавъ наведенный на нихъ бинокль, оба личика улыбнулись.

Въ одной изъ дамъ не трудно было узнать, по описанію, г-жу Форескіюльдъ: высокій ростъ, довольно мелкія черты лица, черные какъ смоль волосы, лѣтъ тридцать отъ роду, хлысть въ рукѣ; другая, тоже брюнетка, но съ чертами лица гораздо болѣе рѣзкими, немного поплотнѣе, — несомнѣнно красивое, энергическое лицо.

Костюмы на обѣихъ были утренніе, сѣроватые. Цѣлыхъ пять борзыхъ собакъ сидѣли и бѣгали подлѣ, въ травѣ лужайки.

Полѣсскій не спускалъ бинокля долѣе, чѣмъ слѣдовало. Это, повидимому, принудило дамъ двинуться съ мѣста; онѣ направились къ небольшой пристани, подлѣ которой виднѣлись двѣ-три разнохарактерныхъ лодки и небольшая яхточка.

Исполняя данное еще ранѣе приказаніе, двое людей отвязывали одну изъ лодокъ; раскинувъ пунцовую подушку на скамьѣ, они направились къ яхтѣ.

Разстояніе отъ берега было шаговъ четырехста.

Полѣсскій ждалъ посланцевъ, несказанно довольный всѣмъ тѣмъ, что случилось, съ успленнымъ біеніемъ сердца въ груди.

Настроеніе его соотвѣтствовало чрезвычайно красотѣ картины и прелести утра.

Лодка подѣхала.

— Скажите, пожалуйста, чье это имѣніе?—спросилъ Егоръ Ѳедоровичъ, желая, чтобы ему сообщили то, что онъ прекрасно зналъ и безъ того.

— Генерала Форескіольда,—отвѣтилъ одинъ изъ посланныхъ, снявъ шапку. Это былъ несомнѣнно эстонецъ.—Они просятъ васъ пожаловать къ нпмъ.

— Это, должно-быть, сама генеральша?—спросилъ Егоръ Ѳедоровичъ, указывая легкимъ поворотомъ головы въ сторону уходившихъ отъ берега и, слѣдовательно, обратившихся къ нему спиною дамъ.

— Точно такъ-съ.

— Вотъ та, что повыше?

— Точно такъ-съ.

— А другая дама кто?

— Госпожа Лещинская.

— Скажите, пожалуйста, генералу и генеральшѣ, что я очень благодаренъ и чрезъ нѣсколько времени буду. Передайте тоже,—прибавилъ Егоръ Ѳедоровичъ, порывшись въ бумажникъ, — мою карточку. Вотъ она. Черезъ полчаса пріѣзжайте.

Лодка отъѣхала.

Эстонецъ исполнилъ порученіе, данное ему, нагнавъ дамъ подлѣ широкой лѣстницы дома.

Полѣсскій, спустившіся въ каюту, чтобы пріодѣться, видѣлъ это; онъ увидалъ также и невысокую сѣрую фигурку мужчины, сидѣвшаго на балконѣ.

Это былъ, несомнѣнно, мужъ; онъ выслушалъ докладъ эстонца, опустившись въ кресло, подлѣ накрытаго къ завтраку стола.

Дамы, заполучивъ карточку, прочтенную генераломъ, прибавившимъ къ переданной имъ карточкѣ слово: «незнакомъ!» вошли внутрь дома.

— Mais c'est l'homme aux pari Bouffe! — звучнымъ

шопотомъ проговорила Лещинская, увлекая хозяйку въ гостиную.

— Не можетъ быть!

— Онъ, онъ! я его видала.

— Ахъ, какъ это кстати! — отвѣтила хозяйка. — *Mais, chère madame: j'ai son portrait alors.*

— Это не тотъ ли, съ костюмированного вечера у Каменскихъ?

— Онъ, да!

Подойдя къ столу, дамы разбросали нѣсколько альбомовъ. Хозяйка раскрыла одинъ изъ нихъ и тотчасъ же отыскала *cabinet-portrait*, о которомъ шла рѣчь.

Въ альбомѣ заключался цѣлый рядъ портретовъ участниковъ одного изъ наиболѣе удавшихся костюмированныхъ вечеровъ предпослѣдней зимы. Костюмы были такъ хороши, что карточками обзаводились даже незнакомые.

На Полѣскомъ былъ костюмъ «*mignons*» временъ Генриха III, въ фіолетовомъ бархатномъ, заостренномъ книзу камзолѣ, въ наброшенномъ на плечи короткомъ, доходившемъ только до талии, бѣломъ атласномъ, шитомъ серебромъ плащѣ, съ золотою, усыпанною жемчугомъ *toque* на головѣ.

Дамы долгое время смотрѣли на портретъ, дѣлая свои замѣчания; невыгодныхъ для портрета не было.

— Очень, очень кстати пріѣхалъ, — проговорила хозяйка, — *м-ме Лещинской* скучно не будетъ, — добавила она, улыбаясь, обративши къ ней свою красивую, энергичную головку.

— *Merci*, — отвѣчала Лещинская, — но мнѣ предчувствуется, что я благодарю васъ — за васъ!.. Почему же и нѣтъ? Я не понимаю, — закончила она, раздумавши.

Послѣдовалъ странный-странный, глубокій вздохъ г-жи Форескильдъ. Отложивъ альбомъ весьма медленно, она

откинула голову и потянулась съ чувством той истомы, которая, если она происходитъ не отъ минутнаго расположенія ко сну, свидѣтельствуеть о чувствѣ совершенно противоположномъ.

— Пойдемте же, однако! — промолвила она, взявъ Лещинскую подъ руку.

Обѣ дамы направилсь на балконъ.

Генераль читалъ газету.

Прислугѣ было приказано прибавить кое-что къ сервировкѣ; выказано было даже значительное нетерпѣніе, нервность, чего генераль, какъ и подобало, не замѣтилъ, а если бы замѣтилъ, то никакъ бы не растолковалъ.

— Однако, нашъ гость, — сказала г-жа Форескіюльдъ, — попалъ вчера въ хорошую передрагу.

— Должно-быть, ловкій, — проговорилъ генераль, не поднимая глазъ отъ газеты, — а вѣдь не морякъ.

— Но какая прелестная яхта! — замѣтила Лещинская; — она гораздо больше вашей.

Заваривъ кофе и чай, хозяйка облокотилась на столъ и молча смотрѣла на то, какъ съѣзжалъ на берегъ Полѣсскій.

Генераль счелъ долгомъ встать съ кресла только когда гость, взойдя на лѣстницу, снялъ фуражку и, отрекомендовавшись дамамъ, подошелъ къ нему.

— Очень, очень радъ, — говорилъ генераль, пожимая ему руку и прося садиться.

Затѣмъ пошли обычные разговоры. Началось, конечно, съ разсказа о вчерашней бурѣ.

VIII.

Внѣшность хозяйки намъ отчасти знакома.

Русская по отцу, полька по матери, воспитанная роскошно, хотя и не основательно, выданная замужъ за старика и согласившаяся на это безъ долгихъ разсужденій, —

она прожила съ нимъ десять лѣтъ безъ особенныхъ нравственныхъ успій. Она унаслѣдовала порядочное состояніе, изъ котораго мужъ не позволялъ ей тратить ни копейки, такъ что, въ данный моментъ, состояніе это было даже значительно.

Участница всѣхъ лучшихъ каруселей, устраиваемыхъ въ Петербургѣ артиллерійскими офицерами, наѣздница первой руки, она, о чемъ своевременно говорили, принимала не разъ участіе даже въ медвѣжьихъ охотахъ и стрѣляла съ мѣткостью замѣчательною. Танцы она ненавидѣла; общества женщинъ не любила; по хозяйству ничего не понимала; простужаться не умѣла; нервовъ не признавала; тратила деньги безмысленно; играла во всѣ игры отлично.

Отчего, спросятъ насъ, при такихъ задаткахъ Людмилы Васильевны—такъ звали ее—умалчивается объ исторіи ея сердца.

Вотъ почему: она три раза измѣняла своему мужу, измѣняла такъ ловко, что объ этомъ не вѣдалъ никто рѣшительно, но похожденія эти были до такой степени ея произведеніями, ея творчествомъ, ея капризомъ, ея игрушкою, были такъ обыкновенны, что она не придавала имъ никакого рѣшительно значенія и отбрасывала любовника, какъ отбрасываетъ колесо быстро ѣдущаго экипажа сухой хрящъ сухого шоссе: колесо поднимаетъ песокъ вдоль шины, и онъ, достигнувъ половины высоты его, завертѣвшись, падаетъ.

Въ послѣднее время, однако, она была свободна и ей по временамъ становилось скучно.

Въ какомъ направленіи было ей скучно. видно изъ того, что она стала сблизжаться съ женщинами покроя m-me Лещинской: ее стали занимать ихъ исторіи, ихъ надежды, ихъ разочарованія. Мужу эти знакомства не нравились, но его объ этомъ и не спрашивали; онъ требовалъ одного

только—сохраненія приличія и покоя: то и другое не нарушалось.

Станція балтійской желѣзной дороги была отъ имѣнія въ пяти верстахъ; гости наѣзжали часто; ихъ выписывали, такъ сказать, по рецептамъ: въ дурную погоду карточныхъ игроковъ, въ хорошую — хорошихъ наѣздниковъ; осенью появлялись охотники, зимою изъ Петербурга наѣзжали пикниками и устраивали охоты, катанья съ горъ, катанья на конькахъ.

Гордый, неразговорчивый шведъ, Францъ Антоновичъ Форескіольдъ терпѣлъ все это безропотно, считая необходимымъ, за невозможностью дать женѣ что-нибудь лучшее, предоставить ей хотя эти льготы.

Нынѣшнимъ лѣтомъ собирался онъ ѣхать въ Карлсбадъ и только-что завелъ съ Петербургомъ переписку, отыскивая себѣ однолѣтковъ-компаньоновъ.

Старикъ былъ воспитанъ въ гельсингфорскомъ университетѣ. Онъ стоялъ постоянно на сторонѣ шведской партіи въ Финляндіи, искренно ненавидѣлъ финновъ, противился, насколько могъ, постановкѣ въ Або памятника финляндскому великому человѣку, профессору Портану, и когда Финляндія получила конституцію, онъ, не совсѣмъ расположенный къ этимъ новымъ порядкамъ, однажды забаллотированный, забралъ свои деньги, перевелъ ихъ съ значительнымъ барышомъ въ Россію, рѣшившись поселиться въ Россіи навсегда, женился на русской и купилъ имѣніе.

Служба и годы дали ему свое: онъ былъ въ большихъ чинахъ и занималъ очень высокое мѣсто по учрежденіямъ Императрицы Маріи. Кромѣ того, онъ былъ и при Дворѣ, члномъ III класса, и всякихъ выходовъ и другихъ церемоній не пропускалъ.

Жена его ко Двору представлена не была: она этого не хотѣла.

Въ послѣднее время Францъ Антоновичъ началъ видимо опускаться. Это было замѣтно, между прочимъ, и изъ того, что одна изъ странныхъ привычекъ его стала маніей. Онъ имѣлъ обыкновеніе, прочитавъ газету, въ теченіе дня нѣсколько разъ вспоминать вслухъ нѣкоторыя изъ именъ собственныхъ, только-что прочитанныхъ имъ.

— Это заставляетъ меня,—говорилъ онъ въ отвѣтъ смѣявшейся женѣ, на ея замѣчаніе,—припоминать различныя науки—географію, астрономію, химію, которыя такъ легко забываются.

Въ день приѣзда Полѣскаго, на очереди у него были: Колорадо, Миссисипи, Ніагара, Миссури. Старикъ прочелъ объявленіе Зевеке объ отходѣ его волжскихъ пароходовъ.

Трудно было зерну упасть на болѣе плодородную почву. Полѣсскій явился совершенно кстати, вполне удачно, для исполненія задуманнаго имъ предпріятія; удачно было и присутствіе Лещинской.

Его смущало только одно: это похищеніе. Зачѣмъ именно похищеніе,—лучше бы иначе! Вѣдь это обуза! Но обѣщанное надо исполнить—если удастся, конечно.

До обѣда было гулянье по парку; послѣ обѣда посѣщеніе яхты и стрѣльба въ цѣль; вечеромъ играла на фортепіано Лещинская, и играла прекрасно; все это перемѣшано живыми, пестрыми, часто пряными разговорами.

Самъ генералъ былъ прелестенъ: онъ по парку не гулялъ, на яхту не поѣхалъ, стрѣлять въ цѣль не умѣлъ; отъ фортепіанной игры ушелъ; въ разговоръ не вмѣшивался совершенно.

— Знаете ли вы, что Егоръ Ѳедоровичъ пробудеть у насъ дня три?—говорила хозяйка мужу, уходя спать.

Она ему иначе какъ «вы» не говорила.

— Чтò жъ, очень радъ. Онъ, кажется, очень милый молодой человѣкъ. Гдѣ ты его положишь?

— Онъ будетъ спать на яхтѣ; остаться здѣсь ни за что не согласился.

— И это хорошо, — договорилъ Форескіюльдъ, поднявшись съ мѣста и уходя къ себѣ. — Колорадо, Миссисипп, Ніагара, Миссури,—повторялъ онъ по пути въ спальню.

Людмила Васильевна, слушая эту географію, улыбнулась.

Въ первомъ часу ночи Полѣсскій былъ у себя на яхтѣ.

Истекшій день оказался такъ полонъ самыми роскошными впечатлѣніями, что на этотъ разъ онъ заснулъ не сразу.

Съ особенною настойчивостью постоянно возникалъ передъ нимъ одинъ изъ эпизодовъ дня — разговоръ съ Лещинской, когда за уходомъ почему-то хозяйки они остались вдвоемъ въ павильонѣ.

Разговоръ вспоминался ему такой:

— Какая она славная—эта Людмила!—сказала Лещинская.—Если бы я была мужчиною...

— Позвольте, — перебилъ ее я, — если бы я былъ женщиною, я бы никогда не говорилъ о ней такъ, какъ вы говорите теперь человѣку, и безъ того готовому потерять голову.

— Такъ скоро?

— Такъ скоро, да! Въ ней есть что-то втягивающее, всасывающее,—отвѣтилъ я ей,—что-то такое, что такъ вотъ и кажется: сейчасъ утонешь, захлебнешься, пойдешь ко дну. И это все, какъ подумаешь...

— И это все, какъ подумаешь,—проговорила она вслѣдъ за мною,—это все... хотите, договорю?

— Договаривайте!

— Все это въ рукахъ такого стараго, обрюзглаго, скучнаго мужа!

— Однако, хороши мы, гости, говорящіе такія рѣчи! — перебилъ я ее.—Только, ради Бога, не передавайте!

— Напротивъ, непременно передамъ, непременно; и многое еще прибавлю!

Понятно, вразумлялъ себя Полѣсскій, что я просилъ ее не передавать сказаннаго именно для того, чтобы она передала.

Перебирая въ памяти другія впечатлѣнія дня, онъ широко улыбнулся тому объясненію, которое онъ получилъ, также отъ Лещинской, насчетъ Колорадо, Миссисипи, Миссури, отъ поры до времени, ни къ селу, ни къ городу, прилетавшихся къ рѣчамъ генерала.

Болѣе положительныхъ результатовъ первый день не принесъ: мало!

IX.

Слѣдующій день занялся тоже роскошный.

— Ваше благородіе спать изволили, — говорилъ поутру Егору Оедоровичу Исай, — а вчерась барыни на яликѣ къ намъ пріѣзжали.

— Какъ пріѣзжали?

— Спрашивали: всего ли намъ довольно, не нужно ли чего?

— Чтò жъ ты, чудакъ, не разбудилъ меня?

Полѣсскому сдѣлалось вдругъ невообразимо совѣстно самого себя.

Какъ? Его опередили? Его, никогда не опаздывавшаго и предугадывавшаго въ такихъ случаяхъ всѣ событія! Да и какъ же могъ онъ, однако, не предвидѣть возможность чего-нибудь подобнаго этому визиту? Вѣдь онъ же видѣлъ, чтò за матеріалъ передъ нимъ въ этой женщинѣ! Онъ долженъ былъ ожидать!

— Э, тутъ, значить, дѣйствуютъ смѣлые его, находчивые, предприимчивые! Вѣдимо, что разговоръ съ Лещинской переданъ по принадлежности и принесъ скорый плодъ. А я легъ спать, да еще, дуракъ, раздѣлся.

Быстро-быстро крутились въ немъ мысли.

Онъ былъ положительно приниженъ въ собственныхъ глазахъ. Его сочли за мальчика, за человѣка, способнаго спать, когда она... ночью... на яликѣ... Нѣтъ! Это невыносимо, это пошло!

«Непремѣнно держалъ бы съ кѣмъ-нибудь пари,—думалъ Полѣсскій, подѣзжая, какъ и вчера, ко времени завтрака, на яликѣ,—что первое слово со стороны которой-нибудь барыни будетъ язвительное: а какъ вы спали?»

— А какъ вы спали?—мило улыбаясь, спросила его Лещинская, сойдя ему навстрѣчу съ лѣстницы. Она прибавила, тоже улыбаясь, но уже вполголоса, что Людмилѣ Васильевнѣ она ничего о ихъ разговорѣ не передавала.

— Какъ? И генералу не передали?—быстро возразилъ Полѣсскій.

— Генералъ ждетъ сегодня визита.

— Кого?

— Одного изъ будущихъ карлсбадскихъ компаньоновъ, съ которымъ списался—графа Верблхова.

— Аполлона Исаакіевича?

— Да.

— Этоть, по крайности, составить ему компанію.

Оба они вошли на лѣстницу; послѣдовали обычныя здорованья и фразы.

Какъ ни старался Егоръ Ѳедоровичъ подсмотрѣть въ лицѣ Людмилы Васильевны хотя малѣйшій слѣдъ безсонницы или тревоги, хотя какую-нибудь блѣдность, хотя бы малѣйшую тѣнь морщинки на челѣ,—всѣ старанія его оставались безуспѣшны. Она была такъ же точно хороша, ровна, весела, предупредительна, какъ и вчера.

Это прибавило масла въ огонь.

«Да вѣдь не дѣлается же это такъ всегда, чортъ возьми!—думалъ Полѣсскій,—пріѣзжаетъ чужой человѣкъ,

вдругъ ѣдутъ къ нему ночью... Вѣдь есть же тутъ извѣстнаго рода необычность, долженъ же быть страхъ за сдѣланное, а то ни-ни! Вѣдь могло это мнѣ и не понравиться! Могу же я, наконецъ, если меня считаютъ за ребенка, какъ бы невзначай проболтаться!? Генераль тутъ. Взрывъ готовъ: стоитъ только бросить искру! На порохѣ стоитъ, а боязни никакой!»

— А знаете ли, Францъ Антоновичъ,—заговорила вдругъ Людмила Васильевна, — вчера, въ первомъ часу ночи, мы ѣздили съ м-те Лещинской на лодкѣ и посѣтили яхту.

Генераль, не опуская газеты, навелъ глаза на жену.

Полѣсскій окончательно смутился и не зналъ, говорить ему, или молчать.

— И Егоръ Федоровичъ не храпитъ, какъ всѣ мужчины,—неожиданно договорила хозяйка.

Женщины расхохотались, а генераль, покачавъ головою, принялся снова за газету: онъ быстро сообразилъ, что сдѣлаетъ женѣ своевременно подходящее замѣчаніе.

Защелкали ножи, зазвенѣли стаканы, завтракъ совершался своимъ порядкомъ.

Полѣсскому надо было во что бы то ни стало сбросить съ себя пеленки, въ которыя, какъ ему казалось, его закутали. Ему стоило величайшихъ усилій не мѣнять своего обыкновеннаго тона, своей развязности.

Въ этомъ случаѣ очень удобнымъ средствомъ является злословье, сплетничанье.

Онъ началъ-было сплетничать.

Отыскались общіе знакомые, заговорили о нихъ.

— Я познакомился съ м-те Колобродовой въ Неаполѣ,—говорилъ Полѣсскій,—она была уже не при мужѣ.

— А мы провели съ нею очень пріятно время въ Киспигенѣ,—замѣтила Лещинская.

— Elle avait la ligne—эта женщина,—добавила хозяйка.

— *Etait-ce la ligne droite, madame?* — спросилъ Полѣсскій.

— А вы хорошій математикъ и педагогъ! я этого не знала,—отвѣтила она ему иронически.—А что же называете вы прямою линіею?

— Все то, что пройдешь, что сдѣлаешь, чѣмъ насладишься вволю, не попавшись, не будучи пойманъ.

— Фи! Развѣ васъ ловили?—замѣтила Лещинская.

— Я подъ словомъ «ловили» разумѣю не что другое, какъ всякую помѣху дѣлу, которое я рѣшился сдѣлать,—возразилъ Полѣсскій, чувствуя съ замираніемъ сердца, что онъ сегодня то и дѣло проваливается. Эта *ligne droite*, и это «быть пойманнымъ» рѣшительно никуда не годились.

Послѣ обѣда ѣздили верхомъ.

Хозяйка, Лещинская и онъ, въ сопровожденіи борзыхъ собакъ, обрыскали окрестности.

Улучивъ минуту, когда Лещинская, нарочно или случайно, отстала, Полѣсскій рѣшился заговорить напрямъе.

Они ѣхали шагомъ между двухъ высокихъ плетней.

Вѣтеръ былъ довольно сильный; темно-зеленый вуаль Людмилы Васильевны то и дѣло обматывался вокругъ нея.

— Людмила Васильевна,—заговорилъ Полѣсскій,—знаете ли? Знаете ли, о чемъ я ужасно жалѣю, глядя на васъ и понимая въ васъ тотъ типъ женщины, котораго представительницею, весьма рѣдкою, являетесь вы?

— О чемъ?—спросила она, улыбнувшись. Смотрите только, чтобы не было въ вашемъ сожалѣніи какой-нибудь *ligne droite*, или чего-нибудь въ родѣ «поймали».

Сказавъ это, она повернулась съ тѣмъ, чтобы посмотреть, далеко ли Лещинская.

Она была далеко.

Движеніе это не ускользнуло отъ вниманія Егора Оедоровпча и придало ему смѣлости.

— Жалѣю о томъ, что, какъ въ этомъ убѣдился я вчера съ достаточною ясностью, приходится иногда быть или казаться совсѣмъ не тѣмъ, что мы есть на самомъ дѣлѣ. Складъ жпзни нашего общества такъ приглаженъ, причесанъ, зашнурованъ, обезличенъ, что выказывать себя приходится только на словахъ: до дѣла не доходить, а въ словахъ приходится сбиваться.

— Да, конечно, во времена рыцарства,—отвѣтила Людмила Васильевна,—это было легче. Стопло выѣхать на большую дорогу, начать грабѣть—п человекъ становился тотчасъ же героемъ!

— Вы смѣтаете, а вѣдь мои слова—правда. Человеку приходится иногда цѣлыми мѣсяцами, куда мѣсяцами—годами ожидать...

— Но вѣдь это состарѣться можно!—быстро перебила его Людмила Васильевна, захохотавъ.

Въ это время сильный порывъ вѣтра, сорвавъ съ амазонки ея шляпу, перекпнулъ ее за плетень и понесъ, перекатывая по полю.

Не успѣла Людмила Васильевна поднять руку къ волосамъ своимъ, боясь дальнѣйшаго разрушенія прически, какъ Полѣсскій, быстро осадивъ лошадь, повернулъ ее мордой къ плетню, далъ шпоры и перемахнулъ черезъ плетень.

Конь сослужилъ службу молодецкп: шляпа была поймана, доставлена и передана черезъ плетень.

— Это лучше вашихъ словъ, Егоръ Ѳедоровичъ,—сказала хозяйка, ожидавшая его возвращенія, приплавивая шляпу;—*такъ* вы мнѣ нравитесь! Вы плохой спикеръ, но хорошій наѣздникъ. Ну, а что бы было, если бы ваша лошадь была не скакунъ?

— Но вѣдь это только если бы, Людмила Васильевна,—отвѣтилъ Полѣсскій.

— Вышла бы каррикатура. Представьте себѣ, что вы ее шпорите, шпорите, а она—ни-ни!

— Однакоже, не вышло,—возразилъ весьма довольный случаемъ Полѣскій.

Лещинская, подѣхавшая въ это время, сообщила, какъ красиво было смотрѣть со стороны на этотъ перелетъ Егора Ѳедоровича черезъ плетень.

— Мнѣ ужасно жаль,—прибавила она,—что вѣтеръ не разбросалъ вашей прически, Людмила Васильевна, окончательно: мы бы убѣдились въ томъ, что у васъ нѣтъ шиньона.

— Объѣзжайте къ воротамъ, Егоръ Ѳедоровичъ, вонъ они, за кустарникомъ,—сказала Людмила Васильевна,—и второй разъ прыжка вашего не повторяйте... Не смѣйте...

На этотъ разъ, хотя голова хозяйки, долго прикалывавшей шляпу, была наклонена, нельзя было не замѣтить сильнаго румянца щекъ и нѣкоторой, значительной доли неловкости.

Полѣскій замѣтилъ это.

Домой возвращались веселѣе, чѣмъ прежде.

Графъ Верблиховъ, тѣмъ временемъ, пріѣхалъ съ послѣднимъ поѣздомъ и сидѣлъ съ Форескіюльдомъ на террасѣ.

Гостей перезнакомили.

— Чайка, воронъ, ястребъ, цапля!—проговорилъ неожиданно Францъ Антоновичъ и, спохватившись, добавилъ:—странныя это имена дали вновь спущеннымъ клиперамъ... Это я только-что прочелъ; все новые клипера строятъ!

Тѣмъ временемъ вечеръ опустился тихій, ясный, тающій. Финскій заливъ пылалъ золотомъ, и солнце, заходя какъ разъ за павильономъ, находившимся на скалѣ, сквозило малиновыми лучами сквозъ густую листву старинныхъ кленовъ и липъ.

X.

Въ то далекое время, когда появился въ печати «Лейтенантъ Бѣлосоръ», различные амуры, только другого характера, порхали по нашему обществу. Жизнь никакихъ другихъ интересовъ не представляла, и надо было довольствоваться хоть этими.

Время, описываемое нами, тоже имѣло своихъ амуровъ; но эти амуры осложнились: примѣшалась страсть къ наживѣ, къ роскошной жизни. Въ то время, когда радикальная литература наша махнула рукою на все и вся, совершенно то же сдѣлали и люди, не имѣвшіе съ нею ничего общаго, люди, противъ которыхъ ратовала эта литература, всякіе доморощенные буржуа, дѣльцы, администраторы, люди съ гербами и безъ гербовъ и ихъ жены.

Какъ и во время «Лейтенанта Бѣлосора», обществу было бы чрезвычайно скучно, если бы не эти амуры, не эта погоня за наживой, не нашъ радикализмъ. Тому и другому остался слѣдъ въ процессахъ—но, прибавимъ, что главные виновные на скамьѣ подсудимыхъ не сидѣли.

Присутствіе на мызѣ Форескіюльда графа Верблихова было совершенно случайное.

Мы уже сказали, что Егоръ Ѳедоровичъ не могъ имѣть и тѣни подозрѣнія того, что онъ, такъ или иначе, не больше, какъ маріонетка графа. Если бы онъ зналъ это, онъ бы разбилъ голову какъ самому Верблихову, такъ и купленному имъ Алексію Григорьевичу.

Но и графъ Верблиховъ, вызванный любезнымъ письмомъ хозяина для переговоровъ о Карлсбадѣ, тоже никакъ не могъ предположить, что планъ его такъ быстро приводится въ исполненіе, и что то, что тутъ дѣлается,—дѣлается по его указанію. Онъ былъ такъ далекъ отъ мысли, что пребываніе здѣсь Полѣскаго обусловлено Алексѣемъ

Григорьевичемъ, что, замѣтивъ—а не замѣтить было нельзя, особенно за обѣдомъ—присутствіе нѣкотораго амурничанья (амуры даютъ знать о себѣ, какъ гарь о горѣннѣ), онъ пожалѣлъ-было о своей сдѣлкѣ.

«Впрочемъ,—подумалъ онъ,—тутъ рѣчь идетъ, вѣроятно, о чемъ-нибудь временномъ, скрытомъ, а мнѣ нуженъ скандалъ, непременно скандалъ!»

Было послѣобѣденное время.

— Дорогой мой Францъ Антоновичъ, какъ вы спать изволили?—спросилъ графъ, самымъ радушнѣйшимъ образомъ протягивая руку входившему послѣ обѣденнаго сна на террасу хозяину.

На террасѣ, кромѣ нихъ, никого не было.

— А денекъ-то какой я вамъ заказалъ къ вашему приѣзду!—отвѣтилъ хозяинъ.

— Только вѣтеръ съ запада: не быть бы дождю.

Старикъ усѣлся за столъ въ ожиданіи возвращенія дамъ и Полѣскаго, отправившихся покататься на яхтѣ.

— Слыхали вы,—заговорилъ графъ,—о странномъ назначеніи Колѣнова въ министерство юстиціи? Въ эти послѣднія три недѣли только и было рѣчи что о немъ; прочили въ министерство финансовъ, прочили къ графу Толстому, а назначили къ Палену.

— Признаюсь, за послѣднее время я никакими назначениями больше не интересуюсь: системы не видно никакой.

— Не говорите,—возразилъ графъ,—система видна, и даже очень ясно видна! Заколдованный кругъ двухъ-трехъ маленькихъ центриковъ: изъ нихъ всѣ лучи, изъ нихъ!

— Хорошая система, нечего сказать,—отвѣтилъ Францъ Антоновичъ.

— А недовольство,—общее недовольство... Вотъ хоть бы разслѣдованіе на Волгѣ: схватить, спросать, улики нѣтъ—и выпустили.

— А что же съ нимъ дѣлать?—возразилъ Францъ Антоновичъ.

— Или не хватать, или не выпускать, а если иначе, такъ это значить играть въ руку нигилизму, который,—какъ-то глухо проговорилъ графъ,—вовсе не такъ безсиленъ, какъ о немъ думаютъ.

— Ну, ужъ,—возразилъ Францъ Антоновичъ,—о нигилизмѣ, вы мнѣ не говорите: его сочиняютъ, этотъ нигилизмъ, имъ пугаютъ,—вотъ и все!

— Ну, а что Колѣновъ такое мѣсто получилъ, такъ это развѣ не хуже нигилизма? Вѣдь онъ правильно по-русски писать не умѣетъ,—сказалъ графъ.

— И это бы не бѣда,—отвѣтилъ Францъ Антоновичъ,—вѣдь вотъ я тоже неправильно по-русски пишу, но развѣ изъ этого слѣдуетъ...

— Вы и я—это дѣло совсѣмъ другое: насъ на мѣдныя деньги воспитывали... Ну, а какіе изъ такихъ назначеній порядки послѣдуютъ—видѣть не трудно...

Запла рѣчь о находившейся тогда въ полномъ ходу раздачѣ оренбургскихъ земель,—тогда производилась самая раздача, и въ печать слухи о ней еще не проникли; о налогахъ на проѣзжающихъ по желѣзнымъ дорогамъ; затронуты, слѣдовательно, были и такія мѣропріятія правительства, о которыхъ еще опубликовано не было, но о существованіи которыхъ наши старички очень хорошо знали, такъ какъ были сами, такъ сказать, отчасти въ правительствѣ.

Если бы ихъ подслушалъ свѣжій, умный человѣкъ, такой человѣкъ, который не пережилъ бы того, что мы пережили, не утратилъ здраваго смысла и ясности взгляда и слуха, онъ бы, не задумавшись, рѣшилъ, что оба старичка въ оппозиціи, что они люди съ сердцемъ, что они любятъ Россію.

Но, Боже мой, какъ бы онъ жестоко ошибся!

Начинало темнѣть, когда совершенно неожиданно для обоихъ генераловъ на террасу пришла Лещинская.

— А гдѣ же тѣ?—спросилъ Францъ Антоновичъ.

— Неужели же еще не вернулись!—сказала Лещинская, взглянувъ на бухту и не видя въ ней яхты.

— Да вы развѣ не ѣздили?

— Нѣтъ. у меня болѣла голова, и я прилегла немного.

— Если бы я это зналъ,—проговорилъ Францъ Антоновичъ,—конечно бы не пустилъ.

— И я бы тоже,—добавилъ графъ, тотчасъ же сообразившій, что тутъ что-то неладно, что тутъ что-то совершилось. Въ подобныхъ случаяхъ у него всегда проявлялась какая-то ехидная зоркость, какое-то шестое чувство, ничего не значущее въ теоретическихъ фізіологіяхъ.

Францъ Антоновичъ, тѣмъ временемъ, подошелъ къ зрительной трубѣ, никогда не смѣщавшейся съ балкона, и сталъ водить ею со стороны на сторону по горизонту моря. Слѣва, отъ заката, надвигалась темная, сплошная масса облаковъ и отвѣсными столбами, цѣлыми занавѣсями лилъ дождь. Тутъ видѣть что-либо въ морѣ было невозможно. Справа небо оставалось безоблачно, но зато на морѣ лежалъ туманъ и нельзя было даже отличить черты, отдѣлявшей море отъ неба. Труба оказывалась безсильною и тутъ.

Вѣтеръ начиналъ посвистывать все съ болѣею силою.

Что происходило въ это время въ головѣ Франца Антоновича? Что происходило въ головѣ графа Верблихова?

На яхтѣ, между тѣмъ быстро летѣвшей къ Петербургу, въ каюткѣ совершалась слѣдующая сцена.

— Однако,—говорила Людмила Васильевна, сильно смущенная и взволнованная,—я соглашалась быть вашей, я уступала вамъ, но... такъ вы рѣшительно увозите меня?

— Увожу—и это неизмѣнно!

— Дѣйствительно неизмѣнно, Егоръ Ѳедоровичъ? Со всѣми послѣдствіями?

— Со всѣми послѣдствіями!

Людмила Васильевна, переждавъ нѣсколько секундъ, бросилась на шею къ сплывшему на скамьѣ каюты Полѣсскому.

XI.

Въ то время, когда отецъ Полѣскаго еще жилъ, а самъ Егоръ Ѳедоровичъ былъ мальчicomъ, они занимали въ Москвѣ довольно нарядную квартиру на Пречистенкѣ.

Отецъ проживалъ свое состояніе не служа: въ ранней юности его когда-то, чѣмъ-то обошли по службѣ, онъ вышелъ въ отставку и сталъ либераломъ. Онъ на своихъ визитныхъ карточкахъ никакой «утвари», какъ онъ выражался, не имѣлъ, и дворянскую корону со времени отставки снялъ.

Пополненіе рядовъ нашихъ либераловъ людьми подобнаго рода—черта чрезвычайно своеобразная и свидѣтельствуется, несомнѣнно, о нашихъ коммунистическихъ наклонностяхъ. Подобная же черта замѣтна и въ нашемъ земствѣ: было такое время, напримѣръ, когда одно изъ земствъ, съ малыми исключеніями, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ—сплошь, состояло изъ бывшихъ чиновниковъ особыхъ порученій, начальниковъ отдѣленій и другихъ администраторовъ, польстившихся на болѣе высокія содержанія...

Ближе прочихъ былъ старикъ Полѣсскій съ генераломъ Микѣевымъ, бывшимъ когда-то начальникомъ штаба на Кавказѣ, доживавшимъ въ Москвѣ свой вѣкъ, безъ отставки, безъ службы, но съ полнымъ содержаніемъ.

Такихъ даромъ оплачиваемыхъ мѣстъ у насъ, какъ извѣстно, чрезвычайно много.

Генералъ Микѣевъ жилъ открыто и былъ бы не прочь

жить еще открытѣе, веселѣе, если бы не угнѣрявшее его вліяніе старшей сестры, вдовы очень извѣстнаго не только въ Москвѣ, но и въ Россіи, откупщика, Анастасіи Ивановны Бирпой.

Причина этого вліянія была довольно странная. Наслышавшись съ дѣтства о томъ, что за богатыми родственниками надо ухаживать, особенно если они бездѣтны. генераль, какъ бы не соображая того, что онъ былъ моложе сестры всего на одинъ годъ, и что вопросъ о томъ, кто умретъ раньше—онъ или она, былъ очень сомнительнаго свойства, считалъ все-таки своею обязанностью чтить ее. Онъ даже какъ-то особенно спльно старался о томъ, чтобы всѣ видѣли, всѣ знали это; онъ положительно находился у сестры въ послушаніи и во всю свою жизнь, какъ бы не давъ себѣ труда размыслить, подчинялся впечатлѣнію, вынесенному изъ дѣтства.

Если бы мы хотѣли представить генерала Микѣева въ болѣе симпатичныхъ краскахъ, чѣмъ то было въ дѣйствительности, намъ бы представилось очень удобное къ тому средство: у Микѣева была дочь Саша, единственный ребенокъ. Стоило бы только сказать, что генераль ухаживалъ за сестрою для дочери,—и цѣль была бы достигнута.

Но мы лгать не хотимъ: главною причиною ухаживанья, скажемъ больше—добровольной зависимости, была мысль о себѣ самомъ, а не о ребенкѣ! Деньги уходили, долги не уменьшались, а жить хотѣлось не хуже прежняго. Состояніе сестры, весьма большое, представлялось надеждою.

Къ тому времени, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, генерала Микѣева, какъ и отца Полѣскаго, въ живыхъ уже нѣтъ: онъ ошпбся въ расчетахъ. Дочь его Саша, которой сохранились кое-какія крохи состоянія, обращенныя въ процентныя бумаги, выросла, кончила институтъ, стала чрезвычайно красива, мила, умна и жила въ домѣ ста-

рушки-тетки, вдовы сткупщика, но называлась уже не Сашею, а Александрою Андреевною.

Когда Егору Ѳедоровичу было пятнадцать лѣтъ, ей было семь. Частыя свиданья, игры, конфеты, дружба обоихъ отцовъ или, лучше сказать, ихъ общія наклонности къ тайнымъ дебошамъ сблизили дѣтей. Старая погудка, какъ видите!

Будучи еще юнкеромъ и прїѣзжая изъ Петербурга, Егоръ Ѳедоровичъ видался съ нею, плясалъ. Но, съ глазъ долой—изъ сердца вонъ, едва только уѣзжалъ онъ, какъ обликъ дѣвушки, видимо становившейся красавицей, исчезалъ, затирался другими, болѣе прочными, болѣе осязаемыми обликами.

«Выйдетъ замужъ,—думалъ Полѣсскій изрѣдка:—не мучаетъ тогда меня; тоже нѣкоторымъ образомъ кузина!»

Старуха Бирпина, у которой жила Александра Андреевна и которую она любила, была женщиною очень характерною. Судьба ея была странна.

Первый мужъ ея былъ морякъ и ходилъ когда-то съ адмираломъ Рикардомъ въ Камчатку. Въ то время мы еще владѣли кусочкомъ Америки, и бобровые воротнички, куны и песцовыя шубы стоили у насъ гораздо дешевле.

Морякъ о женѣ своей, находившейся тогда въ полномъ цвѣтѣ молодости и мечтательности, думалъ очень мало; когда онъ, купаясь гдѣ-то у береговъ Китая, въ Желтой или Синей рѣкѣ—неизвѣстно, утонулъ, то узнала она объ этомъ только годъ спустя. Родные звали ее къ себѣ изъ Петербурга, что она и исполнила.

За второго мужа своего вышла она слѣдующимъ курьезнымъ образомъ.

Только-что состоявшіеся торги на откупъ дали его въ одномъ изъ большихъ округовъ въ руки купца Бирпина.

Послѣдовало пированье, на которое былъ приглашенъ и губернаторъ.

Поѣли, выпили.

— А что, хозяинъ, — проговорилъ какъ-то губернаторъ, удивительно лжившій устраивать свадьбы — по принципу, какъ онъ объяснялъ, для быстрого населенія Имперіи, — теперь бы честнымъ пиркомъ да и за свадебку.

— Радъ бы-съ, да не на комъ, — отвѣтилъ слегка подпившій Биринъ, человекъ лѣтъ сорока, съ сократовской головой и большимъ витгенштейновскимъ носомъ. — Если бы ваше превосходительство рекомендовали...

— Могу, рекомендую...

Губернаторъ потребовалъ календарь, конечно, академическій, потому что въ тѣ дни другого не было, и, скажемъ къ слову, это было единственное общеніе губернатора съ академіей.

Подали. Гости, весьма пестраго состава, шушукаясь и посмѣиваясь, столпились кругомъ. Всѣ знали, что губернаторъ шутникъ.

— Я, — проговорилъ губернаторъ, — невѣсту дѣйствительно по судьбѣ вамъ дамъ; оцѣнить ее сумѣете?

— Сумѣю.

— Готово, значить, все?

— Готово-съ.

Губернаторъ скаталъ пзъ хлѣба шарикъ.

— Открой календарь, гдѣ женскія имена-то!

Открыли; брошенный шарикъ остановился на имени Анастасія.

— Хорошо, помни: Анастасія. Теперь давай мужскія.

Бросили шарикъ, онъ упалъ на Ивана: вѣдь ихъ въ году больше, чѣмъ другихъ.

— Анастасія Ивановна, значить! Пиши вотъ тутъ сбоку, внизу страницы: Анастасія Ивановна, и держи карандашъ въ рукахъ.

— Ну, — проговорилъ губернаторъ, — чтобы не сказали,

что бракъ противъ твоей волѣ будетъ,—говори, съ гласной или согласной буквы ея фамилію начинать?

— Съ согласной, ваше превосходительство!

— Поздравляю съ невѣстою!—проговорилъ губернаторъ.—
Остальное мое дѣло.

Шуму, смѣху, говору не было конца.

Полиція не замедлила разыскать, конечно, имѣется ли въ городѣ или губерніи особа съ подходящимъ именемъ. Оказалось, что имѣются очень многія; по собраннымъ справкамъ, остановился на одной: это была вдова моряка.

Свадьба состоялась черезъ двѣ недѣли, и Анастасія Ивановна переѣхала въ богатую, раззолоченную, обитую коврами квартиру. Календарь, съ прописаннымъ на одной изъ страницъ именемъ ея, постоянно хранился у нея въ кіотѣ, подъ образами.

Она жила съ мужемъ всего только два года и унаслѣдовала громадное состояніе.

Вотъ у нея-то и поселилась, лишившись отца, Александра Андреевна.

XII.

Два года спустя послѣ описаннаго нами похищенія Людмилы Васильевны, въ январѣ мѣсяцѣ, часу въ десятомъ вечера, спящіи въ спальнѣ на диванѣ Анастасія Ивановна и Саша.

Горничная, какъ это бывало регулярно въ одинъ и тотъ же часъ, только-что вошла съ заправленнымъ на ночь лампадками къ кіотѣ; старыя лампадки, нагорѣвъ, сильно чадили. Этотъ частый притокъ лампаднаго чада и въ такомъ количествѣ придавалъ спальнѣ старухи, даже по утрамъ, послѣ открыванія форточекъ, свой особенный запахъ.

Кіота была чрезвычайно велика, такъ что представляла

изъ себя скорѣе молельню, чѣмъ кіоту, чему много способствовало и большое количество лампадъ.

Старуха вязала чулокъ, а Саша, по ея порученію, пересчитывала серебряные ножи, вилки и ложки, такъ какъ человѣкъ, завѣдывавшій буфетомъ, отходилъ отъ мѣста и надо было проверить налѣчность.

Серебро у Анастасіи Ивановны было старое, массивное; мебель отъ Гамбса; экипажи изъ Петербурга—Яковлевскіе.

Серебро у нея въ буфетѣ не залеживалось никогда, такъ какъ старуха была чрезвычайно хлѣбосольна и любила поѣсть хорошо и предпочтительно въ большой компаніи.

Она, тѣмъ не менѣе, считала совершенною необходимостью постоянно продергивать всякихъ «обжираль» и «блюдолизовъ», объѣдающихъ своихъ знакомыхъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ проводила ту мысль, что сама она ничего не ѣстъ и что она въ кушаньяхъ удивительно неразборчива.

Это была завѣдомая ложь. Она ѣла много, съ аппетитомъ и весьма хорошо понимала толкъ въ кушаньяхъ.

— Ты,—говаривала она повару, появлявшемуся, непременно въ костюмѣ и непременно утромъ, когда у нея разыгрывался аппетитъ,—ты, братецъ, долженъ не только на вкусъ, на свѣжесть, но и на внѣшность того, что подаешь, вниманіе обращать. Ты мнѣ вчера бекаспковъ подалъ такъ, что вѣдь смотрѣть жалостливо было...

— Бекасы были-съ хороши!—перебилъ поварь.

— Хороши-то, хороши,—еще бы ты мнѣ нехорошихъ сервировалъ,—а какъ они положены-то были? Ножки ты имъ не по одному порядку свернулъ, а ужъ про шейки, да клювы и говорить нечего—врозь торчали; и такъ-то они грустно, жалостно у тебя съ блюда смотрѣли, точно на катафалкахъ какихъ, на высокихъ булкахъ лежали! Булки должны быть лучше прожарены, а головки птичекъ должны

быть такъ положены, чтобы онѣ не печально на тебя смотрѣли, а такъ сказать — рады были, что на блюдо попали! Положимъ, мнѣ-то оно все равно,—добавляла старуха,—мнѣ былъ бы бульонъ да говядина, а вотъ для гостей, для «обжираль»-то это дѣло другое.

Когда горничная заправила лампадки, она подошла къ небольшой эгажеркѣ, стоявшей въ углу, и, взявъ съ нея календарь, приблизилась къ старухѣ, чтобы исполнить другую свою обязанность, состоявшую въ слѣдующемъ чтеніи:

— Завтра-съ,—начала она, глядя въ книгу,—суббота, 4-е число, луны вторая четверть, святыхъ: Варнавы, Сосипатра, Ахаика, Зины, Руфа, Ерма; историческое событіе: Начало театра Буффъ въ Петербургѣ; особая отмѣтка: если колки въ животѣ—ревень.

— Хорошо,—отвѣтила старуха.

Горничная вышла.

Ножи и ложки въ рукахъ Саши то и дѣло брякали.

Развернувъ одинъ изъ ножей, она расправила бумагу и стала читать. Это была первая страница какой-то газеты съ Высочайшими наградами и назначеніями.

— Ну, что ты тамъ прочла?—спросила ее старуха, поднявъ на нее глаза черезъ очки.

— «Членъ совѣта... тутъ дырочка—не видно, тайный совѣтникъ Форескіольдъ уволенъ отъ службы согласно прошенію, съ зачисленіемъ... опять помято! Назначается: членомъ совѣта... и тутъ не прочесть... тайный совѣтникъ графъ Верблиховъ».

— Ни одного изъ нихъ не знаю,—проговорила старуха,—а должно-быть, въ мое время уже въ Петербургѣ были.

— Эта газета отъ пятнадцатаго іюня 1875 года, те-тушка,—отвѣтила Саша, завертывая ножъ и приступая къ осмотру слѣдующаго.—Сколько, подумаешь, радостей и горд-есть во всѣхъ этихъ приказахъ!—договорила она

— А вотъ, не дай Богъ,—замѣтила старуха,—начнется война,—а ея, кажется, не миновать, — вотъ горе-то разнесутъ газеты и другія реляціи!

— Можетъ-быть, что-нибудь и о Полѣвскомъ узнаемъ,— замѣтила дѣвушка.

— Объ немъ больше, я думаю, отъ мировыхъ судей и другой уголовщины узнаешь, чѣмъ изъ приказовъ.

— Тетушка,—возразила Саша,—ну, зачѣмъ же вы такъ о немъ дурно отзываетесь? Видѣ вы знаете, что мнѣ это непріятно.

Саша оставила работу и откинулась на спинку кресла.

— А ты знаешь,—сказала старуха,—что я его не люблю, что это, по-моему, бунтарь первой руки; что если я его къ себѣ принимаю, такъ это только потому, что память его отца почитаю, хотя, нечего сказать, и ея-то почитать нечего.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Саша встала и подошла къ старухѣ проститься съ нею.

Ея комната была въ совершенно противоположномъ концѣ квартиры. Всѣ драпировки были изъ дорогихъ кружевъ; очень красивъ, исключительно обставителенъ былъ высокій туалетъ: отъ кокошника, усыпаннаго крупными бу-самп, въ широкихъ складкахъ струились наши доморощенные кружева, труды зпмнихъ посидѣлокъ деревенскихъ женщинъ и дѣвушекъ, находящія въ послѣднее время большой сбытъ въ Парижѣ и вызывающія множество подражаній.

Большой портретъ покойнаго отца, писанный масляными красками, кажется Зорянкою, висѣлъ на стѣнѣ противъ входной двери; съ боковъ и подъ нимъ видѣлось нѣсколько фотографій; въ центрѣ, подъ портретомъ отца, въ юнкерскомъ мундирѣ помѣщался Полѣвскій.

Скинувъ платье и оставшись въ корсетѣ, Саша распу-

стила свою роскошную, темную косу, помѣстилась передъ портретомъ товарища своего дѣтства и, глядя на него, стала расчесывать косу, чтобы заплести ее на ночь.

Мысли дѣвушки, глядѣвшей на портретъ, были чрезвычайно скромны, тихи, спокойны. Человѣкъ, на котораго она смотрѣла, былъ такъ далеко, такъ далеко...

Горничная, осторожно войдя и озираясь, подала ей письмо.

Отъ него?!

Саша быстро разорвала конвертъ и прочла.

Александра Андреевна!

Я ѣду на Кавказъ. Мпновать Москву невозможно, да я бы и не мпновалъ ея. Мнѣ бы хотѣлось видѣть васъ, мое свѣтлѣйшее воспоминаніе, но зная нерасположеніе ко мнѣ тетушки, желалъ бы знать: явиться ли мнѣ къ ней, или ожидать другой возможности видѣть васъ на нѣсколько минутъ, хотя бы на улицѣ? Отвѣчайте чрезъ подательницу письма, если хотите—словесно. Я долженъ ѣхать завтра съ поѣздомъ въ 7 вечера.

Душою вашъ

Е. Полѣсскій.

НВ. «Славянскій Базаръ».

— Откуда это письмо?—спросила Саша горничную, немного скопфузившуюся.

— Они дали сами-съ.

— Ты можешь пскать себѣ завтра мѣсто, — отвѣтила Саша.—Я раздѣнусь сама, ты мнѣ ненужна.

— Помилуйте, барышня...

— Ступай!

Когда дѣвушка вышла, Саша прочла письмо еще и еще разъ, поцѣловала его и, раздѣвшись, положила подъ подушку.

Чрезъ нѣсколько времени услыхала она шаги тетушки, шедшей къ ней, по обыкновенію, чтобы проститься.

Сашѣ не хотѣлось ея видѣть: она притворилась спящею. Тетушка благословила племянницу и осторожно вышла.

XIII.

Въ разсказахъ, какъ и въ жизни, есть цѣлые періоды, мало чѣмъ выдающіеся, длинные, блѣдные, лимфатическіе; интересы жизни сгущаются бѣльшею частью въ пзвѣстные пункты, на очень небольшія пространства времени и мѣста.

Разсказываютъ, будто вселенная сложилась точно такъ же: сначала былъ общій туманъ, потомъ мѣстами произошло сгущеніе его, сплоченіе; смотришь: появилась звѣздочка или планетка и пошла вертѣться по поднебесной.

Такъ это было съ Полѣскимъ и Людмилою Васильевою.

Извѣстіе, которое прочла Саша въ старой газетѣ о выходѣ въ отставку Форескіюлда, было справедливо. Старикъ не вынесъ удара, нанесеннаго ему женою; онъ не могъ оставаться въ Петербургѣ; онъ былъ слишкомъ гордъ для того, чтобы сдѣлать что-нибудь противъ бѣжавшей, и предпочелъ удалиться, стереться, исчезнуть. Въ Карлсбадѣ онъ поѣхалъ только на слѣдующій годъ, но за границу уѣхалъ тотчасъ же и началъ путешествіе съ Вѣны.

На его мѣсто, отпчавшееся большимъ содержаніемъ и ничегонедѣланіемъ, дѣйствительно поступаетъ графъ Верблиховъ. Онъ рассчитывалъ на это съ полною основательностью, и вексель въ 10,000 р. былъ разорванъ по обѣщанію.

Назначеніе графа Верблихова рѣшительно нкого не удивило: онъ былъ первый, ближайшій и самый серьезный кандидатъ.

Но думали ли тѣ, кто дѣлалъ о немъ представленіе, въ

силу какихъ обстоятельствъ и какой сдѣлки поставлены они были въ необходимость сдѣлать это представленіе?

У Людмилы Васильевны, какъ мы сказали, было свое состояніе, которое, благодаря Францу Антоновичу, значительно выросло.

Полѣскій и она зажили совершенно матримоніально и были довольны всѣмъ совершившимся.

Меньше чѣмъ черезъ годъ у нихъ родился ребенокъ, сынъ, къ которому Полѣскій страннымъ и неожиданнымъ образомъ привязался.

Мотовство и швырянье денегъ было у обоихъ общее, но пальму первенства слѣдовало все-таки отдать Людмилѣ Васильевнѣ: она съ какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ вызывала зависть въ женщинахъ, которыхъ она проницательно называла «честными», а для этого нужны были большія средства.

Первыми пошли въ ходъ, какъ и слѣдовало ожидать, денежки Полѣскаго; затѣмъ открытъ былъ главный шлюзъ: ея состояніе.

Когда и тутъ почувствовался недостатокъ, Полѣскій сдѣлать одну крупную ошибку: рассчитывая на несомнѣнный успѣхъ какого-то предпріятія, кажется, устройства завода для выдѣлки изъ костей удобренія, онъ взялъ у Людмилы Васильевны десять тысячъ рублей.

Они прокучивали вмѣстѣ въ одинъ вечеръ по 900 руб. нишечемъ, но тутъ были взяты имъ ея деньги на дѣло, да еще и на такое, которое Людмилѣ Васильевнѣ не нравилось.

Этотъ заемъ, какъ мы увидимъ, будетъ играть впослѣдствіи нѣкоторую роль; но уже и въ самомъ началѣ, какъ только стало выясняться, что дѣло удобренія изъ костей не пойдетъ, а выдѣлится изъ него было невозможно, въ отношеніяхъ обоихъ любовниковъ сказалась переменна: фуга страсти прошла, она замѣнилась скучными сольфеджіями.

Второго ребенка Людмилы Васильевны, явившагося скоро за первымъ, Полѣсскій, по тѣмъ или другимъ даннымъ, считалъ не своимъ.

Онъ, какъ и нужно было ждать, въ долгу не оставался; уже въ концѣ перваго года ихъ сожителства пошли, съ его стороны, разныя экскурсіи, а къ концу второго разыгралась одна очень серьезная исторія съ пансіонеркою одного изъ модныхъ пансіоновъ. Дѣло въ томъ, что, не кончивъ еще воспитанія, дѣвушка стала матерью.

Скандалъ пошелъ очень высоко, и Полѣсскому сказано было, что онъ долженъ жениться. Онъ обѣщалъ; само собою разумѣется, что отъ Людмилы Васильевны все это тщательно скрывалось.

Но дать обѣщаніе и исполнить его — двѣ вещи разныя. Отличнымъ средствомъ является выжиданіе, расчетъ на всеуспокаивающее, всепримирующее время.

Оно, дѣйствительно, сдѣлало свое.

Во-первыхъ, хотя такія женщины, какою была Людмила Васильевна, не могутъ не нравиться и обаянье ихъ можетъ быть чрезвычайно сильно, но острые страсти быстро притупляются, утомляютъ, надоѣдаютъ.

Во-вторыхъ, умеръ тотъ ребенокъ, котораго Полѣсскій признавалъ собственнымъ; эта смерть порвала одну изъ существенныхъ связей между нимъ и Людмилою Васильевою. Остались еще двѣ: одна, весьма слабая, нѣчто въ родѣ нравственнаго обязательства передъ увезенною отъ мужа женщиною, съ остатками чувственности; другая, очень сильная, это тѣ 10,000 р., которые взяты были на удобреніе и лопнули съ быстротою изумительною. Третье, что сдѣлало время, было еще лучше: начиналась война, и представилась возможность благороднымъ образомъ уѣхать какъ отъ Людмилы Васильевны, такъ и отъ обѣщанія жениться на пансіонеркѣ.

Полѣскій устроилъ себѣ командировку на Кавказъ и, по прїѣздѣ въ Москву, написалъ Сашѣ то письмо, которое было ею прочитано и повлекло за собою неожиданную отставку горничной.

Расположеніе духа Полѣскаго въ «Славянскомъ Базарѣ» было самое пестрое.

Лучше всего нравилось ему то, что онъ уѣхалъ; меньше интересовалъ его вопросъ объѣздной женитьбы; страннымъ чѣмъ-то давало себя знать и чувствовать желаніе видѣть Сашу...

Должно-быть, прелестна! Но тетушка!.. Впрочемъ, что же значить она? Ничего не значить! Правда, состояніе блестящее... но для этого надо жениться! А Людмила Васильевна? Эта не изъ кроткихъ овецекъ. А пансіонерочка?.. Въ концѣ концовъ Сашу видѣть все-таки нужно. Изъ всего моего дѣтства я помню только ее...

И Полѣскій припоминалъ ту или другую сцену съ нею... Оба отца еще живы; на немъ юнкерскій мундиръ; онъ прїѣхалъ въ отпускъ; ему позволено курить; онъ это дѣлалъ и до того—а тутъ позволено... Онъ вспомнилъ, какъ это не понравилось Сашѣ. А я-то, я! Вѣдь хотѣлъ бросить курить, ей-Богу! И помнилъ онъ, какъ однажды поцѣловалъ ее: онъ уже зналъ тогда, что значить поцѣлуй. Саша затрепетала..

Полѣскій даже улыбнулся своей собственной наивности. Онъ сообразилъ тоже и ту особенность, что никогда и ни въ какомъ случаѣ онъ не обращался къ воспоминаніямъ, а тутъ, какъ только дѣло коснулось Сашы, пошли воспоминанія. Что за чепуха!

«Вѣдь это,—думалъ онъ,—элементъ идиллическій, это нѣчто такое, что свадьбой пахнетъ!»

Эта идея претила ему. Нѣтъ, скорѣе на Кавказъ! Вѣдь

и туда їду я не сиротинкою: тамъ, въ Тифлисѣ, должна быть теперь м-те Крево, блондиночка, невысокаго роста, всегда нїжная, сентиментальная. Когда-то я проводилъ съ нею хорошія мнуты. Она — прямая противоположность Людмилы Васильевны, которая мнѣ, своею натурою Клеопатры, по правдѣ, сильно надоѣла.

За обликѣмъ м-те Крево исчезъ-было совершенно обликъ Сашп. Но та, Крево, еще далеко, на Кавказѣ; да и тамъ ли она? а эта здѣсь; и любопытно посмотрѣть, чѣмъ она стала, во чтѣ выросла, и къ тому же—отчего не закинуть удочку? Вѣдь выйдетъ она когда-нибудь замужъ, и тогда...

Такъ, пли въ этомъ родѣ, разсуждалъ Полѣскій утромъ, за кофе.

Отвѣта все еще не было и это начинало волновать его.

Часовъ въ одиннадцать явилась къ нему заплаканная горничная; прибавимъ тутъ же, что горничная эта была чрезвычайно некрасива; она объяснила, чтѣ и какъ.

— И такъ-таки никакого отвѣта не дал? — спросилъ Полѣскій.

— Никакого-съ.

— И отъ мѣста отставил?

— То-о-о-чно - съ та-акъ - съ... — процѣдила горничная, плача.

— Пу, чего же плакать, моя милая! — проговорилъ Полѣскій, вручая ей десятирублевую, — не плачьте!

Послѣ ухода горничной, Полѣскій, крайне недовольный всѣмъ случившимся, одѣлся и пошелъ бродить по городу; онъ не преминулъ пройти мимо дома Виринѣй.

— Развѣ разсердить ее: явиться къ тетускѣ?—спросилъ онъ себя; но эта мысль была быстро отброшена какъ неудачная, хотя сдѣлать маленькую непріятность было бы желательно. Прпнято рѣшеніе среднее.

Полѣсскій позвонилъ.

— Дома барыня?

— Дома-съ.

— И барышня тоже?

— Тоже-съ.

— Потрудитесь передать мою карточку и сказать, что я, проѣздомъ черезъ Москву, заходилъ къ нимъ.

— Прикажете доложить?

— Нѣтъ, не надо.

Егоръ Оедоровичъ заломалъ карточку съ двухъ угловъ, отдалъ и пошелъ дальше.

«Ну, въ пустую, такъ въ пустую,—думалъ онъ,—хотя и жаль, что такъ вышло».

Онъ взглянулъ на часы. До отхода поѣзда оставалось всего три часа, какъ разъ время пообѣдать у Тѣстова и ѣхать.

«Да не пріѣдетъ ли она на желѣзную дорогу?» — подумалъ онъ.

И поѣхалъ онъ на желѣзную дорогу раньше, чѣмъ слѣдовало.

Первый звонокъ... второй... третій...

Поѣздъ медленно тронулся.

Публика толпилась пестрая; слышались прощанья. Ея не было.

М-ме Крево, блондиночка, снова запрыгала передъ его глазами; но...

Послѣднимъ лицомъ на перронѣ, совсѣмъ отдѣляясь отъ прочей публики, выслась она, Саша, стройная, чудесная, вся облитая сіяніемъ заходившаго солнца...

Меньше шага разстоянія было между ними.

Саша тихо шевельнула головою, поклонилась...

— Мерси!—успѣлъ только сказать Полѣсскій.

XIV.

Зачѣмъ прогнала Саша горячнюю? Зачѣмъ, рѣшившись видѣть Полѣскаго, не пришла она на желѣзную дорогу ранѣе? Зачѣмъ пришла она на желѣзную дорогу?

Какъ извѣстно, природа дополняетъ инстинктомъ то, чего не даетъ она въ другихъ свойствахъ, и въ такомъ случаѣ всѣ эти свойства, даже всѣ высшія способности человѣка—умъ, память, воображеніе—являются ничѣмъ инымъ, какъ покорными и безмолвными исполнителями велѣній этой темной, многозначительной силы инстинкта.

Сашѣ, несомнѣнно, нравился Полѣскій, но отношенія ихъ до настоящей минуты были, такъ сказать, ничѣмъ; для вышпванія нужна канва,—а тутъ не было даже и паутины.

Вдругъ, неожиданно-негаданно, представился случай, письмо, и она инстинктивно воспользовалась имъ совершенно въ свою пользу.

Допуская, что дипломаты самый сообразительный и умный народъ, можно сказать утвердительно, что лучшей программы дѣйствій, чѣмъ та, на которую рѣшилась инстинктивно Саша, они бы не установили въ данныхъ обстоятельствахъ и относительно такого человѣка, какимъ былъ Полѣскій.

Во-первыхъ, удаленіемъ горничной, о которомъ онъ, конечно, долженъ былъ узнать, ему показано, что съ приличною дѣвушкою, безъ уполномочій съ ея стороны, черезъ горничныхъ не переписываются.

Во-вторыхъ, въ домѣ, между прислугою, сохраненъ преступъ.

Въ-третьихъ, въ награду за письмо, за «самое свѣтлое воспоминаніе», Полѣскому все-таки показались:—къ нему явились.

Чтобы Полѣсскій не позволилъ себѣ что-либо лишнее, ему пресѣчена была возможность даже говорить.

Въ-пятыхъ—и это самое главное относительно такого человѣка, какимъ былъ онъ, самое хитрое, самое иезуитское:—его снабдили на дорогу, на разлуку, воспоминаніемъ молчаливаго, прелестнаго облика, который такъ ужъ особенно легко ни въ какомъ случаѣ не достанется, но который все-таки снизошелъ, но снизошелъ такъ, что оставилъ себѣ свободными всѣ пути отступленія и ничѣмъ рѣшительно не обязался.

Полѣсскій повезъ съ собою на Кавказъ—на что Саша и рассчитывала—цѣлую поклажу неясныхъ желаній, противорѣчныхъ надеждъ, неудовлетворенной страстности, недовольства собою и обидное сознаніе полного безсилія, невозможности что-либо измѣнить, что-либо сдѣлать отъ себя.

Понятно, что появленіе его у m-me Крево, въ Тифлисѣ, съ этою неудобною поклажею въ мозгу и сердцѣ, было не особенно многообѣщающимъ.

Посѣщеніе пожараща — посѣщеніе женщины, когда-то близкой человѣку.

И если человѣкъ, въ силу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, открываетъ склепъ своихъ прежнихъ сердечныхъ отношеній и спускается въ него, думая встрѣтить хотя что-нибудь живое, пользоваться имъ, онъ совершаетъ преступленіе, потому что убиваетъ воспоминаніе.

Воспоминанія, накопляющіяся въ насъ во времена, составляютъ въ личной жизни нашей такой же точно элементъ, какъ внѣшняя природа, какъ матеріальный міръ.

Мало того: природа, внѣшній міръ, по веснѣ юнѣетъ, по осени обмпраетъ, все мѣняется; воспоминанія же, эти консервы нравственнаго міра, остаются неизмѣнными.

Пользуйтесь ими, какъ консервамъ, но не какъ свѣжимъ, живымъ матеріаломъ, иначе вы жестоко разочаруетесь!

Полѣсскій сдѣлалъ эту ошибку.

Когда онъ пошелъ къ м-ме Крево и позвонилъ у ея подъѣзда, онъ былъ какъ-то особенно радъ тому, что является возможность отвязаться отъ назойливаго облика Сашп, отъ котораго ему, что ни день, что ни ночь, не было спасенія.

Эта радость стала, повидимому, дѣйствительностью, когда къ нему вышла хозяйка, не потерявшая, казалось, ни одной изъ тѣхъ прелестей, которыми восемь лѣтъ назадъ на цѣлыхъ полгода она привязала къ себѣ Егора Оедоровича.

Какъ нарочно, въ минуту посѣщенія, мужа ея, г-на Крево, дома не было—онъ уѣхалъ въ командировку, и Полѣсскій былъ принятъ въ полномъ смыслѣ слова а *bras ouverts*.

Начались посѣщенія.

На второй день оказалось, когда м-ме Крево, по обыкновенію своему, сильно захохотавъ, откинула назадъ голову,—что она дѣлала отъ ранней юности, потому что обладала прелестными зубами,—что двухъ крайнихъ зубовъ въ верхней челюсти не имѣется.

На третій день Полѣсскій не могъ не замѣтить, про себя, конечно, что она является всегда въ какомъ-то поллучепчикѣ, полунаколѣ. Правда, эта кружевная косынка бывала всегда приколата весьма кокетливо, но, по тщательномъ наблюденіи, оказалось, что она прикрывала собою значительный *dégat* времени въ волосахъ.

На четвертый день одинъ изъ трехъ ребятъ, сыновей ея, вертясь подлѣ матерп, имѣлъ неосторожность наступить ей на ногу. Мать какъ-то взвизгнула; ребенокъ былъ не по вниѣ сильно наказанъ.

Затѣмъ, не по днямъ, а ежечасно. сталъ замѣчать Полѣсскій, что провинція оказала уже огромное вліяніе на

воззрѣнія, способы выраженія и манеры м-те Крево. Ожиданію прїѣзда мужа приданъ былъ характеръ какого-то приготовленія къ священнодѣйствію. Полѣскому то и дѣло казалось, что вотъ - вотъ войдетъ онъ въ нѣкоемъ облаченіи, со свѣтлышками, что раздастся подобающее случаю пѣніе, нѣчто въ родѣ «Исаія лкуй», послѣдуетъ колѣнопреклоненіе...

Ему стало противно смотрѣть на все это. Но онъ почувствовалъ положительное, непоборимое отвращеніе, когда м-те Крево, со слезами на глазахъ, стала объяснять ему причины своего идолопоклонства, оправдывалась, просила прощенія...

Нѣтъ, Полѣскій былъ положительно недоволенъ тѣмъ, что спустился въ склепъ. Образъ Саши сталъ являться все неотвязчивѣе, внушительнѣе, жгученнѣе, ошутимѣе.

Къ счастью,—странное счастье!—въ это время началась война.

XV.

Война за Кавказомъ, ея удачѣ, неудачѣ, опять удачѣ, равно какъ и довольно серьезная интермедія возстанія нѣкоторыхъ изъ горскихъ племенъ, у всѣхъ на памяти, конечно.

Одну изъ самыхъ отрадныхъ страницъ составляла дѣятельность общества Краснаго Креста.

М-те Крево, шившая, вязавшая, продававшая и болтавшая очень старательно въ пользу Краснаго Креста, сообщила однажды Полѣскому, какъ большую новость и великій секретъ, о которомъ она узнала отъ одной камеръ-фрау изъ дворца намѣстника, что къ нимъ ѣдетъ дѣятелемъ по Красному Кресту, для ревизіи, что ли, изъ Петербурга видное лицо—нѣкто графъ Верблиховъ.

— Графъ Верблиховъ? — какъ-то чрезвычайно громко

повторилъ Полѣсскій фамилію человѣка, бывшаго свидѣтелемъ одного изъ самыхъ крупныхъ фактовъ его жизни — похищенія г-жи Форескіольдъ. Ему было чрезвычайно непріятно услышать эту фамилію, такъ какъ предъ нимъ возникла сразу полузабывавшаяся фигура Людмилы Васильевны, и все то, что въ ней ему такъ спльно надоѣло.

— А развѣ вы его знаете?

— Да. Я удивляюсь только выбору Краснаго Креста. Или они не нашли никого лучше?

— А что же это за человѣкъ, Егоръ Ѳедоровичъ? — спросила м-ме Крево, съ расчетомъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія, новыя для Тифлиса и поэтому дорогія для нея.

Въ числѣ множества несообразностей, разсѣянныхъ по Руси, смягчающихся въ силу обстоятельствъ въ ея борьбѣ за существованіе, проявившихся на войнѣ, можетъ быть присчитано значеніе людей, подобныхъ графу Верблихову, въ такихъ учрежденіяхъ, какимъ былъ задуманъ и какимъ былъ дѣйствительно Красный Крестъ.

Таинственный авторъ похищенія г-жи Форескіольдъ является вдругъ ревизующею и въ нѣкоторомъ смыслѣ всемогущею инстанціею въ дѣлѣ самопожертвованій и страданій, величайшихъ подвиговъ духа, является воплощеніемъ милосердія, помощи, отрады, нѣжности, вниманія, добра — въ его свѣтлѣйшихъ, лучезарнѣйшихъ образчикахъ!

М-ме Крево пристала къ Егору Ѳедоровичу съ разспросами. Онъ разсказалъ, что зналъ, и портретъ былъ чрезвычайно близокъ къ оригиналу, несмотря на полное почти отсутствіе личнаго и другихъ вещественныхъ доказательствъ, несмотря на то, что о причинѣ, обусловившей отставку старика Форескіольда, онъ не упомянулъ, потому что не зналъ ея.

Особенной зоркости и наблюдательности Полѣскій въ данномъ случаѣ не выказалъ. Онъ былъ здѣсь, опять-таки, выразителемъ одной изъ характерныхъ особенностей нашего общества, воспитаннаго въ духѣ смѣренномудрія и терпѣнія, подъ наблюденіемъ не одного десятка различныхъ цензуръ: скверная репутація графа Верблихова была прочно установлена, несмотря на то, что ни одна газета ни разу какого-либо изъ его подвиговъ не изобличила; что онъ на скамьѣ подсудимыхъ не сидѣлъ; что въ участіи его не забирали, и къ ежегодному причастію, вѣроятно, по неполнотѣ исповѣди, былъ онъ допускаемъ всегда.

Полѣсскому услышать имя графа Верблихова было неприятно; Верблиховъ, напротивъ того, когда онъ узналъ, что Полѣскій въ Тифлисѣ, ужасно интересовался узнать самъ по себѣ, или по указанію Алексѣя Григорьевича Гримайлова похитилъ онъ Людмилу Васильевну, или, иными словами: бросилъ ли онъ, Верблиховъ, задаромъ свои десять тысячъ, или нѣтъ?

Оба они, какъ пріѣхавшіе изъ Петербурга и поэтому какъ лица болѣе или менѣе замѣтныя, вертѣлись въ Тифлисѣ почти въ тѣхъ же домахъ.

Скорая встрѣча была необходимостью, и она не замедлила устроиться; затѣмъ слѣдовали вторая, третья.

— Да, Егоръ Ѳедоровичъ,—говорилъ, улыбаясь, графъ,—я, что называется, попалъ тогда, въ день отъѣзда вашего, какъ куръ во щи.

— Вы, конечно, простите меня, графъ,—отвѣтилъ Полѣскій,—но мнѣ любопытно знать, что же было тамъ послѣ нашего отъѣзда?

Верблиховъ на это любопытство пменно и рассчитывалъ, и слова, сказанныя имъ, были обдуманы и произнесены не спроста.

— Да-съ... очень ужъ это было старику неожиданно.. Странно было тоже положеніе госпожи Лещинской: все случившееся имѣло видъ, будто и она участница; она утромъ на слѣдующій день съ первымъ поѣздомъ уѣхала.

— Она—участница?

— Я говорю только,—прибавилъ графъ,—что оно имѣло видъ участія: согласитесь, что головная боль, явившаяся такъ кстати...

Графъ Верблховъ разсказалъ, какъ они сидѣли на террасѣ вдвоемъ съ Францемъ Антоновичемъ, думалъ, что на яхтѣ уѣхали всѣ трое, какъ она неожиданно явилась, какъ онъ по горизонту трубу водилъ.

— Смѣло, смѣло было съ вашей стороны, Егоръ Ѳеодоровичъ, очень смѣло!.. Ну, и простите за откровенность, не раскапываетесь?

— Нѣтъ, я счастливъ!—проговорилъ Полѣсскій.

«Вреть!»—подумалъ Верблховъ, слѣдя за выраженіемъ его лица и судя по тону голоса.

Говорять, будто убійцы любятъ посѣщать то мѣсто, на которомъ они совершили преступленіе, и многіе были пойманы такимъ способомъ. Верблхову во что бы то ни стало захотѣлось узнать о судьбѣ своихъ десяти тысячъ и о томъ, насколько сдѣлка его съ Гримайловымъ коснулась или не коснулась Полѣскаго.

— А вѣдь за нею,—сказалъ онъ какъ бы вскользь,—спльно ухаживалъ, такъ говорили по крайней мѣрѣ, Гримайловъ, Алексѣй Григорьевичъ!

И Верблховъ направилъ на Егора Ѳеодоровича тотъ испытующій, упорный взглядъ, отъ котораго, какъ думалось ему, не могло бы укрыться даже то, о чемъ промолчалъ Егоръ Ѳеодоровичъ.

— Гримайловъ? А вы знакомы съ нимъ, графъ?—быстро и рѣзко спросилъ Полѣсскій.

«Знаеть!—подумалъ Верблиховъ, — съ меня довольно, и больше ни слова... ни гу-гу... Остальная судьба денегъ— не мое дѣло!»

Разговоръ былъ затертъ и, пока, дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣлъ

Ложась въ тотъ вечеръ спать и раздумывая объ пстекшемъ днѣ, Верблиховъ—онъ дѣлалъ это совершенно такъ же, какъ императоръ Титъ—былъ недоволенъ собою.

«Зачѣмъ было,—соображалъ онъ,—называть Алексѣя Григорьевича? Вѣдь это, что ни толкуй, а все-таки слѣдъ. Нѣтъ, старъ становлюсь: надо быть осмотрительнѣе. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: Полѣскій, значитъ, пзъ умѣющихъ дѣлиться денежками... Къ свѣдѣнію!»

Это послѣднее, то-есть принятіе къ свѣдѣнію, постоянно дѣлалъ графъ Верблиховъ; у него была всегда на вакансіи цѣлая коллекція людей, годныхъ, по его мнѣнію, на ту или другую службу; онъ ихъ подбиралъ какъ карты, къ мастямъ, и помнилъ о нихъ до того, пока встрѣчалась надобность. Но насколько былъ онъ далекъ отъ истины теперь, онъ и не подозрѣвалъ.

Гораздо болѣе близокъ къ истинѣ былъ Полѣскій.

Старый, забытый разговоръ его съ Гримайловымъ и указаніе, сдѣланное имъ на Людмилу Васильевну, воскресли и стали у него такъ ясны въ памяти, какъ бы имѣли мѣсто вчера.

«Почему же, чортъ возьми, Верблиховъ вспомнилъ именно его? Странно! Изъ сотни, пзъ тысячъ челоуѣкъ одного! Это надобно узнать,—думалъ онъ,—п я узнаю непременно!»

XVI.

Расположеніе духа Полѣскаго портилось пзо-дня-въ-день. Онъ становился желчнымъ, раздражительнымъ.

Приходили письма отъ Людмилы Васильевны; несмотря на ихъ нѣжность, они только сердили его, раздражали. Она предлагала прїѣхать, но Полѣскій ничего не отвѣчалъ на это, рассчитывая, что всегда успѣетъ вызвать ее и что она тогда непременно прїѣдетъ.

«Я даже непременно вызову ее, но своевременно, — думалъ Егоръ Ѳедоровичъ. — Это — про запасъ!»

Онъ принимался нѣсколько разъ писать Сашѣ, но вспоминалъ, что горничная лишилась мѣста: ясно, какого образа дѣйствій Саша хочетъ; можно все испортить! А что она съ характеромъ — видно изъ прїхода ея къ поѣзду и изъ того, какъ именно она пришла и чѣмъ захотѣла огранччиться при свиданіи и дѣйствительно ограничилась, т. е. поставила на своемъ.

Много, очень много способствовалъ развитію раздражительности Полѣскаго графъ Верблиховъ.

Признавъ почему-то свое заключеніе о судьбѣ своихъ десяти тысячъ и о томъ, что часть ихъ перепала на долю Полѣскаго, несомнѣннымъ, онъ сталъ относиться къ нему какъ-то свысока, даже презрительно. Отзывался онъ о немъ, какъ это передавали добрые люди Полѣскому, даже вовсе нехорошо.

Подобный прїемъ весьма обыкновененъ у людей верблиховскаго закала: выдвигая, по возможности, дурныя стороны другихъ, они думаютъ этимъ скрасить, прикрыть свое безобразіе.

Хорошему человѣку незачѣмъ дѣлать это.

Егоръ Ѳедоровичъ, со своей стороны, какъ бы предчувствуя, что графъ будетъ для него, хотя временно, интересной личностью, собиралъ справки о немъ. Такъ узналъ онъ, между прочимъ, и о поощеніи, полученной имъ въ Москвѣ; узналъ, совершенно случайно, отъ одного изъ очень маленькихъ человѣчковъ, отъ мѣстнаго кондитера,

что графъ пускаетъ деньги въ ростъ. Кондитеръ этотъ былъ когда-то довѣреннымъ посыльнымъ у того нѣмчика, о которомъ мы говорили своевременно, передавая о вечерѣ у баронессы Шимахъ; нѣмчикъ, скрытно отъ своей патронессы, описанной нами фюзелиръ-бабы Анны Оедоровны Сытиной, велъ дѣла за свой счетъ и былъ такимъ образомъ агентомъ графа Верблихова.

Но что ни дѣлалъ Полѣсскій, что ни предпринималъ онъ для того, чтобы найти какое-нибудь соотношеніе между графомъ и Гримайловымъ, все оказывалось тщетнымъ.

Въ то время, при началѣ войны, изъ Петербурга въ Тифлисъ наѣхало видимо-невидимо общихъ ихъ знакомыхъ; тѣмъ не менѣе, всѣ его розыски и догадки не приводили ни къ какому результату.

Для Полѣскаго завязывался гордіевъ узелъ.

Если бы какому-нибудь всеславному, нестѣсенному никакими хартіями или грамотами королю пришла вдругъ въ голову фантазія составить себѣ лейбъ-роту тѣлохранителей изъ довольно рѣдкихъ людей, пѣзъ людей, умѣющихъ и любящихъ разсѣкать гордіевы узлы въ жизни, и онъ началъ бы искать ихъ повсюду, чудеснымъ образомъ отыскивая,—онъ бы непременно остановился на Полѣсскомъ.

Вся обстановка жизни его въ Тифлисѣ: m-me Крево, обликъ Саши, пансіонерка, письма Людмилы Васильевны, недостатокъ денегъ, графъ Верблиховъ съ его таинственными словами и начпнавшими переходить всякую границу намеками и недомолвками, слагались въ одинъ громадный гордіевъ узелъ.

Его нужно было разсѣчь.

Онъ думалъ-было сорвать злобу на графѣ, придравшись къ чему-нибудь, но, предупрежденный опять-таки добрыми людьми, графъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ и даже притворился больнымъ.

Въ качествѣ гвардейскаго офицера, Полѣсскій состоялъ при штабѣ одного изъ начинавшихъ дѣйствія передовыхъ отрядовъ.

Были стычки, были и дѣла, и онъ участвовалъ въ нихъ.

Наступилъ іюнь мѣсяцъ — время тяжелое для нашей кавказской арміи. Со стороны Арарата, какъ и со стороны Балканъ, мы сдѣлали вначалѣ одну и ту же ошибку: мы занеслись впередъ и намъ пришлось отступать. Турки то и дѣло получали подкрѣпленія, а намъ приходилось уменьшать количество боевыхъ силъ, потому что возстаніе горскихъ племенъ въ тылу арміи становилось довольно серьезнымъ.

Графъ Верблиховъ, пожелавшій, вѣроятно, мечей на одинъ изъ своихъ многочисленныхъ орденовъ, съ какимъ-то имъ пропагандируемымъ кресломъ-кроватью для раненыхъ, укладывавшимся чуть ли не въ портфель, отправился въ качествѣ дѣятеля Краснаго Креста въ ріонскій отрядъ.

Прибывъ на мѣсто, онъ почелъ долгомъ своимъ показаться всей публикѣ и для этого предпринималъ объѣзды отдѣльных, довольно разбросанныхъ частей отряда.

Такимъ образомъ попалъ онъ и къ одному полковнику, совсѣмъ не рассчитывая на то, что съ нимъ случится.

Мѣстность, гдѣ находился отрядъ, была безлѣсная; между множествомъ гнилыхъ пней, темнѣвшихъ по зелени травы, кое-гдѣ торчали остатки прежней растительности—громадные дубы. Живую часть пейзажа составляли кустарники и папоротники.

Угрюма и задумчива была эта мѣстность, чему много способствовали черныя трубы обгорѣлыхъ гурійскихъ домовъ, разсѣянные по чахлой зелени и свидѣтельствовавшія, за-одно съ пнями, что тутъ какъ по природѣ, такъ и по человѣку прошла смерть.

Люди въ родѣ Верблихова не замѣчаютъ пейзажей, и они не производятъ на нихъ впечатлѣнія.

Отрядъ расположился на ночлегъ.

Ночь была совсѣмъ темная, непривѣтная, и красные огни костровъ не придавали ей особенно ласковаго вида: благодаря порывистому вѣтру, казалось, вся ближайшая мѣстность—холмы, кусты, палатки, лошади у коновязей и ружья въ козлахъ,—все это трепетало, дрожало, готовилось умчаться. свѣяться...

Завываніе вѣтра служило аккомпанементомъ этой зарумяненной пламенемъ ночи; пѣсенъ слышно не было, шель только какой-то глухой, неопредѣленный говоръ.

Въ палаткѣ начальника отряда, передъ которою покоились въ чехлахъ три баталіонныхъ знамена и выслся часового, сидѣли за ужиномъ четыре офицера, докторъ и графъ Верблиховъ.

Верблиховъ очень интересовался знать: насколько обезпеченъ отрядъ на нынѣшнюю ночь и можно ли спать спокойно.

— Но гдѣ же, однако, по вашему мнѣнію, турки?—обратился онъ съ вопросомъ къ полковнику.

— Да, если бы знать!

— Однако... ну, сколько верстъ? Ну, въ какомъ направленіи?

— Вонъ тамъ,—отвѣтилъ полковникъ, вытянувъ руку въ сторону совершенно противоположную той, указанія которой ожидалъ графъ,—къ тылу.

— Тамъ?!—спросилъ онъ, удивленный.

— Да, да,—съ апломбомъ повторилъ полковникъ.

Офицеры переглянулись, тоже недоумѣвая.

— Интендантство-съ,—отвѣтилъ полковникъ.

Недоумѣніе разрѣшилось общимъ хохотомъ.

Верблиховъ остался безъ прямого отвѣта, но тоже очень усердно засмѣялся.

За общимъ смѣхомъ слѣдуетъ обыкновенно общее молчаніе.

Въ это-то время вдругъ раздалась какая-то далекая, порывистая трескотня. Ее слышно было чрезвычайно ясно, такъ какъ въ палатки, между солдатами, установилась почти полная тишина.

— Ага!—проговорилъ полковникъ, поднявшись съ мѣста. Всталъ и другіе.

Верблиховъ понялъ, что это пальба, и поблѣднѣлъ весьма замѣтно.

— Это со стороны Петра Ѳедоровича,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ, старѣйшій по годамъ и по сѣднѣ густыхъ, точно нерасчесанныхъ бакенбардъ.

Не будить людей — было первымъ приказаніемъ, отданнымъ полковникомъ. Второе приказаніе его, по выходѣ изъ палатки, было: позвать начальника казацкой сотни, находившейся при отрядѣ, и послать ее впередъ.

Но въ лагерѣ, тѣмъ временемъ, все зашевелилось.

Верблиховъ, къ которому подошли человекъ три санитаровъ, для того, чтобы справиться, не прикажетъ ли онъ чего, послалъ ихъ всѣхъ трехъ за своею лошадыю.

— Да посмотрите, все ли исправно въ сѣдлѣ, въ удилахъ... А пуглива лошадь ночью?

— Известно, ваше сіятельство, не то что днемъ,—отвѣтилъ крѣпкоплечій санитаръ;—у всякой скотины ночью норовъ мѣняется.

— А спотыкается она?

— Никакъ нѣтъ-съ, на ноги крѣпка.

Санитары ушли.

Перестрѣлка тѣмъ временемъ не прекращалась, но перемѣщалась съ мѣста на мѣсто. Многіе изъ костровъ пылали гораздо слабѣе, и ночь, совершенно нахмурившись, спрятавала всѣ свои звѣзды.

«Очень мнѣ нужно было, однако, — думалъ Вербли-

ховъ,—пробираться сюда, подъ выстрѣлы! Сидѣлъ бы, ей-Богу...»

Онъ ходилъ взадъ и впередъ между палатками, совершенно серьезно соображая, нельзя ли придумать какой-нибудь такой комбинаціи, чтобы отправиться ему сейчасъ же по направленію къ Тифлису, будто бы для того, чтобы распорядиться доставленіемъ еще санитаровъ, съ ихъ принадлежностями.

«Еще санитаровъ, побольше санитаровъ, — соображалъ онъ, — цѣлый легіонъ санитаровъ! Но для этого нужно, однако, чтобы были ранены. Отчего же ихъ нѣтъ, этихъ раненыхъ? Побольше раненыхъ, больше крови, чтобы все это тѣла, тѣла, умирающіе были кругомъ, чтобы ножи у докторовъ тупились, чтобы рукъ не хватало, бинтовъ, корпіи!.. Тогда, тогда можно будетъ ухватить за помощь, — а теперь нельзя, нельзя!»

И онъ ходилъ, заложивъ руки за спину, и воображеніе его съ совершенно неестественнымъ ему пыломъ рисовало ближайшее будущее ярко, четко, ужасно...

Заря чуть-чуть занималась, когда выстрѣлы стали ослабѣвать, удаляться.

Прискакалъ ординарецъ и доложилъ что-то полковнику.

XVII.

Боже, какъ прелестна показалась графу Верблюхову разгорѣвшаяся заря, когда онъ узналъ отъ полковника, что ночное нападеніе кончилось для насъ удачно, и что непріятель отступилъ!

— Однако, вѣдь есть же тамъ раненные? Бѣдные! И много ихъ? — спросилъ онъ полковника, входя въ свою роль. Онъ обращался по преимуществу только къ одному полковнику.

— Много! Поѣзжайте!—отвѣтилъ полковникъ.

Кликнувъ команду санитаровъ, графъ усѣлся на коня и, спросивъ провожатаго, двинулся впередъ походомъ.

Очень хорошъ былъ на конѣ этотъ прелестный господинъ, съ брюшкомъ, покопвшимся на холкѣ весьма прочнаго, пѣгаго коня! Къ сѣдлу его былъ привязанъ экземпляръ кресла-кровати, пропагандируемой имъ.

Это былъ, если хотите, своего рода Донъ-Кихоть, или, правильнѣе, пародія на Донъ-Кихота; Донъ-Кихоть бился съ мельницами, принимая ихъ за великановъ,—графъ Верблиховъ только тогда вступилъ бы съ ними въ бой, когда бы убѣдился, что это дѣйствительно только мельницы, а не великаны, но что они всѣмъ остальнымъ людямъ, кромѣ него, дѣйствительно кажутся великанами.

Донъ-Кихоть бился съ паукомъ,—Верблиховъ былъ самъ громаднымъ паукомъ самыхъ кровожадныхъ свойствъ, вооруженный къ тому же долгою практикою.

Вслѣдъ за нимъ, въ повозкѣ, ѣхала сестра милосердія. Это была женщина лѣтъ тридцати, довольно осанистая, замѣчательно блѣдная, молчаливая, недурная собой.

Онъ, почувявъ въ себѣ, благодаря исчезнувшему страху, ясному утру, звѣздѣ съ мечами въ перспективѣ, благодаря роли начальствующаго лица на конѣ и вообще новости боевой обстановки, то и дѣло гарцовалъ передъ сестрою, поплескивая брюшкомъ по жирной холкѣ коня.

Сестра, должно-быть, замѣтила неприличіе его взглядовъ и, вынувъ изъ-за передника Евангеліе, занялась его чтеніемъ.

Благодаря довольно сносноѣ дорогѣ, санитары подвигались быстро.

По прибытіи на мѣсто имъ предстояла работа.

Ночное нападеніе турокъ было произведено съ кошачьею ловкостью: три пикета наши прирѣзаны и головы людей увезены; раненыхъ оказалось человѣкъ сорокъ.

Верблиховъ суетился чрезвычайно. Обрыскивая различные пункты, онъ забылъ даже покормить свою лошадь и сдѣлать это только послѣ напоминанія крѣпкоплечаго санитаря.

— Я и самъ, братецъ ты мой,—говорилъ онъ, сползая съ коня, — не ѣлъ еще, такъ гдѣ же мнѣ о лошади-то думать?

Доктору онъ положительно мѣшалъ своимъ физиологическими разспросами: почему вотъ эта рана—смертельна, а эта, вотъ, гораздо страшнѣе—нѣтъ, и пр.

Начальникомъ этого отряда былъ опять-таки полковникъ, и графъ Верблиховъ лѣнулъ постоянно къ нему.

Этотъ полковникъ былъ суровѣе, молчаливѣе другого. Кромѣ того, онъ казался чрезвычайно озабоченъ.

— Скажите, пожалуйста,—обратился Верблиховъ съ вопросомъ къ его адъютанту,—отчего это полковникъ такой сдержанный, скрытный? Развѣ есть какія причины?

— Я не раздѣляю мнѣнія полковника, — сказалъ самоувѣренно адъютантъ,—будто почное дѣло наше предвѣстникъ чего-то нехорошаго.

— А чтò же онъ думаетъ?

— Онъ боится не только за нашъ отрядъ. но и за судьбу остальныхъ, дѣйствующихъ подлѣ насъ, влѣво отъ центра.

— Т. е. чего же, однако?

— Онъ боится, что насъ отрѣжутъ.

— Отрѣжутъ?

— Да! Онъ говоритъ, будто турки видимо выкалываютъ клинъ между нами и центромъ, и удивляется тому, что этого не замѣчаютъ. Онъ даже писалъ объ этомъ начальству, но его отвѣтомъ не почтѣли.

— Ну, а ваше мнѣніе?—приставалъ Верблиховъ.

— Я уже сказалъ, что я мнѣнія противнаго; но нашего брата не спрашиваютъ,—замѣтилъ адъютантъ.

Съ возвышенности, на которой оба стояли во время разговора, ясно можно было видѣть, какъ въ это время со стороны главнаго отряда, поднимая густую пыль, мчался какой-то казакъ.

Объ этомъ немедленно дано было знать полковнику. Гонецъ, спустившись въ ложбину, скрылся на время изъ глазъ; когда онъ показался снова, то видно было, насколько взмылена его лошадь; морда была вся въ крови. Полковникъ вышелъ къ нему навстрѣчу.

Ему передано приказаніе отступать сейчасъ же, такъ какъ главныя турецкія силы направлялись между отдѣльными отрядами и центромъ. Сказано было, что, въ случаѣ надобности, такъ какъ есть основаніе полагать, что наступающіе очень недалеко, то не заботиться о соединеніи, но отступить во что бы то ни стало.

— Кто изъ насъ правъ? — обратился полковникъ къ адъютанту.

Тотчасъ же отправлены ординарцы на форпосты съ приказаніемъ другимъ отрядамъ стягиваться.

Знакомое Верблихову съ прошедшей ночи чувство на этотъ разъ уже совершенно властительно, самоуправно, сразу вошло въ него.

Былъ второй часъ дня.

Лагерь быстро разобрали; потянулся обозъ, санитары, тронулись войска и загрохотали колеса полубатарей.

Отрядъ двигался въ полномъ порядкѣ, со всѣми должными предосторожностями, и вытянулся версты на четыре. Въ пятомъ часу вечера, съ лѣваго фланга его, изъ глубокаго оврага, издали, показались турки. Сдѣлано было немедленно распоряженіе для принятія боя: выстроенъ фронтъ, выдвинута артиллерія.

Ударила первая пушка, вторая... затрещала ружейная перестрѣлка.

Сила турокъ была въ кавалеріи.

Пока наша пѣхота, перейдя въ наступленіе, спускалась въ оврагъ и отразила турокъ на весьма значительное разстояніе, со стороны противоположной и уже прямо на обозъ налетѣли курды. Сумятица поднялась большая.

Верблиховъ, какъ человѣкъ совершенно неопытный въ военномъ дѣлѣ, давно уже, съ самаго начала перестрѣлки, услыхавъ свистъ пуль, машинально направилъ своего коня въ сторону, противоположную выстрѣламъ. Онъ отъѣзжалъ, самъ не замѣчая того, какъ онъ отъѣзжалъ. ему нравилось только одно, что выстрѣлы, что ни шагъ, становятся менѣе явственны; ему нравилось и то, что между нимъ и мѣстомъ боя толпилось все болѣе и болѣе холмовъ, переѣханныхъ имъ—это все-таки шпрмы; что начинало смеркаться... Онъ даже не замѣтилъ, что лошадь его была ранена въ грудь и что небольшая струя крови мѣстами обозначала путь, пройденный ею. Онъ ѣхалъ долго, очень долго.

Выстрѣлы мало-по-малу прекратились совершенно.

Это было очень пріятно графу; зато новое, но болѣе болѣзненное чувство сразу заговорило въ немъ: онъ рѣшительно не могъ опредѣлить, откуда онъ пріѣхалъ и куда ему направляться? Никакихъ звуковъ ни откуда не доносилось, тишина была полная, и молчаніе степи сразу обступило его отовсюду. Онъ печально осматривался, какъ-то тупо глазѣлъ. Новое положеніе было, пожалуй, не многимъ лучше прежняго.

Вправо, спускаясь по широкой отлогости, набѣгалъ лѣсокъ; за нимъ виднѣлись пустыри.

Тупое, безсознательное самозабвеніе, овладѣвшее Верблиховымъ, было, однако, скоро нарушено чрезвычайно рѣзко лошадинымъ топотомъ, долетѣвшимъ изъ лѣса.

Не прошло минуты, какъ на него вынесся Полѣскій; кони ихъ почти столкнулись.

— Ага! ваше сіятельство! Вотъ встрѣча! — воскликнулъ Егоръ Ѳедоровичъ.—За мною турки,—произнесъ онъ, оглянувшись къ лѣсу.

— Ну, такъ ускачемте!

— Вы-то, на вашемъ конѣ? Да ему и пяти минутъ на ногахъ не простоятъ—шлепнется.

Верблиховъ наклонился по направленію руки Полѣскаго, указывавшаго на грудь коня.

Онъ обомлѣлъ...

Широкою струею сочилась кровь и за время остановки успѣла образовать у праваго копыта цѣлую лужицу.

Доказательство словамъ Полѣскаго послѣдовало очень быстро, съ тою разницеею, что лошадь графа, истекавшая кровью, не шлепнулась, а тихо, какъ бы задумчиво, пригнувъ колѣни переднихъ ногъ къ землѣ, осторожно опустилась, такъ что Верблиховъ имѣлъ время спокойно стать на ноги.

— Господи!—воскликнулъ онъ.

— Ну-съ, графъ,—заговорилъ Полѣсскій, сразу припоминая и послѣдніе дни, и дѣланную болѣзнь графа, и свое расположеніе духа,—желаете ли вы отвѣтить мнѣ на вопросъ, который я имѣю предложить вамъ?

— Какой такой-съ? Теперь?!

— Да-съ, теперь! Заговоривъ со мной о г-жѣ Форескіюльдъ, вы упомянули объ Алексѣѣ Григорьевичѣ Гримайловѣ.

— Я?!

— Не тѣряйте времени. Почему вы упомянул?

— Развѣ я упомянулъ?..

— Вотъ видите ли, графъ, я сосчитаю — три; если по третьему мнѣ не будетъ полного отвѣта... Разъ...

— Я скажу вамъ, но тамъ, потомъ...—проговорилъ графъ,

съ ужасомъ поглядывая на страшный лѣсъ, отъ котораго должны были появиться турки.

— Два...

— Я заплатилъ ему... за это похищеніе!

— Слушайте, графъ: изъ этого слова понимаю я одно только, что тутъ есть большая подлость... Что вы участникъ въ ней, это я тоже знаю... Я хочу знать въ чемъ дѣло—и узнаю непременно. Но такъ какъ съ вами нужны ручательства...

Полѣсскій вынулъ изъ кармана и подалъ Верблихову, съ коня, свою записную книжку и продиктовалъ слѣдующее:

— Пишите: «Я, нижеподписавшійся — графъ Верблиховъ — негодяй...» Это вы напишите мнѣ ручательствомъ того, что скажете позже все, что знаете.

Верблиховъ, какъ одурманенный, стоялъ неподвижно.

За лѣсомъ, верстахъ въ двухъ, вдоль пустыря замелькали между тѣмъ, ярко освѣщенные заходящимъ солнцемъ, красныя фески турокъ.

— Пишите же,—крикнулъ Полѣсскій,—мнѣ времени терять нечего! Съ чиномъ, титуломъ и именемъ пишите, — добавилъ онъ, видя, что графъ принялся писать.

Взявъ книжку обратно и убѣдившись въ томъ, что написано было дѣйствительно то, что онъ хотѣлъ, онъ помогъ графу взобраться къ себѣ, пришпорилъ коня и понесся знаковою ему ранѣе того дорогою.

Графъ Верблиховъ держался за него чрезвычайно крѣпко.

XVIII.

Плевненскія неудачи вызвали походъ гвардіи, и офицеры ея, разбросанные по разнымъ штабамъ и отрядамъ дѣйствующихъ армій, потребованы къ своимъ частямъ.

Егоръ Ѳедоровичъ былъ тоже потребованъ, и въ октябрѣ

мѣсяцѣ оставилъ Тифлисъ, ненавистный ему по многимъ причинамъ.

Само собою разумѣется, что онъ узналъ отъ графа Верблова все, что хотѣлъ узнать относительно Гримайлова.

— Ваше сіятельство позвольте мнѣ, — отвѣтилъ онъ графу, получивъ отъ него объясненіе, — сохранить вашу росписочку до проверки всѣхъ данныхъ?

— Вы честный человѣкъ, Егоръ Ѳедоровичъ, — отвѣтилъ графъ, — я вамъ вѣрю.

Онъ разстался.

Опять Москва! Златоглавая, многозвонная! Москва — обиталище Сашы, отъ которой еще ничего не получено, ничто не обѣщано, но по которой такъ много грустилось. такъ много думалось!

Дорога Полѣскаго лежала вовсе не на Москву: онъ могъ свернуть на Дунай отъ Харькова, отъ Курска. Но не видѣть Сашу, передъ походомъ, который продлится Богъ знаетъ сколько, имѣя возможность поговорить съ ней и не поговорить, было бы невыносимо.

Людмила Васильевна звала въ Петербургъ; онъ бы поѣхалъ, непременно бы поѣхалъ, но тамъ была пансіонерка. Та тоже обрѣтается на берегахъ Невы; слѣдовательно, отъ Невы подальше и по этой причинѣ; въ-третьихъ, Егоръ Ѳедоровичъ узналъ изъ газетъ, что Гримайловъ на Дунаѣ, а съ нимъ предстояли счеты.

Всѣ послѣдствія связи своей съ Людмилою Васильевою, всю личную несвободу, вслѣдствіе исторіи съ пансіонеркою, исторіи, которая не имѣла бы, можетъ-быть, мѣста, если бы не желаніе освѣжиться, стряхнуть съ себя вліяніе Людмилы Васильевны, даже всю медленность развитія своихъ отношеній къ Сашѣ приписывалъ Полѣскій — Гримайлову.

Это чувствовалось имъ при каждомъ письмѣ отъ г-жи

Форескіольдъ, а писемъ этихъ было много; это сознавалось при каждомъ помыслѣ о Сашѣ, а мыслей этихъ несравненно больше, чѣмъ названныхъ писемъ.

Прежде Полѣскій упрекалъ только себя; теперь оказалось, что онъ былъ не больше, какъ игрушкою темной, незримой руки совершенно чуждаго ему человѣка,—и на этого человѣка, понятно, должны были обрушиться всѣ его злобы, всѣ сѣтованія, вся долго накопившаяся желчь!

Еще на Кавказѣ переживалъ онъ часто такія мноты, что хотѣлось ему придраться къ кому бы то ни было, обидѣть, оскорбить, ошельмовать и принять на себя всѣ неизбежныя послѣдствія; онъ отваживался въ отрядѣ своемъ на самыя дерзкія выходки противъ турокъ, и все это съ тѣмъ, чтобы заглушить, одурманить, прыснуть морфіемъ въ свое, какъ ему казалось, разбитое бытіе! И вдругъ судьба выдаетъ ему головою причину всѣхъ этихъ неурядицъ, всѣхъ золъ, всѣхъ разочарованій, одного вповнаго, концентрируетъ въ немъ, какъ въ фокусѣ, всѣ темные лучи, палившіе его медленнымъ огнемъ,—да вѣдь это престительно, это восхитительно, это настоящій, существенный гордіевъ узелъ!

Разрубить его... сыскать Гримайлова!

Но прежде—къ Сашѣ...

Неужели же нельзя ее увидѣть, говорить съ нею? Да вѣдь ходитъ же она въ церковь, чортъ возьми, по воскресеньямъ? Въ какую?—вотъ вопросъ.

Узнать это было не трудно.

29-го ноября вся Москва ликовала: наканунѣ взята была Плевна. Церкви были переполнены народомъ; вездѣ служились молебны; у Иверской въ полномъ смыслѣ слова не было прохода.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ Полѣскимъ, старуха Брина

ходила въ двѣ церкви. Въ которую направится она? Да и направится ли? Конечно, направится!

Немного наискось отъ подъѣзда старухи-откупщицы помѣщалась кухмистерская, по вывѣскѣ судя—греческая.

Сидѣть въ ней и ждать: вотъ ближайшая программа, которая и исполнена.

Безъ четверти одиннадцать подана карета, и старуха, въ сопровожденіи Саши, отъѣхала отъ подъѣзда.

Полѣскаго ждала хорошая линейка.

Одного взгляда на Сашу было достаточно, чтобы вся кровь бросалась ему въ голову. Какъ хороша! И вся въ черномъ... и еще лучше прежняго! только какъ будто блѣднѣе...

Неужели эта блѣдность?.. Нѣтъ, нѣтъ... этому не я причина... не можетъ быть... Чтѣ, если кто другой?

Кучеру приказано было ѣхать за каретой, но не очень близко.

Въ Кремль... въ соборъ...

Съ замираніемъ сердца вошелъ Полѣсскій слѣдомъ за обѣими женщинами.

Соборъ былъ биткомъ-набитъ народомъ.

Странною, дерзкою, можетъ-быть, неисполнимою мыслью задалось византийское искусство, созидая свои храмы!

Населить ихъ изображеніями такъ, чтобы этимъ путемъ скрыть стѣны, одухотворить камень!

Отъ головы до пятъ наполненный ликами, безмолвствующими въ созерцаніи божества, какъ бы глядящаго на нихъ сверху, не отъ міра сего, соборъ былъ особенно величественъ въ данную минуту.

Отблескъ множества свѣтъ и лампадъ трепеталъ по золотымъ фонамъ образовъ и по золотымъ дискамъ, окружавшимъ головы изображенныхъ ликовъ.

Слышалось стройное пѣніе...

Въ небольшихъ, прятаныхъ окна, по густо накуреному ладону, опускались полосы голубого свѣта.

Такія минуты, какими было въ тотъ день церковное служеніе въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ соборѣ, бывають не часто.

Надо припомнить только, какъ тяготѣла Плевна надъ Россією, какимъ трауромъ она ее одѣвала, чтобы понять значеніе этой службы пменно въ Москвѣ!

Казалось, что отъ этихъ безчисленныхъ ликомъ святыхъ и угодниковъ, свѣтлѣвшихъ осѣнившимъ ихъ божествомъ, божество на этотъ разъ спустилось ниже, сошло на живого человѣка...

Установилось какое-то единеніе между изображеніями образовъ и живыми лицами толпы: тѣ и другія были строги, сосредоточены, торжественны...

А въ чемъ же задача храма, алтаря, какъ не въ общеніи земли съ небомъ, дѣйствительнаго, вѣсмага—съ оживаемымъ, съ непостижимымъ!

Полѣскій, какъ это само собою разумѣется, относился къ людямъ невѣрящимъ,—невѣрящимъ не въ силу какихъ-либо долгихъ исканій, сомнѣній, не во имя болѣе или менѣе вѣскихъ данныхъ науки, которою онъ никогда не занимался, а въ силу, если можно такъ выразиться, обычая; онъ не вѣрилъ на слово!

И чувство, съ которымъ онъ вошелъ въ соборъ, было далеко не религіознымъ.

Но когда его обуряло все и вся собора, когда, помѣстившись шагахъ въ четырехъ за Сашею, онъ увидѣлъ ее колѣнопреклоненною, молящеюся, онъ не могъ осплнить чего-то страннаго, не то холода, не то дрожи, сказавшихся въ немъ.

Саша молилась долго.

«Ужъ не молишься ли ты обо мнѣ?»—думалось ему.

«Ужъ не злымъ ли духомъ стою я надъ тобою?»—думалось ему тотчасъ вслѣдъ за этимъ.

Съ концомъ обѣдн и молебна, за провозглашеніемъ вѣчной памяти и многолѣтія, начали расходиться.

Обернулась и Саша.

Полѣскій стоялъ прямо передъ нею.

— Тетушка!—воскликнула Саша, безсознательно дернувъ старуху Бирину за рукавъ. Яркая, свѣжая краска залпла ея щеки; она сдѣлала шагъ впередъ и протянула Полѣскому руку.

Бирина тоже подошла и поздоровалась.

— Читали, читали!—сказала она, тронувъ рукою владимірскій крестикъ съ мечами, виднѣвшійся на груди его пзъ-подъ разстегнутаго пальто,—молодецъ, молодецъ!

Многіе пзъ проходившихъ въ это время мимо нихъ мольщниковъ остановились и улыбаясь глядѣли на Егора Оедоровича.

— Это за чтò же, батюшка, тебѣ дали?—спросилъ его толстый купчина.

— За Злвинъ.

— Спасибо, родной. Поклонъ тебѣ!

Поклонившись въ поясъ, купчина прошелъ своей дорогой, нѣсколько разъ оглядываясь.

Понятно, что на этотъ разъ Бирина позвала къ себѣ Егора Оедоровича

Минута подвернулась счастливая, ему вообще везло. Плевну, видпте ли, взяли для него.

XIX.

Живо помнится то время...

У насъ то и дѣло угощали героевъ.

А настоящіхъ-то героевъ угощать было нельзя: они лежали, быстро сгнивая, на перевалахъ Шипки, въ острыхъ

скалахъ форта св. Николая, по переходамъ у Орханіэ, лежали не поименованные, не отличенные, лежали простыми цифрами...

3,000 тамъ-то, у такой-то деревушки, 700—по этому берегу рѣки, 5,000—тутъ...

И всѣ эти герои-цифры, простые цифры, да и тѣ неполныя, поминались на вѣчныхъ памятяхъ подъ общемою кличкою «павшихъ»...

Тутъ были всякіе неумѣлые парни изъ нашихъ Терпигоръ, Голодай-Корытъ, Поминайлиховцевъ; тутъ были всякіе Мордичи и Рульки изъ Бѣлоруссіи, всякіе Добрыхъ и Блажныхъ съ Урала, Немогузнайко и Клопенко Малороссіи, а ужъ нашихъ Ивановыхъ, Петровыхъ, Михайловыхъ и не счесть! Махни рукой, да всѣхъ ихъ—въ цифру, въ одну великую цифру, кровавую, которая, когда пойдутъ чудеса по землѣ, въ послѣдній судный день, пожалуй, рассыплется, станетъ людямъ, и потребуютъ каждый изъ нихъ отчета...

У Анастасіи Ивановны былъ прѣдъ горой.

Чествовалъ героя: Егора Ѳедоровича!

Для этого пришло въ движеніе все серебро въ буфетѣ и былъ даже тронутъ запасъ.

Гостей наприглашали много: накрыли столъ на двадцать приборовъ.

— Хотя мнѣ-то все равно, какъ и что ѣсть.—говорила Биряна, съ утра озабоченная и не въ мѣру суетливая,—но это правда, что большого, хорошаго обѣда на многихъ гостей не приготовишь: надо, какъ говоритъ первый мужъ, адъютантъ, чтобы было за столомъ не меньше трехъ мужъ и не больше девяти грацій. Тогда можно приготовить: и поваръ на частіи не разорвется, и припасы самые тонкіе достать можно. А то—двадцать человѣкъ!.. Ну, да ужъ нельзя... герой.

Относительно самовольной перетасовки числа музъ и грацій можно сказать, что со стороны Бериной это была простая обмолвка; чего-либо преднамѣреннаго, ехиднаго, особенно съ точки зрѣнія народности, что ли, тутъ не было.

Но въ суетливости старухи, въ длинныхъ разглагольствованіяхъ пгѣлся свой, хотя и совершенно скрытый, смыслъ: не пригласить героя, особенно въ Москвѣ и послѣ взятія Плевны, было бы преступленіемъ; приглашеніе же, которое дѣйствительно и послѣдовало, было старухѣ вовсе не по сердцу.

Вотъ она и суетилась, вотъ она и разглагольствовала.

Саша была совершенно молчалива, такъ упорно молчалива, что это замѣтила и Бирина и стала еще раздражительнѣе.

Саша молчала вотъ почему.

Не вчера и не сегодня понравился ей Полѣсскій. Не легко было ей совладать съ собою и ограничиться, послѣ его, извѣстнаго намъ, письма, безмолвною, мгновенною встрѣчею въ вокзалѣ: ей бы хотѣлось говорить съ нимъ долго и о многомъ, говорить пылко, задушевно, какъ она никогда, ни съ кѣмъ не говорила. Она, пожалуй, будетъ и еще молчать, но это будетъ чрезвычайно трудно. Представившійся случай, что ни говори, является совершенно неожиданнымъ, удобнымъ...

Такъ слагались условія встрѣчи съ ея стороны

Со стороны Полѣскаго—и это было ей чрезвычайно ясно—потребуется больше, потому что человѣкъ его пошиба ни за что не пропуститъ даромъ такого счастливаго обстоятельства, какъ этотъ обѣдъ.

Слѣдовательно, произойдетъ, непременно произойдетъ, что-нибудь рѣшительное, и оттого она молчала, оттого одѣвалась долѣе обыкновеннаго и оттого вышла она къ теткѣ, передъ пріѣздомъ гостей, такую сіяющею ожиданіемъ и

готовностью принять первое откровеніе любви. Почва ожидала сѣятеля.

Было пять часовъ вечера.

Гости сѣхались почти одновременно.

Взаимное представленіе гостей другъ другу, закуска, супъ, пирожки, форели и все прочее по порядку.

Тетка была вѣжлива, но холодна; Полѣсскій очень разговорчивъ, милъ, разнообразенъ; Саша счастлива.

Ппли здоровье Полѣскаго, Скобелева.

«Ни за что не оставляю ихъ однихъ послѣ обѣда, — думала старуха Бирпина, — ни за что...»

Разливать кофе гостямъ считала она своею прерогативою, вѣроятно на томъ же основаніи, на которомъ непремѣнный генералъ, бывшій тоже въ числѣ гостей, человекъ богатый, имѣвшій нѣсколькихъ лакеевъ, считалъ величайшимъ наслажденіемъ слѣдить за горѣвшими у него на вечерахъ лампами; красные лампы его чакчиръ то и дѣло видѣлись на томъ или другомъ креслѣ или стулѣ его залы или гостиной: хозяинъ взлѣзалъ унимать огни революціоннаго характера.

Особенно комично выходило это, когда онъ бывалъ въ мундирѣ, при всѣхъ своихъ звѣздахъ.

Едва только перешли отобѣдавшіе изъ столовой въ гостиную, и Анастасія Ивановна положила сахаръ въ первые двѣ чашки изъ двадцати, которыя ей предстояли, Саша громко, слышно для всѣхъ, обратилась къ Егору Оедоровичу съ приглашеніемъ показать ему поргретъ отца.

— Но вѣдь у тебя тамъ, въ комнатѣ, можетъ-быть, не убрано, Сашечка! — почти съ ужасомъ, не попавъ сахаромъ въ чашку, воскликнула Анастасія Ивановна.

— Нѣтъ, тетушка; у меня все въ порядкѣ.

Дѣлать было нечего: кофе нужно было долить — легко сказать — на двадцать человекъ!

— Похожъ папаша?—спросила Саша Полѣскаго, приведя его къ портрету отца.

— Да, очень похожъ... Александра Андреевна!—заговорила Полѣсскій.—Теперь, вѣроятно, налита уже пятая или десятая чашка кофе... Тетушка придетъ... Я люблю васъ... Я не могу безъ васъ...

— Но вы не знаете меня, Егоръ, Оедоровичъ, какъ и я не знаю васъ.

— Такъ дайте же мнѣ возможность...

— Я слышу шаги тетушки,—быстро проговорила Саша;—пишите мнѣ по этому адресу...

Она успѣла передать ему заранѣе приготовленную бумажку.

Вошла тетка въ сопровожденіи непремѣннаго генерала и двухъ другихъ гостей и стала передъ портретомъ.

— Живой, живой!—говорилъ генераль;—а какой чело-вѣкъ-то былъ, какой товарищъ!

— Какой это у него крестъ послѣднимъ, сбоку?—спросилъ одинъ изъ гостей.

— Бразильскій, Южнаго Креста,—отвѣтила Саша,—очень похожъ на французскаго Легіона.

— Да, да, точно, очень похожъ,—подтвердилъ генераль.—Легіонъ—это единственный крестъ изъ всѣхъ иностранныхъ, отъ котораго бы я не отказался: его и за военныя, и за гражданскія, и за художественныя, и за торговыя заслуги даютъ, за всѣ заслуги, кромѣ одной,—кромѣ только актеровъ.

Генераль замѣтилъ, что карсельская лампа на столѣ передъ диваномъ чадила. Онъ быстро двинулся къ ней и поправилъ ее.

— Креста дать вамъ за это не могу,—проговорила Саша,—но могу быть только благодарна.

— Ручку-съ, ручку-съ, Александра Андреевна!—быстро

отвѣтилъ опъ и, схвативъ, чмокнулъ ее невообразимо громко.

— Я вамъ руки не давала, генералъ,—отвѣтила видимо разсерженная Саша.

— Самъ взялъ-съ, самъ, по-военному: нынче военнымъ все позволено.

— Да, даже къ дѣвцамъ въ спальню ходитъ, и то позволено—не выдержавъ, наконецъ, вернула отъ себя Бирпина. Для смягченія грубости этихъ словъ, старуха приправила ихъ улыбкою и взглядомъ на Полѣскаго.

— Мнѣ было позволено, Анастасія Ивановна,—отвѣтилъ Полѣскій.

— Я сама позвала Егора Ѳедоровича, тетушка, и бра-
пптъ можете только меня.

— А меня тѣмъ паче,—прибавилъ генералъ,—потому что я не только что незваный вошелъ, но даже прибралъ ихъ комнату, лампу правилъ и за это великою благодарности удостоился.

Общій смѣхъ всѣхъ присутствующихъ покрылъ собою и заключилъ эту сцену.

Послѣ этого гости и хозяйка вышли.

«Однако, это очень мало: переписка! — думалъ Полѣскій, слѣдуя сзади всѣхъ.—Или это мы старѣемъ съ тобою, Егоръ Ѳедоровичъ, что къ намъ съ такими сантименталь-
постями подъѣзжать могутъ!»

Отпразднованный обѣдомъ, герои удалился вмѣстѣ съ другими и на слѣдующій день оставилъ Москву.

Отношенія между тетушкою и Сашей были замѣтно испорчены.

Въ концѣ одного изъ крупныхъ разговоровъ, Анастасія Ивановна поставила даже вопросъ ребромъ:

— Онъ или мое наслѣдство, Александра Андреевна!—

сказала она, рассчитывая на фактическую силу своего аргумента.

Сашѣ было все равно: она была утроемъ на почтѣ и получила письмо, адресованное «до востребованія М. А. А.».

XX.

Прошло недѣль пять послѣ паденія Плеены.

Пока армія наша переходила Балканы и молодая русская кровь лилась по путямъ классическихъ побоищъ среднихъ вѣковъ, по пути къ С.-Стефану, до котораго было еще очень далеко, событія нашего разсказа шли тоже свое развитие.

Такъ, раскачивая волны, движется пароходъ, направляясь къ цѣли своего пути, но это не мѣшаетъ пассажирамъ двигаться взадъ и впередъ по его палубѣ и каютамъ, совершая свои частныя движенія, нисколько не нарушающія общаго, и воображая, что они движутся самостоятельно, а не всѣ въ одну сторону.

Или нѣтъ, возьмемъ сравненіе болѣе подходящее: могучее дерево растетъ, прорѣзывая корнями своими почву, а листвою воздухъ; все оно въ движеніи къ жизни, къ развитію, отъ нѣдръ сердцевины до заморщившейся коры. Но это нисколько не мѣшаетъ всякимъ червямъ, гусеницамъ, личинкамъ, видимымъ и невидимымъ, совершать въ деревѣ свои похождения по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, подтачивая во тьмѣ крошечной его сочное, бѣлое тѣло.

Какое имъ дѣло до силы и красоты дерева! Они точатъ, точатъ, пускаютъ по немъ свои ходы и пути, если хотите, сами по себѣ иногда даже очень красивые съ чисто эстетической точки зрѣнія.

Если заведется ихъ ужъ очень много, дерево неминуемо погубается ..

Армія шла впередъ—въ тылу ея развивалась самостоятельная жизнь насѣкомыхъ.

Торги на различныя поставки были въ полномъ ходу и то и дѣло возобновлялись.

Хлѣба и сѣна нужно было много.

Много было и добрыхъ людей для того, чтобы взять на себя трудъ этихъ поставокъ; были очень крупныя фирмы поставщиковъ, были и помельче. Были торги, на которые дѣлались объявленія, были такіе, на которые они полу-дѣлались, были такіе, на которые они совсѣмъ не дѣлались.

Предстояла, между прочимъ, поставка ста тысячъ пудовъ сѣна въ одинъ изъ складовъ.

Негласнымъ образомъ выяснилось, что главныхъ претендентовъ будетъ два: Шмудевъ и Холопаенко; выяснилось, что будутъ торги съ предложеніями въ запечатанныхъ конвертахъ; выяснилось, что председательствовать на торгахъ будетъ г-нъ Тузь.

Для людей знакомыхъ съ дѣломъ предстоялъ тотъ интересъ, что между Шмудевымъ и Холопаенко сдѣлки, соглашенія, какъ это часто случалось, и раздѣла добычи быть не могло: они еще изъ Россіи на театръ военныхъ дѣйствій явились врагами.

Г. Тузь былъ равно хорошъ съ обоими ими, какъ и подобало умному человѣку; онъ былъ хорошъ со всѣми поставщиками.

Въ тылу арміи, на берегу Дуная, какъ извѣстно, можно было поѣсть, попить и повеселиться вволю: на то были всякія средства.

Г. Тузь жилъ въ то время въ Систовѣ; обоимъ претендентамъ на сѣно было извѣстно, что и особа женскаго пола, очень дорогая г-ну Тузу, жила въ томъ же городѣ.

Срокъ, назначенный на торги, приближался.

Утро было дождливое, вѣтряное, когда въ квартиру Шму-

лева, по его приглашенію, явился главный помощникъ его, нѣкоторымъ образомъ alter ego, Алексѣй Григорьевичъ Гримайловъ.

Шмулевъ былъ внѣ себя, сердить, желченъ до необычайности.

— Алексѣй Григорьевичъ,—сказалъ онъ входившему Гримайлову,—или вы двумъ богамъ служите, или вы просто ни на какое дѣло не годитесь!

— А что?—спросилъ Гримайловъ съ тою странною, спокойною интонаціею голоса, которая является доказательствомъ увѣренности чловѣка въ себя и въ томъ, что рѣзкость, ему сказанная, вознаградится съ избыткомъ.

— Какъ что? Да развѣ вы не знаете, что Тузъ обѣдаетъ сегодня у Холопаенко, и что приглашена и Глафира Яковлевна.

— Знаю-съ!

— И это вы говорите такъ хладнокровно, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Говорю-съ!

— Такъ это значитъ...

— Это значитъ.—отвѣтилъ Гримайловъ,—что я бы просилъ васъ, Иванъ Ивановичъ,—такъ звали Шмулева,—быть вполне увѣреннымъ, что ничего не пропущено, ничего не потеряно: сѣно будетъ за нами!

— Однако, какъ же это? Объясните, втолкуйте! —возразилъ Шмулевъ, значительно понизивъ тонъ, увѣренный въ несомнѣнныхъ способностяхъ Гримайлова.

Гримайловъ въ отвѣтъ на это объяснилъ, что онъ готовитъ ему маленькую *Überraschung*, что онъ ему до конца дѣла ничего не скажетъ, но что сѣно, опять-таки—ихъ.

Мы уже отчасти знакомы съ личностью Гримайлова.

Еще на вечерѣ баронессы Шпмакъ сдѣлалось намъ извѣстно, что онъ дѣлецъ большой руки; что онъ свекло-

сахарное пропзводство понялъ и изучилъ чуть ли не въ нѣскольکو дней и устроилъ какія-то дѣла въ Кіевѣ; что онъ былъ пріятелемъ ростовщицы Сытиной, фузелиръ-бабы, которая представила его въ такое прелестное общество, какимъ было общество баронессы Шпмакъ.

Гримайловъ кончилъ курсъ въ военномъ училищѣ, попалъ въ гвардію, не замедлилъ выйти въ отставку и сталъ прочищать себѣ самостоятельную дорожку въ жизни.

Дорожка эта была самая пзвѣстная, самая капризная!

Онъ понялъ очень быстро и въ ранней молодости, что лучший путь — неправильный путь. Отлпчааясь несомнѣнными финансовыми способностями, человекъ этотъ бросался во всякія предпріятія.

Являлась компанія откупить Волгу—онъ былъ тамъ; думали пріобрѣсти компанією гору Благодать—онъ былъ тамъ. Но собственнымъ его дѣтищемъ, любимую мечтою былъ проектъ перестройки Гостиного двора.

О немъ скажемъ мы подробнѣе своевременно.

Гримайловъ былъ чрезвычайно красивъ, очень уменъ, говорилъ по-французски необыкновенно бошко и не ударилъ бы лицомъ въ грязь рѣшительно ни въ какомъ обществѣ.

Относительно французскаго языка у него былъ свой особенный пріемъ. Онъ былъ всегда первымъ покупщикомъ послѣдняго французскаго романа у Мелье. Онъ проглатывалъ его въ два-три вечера, и плодомъ этого чтенія была всегда маленькая испсанная бумажечка, на которой значилось нѣскольکو типичныхъ, характерныхъ фразъ и словъ, которыми такъ богатъ французскій языкъ.

Вотъ образчикъ одной пзъ такихъ бумажекъ:

Hanter le baliveau—часто по дѣламъ въ канцеляріи ходить.

Elle a cassé ses oeufs—она не доносила ребенка.

Une grosse tripière—толстая бабища, Анна Оедоровна Сытина.

Des terres à alouettes—песчаная земля, глупыя мнѣнія.

Mettre les clefs sur la fosse—отказаться отъ наслѣдства умершаго.

Эти фразы и слова Гримайловъ выучивалъ наизусть, пускалъ тотчасъ же въ ходъ, и были такіе дома, въ которые онъ приглашался исключительно благодаря этому. Онъ бралъ фразы изъ романа, другіе брали ихъ живьемъ отъ него, что было гораздо легче.

Книги, и опять-таки книги, служили ему и другимъ фортелемъ. Случайно, гдѣ-нибудь въ гостиной, пользуясь минутою, онъ, напримѣръ, прочитывалъ страничку о кометахъ изъ Фламмаріона, лежавшаго на столѣ; онъ запоминалъ ее, затверживалъ двѣ-три цифры и на завтрашній день, будучи въ другомъ обществѣ, непременно и съ особенною ловкостью наводилъ разговоръ на кометы и выказывалъ свою начитанность. Въ этомъ другомъ обществѣ онъ прочитывалъ новую страничку, изъ новой книги, положимъ, о взглядѣ на палача и необходимости этого государственнаго учрежденія, изъ Ксавье-де-Мэстра,—и трактовалъ о ней, такъ или иначе, завтра, но уже въ третьемъ домѣ.

Мы замѣтили, что Гримайловъ былъ красивъ.

Этого мало: онъ имѣлъ чрезвычайно благородное выраженіе лица, съ какимъ-то легкимъ отблескомъ грусти, мечтательности.

Ничего рѣшительно не любилъ онъ страстно: ни женщинъ, ни вина, ни картъ, ни даже денегъ. Онъ приобрѣталъ ихъ всѣми способами, но только для того, чтобы спустить, опять-таки безъ особенной страстности, безъ увлеченія.

Для чего только жилъ этотъ человѣкъ?

Скоро вслѣдъ за тѣмъ вечеромъ, на которомъ мы познакомились съ нимъ, онъ, не безъ прямыхъ выгодъ, сошелся съ баронессою Шимакомъ.

Есть основаніе полагать, что фюзелиръ-баба Сытина тоже не безъ цѣли ввела его въ домъ баронессы и способствовала ихъ сердечной связи.

Въ тотъ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, Гримайловъ относительно баронессы Шимака испытывалъ совершенно то же, что Полѣсскій относительно Людмилы Васильевны: она ему надоѣла и онъ уѣхалъ. Очень схожи были также и чувства обѣихъ женщинъ: ихъ мужичины оставались имъ дороги, несмотря на разстояніе.

Гримайловъ былъ правой рукой Шмудева, и послѣдній остался вполне утѣшенъ приведеннымъ нами разговоромъ.

— И такъ, значитъ—Überraschung?—спросилъ его при-
смирѣвшій и улыбавшійся Шмудевъ, прощаясь.

— Да!.. Помните только число и пишите цѣну 1 р. 70 коп.

— Слушаю-съ...

На этомъ обѣ рабочія, трудившіяся въ тылу арміи, личинки—разстались.

XXI.

Въ Систовѣ, въ центрѣ города, въ одномъ изъ болѣе уединенныхъ домовъ, покпнутомъ въ началѣ войны бѣжавшимъ мирзою, приготовленъ былъ роскошный обѣдъ.

Къ дому, окруженному садомъ, можно было подойти съ двухъ сторонъ: отъ садовой калитки и отъ главныхъ воротъ.

Г. Тузъ подѣхалъ къ нему сквозь ворота; Глафпра Яковлевна вошла черезъ калитку.

Въ центральной комнатѣ съ нѣсколькими дверями, совершенно увѣшанной и обложенной коврами, очень пріятно надушенной, принялъ ихъ Спдоръ Спдоровичъ Холопаенко.

— Ваше превосходительство великую честь изволили мнѣ сдѣлать, пожаловавъ!—нпзко кланяясь, встрѣтилъ Туза Спдоръ Сидорычъ.

— Очень, очень радъ раздѣлить трапезу... надѣюсь, скромную?

— О, совершенно скромную!

— Скъю думать, что и Глафира Яковлевна не побрезгаетъ откусать у холостяка?—нѣжно, по-кошачьи сгибаясь въ другую сторону, къ противоположнымъ дверямъ, проговорилъ Холопаенко, подойдя къ ручкѣ Глафпры Яковлевны, женщины лѣтъ тридцати, далеко не лишенной притягательной силы.

— Я — съ разрѣшенія Алексѣя Петровича, — отвѣтила она, взглянувъ на Туза.

— Алексѣй Божій человекъ, — замѣтилъ Тузъ, усаживаясь на оттоманку, — ничего противъ этого не имѣетъ.

— Чтò новенькаго изъ арміи, ваше превосходительство?

— Ничего.

— Который день ничего-съ?

— Надѣюсь, что мы въ комплектъ?—быстро спросилъ Тузъ, глядя на Спдора Сидорыча.

— Еще бы-съ... можно и приступить.

— Приступимъ.

Закуска была почтена самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Если Фальстафъ не былъ сочиненъ Шекспиромъ и благородный типъ его продолжаетъ держаться въ подлунной, то Тузъ, какъ по внѣшности, такъ и по внутренности, не исключая души, былъ его подражателемъ.

Да останется онъ передъ читателемъ въ этомъ, хотя не ясно, но округломъ очертаніи, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ русскихъ особенностей и титула превосходительства; онъ насъ впослѣдствіи интересовать не будетъ.

Холопаенко — прогорѣвшій помѣщикъ, отчасти литераторъ, если званіе корреспондента даетъ право называться литераторомъ, въ чемъ мы сильно сомнѣваемся, прокладывая свою дорожку между розъ и терновниковъ жизни самымъ неразборчивымъ образомъ.

Когда-то, лѣтъ двадцать до того времени, кончилъ онъ университетъ.

Трудно объяснить себѣ, отъ какой кафедры болѣе прочихъ заимствовали свои способности и свое развитіе люди въ родѣ Холопаенко.

Это цѣлое поколѣніе, цѣлая плеяда несомнѣнно умныхъ и способныхъ людей, образчики которыхъ фигурпровали такъ успѣшно въ нашихъ скандальныхъ процессахъ, но большинство которыхъ, большой полкъ, остается въ дѣйствіи, между нами, неуловимый и неуязвимый и составляетъ «den Stoff der Krankheit» нашей жизни, бродячую, невытравимую лихорадку.

Ихъ дѣятельность—какъ степныя рѣчки на юго-востокѣ Россіи: Богъ знаетъ, гдѣ начинаются, а теряются въ пескахъ, но въ нѣкоторыхъ частяхъ своего пути являются дѣйствительно какъ бы рѣками и образуютъ даже небольшія озера, на которыхъ, къ вечерней зарѣ, подъ осень, собираются міриады самой разнообразной дичи.

Утка, бекасъ, куликъ, турухтанъ, дупель—все это толпится, покрикивая и отдыхая на перелетѣ, на ночной стоянкѣ въ этакой блестящей перламутровой лужѣ.

Подумаешь: чѣмъ не рѣчка, чѣмъ не благодѣтельница? А какая она рѣчка, безначальная, теряющаяся въ пескахъ, никуда своихъ водъ не несущая!..

Правда, питаетъ она перелетную птицу, питаетъ и табуны калмыковъ, но вѣдь и гг. Холопаенко и Гримайловъ состоятъ членами, даже предсѣдателями всякихъ благотворительныхъ учрежденій...

Интересная часть обѣда началась къ жаркому, къ шампанскому.

— А вотъ, къ слову сказать,—началь Холопаенко,—вѣдь сѣно въ цѣнѣ страшно поднимается, ваше превосходительство!

— Это вы, Сидоръ Сидоровичъ,—отвѣтили, улыбнувшись, значительно подвыпившій Тузь,—не въ бровь, а прямо въ глаза! Быка за рога хватаете!

— Чтò прикажете-съ,—дѣла плохи! Вонъ Шмулевъ...

— Ахъ, кстати о Шмулевѣ,—перебилъ Холопаненко Тузь,—разскажи-ка, Глашенъка, какой это у тебя-то съ Гримайловымъ разговоръ былъ?

— Пустяки!—отвѣтила Глафира Яковлевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, разскажи.

— Ну, съ подаркомъ явился...

— И чтò же вы-съ?—спросилъ Холопаенко.

— И такъ грубо это было сдѣлано...—сказала женщина, жеманясь.—Хорошо, что Алексѣй Петровичъ предупредилъ...

Холопаенко усердно и выразительно поклонился.

— Ну, да, это само собою разумѣется, Сидоръ Сидорычъ, и чего же тутъ благодарить. Но нѣкоторыя условія надо съ вами все-таки установить...

Нельзя не замѣтить къ слову, что, благодаря густымъ коврамъ, сервировка обѣда производилась совершенно неслышно: прислуга, трое франныхъ лакеевъ, ходили будто духовныя силы: ни одинъ сапогъ не скрипнулъ, ни одна тарелка не брякнула.

Разговоръ пошелъ на французскомъ языкѣ.

— Да-съ, надо бы установить,—подтвердилъ Холопаенко.

— Вы знаете, что болѣе 1 р. 90 к. мы вамъ никакъ не дадимъ; хозяйственно заготовимъ.

— Чтò вы, ваше превосходительство, по міру пустите!

— Какъ хотите, а я вамъ это отъ души говорю: Шму-

левская цѣна! Вы вотъ все на интендантство сѣтуете, а вѣдь, ей-Богу, начальяпки отдѣльныхъ частей хуже!

— 1 р. 90!—протяжно пропзнесъ Холопаенко.

— Ну, а насчетъ пріемки,—поторопился прибавить Тузь,—это мое дѣло.

— Такъ-съ, понимаю... Глафира Яковлевна!—обратился къ ней вдругъ Холопаенко, видя, что поданы фрукты,—вотъ, рекомендую-съ, орѣхи, самый примѣръ, еще и за царскимъ столомъ не было. Позвольте выбрать.

Онъ положилъ ей нѣсколько орѣховъ на тарелку и передалъ щипцы.

На первомъ же орѣхѣ что-то звякнуло объ тарелку.

— Кольцо!—вскрикнула Глафира Яковлевна;—и посмотрите—какое!

— Хороши орѣхи, нечего сказать! — проговорилъ Тузь, взявъ кольцо въ руки и разсматривая его. — Да ужъ не вздумалъ ли вы и мнѣ какой-нибудь орѣшекъ приготовить, почтеннѣйшій Сидоръ Сидорычъ?

— Какъ можно, ваше превосходительство! Такую шалость!

— То-то же!—даже съ угрозою пропзнесъ Тузь.

Шалость была довольно крупная.

— Мерси!—проговорила Глафира Яковлевна, протянувъ Холопаенку руку и одѣвая кольцо.

— Промилуйте-съ...

Встали отъ стола.

Оттоманки звали отдохнуть.

Тузь, спросивши позволенія. разлегнулся, повалился на одну изъ нихъ и притянулъ къ себѣ Глафиру Яковлевну.

Разговоръ, по-русски, пошелъ самый вздорный, пп-кантный.

Тузь оказался владѣющимъ громаднымъ запасомъ анекдотовъ порнографическаго свойства.

Кажется, Фальстафъ анекдотовъ не рассказывать; это была та своеобразно-русская черта въ Алексѣѣ Петровичѣ, на которую мы намекали.

Холопаенко, слушая ихъ, хохоталъ самымъ усерднѣйшимъ образомъ.

— Однако-съ... однако-съ... Ваше превосходительство...

Слѣдовалъ новый анекдотъ и новый взрывъ хохота.

— Ваше превосходительство!.. Алексѣй Петровичъ-съ! Этакой памяти, такого разнообразія и умѣнья рассказывать-съ я положительно не встрѣчалъ!

— Да-съ! Чтò другое, — отвѣтилъ расходившійся Тузь, — а на этотъ счетъ отъ другихъ не отстанемъ. Эти пикантные вещи, знаете, они ко мнѣ, какъ мухи къ свѣже-окрашенной стѣнѣ, сами льнутъ! Право: какъ только сѣла, такъ вотъ и приклеится! хи-хи-хп-хп!

— А мнѣ пленно это-то въ васъ и не нравится, Алексѣй Петровичъ, — ввернула, надувъ губки, Глафира Яковлевна.

— Пу, ужъ извините, — возразилъ Тузь, — каковъ есть, такимъ и получайте! А мнѣ, какъ я замѣтилъ, именно въ твоёмъ присутствіи всѣ эти анекдотики сами собою въ голову приходятъ, — прибавилъ онъ, взявъ Глашу за подбородокъ и встряхнувъ ей довольно сильно голову.

— Покорно благодарю-съ! — воскликнула Глафира Яковлевна, выскользнувъ ужомъ изъ его рукъ и спрыгнувъ съ оттоманки на полъ.

— Нѣтъ, право, это такъ, — продолжалъ Алексѣй Петровичъ, прихлебывая отъ одного изъ лпкеровъ, стоявшихъ на табуреткѣ, богато инкрустованной перламутромъ. — Это я ясно чувствую, ясно... Всѣ эти анекдоты, т. е. мухи на стѣнѣ, точно сразу всѣ двигаться начинаютъ, когда ты тутъ... и вѣрите ли вы мнѣ, почтеннѣйшій Сидоръ Сидорычъ, даже одинъ другому дорогу перешибаютъ, какъ грибы растутъ кучей: начнешь этотъ, а перейдешь на другой...

Ха-ха-ха!.. ну, ну, Глашенъка, ну, голубушка, перестань сердиться! Ну, поди ко мнѣ!

— Ни за чтò!

— А колечко-то, колечко?

— Ну, чтò колечко! не отъ васъ получила.

— Ну, ужъ, Глафира Яковлевна, — прибавилъ Холопаенко, — не сердитесь...

— Всякій разъ отъ него непріятности слышать...

— Хочу и говорю! — грубо добавилъ Тузъ.

Холопаенко почелъ минуту настолько серьезною, что, вставъ съ оттоманки, подошелъ къ Глафирѣ Яковлевнѣ и умаслилъ ее, наконецъ, подойти къ Алексѣю Петровичу.

Миръ былъ возстановленъ.

Уже смеркалось, когда гости стали расходиться.

Во время прощанья, когда люди подали Тузу пальто, а накидку на Глафиру Яковлевну одѣлъ самъ хозяинъ, онъ по-французски спросилъ еще разъ Туза о цѣнѣ.

— Какъ сказано: пишите въ конвертъ—1 р. 90 к.

— А приѣмка?

— Сказалъ же я вамъ, что остальное не ваше дѣло.

— Это Шмудевская цѣна?

— Да, да!

Гешефтъ былъ конченъ, и совершенно одновременно, но изъ противоположныхъ дверей, вышли Алексѣй Петровичъ, слегка покачиваясь, а Глафира Яковлевна—чувствуя новое кольцо на рукѣ.

Холопаенко удалился въ свою комнату и сталъ писать письма.

XXII.

Торги были назначены на ближайшій четвергъ.

Во вторникъ утромъ къ мѣстному представителю полевого контроля, который въ послѣднюю войну былъ введенъ

впервые въ видѣ опыта, къ несчастью, не въ достаточныхъ размѣрахъ и съ недостаточными полномочіями, — явился Гримайловъ.

Чиновникъ, работага первой руки, татариновскаго пошиба, честный до педантизма и дока своего дѣла, былъ уже одѣтъ и строчилъ какія-то бумаги.

Гримайловъ вошелъ франтомъ, съ самымъ благороднымъ и даже немного грустнымъ выраженіемъ лица, что случилось всегда, когда онъ дѣлалъ какую-либо подлость.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ чиновникъ.

— Позвольте представиться: Алексѣй Григорьевичъ Гримайловъ.

— Очень пріятно. Что прикажете?

Люди въ родѣ Гримайлова должны были въ тѣ дни непременно, при видѣ чиновника полевого контроля, испытывать то же, что испытываетъ лисица, завидя гончую. Утекать!—вотъ первое впечатлѣніе, которое они должны были чувствовать. Но можете себя представить, что бы должна была почувствовать лисица, если бы она была одарена всѣми человѣческими особенностями и способностями, напавшиись сама навстрѣчу къ гончей, во имя убѣжденія, какъ это сдѣлалъ Гримайловъ?

— Въ четвергъ, какъ вамъ, можетъ-быть, извѣстно, предстоятъ здѣсь торги на сѣно,—сказалъ онъ, оглядывая стулья и видимо ожидая приглашенія сѣсть.

Приглашенія не было.

— Слыхалъ-съ.

— Вамъ не безызвѣстно тоже, какими нечестными средствами пользуются здѣшніе люди въ ущербъ казнѣ?

— Къ несчастью, извѣстно, — отвѣтилъ чиновникъ съ чувствомъ неподдѣльной грусти.

— Я къ вашей защитѣ и предстательству,—проговорилъ Гримайловъ.

— Прошу садиться! — отвѣтилъ чиновникъ, придвигая стулъ. «Неужели это честный человѣкъ?» — подумалъ онъ.

Нельзя не сказать: чиновникъ былъ подкупленъ послѣдними словами Алексѣя Григорьевича, а вѣшность, благородная и грустная, только помогла зарожденію этого обманнаго чувства.

— Вы, — сказалъ чиновникъ, — отъ самого себя дѣло ведете?

— Нѣтъ-съ.

— Отъ кого же?

— Отъ Шмулева.

Эта фамилія была очень хорошо знакома контролю, и достаточно было произнести ее, чтобы лицу контрольнаго вѣдомства быть на чеку.

Зародившееся чувство довѣрія было вырвано сразу, съ корнемъ; но обязанности службы прежде всего, — предложеніе садиться было уже сдѣлано.

Усѣлись.

— Я слушаю, — сказалъ чиновникъ.

— У насъ есть полное основаніе предполагать, — продолжалъ Гримайловъ, — что на торгахъ этихъ совершится беззаконіе.

— Какъ-съ?

— Беззаконіе! И отъ васъ зависить предупредить его.

— Въ такомъ случаѣ я, конечно, къ вашимъ услугамъ. Въ чемъ беззаконіе и что я долженъ дѣлать?

— Мы бы просили васъ объ очень немногомъ. Торги будутъ производиться по запечатаннымъ конвертамъ; мы тоже представляемъ свой конвертъ.

— Ну-съ?

— Всепжайшая просьба, чтобы вы присутствовали на торгахъ. Вѣдь вы имѣете право на это?

— Имѣю.

— Безъ всякаго офіціального приглашенія?

— Безъ всякаго.

— Вотъ это-то намъ и необходимо. У насъ самыя честныя намѣренія, и есть самыя положительныя данныя на то, что между представителями интересовъ казны и однимъ изъ претендентовъ на поставку существуетъ сдѣлка.

— А доказательства у васъ есть?

— Вы позволите самъ знать,—объяснилъ Гримайловъ,— что въ подобныхъ случаяхъ доказательства неуловимы. Но вѣдь и просьба-то наша состоитъ только въ томъ, чтобы вы были на торгахъ: будете вы—не будетъ подтасовки! не подскоблять!

— Когда торги? Кажется, въ четвергъ?

— Да, да.

— Кто предсѣдательствуетъ? Не знаете?

— Не знаю, — быстро солгалъ Гримайловъ; онъ зналъ очень хорошо, что предсѣдательствовать будетъ Тузь.

Чиновникъ поразмыслилъ, посмотрѣлъ въ свою записную книжку.

— Хорошо-съ, я буду,—сказалъ онъ.

Ловко и красиво поклонился ему, вставъ со стула, Гримайловъ.

На прощанье чиновникъ подалъ ему руку, и на томъ свиданіе кончилось.

Наступилъ четвергъ; собрались на торги.

Пестрая толпа всякихъ народовъ стояла передъ дверью дома, въ которомъ они должны были имѣть мѣсто; много шумѣли, говорили, курили.

Нѣсколько экипажей, самыхъ пестрыхъ, отъ фаятона до телѣги, стояли вкривъ и вкось у подъѣзда.

Въ довольно большомъ помѣщеніи, нѣчто въ родѣ залы, стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, окруженный креслами и стульями.

Въ залѣ, какъ и на улицѣ, толкался всякій сбродъ; если на улицѣ преобладали темные, еврейско-румынскіе типы, то здѣсь неоспоримое большинство составляли красные воротники, бѣлыя пуговицы и синіе рейтузы интендантскихъ чиновниковъ.

Какъ и слѣдовало, Тузъ заставилъ нѣсколько ждать себя.

Онъ вошелъ, отвѣчая легкимъ наклономъ головы на множество поклоновъ, сыпавшихся отъ присутствовавшихъ.

Передъ рѣшеткою, которую вслѣдъ за Тузомъ закрыли, размѣстилась или, лучше сказать, скупилась публика. Въ двухъ противоположныхъ концахъ можно было видѣть Хоппаенко и Шмалева.

Гримайлова не было.

Едва только совершены были обычныя формальности, какъ послышалось въ толпѣ особаго рода шушуканье и образовалась дорожка, по которой весьма скромно приблизился и прошелъ за рѣшетку знакомый намъ чиновникъ.

Золотые погоны и синій кантъ выдѣлялись довольно самостоятельно въ преобладающихъ тонахъ краснаго и серебра.

Засуетился и господа, усѣвшіеся за столомъ.

Поднялся Тузъ, очень мило протянувъ руку чиновнику, и просилъ занять очистившееся мѣсто.

Этой любезности была своя причина.

Появленіе контрольнаго чиновника на торгахъ было явленіемъ не вполне зауряднымъ: контрольныхъ состояло при арміи такъ мало, что имъ пришлось бы разорваться, чтобы быть вездѣ.

Появленіе это было и непріятно. и неожиданно.

Начальникомъ тыла арміи въ то время былъ Дрентельнъ; малѣйшее проявленіе неудовольствія со стороны Туза или кого-либо изъ его подчиненныхъ могло отозваться весьма невыгодно, и, какъ мы сказали, Тузъ протянулъ ему руку весьма мило.

На этотъ разъ, какъ думалъ Тузь, дѣло настолько чисто и законно, что будь тутъ весь спикить государственнаго контроля въ полномъ составѣ. съ придачею всѣхъ газетныхъ корреспондентовъ, и то бы не было опасности.

Холопаенко оставался совершенно спокоенъ; двумъ претендентамъ вручилъ онъ отступные, а цѣну Шмулева онъ зналъ.

Шмулевъ, вѣрившій способностямъ Гримайлова, не знавшій, въ чемъ заключается обѣщанная *Überraschung*, но прописавшій въ своемъ конвертѣ, съ его словъ, цифру 1 р. 70 коп., ожидалъ съ замираніемъ сердца и съ большимъ любопытствомъ.

Начали вскрывать конверты и сравнили цѣны.

Тузь окончательно огѣшилъ.

— На двадцать копеекъ дешевле прочихъ предлагаетъ г. Шмулевъ, — заговорилъ контрольный чиновникъ, выпиравъ цѣны съ педантическою точностью на лпстѣ бумаги и сравнивъ ихъ.

— Да, несомнѣнно, — отвѣтилъ Тузь, пожимая плечами.

Холопаенко издали пожиралъ его глазами; Шмулевъ съ наслажденіемъ оглядывалъ ихъ обоимъ.

Торги были кончены: поставка осталась за Шмулевымъ и собраніе разошлось.

Вечеромъ того же дня въ небольшой квартирѣ Гримайлова происходила особаго рода сцена: онъ расплачивался съ однимъ изъ лакеевъ, прислуживавшихъ за столомъ у Холопаенко.

— Спасибо, братецъ, спасибо! — говорилъ Гримайловъ, — и въ другой разъ сослужу.

— Слушаемъ-съ!

— Только ты, братъ, своихъ знаній во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ не пробалтывай! Капштала лишпшсь!

— Какъ можно-съ! Мы и въ Петербургѣ неоднократно полиціи помогали.

— Молодецъ мужшна! — добавилъ Гримайловъ, и съ глубокаго дна души его, изъ какихъ-то неисповѣдимыхъ тайниковъ, поднялось странное, непонятное чувство сравненія себя съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ.

Гримайловъ почувствовалъ себя несравненно выше, безупречнѣе, чище его, а къ нему нѣкоторымъ образомъ — огвращеніе.

Этакая, подумаешь, странная машинка душа человѣка. Лакей ушелъ.

На столѣ Гримайлова лежало нѣсколько нераспечатанныхъ писемъ. Одно—отъ баронессы: онъ его бросилъ въ сторону и раскрылъ другое.

Отъ Полѣскаго! Егоръ Ѳедоровичъ въ нѣсколькихъ строкахъ сообщалъ ему, что пріѣхалъ на Дунай, долженъ съ нимъ видѣться и желаетъ знать, гдѣ и какъ это возможно. Письмо было изъ Тырнова.

«Что ему нужно отъ меня?» — подумалъ Гримайловъ, вовсе не догадываясь о томъ, чего дѣло касалось.

XXIII.

Полѣсскій писалъ свое письмо Гримайлову въ расположеніи духа самомъ тяжеломъ.

Вотъ что съ нимъ за это время случилось.

Получивъ позволеніе Саша писать ей, онъ воспользовался имъ тотчасъ же, и въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. По два раза въ день писалъ онъ ей иногда, а ежедневно—постоянно, но такъ какъ съ похода письма отправлялись съ трудомъ, то и случалось, что Саша, придя за ними на почту, получала сразу по десятку, по пятнадцати.

Полученіе писемъ отъ Саши было еще затруднительнѣе, особенно по пути войскъ нашихъ за Балканами. Насту-

пление шло такъ быстро, что назначать адреса было невозможно.

Саша писала черезъ день; даже въ этомъ сказывалась извѣстнаго рода выдержка, замѣченная Полѣскимъ и возмущавшая его.

Но зато съ какимъ азартомъ набрасывался онъ на пачку писемъ Саши, сразу доходившихъ къ нему!

Онъ писывалъ женщинамъ и прежде, но ему писалось тогда какъ-то урывками, вспышками, бесплотно. Тутъ, въ перепискѣ съ Сашей, сказалась нѣкотораго рода система; Полѣскому чужлось, что письмами этими строить онъ свое будущее, что если въ нихъ буря, борьба, страсть, нервы, то тамъ, за ними—покой, счастье, довольство...

Но вдругъ ему становилось невообразимо стыдно за это свое увлеченіе; онъ не могъ не сознавать, что относительно Саши онъ отрицаетъ все свое прошлое.

Женитьба! Неужели же въ самомъ дѣлѣ все клонится къ тому? Не могу, не хочу, не долженъ хотѣть этого!

Глупо, пошло, а писать, все-таки, такъ и тянетъ... И онъ пишетъ, пишетъ...

Переписка эта, неизвѣстная, конечно, старухѣ Бириней, повліяла, однако, на чувства къ ней племянницы, и въ домѣ у нихъ начали слагаться отношенія, далеко не всѣмъ пріятныя.

Годы не лишили Бириней той сообразительности, которая подсказала ей, что причина всего этого—Полѣскій.

— Чтò ты тамъ ни говори,—объясняла она Сашѣ,—а я вотъ на себя грѣхъ возьму и побожусь, что ты съ нимъ переписываешься!

Саша давно тяготилась тѣмъ, что скрывала отъ тетки эту переписку.

— Да, переписываюсь, — отвѣтила она, и этимъ весьма

энергично разрѣшила свое давнишнее желаніе не тапть этой переписки.

— Я такъ это и знала, такъ и знала! — возразила разсерженная Бирпина. — А знаешь ли ты, что это за гадкій человѣкъ, твой Егоръ Ѳедоровичъ?

— Чего-либо гадкаго я за нимъ не знаю, — сказала Сапа.

— Ну такъ слушай же!

И Бирпина съ удивительною ясностью, съ большими деталями и, въ общемъ, несомнѣнно вѣрно рассказала Сапѣ о похищеніи г-жи Форескіюльдъ и о пансіонеркѣ. Исторіи съ театромъ Буффъ она не знала: справки, ею наведенныя, этого случая не уяснили.

— Вотъ онъ какой, твой герой! — заключила она свой рассказъ. — И я повторяю тебѣ, уже совершенно ясно почему, выбрай между нимъ и мною. Я его знать не хочу.

Все сообщенное Сапѣ было для нея совершенною новостью.

Она начала слушать разоблаченія тетки довольно спокойно; она дослушала ихъ едва-едва.

Грудь ея поднималась высоко, глаза блестѣли.

Дѣвушка, въ полномъ развитіи, страстная, но сдержанная, какою была она, о многомъ догадывается. Чутье подсказывало ей, что человѣкъ, такъ сильно нравоучившійся ей, не могъ быть безъ болѣе или менѣе пестраго прошедшаго. Иначе, пожалуй, онъ бы ей и не понравился.

Все это такъ. Все это хорошо до тѣхъ поръ, пока оно остается чаяніемъ, гаданьемъ, предположеніемъ, построенными на чувствахъ умозаключеніями.

Хорошо это до тѣхъ поръ, пока всѣ эти женщины-жертвы остаются безразличнымъ, безформеннымъ, безымяннымъ, какими-то призрачными силуэтами на неопредѣленномъ фонѣ безъ границъ и плотности; пока она одна, въ данномъ слу-

чаѣ Саша, является рядомъ съ ними живымъ человѣкомъ съ именемъ, съ очертаніемъ, съ собственною волею... О, тогда, до тѣхъ поръ, эти призраки, эти тѣни не беспокоятъ, не страшатъ!

Но стоить имъ пріобрѣсти хоть бы только одну осязаемость, хотя бы только осязаемость имени, одного яснаго, опредѣленнаго звука,—и все мѣняется...

Является страхъ сравненія; является досада, зависть; заговариваетъ впервые ревность и, вслѣдъ за нею, вереница самыхъ тяжелыхъ, небывалыхъ ощущеній.

И чѣмъ сдержаннѣе натура, чѣмъ чище она, тѣмъ ощущеніемъ, тѣмъ острѣе ихъ проявленія.

Сообщенія тетки тотчасъ же оказали свое дѣйствіе: Саша перестала писать Полѣсскому.

Не ходить за письмами его она не могла и продолжала получать и читать ихъ.

Прибыли, наконецъ, тѣ изъ нихъ, въ которыхъ Егоръ Оеодоровичъ начиналъ спрашивать: отчего же нѣтъ писемъ?

Она узнала изъ нихъ, что пройдены Филиппополь и Адрианополь; узнала, что Полѣсскій поступилъ въ распоряженіе Дондукова-Корсакова, по администраціи Болгаріи.

Саша молчитъ, не отвѣчаетъ: призраки окружили ее и мѣшаютъ писать.

Еще письмо и еще... все горячѣе, все мрачнѣе!

Если бы Саша была бѣльшимъ психологомъ, она бы замѣтила въ нихъ и еще одну переменную настроенія автора.

Физическая невозможность сближенія съ дѣвушкою и прежній, усвоенный Полѣсскимъ взглядъ на женщину начали побѣждать временно заговаривавшія въ немъ матримоніальныя наклонности.

«Какъ! — думалось ему: — и все это ни къ чему? И я

потратилъ столько огня и времени на цѣлые вороха дурацкой переписки, которая ни къ чему не привела и вдругъ прекращена—не мною, а ею? Нѣтъ, это глупо до невозможности, этому не бывать...»

И онъ прибѣгнувъ къ слѣдующей старой стратагемѣ, старой какъ удочка, на которую идетъ рыбка, старой какъ мышеловка, какъ западня.

Онъ пишетъ Сашѣ, что если отвѣта отъ нея не будетъ, что если къ назначенному имъ, хорошо рассчитанному, сроку онъ письма не получитъ, то застрѣлится.

Получила Саша и это письмо.

Прежде всего оно показалось ей страшнымъ, затѣмъ чрезвычайно глупымъ, потомъ опять страшнымъ...

Писать или не писать?

Нѣтъ, не писать.

И она, дѣйствительно, ждетъ и не пишетъ.

«Сегодня, — такъ думала Саша, ложась спать, — послѣдній срокъ для отправки ему письма, которое можетъ остановить... Что, если онъ сдѣлаетъ то, что обѣщаетъ?

Она подошла къ портрету своего отца.

Онъ глядѣлъ на нее пзъ рамы безмолвный, безмятежный.

Она сняла со стѣны портретъ Полѣскаго—и этотъ молчитъ и ничего не скажетъ.

Что же дѣлать? Пойти развѣ къ тетущкѣ? Разсказать ей все, все...

Но отвѣтъ ея извѣстенъ впередъ.

Саша спала очень дурно и утромъ встала съ головною болью, но письма не написала.

«Сегодня, — такъ думала Саша черезъ десять дней послѣ этой ночи,—срокъ, назначенный имъ. Онъ письма не получитъ. А что, если онъ дѣйствительно...»

И Саша была больна цѣлый день.

Первность ея увеличилась чрезвычайно, когда, прїѣдя какъ прежде на почту, она, привыкшая получать по нѣскольку писемъ въ день, не получила ни одного.

Тетушка начинала серьезно беспокоиться.

Дни проходили мучительные, долгіе.

Вдругъ вечеромъ въ субботу, часу въ седьмомъ, горничная приноситъ Сашѣ телеграмму.

Въ телеграммѣ значилось:

«Егоръ Оедоровичъ безнадеженъ. Прїѣзжайте немедленно. Одесса, гостиница Лондонская.

Стороженко».

Холодно, холодно стало Сашѣ!

Пемного поразмысливъ, она спросила горничную:

— Тетушка знаетъ о приходѣ телеграммы?

— Ихъ нѣтъ дома, онѣ въ церкви-съ.

— Хорошо. Не говорите ей ничего.

— Слушаю-съ.

Горничная ушла и оставила Сашу стоявшею у стола неподвижно, какъ статуя.

Ей казалось, что Полѣскій, мертвый, подлѣ нея...

XXIV.

Читателю, вѣроятно, довольно ясно, что никакого самоубійства не послѣдуетъ.

Но для Саши это было вовсе не такъ ясно.

Ночь она не спала совсѣмъ и на утро пошла къ тетущкѣ въ спальню.

— Я не хочу обманывать васъ, тетущка,—сказала она ей,—я ѣду въ Одессу.

Старуха обомлѣла.

— Ты! Въ Одессу? Зачѣмъ?

— Я ѣду къ Егору Оедоровичу. Вотъ телеграмма, прочтите.

Биррина прочла.

— Да тебѣ-то что за дѣло?—спросила она.

— Я люблю его.

— Но вѣдь это невозможно! Дѣвушка—одна! Я не пущу! Поѣзжай противъ моего желанія, но тогда не возвращайся.

— Этого-то я и не хочу, тетушка,—отвѣтила Саша,— для того и пришла.

— Конечно! еще бы! наслѣдства жаль!

— Нѣтъ, тетушка, не наслѣдства, а васъ! Вѣдь я васъ тоже люблю, и люблю сильно.

— Выбери тогда между нами обоими,—отвѣтила старуха, но голосомъ болѣе мягкимъ, такъ какъ Саша въ первый разъ въ жизни сказала ей, что она любитъ ее.

Старухѣ не могло же хотѣться въ самомъ дѣлѣ, чтобы ее не любилъ никто, никто на свѣтѣ!

— Нѣтъ,—сказала Саша,—простите меня, выбирать я не буду: тутъ выборъ невозможенъ! Что я поѣду—это рѣшено, и вы не сердитесь, тетушка, не обижайтесь, не обижайте меня. Но я не хочу оставить и васъ.

— Такъ не ѣхать ли и мнѣ съ тобою?—быстро спросила Биррина.

— И это нѣтъ! Если бы вы предложили мнѣ ѣхать, я бы не согласилась.

— Такъ одна!?

— Одна.

— Но какъ же, однако, объяснить, сказать объ этомъ? Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!

— Милая, дорогая тетушка, вы заставите меня сдѣлать то, что я сдѣлаю, со скандаломъ.

— Да вѣдь скандалъ уже тутъ, уже онъ есть, сударыня!

— Нѣтъ, тутъ нѣтъ и не будетъ скандала, если только

вы поможете мнѣ. Стоить только сговориться, потолковать... причинъ можно придумать много...

Въ голосѣ Саши было столько увѣренности, рѣшимости, спокойствія, что Вприна, зная ея характеръ, почла за лучшее не протпворѣчить.

— Поѣзжай! Но не возвращайся ко мнѣ,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.

Въ тотъ же вечеръ Саша, быстро собравшись, уѣхала въ Одессу.

Дорога была утомительна; встрѣчались поѣзда съ ранеными и, конечно, не улучшали расположенія ея духа.

Въ Одессѣ она направилась въ Лондонскую гостиницу и взяла номеръ.

— Не останавливался ли здѣсь господинъ Полѣсскій?—спросила она.

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Можетъ-быть, онъ былъ, или есть, а если не онъ, такъ Стороженко?

— Тоже нѣтъ.

— Такъ, можетъ-быть, есть кто-нибудь изъ Систова, Пипополя, кто-нибудь съ Дуная? изъ Болгаріи?

— Есть-съ: г-жа Криницкая; только они уѣхали на два дня и номеръ за собою оставили.

— Пожалуйста, какъ только она вернется, дайте знать.

— Слушаю-съ.

Прошелъ день томительнаго ожиданія; вечеромъ пришли сказать Сашѣ, что г-жа Криницкая вернулась.

Спросивъ, въ какомъ номерѣ остановилась пріѣзжая, Саша направилась къ нему.

Криницкая, женщина немолодая, приняла ее очень любезно, и узнавъ, что ее интересуеъ Полѣсскій, сообщила, что онъ тамъ же, гдѣ и ея мужъ, и что Стороженко, подписавшій телеграмму, тоже тамъ; что съ Полѣсскимъ она

мало знакома, но Стороженко знаетъ хорошо и что это прелестнѣйшій человѣкъ.

Криницкая, Надежда Семеновна, относилась къ тому странному типу женщинъ, которыхъ у насъ много и которые думаютъ, что онѣ, освобождаясь отъ тѣхъ предразсудковъ, отъ которыхъ имъ хочется освободиться, принадлежать къ людямъ передовымъ, къ людямъ будущаго.

«Главный предразсудокъ,—думаютъ онѣ,—брачныя узы и всѣ ихъ послѣдствія».

Это было несчастье для Сашы напасть на подобную женщину.

Барыни въ родѣ Надежды Семеновны особенно падки на неофитовъ женскаго пола, особенно въ дѣлѣ сердечныхъ отношеній.

Если это дѣвушка—тѣмъ лучше: ихъ полку прибываетъ, а на ловца, какъ извѣстно, и звѣрь бѣжитъ.

— Но,—сказала Саша, выслушавъ сообщенія Криницкой,—чего-либо болѣе опредѣленнаго вы сказать мнѣ не можете?

— Право, ничего не знаю,—отвѣтила Криницкая,—хотите, я телеграфирую мужу?

— Сдѣлайте одолженіе! Я заплачу, что нужно,—быстро прибавила Саша.

Слезы подступили ей къ горлу и она готова была расплакаться, въ виду этого ряда постоянно возникавшихъ передъ ея глазами шпирмъ и недоумѣній.

Телеграмма съ вопросомъ была послана.

Вечеръ обѣ женщины провели вмѣстѣ; гуляли по бульвару, сидѣли въ кафе въ виду Чернаго моря.

Криницкая ужасно не нравилась Сашѣ. Ее, жившую въ Москвѣ довольно замкнуто и встрѣчавшую людей, подобранныхъ Бириной, сразу поразила Надежда Семеновна своими взглядами, особенно на бракъ, на религію.

Спорить съ нею она не рѣшалась, да у нея и матеріала не хватило бы на это. Она только слушала, потому что не слушать не могла: Криницкая знала о ея секретѣ и дѣлать было нечего.

Саша была чрезвычайно рада наступленію ночи и возможности удалиться въ свой номеръ.

На утро пришелъ отвѣтъ:

«Полѣсскій здѣсь, живъ и здоровъ».

— Ну, поздравляю васъ,—сказала Криницкая, — тутъ какое-нибудь недоразумѣніе.

Хотя Саша вздохнула свободнѣе, и трупъ Полѣскаго, постоянно мерещившійся ея глазамъ, куда-то вдругъ исчезъ, но положеніе было еще затруднительнѣе, еще непостижимѣе.

Важный шагъ въ жизни былъ сдѣланъ,—сдѣланъ не въ томъ смыслѣ, что оставлена Москва, обижена тетка, рпсковано богатое наслѣдство, а въ томъ, что Полѣсскому было дано въ руки страшное орудіе: разоблачена, обнажена вполнѣ беззавѣтная любовь къ нему...

И вотъ, все яснѣе, все опредѣленнѣе стали возникать передъ Сашею рассказы тетушки о прошедшемъ Полѣскаго.

Возникла пансіонерка...

«Дѣвушка... тоже изъ нашего круга... тоже довѣрилась... Чѣмъ же я лучше ея?.. Но вѣдь это ужасно...»

Возникла, гораздо блѣднѣе пансіонерки, г-жа Форескіюльдъ.

«Ну, а эта чѣмъ же хуже меня?... Бросить мужа, имя... Что съ нею теперь? Вѣдь если бы мнѣ встрѣтить ее, я должна уступить ей мѣсто, должна... и отказаться отъ чelовѣка, настолько дорогого мнѣ!»

Сашѣ нечего было привыкать къ одиночеству, по оно ваявилось съ особенною внушительностью, когда Криниц-

кая пришла къ ней въ номеръ прощаться: она уѣзжала къ мужу.

— Я васъ такъ мало знаю,—сказала ей Саша,—и тѣмъ не менѣе я все-таки должна обратиться къ вамъ съ большою и очень важною для меня просьбою.

Криницкая, конечно, давно поняла, что въ лицѣ Сашин передъ ея глазами разыгрывается какая-то сценка одного большого, невѣдомаго ей, не совсѣмъ зауряднаго романа. Саша показалась ей чрезвычайно смѣшнымъ, но очень интереснымъ матеріаломъ.

— Скажите, я исполню чтò могу,—отвѣтила она Сашѣ.

— По прїѣздѣ къ себѣ, не говорите никому ни слова о томъ, что вы меня видѣли въ Одессѣ: ни мужу вашему, ни въ особенности Полѣсскому. Мое пребываніе здѣсь должно быть для нихъ тайною.

— Вы меня удивляете вашею просьбою.

— Это нужно.

— Скрывать то, чтò хорошо, то, чтò выдѣляетъ васъ изъ сотни другихъ женщинъ!

— Но вы исполните?

— Постараюсь,—отвѣтила Криницкая,—хотя это совершенно не въ моемъ духѣ.... и не въ интересахъ общества.

Нѣсколько быстрыхъ слезинокъ сбѣжали со щекъ Сашин, неустойчивыя, негаданныя. И нужно же ей было натолкнуться на такую женщину, какъ Криницкая!

Криницкая уѣхала. Чтò было дѣлать Сашѣ? Вернуться въ Москву? Конечно, въ Москву, а то куда же? Вернуться поскорѣе и поставить крестъ на всемъ томъ, чтò было, на всемъ, чтò могло быть и отъ чего Богъ избавилъ...

Лишь бы только онъ не узналъ, ни за чтò не узналъ, никогда... И зачѣмъ только обратилась она къ Криницкой?

Или не возвращаться въ Москву? Пойти въ гувернантки? Нѣтъ, зачѣмъ! Въ Красный Крестъ... Здѣсь долженъ же быть кто-нибудь изъ Краснаго Креста...

Мысли въ родѣ этихъ бѣгали въ головѣ Саши, оставшейся въ гостиницѣ совершенно одинокой.

Она навела, однако, справку, когда идетъ поѣздъ въ Москву. Оказалось, что въ одиннадцать часовъ вечера. До этого оставалось часа четыре, и она рѣшилась не выходить изъ номера вовсе.

Велѣвъ подать кофе, она начала укладываться.

Попалась ей въ руки роковая телеграмма.

— Чтò же это такое, однако?—думала она.—Листъ бумаги, сочиненный и писанный Богъ знаетъ кѣмъ, и такое значеніе, такое страшное значеніе! Шутка? Насмѣшка?

По гостиницѣ, отъ поры до времени, раздавались звонки, по коридору ходили, таскали чемоданы; въ сосѣдній номеръ вбѣжалъ кто-то, внесли вещь; надъ головой, въ верхнемъ этажѣ, бѣгали дѣти, слышенъ былъ плачъ ребенка.

Саша позвонила.

Вошелъ человѣкъ.

— Велите подать счетъ.

— Слушаю-съ.

Черезъ четверть часа подали счетъ.

Человѣкъ, вручая его, доложилъ, что г-нъ Полѣсскій приказали спросить, могутъ ли онѣ принять его?

Представьте себѣ весь гвалтъ и фейерверкъ самыхъ противоположныхъ ощущеній, который заговорилъ, блеснулъ въ головѣ Саши, за послѣднее время и безъ того растерянной!

— Просите!—сказала она едва слышно.

Въ сосѣдній съ нею номеръ дѣйствительно вѣхалъ Егоръ Ѳедоровичъ Полѣсскій.

XXV.

Дальнѣйшее дѣйствіе нашего разсказа будетъ происходить въ одномъ изъ болгарскихъ городовъ на Дунаѣ.

Видъ на этотъ городъ издали недуренъ: онъ тянется отъ Дуная по оврагу; надъ нимъ, на скалѣ, высится цитадель; на самой вершинѣ бѣлѣетъ замокъ.

Пожаръ, вызванный въ городѣ нашимъ бомбардированіемъ, придалъ ему довольно характерныя очертанія; французы сказали бы: *pittoresque*, нѣмцы—*romantisch*.

Когда мы взяли городъ, окружающіе его сады, дороги и поля, засѣянные кукурузой, были переполнены трупами. Когда изъ воротъ его выводили плѣнныхъ, въ сторонѣ отъ нихъ, точно для поддразниванія, размѣстились выведенные изъ города гаремы...

Яркость красокъ, богатство убранства женщинъ и ихъ прислужницъ, фантастика, хорошо знакомая намъ по постановкѣ нѣкоторыхъ оперъ и балетовъ, придавали всей этой картинѣ особый видъ.

Затѣмъ городъ получилъ губернатора, полиціимейстера, начальника войскъ, начальниковъ отдѣльных частей, полицію и пр.

Въ длинномъ ряду этихъ господъ, составившихъ русскую колонію, съ которыми мы ознакомимся въ наброскахъ, былъ одинъ человѣкъ, на которомъ мы остановимся подольше.

Это былъ тотъ замѣчательный и во многихъ отношеніяхъ крайне симпатичный господинъ, именемъ котораго была подписана телеграмма Сашѣ.

На симпатичныхъ людей въ нашемъ разсказѣ мы не особенно щедры, какъ и сама жизнь, въ силу многихъ обстоятельствъ.

Маіоръ Стороженко былъ росту невысокаго, плотный,

коренастый, не особенно красивый; онъ родился въ Полтавѣ и ко времени нашего разсказа прожилъ тридцать три года.

Онъ состоялъ начальникомъ отдѣла конскаго запаса.

Въ началѣ запасъ состоялъ изъ 4,000 головъ при 700 человекѣхъ. Лошади, какъ извѣстно, брались повинностью, были между ними тысячныя, были и одры отъ сохи.

Ветеринара отдѣлу не дали и, при недостаткѣ корма, онъ видимо таялъ.

Если бы маіоръ былъ человекомъ нечестнымъ, онъ бы могъ имѣть легко тысячъ до 10 въ мѣсяцъ; онъ ихъ не имѣлъ и другимъ воровать не давалъ.

Всѣ попытки его сохранить лошадей ни къ чему не привели; Стороженко, выпивавшій и до того, увеличилъ дозу: таяніе лошадей было прямою причиною этого.

Онъ относился, несомнѣнно, къ числу людей очень хорошихъ, но безхарактерныхъ до крайности. Онъ непремѣнно долженъ былъ быть подъ чьимъ-либо вліяніемъ.

Необычайно любя, чтобы надъ нимъ трунили, потѣшались, онъ, когда, бывало, сойдутся товарищи, непремѣнно становился предметомъ продергиваній и общаго веселья.

Начнуть съ разсказовъ о сотняхъ комичнѣйшихъ положеній въ жизни, въ которыхъ онъ находился. Онъ самъ хохочетъ болѣе другихъ и, въ концѣ концовъ, сохраняя полную серьезность, разскажетъ о себѣ что-нибудь еще болѣе необычайное, еще болѣе нелѣпое—и хохоту нѣтъ конца.

Одною изъ главныхъ темъ, надъ которыми товарищи трунили болѣе всего, былъ идеальный взглядъ Стороженко на женщину. Въ каждой изъ нихъ, по его собственному выраженію, видѣлъ онъ «нѣкій ходячій храмъ».

Эти ходячіе храмы въ Никополѣ были вовсе не прельстительны. Часть ихъ, мѣстныя жительницы, сходились съ русскими туго; русскихъ женщинъ—женъ, дочерей и сестеръ—

было мало; третья часть состояла изъ арфистокъ странствующаго кафе-шантана.

Довольно дикій и робкій по натурѣ, майоръ съ мѣстными жительницами не сходилъ вовсе, съ русскими мало, а поспы идеала между арфистками приводили его къ крайне смѣшнымъ результатамъ, дававшимъ новую тему для веселыхъ разсказовъ и хохота.

Другую характерною чертою Стороженко было то, что не было человѣка, не расположеннаго къ нему; такъ отнеслись къ нему всѣ безъ исключенія члены русской колоніи въ городѣ, и онъ постоянно являлся въ роли третейскаго судьи.

Во главѣ русской колоніи стоялъ губернаторъ, человѣкъ не симпатичный, обязанный своимъ назначеніемъ князю Черкасскому. Окружной начальникъ обладалъ хорошенькою женою, когда-то дочерью собственника одного изъ садковъ на Фонтанкѣ; начальникъ отряда, человѣкъ некрасивый, но покладистый, былъ холостъ; начальникъ болгарской дружины, когда-то воспитанникъ технологическаго института, отличался постоянствомъ желудочныхъ и горловыхъ катарровъ; главный мѣстный интендантъ, попавшій сюда, благодаря связямъ, изъ варшавскихъ цензоровъ, былъ видимо отягощенъ двумя дочерьми, пріѣхавшими изъ Петербурга. Въ числѣ врачей находился Крпницкій съ женою, отдавшею весьма характерными свойствами, съ которыми мы отчасти познакомились. Полиціймейстеромъ былъ идіотъ.

Всѣ эти лица очень любили Стороженко и мирились со всѣми его слабостями и эксцентричностями.

Очень занималъ мѣстное общество вопросъ о томъ, кто будетъ назначенъ на мѣсто вышедшаго, по случаю смерти отъ тифа, полковника, состоявшаго при губернаторѣ.

Когда пришелъ приказъ и сдѣлалось пзвѣстнымъ, что на мѣсто умершаго полковника прибудетъ капитанъ гвардіи

Полѣскій, Стороженко очень обрадовался этому: онъ зналъ Егора Ѳедоровича еще по Петербургу.

Трудно представить себѣ людей болѣе противоположныхъ, менѣе подходящихъ одинъ къ другому, въ томъ смыслѣ, въ какомъ подходитъ форма къ содержанію.

Егоръ Ѳедоровичъ не замедлилъ сблизиться съ маіоромъ, котораго звали Иваномъ Захарычемъ.

Вслѣдъ за назначеніемъ Полѣскаго, горе-забота маіора—его табунъ—сталъ рѣдѣть особенно быстро: пріѣхалъ какой-то кавалерійскій генералъ и нашелъ, что лучше воспользоваться лугамъ, чѣмъ зерновымъ довольствіемъ.

Пошли лошади на траву и стали скелетамъ; думалъ, что хорошо будетъ захватить подъ пастбища и болото, а вышло еще хуже: слишкомъ триста человѣкъ прислуги слегло въ лихорадкѣ. Скоро на сто лошадей остался чуть ли не одинъ казакъ,—тогда половина лошадей разбѣжалась.

За 40 верстъ отъ города отвели табуны, отыскивая травы.

Рѣшено было продать, наконецъ, эти ходячіе лошадиные скелеты съ публичнаго торга, въ виду того, что отдѣлъ самъ собою расплылся.

Погнали коней назадъ въ городъ.

Путь былъ устланъ трупами послѣ ихъ прохода, а на торгахъ нѣкоторые изъ лошадей пошли за три и за пять галагановъ, т. е. за 10 и 15 копеекъ съ головы.

Въ тотъ же вечеръ маіоръ выпилъ больше обыкновеннаго.

— Молодецъ Иванъ Захарычъ! — говорилъ ему Полѣскій,—славные помпикъ по своимъ Россинантамъ править.

Онъ зашелъ къ маіору, составилъ цѣлый планъ дѣйствія относительно Саши и выдумавъ необходимость посланки ложной телеграммы. Ему нужна была подпись Стороженки.

— Ты, братъ, не шути,—отвѣтилъ ему на пріѣздѣ

маіоръ,—ты этой дороги съ трупами и скелетами не видалъ, а я видѣлъ.

— Ну и чтò жь?

— Сердце, братъ, разрывается, вотъ чтò! Вѣдь тоже чувствующія они животныя, не колоды! Дорога, знаешь, все кукурузникомъ шла, я посмотрѣть поѣхалъ... ну и не выдержалъ, вернулся: животы-то у нихъ у всѣхъ, знаешь, такіе раздутые, точно какая новая порода лошадиная пошла! Не выдержалъ... ну п пью. Выпей!

Полѣсскій могъ стукать рюмку за рюмкою нипочемъ; Стороженко былъ готовъ съ третьей.

— Ну, я тебя, братецъ ты мой, утѣшу. Ты вѣдь до хорошенькихъ женщинъ падохъ? Ну, а я къ себѣ на-дняхъ кузину изъ Москвы жду.

— Кузину? Откуда же это у тебя вдругъ московская кузина взялась?

— Взялась.

— И сюда будетъ?

— Сюда.

Тутъ Полѣсскій разсказалъ маіору кое-что изъ своихъ отношеній къ Сашѣ; разсказалъ о дѣтствѣ, о встрѣчѣ въ вокзалѣ, о перепискѣ; не упомянулъ онъ только о письмѣ, обѣщавшемъ самоубійство, и въ сообщеніяхъ своихъ о Сашѣ говорилъ о ней не въ томъ тонѣ, какой бы подобалъ, такъ что въ воображеніи Стороженко составилось о Сашѣ понятіе совершенно ложное, какъ о дѣвушкѣ далеко не безупречнаго поведенія.

Когда Полѣскимъ было отправлено въ Москву письмо съ угрозою самоубійства, и когда въ отвѣтъ на это послѣдовало неожиданное для него прекращеніе корреспонденціи, получавшейся отъ Саши, Егору Ѳедоровичу сдѣлалось чрезвычайно обидно и досадно: началъ лгать, такъ надобно же долгаться до чего-нибудь!

Сочинить телеграмму, пзвѣстную намъ, было не трудно.

Взять отпускъ на недѣлю, прокатиться въ Одессу было тоже недурно: прїѣдетъ она—хорошо, не прїѣдетъ—прогуляюсь! Но въ телеграммѣ нужна подпись...

— А ты смотри, маіоръ, если кузпна прїѣдетъ, ты за нею, пожалуѣйста, прпволокнись, потому что это въ твоемъ родѣ барышня: чистая, пдеальная, да и денежки кое-какія есть. Слышишь ли?

— Какъ не слышать! Слышимъ,—отвѣтилъ Иванъ Захарычъ, шелкая новую рюмку.

— Къ прїѣзду нашему, когда я ее привезу, ты въ моей квартирѣ все какъ должно приготовишь; букетовъ, знаешь, поватыкай.

— Ладно... и букеты будутъ.

— Я тебя оттуда телеграммою увѣдомлю.

— И то хорошо. Чтò жъ, это тайна, романъ?

— Самая простая штука! Кузпна! А вотъ, не въ службу, а въ дружбу, разрѣши ты мнѣ, мой милый, къ ней телеграмму твоимъ именемъ подписать.

— И то можно... Пстой, пстой... какую это?

Полѣскій показалъ ему приготовленную телеграмму.

Маіоръ прочелъ разъ, прочелъ другой и покачалъ головою, какъ бы расчухпвая смыслъ ея.

— А зачѣмъ самъ не подписываешь?—сказалъ онъ.

— Да вѣдь я безнадеженъ! Глупый ты человѣкъ!..—отвѣчалъ Полѣскій.

— И то правда... безнадеженъ... Согласенъ!

И знакомыя намъ двѣ строки, надѣлавшія Сашѣ такъ много горя, полетѣли по ея адресу.

XXVI.

Полѣскій былъ убѣжденъ, что привезетъ съ собою Сашу.

Когда Егоръ Ѳедоровичъ, съ разрѣшенія Саши, вошелъ

къ ней въ номеръ, Саша ясно сознавала, что она стоитъ передъ нимъ вполне безоружная: онъ потребовалъ—и она явилась. У него въ рукахъ была цѣлая громадная переписка.

Егоръ Ѳедоровичъ, наоборотъ, въ сравненіи съ нею, могъ чувствовать себя средневѣковымъ рыцаремъ, отъ головы до ногъ вооруженнымъ, неуязвимымъ, заручившимся всѣми шансами успѣха.

Но надо жѣ было начать говорить: не оставаться же нѣмымъ при свиданіи!

— Такъ вы таки здѣсь... здѣсь...—проговорилъ онъ, немного театрално остановившись отъ нея шагахъ въ трехъ.

— Чтò это за телеграмма, Егоръ Ѳедоровичъ? — отвѣтила Саша сухимъ вопросомъ, развертывая бумагу и показывая ее.

— Эта телеграмма? Это то, что я васъ вижу, что...

— Прежде всего это обманъ,—перебила его Саша.

Слово «обманъ», случайно сорвавшееся съ ея устъ, было въ данномъ случаѣ тѣмъ разрѣшительнымъ словомъ, которое сразу сняло очарованіе, возвратило ей движеніе и мысль. Въ средніе вѣка, когда по бѣлу-свѣту ходили волшебницы, такія возвращенія къ жизни заколдованныхъ принцевъ и принцессъ однимъ только словомъ, однимъ движеніемъ были въ модѣ.

За послѣднее время пребыванія въ Москвѣ и разговоровъ съ теткой, слова «обманъ» и «Полѣвскій» настолько сроднились и сблизились для Саши въ доводахъ старухи, что и здѣсь, въ Одессѣ, случайно сопоставленные, они произвели то же дѣйствіе.

Саша тотчасъ сознала въ себѣ возвращеніе всей своей энергіи и инстинктивно сдѣлала то, чтò дѣлаютъ дѣти, пугаясь темноты и страховъ: она рѣшилась говорить громко, очень громко, не давая времени говорить Полѣвскому.

— Обманъ!.. Да! А пансіонерка? А г-жа Форескіольдъ?

Никогда, ни въ одной декораціи волшебнаго представленія не происходятъ такъ быстро превращенія, какъ быстро перемѣнились роли Полѣскаго и Саши: не онъ, а она стояла теперь передъ нимъ не рыцаремъ, вооруженнымъ до зубовъ, а цѣлымъ броненосцемъ съ орудіями самага громаднаго калибра и самыми дальнобойными.

— Такъ вы знаете о нихъ? — чуть слышно проговорилъ Полѣсскій.

— Знаю.

— И все-таки пріѣхали?

— И все-таки пріѣхала... потому что я люблю васъ, Егоръ Ѳедоровичъ.

Полѣсскій думалъ-было броситься къ ней.

— Позвольте! Что я люблю васъ—это только половина того, что нужно: другой половины я не вижу!

— Какъ?! Не видите?

— Нѣтъ, не вижу!..

Послѣдовало короткое молчаніе.

— Что же намъ теперь дѣлать съ вами, Егоръ Ѳедоровичъ?—спросила Саша.—Или, лучше, что сдѣлаю я?

— Вы спрашиваете меня?

— Да.

— Совершенно серьезно?

— Да.

— Ъхать со мною!

— А затѣмъ: вторая пансіонерка... маленькій разсказецъ... обыкновенная исторія!

Опять молчаніе. Разговоръ принималъ направленіе невозможно-тяжелое, удручающее...

— Садитесь, Егоръ Ѳедоровичъ,—сказала Саша.

Было такое мгновеніе, что Полѣсскій, выслушавъ приглашеніе сѣсть, хотѣлъ-было безмолвно поклониться и уйти...

Но что за прелесть девушка стояла передь нимъ! И она несомнѣнно любить... сама сказала! Да вѣдь и онъ любить ее! Вѣдь онъ сколько разъ боролся съ собою, чтобы забыть ее,—и не могъ... И они одни... и полная, кажется, свобода! Уѣхать—просто глупо... Жениться! общаться жениться... Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ къ вѣнцу... сейчасъ... головою впередъ и въ пропасть...

Какъ ни быстро вертѣлись эти мысли въ головѣ Полѣскаго, но онѣ все-таки требовали времени.

Саша сѣла и ожидала.

— Садитесь же, — повторила она.

— Я сяду, но не иначе, какъ женихомъ вашимъ! — брякнулъ Полѣсскій и даже поблѣднѣлъ, испугавшись звука своего собственного голоса.

— Боже мой, какъ это трудно было выговорить! — сказала Саша. — А если я не приму вашего предложенія?

— Въ такомъ случаѣ, чего же вы хотите отъ меня, Александра Андреевна? — отвѣтилъ Полѣсскій, садясь.

Пусгнувъ шумиху о женитьбѣ, почти что неожиданно для самого себя и въ первый разъ въ жизни, Егоръ Федоровичъ не могъ собраться съ мыслями.

Чувство какой-то глухой злобы, обиды первымъ заговорило въ немъ... Изъ такихъ положеній, въ какомъ онъ находился, прорываются прежде всего дурныя чувства...

Ему чужалось, будто онъ разрушилъ самого себя и пережилъ это разрушеніе... И все это за что? За что?!

За ворохъ какихъ-то сантиментальныхъ писемъ, за глупѣйшее свиданіе, не дающее прямого результата, за компичѣйшее tête à tête!..

Отъ Саши не ускользнули ни нервный блескъ его глазъ, ни покусываніе губъ, ни постукиваніе пальцами по ручкѣ кресла...

Ей сдѣлалось страшно... Ее знобило...

Мелькнуло воспоминаніе о пансіонеркѣ...

«Боже мой! Неужели,—думалось Сашѣ,—я совсѣмъ въ рукахъ этого человѣка?... Вѣдь онъ можетъ все, все... Это упорное молчаніе его... этотъ взглядъ...»

Саша была далеко не права въ своихъ опасеніяхъ.

«Спаستись! — промелькнуло въ ней, — спастись во что бы ни стало... сейчасъ же... Но какъ?!»

И она заговорила.

— Чего я хочу, спрашивали вы меня? — сказала она, возобновляя разговоръ съ того, на чемъ онъ такъ рѣзко прекратился.

— Да! хотѣлось бы знать...

— Я хочу ѣхать за вами.

— За мной?!

— Но не иначе, какъ въ качествѣ невѣсты вашей... Но это васъ ни къ чему не обязываетъ,—поторопилась она прибавить,—ни къ чему! Кстати: кто этотъ Стороженко, именемъ котораго вы подписали телеграмму? Близокъ онъ съ вами?

— Да.

— Какъ его зовутъ?

— Иванъ Захарычъ.

— И онъ хорошій человѣкъ?

— Лучшій и честнѣйшій изъ всѣхъ. Я знаю его еще по Петербургу.

— Впрочемъ, — замѣтила Саша, — что же я разспрашиваю: вѣдь я ихъ всѣхъ увижу!

Она рассказала Полѣсскому и о встрѣчѣ своей съ Криничкой, и какъ она ей ужасно не понравилась.

Егору Оедоровичу стало вдругъ необычайно весело, и жизнь, заволакивавшаяся флеромъ, разукрасилась снова радужными красками.

«Поѣдетъ ко мнѣ! — думалось ему. — Положимъ, что въ

качествъ невѣсты, но это не особенная бѣда... да и удержится ли она—это еще Богъ-вѣсть! А все-таки мы будемъ вмѣстѣ, рядомъ... За нею, что ни говори она, цѣлая пропасть: бѣгство отъ тетки, потому что это, конечно, бѣгство... Да, пропасть... Правда, чуть пріѣдетъ она,—поднимется въ нашемъ муравейникѣ говоръ: какъ, да что, да откуда? но говоръ этотъ будетъ не то, чтобы особенно неприятенъ... напротивъ... Къ тому же сама предложила! Предложеніе дѣйствительно не особенно дурное... даже прекрасное... и, можетъ-быть, будетъ очень весело...»

И ни разу, ни разу, въ полномъ смыслѣ этого слова, не сложились мысли Полѣскаго такъ, чтобы подсказать ему, выяснить то положеніе, въ которое ставила себя дѣвушка. Онъ думалъ только о томъ, какъ хорошо будетъ ему, что о немъ скажутъ, какъ онъ устроится, какъ проведетъ онъ время.

Это неумѣнье вдумываться въ положеніе другихъ, къ несчастью, черта довольно общая всѣмъ намъ, черта, обуславливающая массу самыхъ дикихъ, невозможныхъ положеній и столкновеній въ жизни. Въ этомъ смыслѣ мы то и дѣло, что взращаемъ голубыя георгины и щеголяемъ зелеными лошадьми.

Рѣшено было, что Полѣскій поѣдетъ завтра же, а Саша отправится два дня спустя, чтобы не ѣхать вмѣстѣ, не появляться вдвоемъ.

Какъ легко, какъ весело было ему садиться на паромъ, когда Саша пріѣхала проводить его!

День былъ солнечный, яркій; море сіяло всѣми голубыми тонами, море, которое Полѣскій такъ страстно любилъ, на которомъ чувствовалъ себя дома и съ которымъ простился со времени похищенія г-жи Форескіольдъ.

И тутъ не эта отцвѣтшая Форескіольдъ, а расцвѣтающая Саша на берегу... и къ тому же это удачное измѣненіе

службы, довольно спокойное мѣсто, только-что полученное имъ... и опять этотъ блескъ, это тепло... и эта Саша... это море!.. Чѣмъ не жизнь?

По мѣрѣ того, какъ удалялся пароходъ, удалялась отъ Полѣскаго и Саша.

Онъ видѣлъ долго-долго ея высокую, стройную фигуру; она дѣлала ему знаки рукою, прощаясь.

А что, если она обманетъ? А что, если не приѣдетъ!?

Не можетъ она не приѣхать: она слишкомъ многимъ пожертвовала, чтобы не дать остального! Да, наконецъ, вѣдь ей обѣщана женитьба—чего же больше?

Саша, какъ мы упоминали, была очень набожна; было бы нелѣпостью отрицать необычайную силу молитвы для человѣка вѣрящаго; эту силу признаетъ, совершенно основательно, Тиндаль даже съ чисто физиологической точки зрѣнія.

Когда пароходъ, увозившій Полѣскаго, вышелъ за моль, Саша взглянула на часы свои, и сообразивъ, что обѣдня въ соборѣ еще не кончилась, отправилась туда.

Громадный соборъ въ Одессѣ рѣдко бываетъ полонъ; записать ли это оттого, что въ Одессѣ мало молятся и слишкомъ много торгуютъ, или оттого, что предпочитаютъ молитву по домамъ,—сказать трудно. Одесситы народъ особый: страшные болтуны, крикуны, спорщики и меньше всего ханжи.

Радужныхъ чувствъ, обуявшихъ Полѣскаго, въ Сашѣ не было вовсе. Напротивъ того: глубоко-грустная вошла она въ церковь и, ставъ въ болѣе темномъ углу, между рѣшеткою алтаря и крайнимъ образомъ, опустилась на колѣни и начала молиться.

Да, она была не одинока: ей стало легче.

Она молилась за любимаго ею человѣка, за дурного человѣка... Какая разница между обоими!

Полѣсскій даже ни разу не вдумался въ ея положеніе—она только о томъ и думала, что можетъ онъ чувствовать и дѣлать при тѣхъ данныхъ, которыя разставила передъ нимъ судьба? Полѣсскому было весело—ей скучно.

Бросить его, вырвать изъ сердца она рѣшительно не могла. Взять же его такимъ, какимъ онъ былъ, значило погубить себя и, главное, потерять его.

Сквозь молитву, противъ воли ея, то и дѣло слышалось ей «Обмануль!» И она опять молилась—и опять звучало откудѣ-то: «Обмануль!»

Въ одиннадцать часовъ вечера Саша уѣхала въ Москву.

Голубая георгина, невозможное положеніе въ жизни, на этотъ разъ не расцвѣла.

XXVII.

Повидимому, Россія—одна.

Это неправда: ихъ двѣ.

Первая—это нынѣшняя, лицевая Русь, раздѣлаемая множествомъ болѣзней, гибнущая въ пожарахъ, чахнущая въ неурожаяхъ, изводящая лѣса, рыбу, дичину, утомляющая землю, согбенная и кичливая, унылая и ухарски веселая, Русь жидовствующая и юродствующая, административно исполосованная, Русь скандальныхъ процессовъ и кабака, монастырскихъ схимниковъ и безумныхъ динамитчиковъ, Русь на побѣгушкахъ за идеалами Запада и на колѣнкахъ передъ старыми принципами Домостроя.

Другая Русь—это Русь будущаго, Русь отдаленная, хранящая своею недоступностью. Это тѣ лѣса, которые остаются ветронутыми, потому что имъ нѣтъ сбыта; это тѣ заводи и трясины, гдѣ рыбы не извести, потому что къ нимъ ни подойти, ни подъѣхать; тѣ трупщобы, гдѣ не раздавался выстрѣлъ охотника; это тѣ неоткрытыя рудныя богатства, которыя, только потому, что они не открыты, хищнически

не эксплуатируются; это земли, лежащія втунѣ и не изнуряемыя; это, наконецъ, Русь безграмотная, нашими умствованіями вкривь и вкосъ не сбиваемая, которой равно чужды и аскетъ, и дпнамитчикъ, и изъ которой, какъ изъ новины, поднимутся когда-то, когда мы отойдемъ и изговоримся;—новыя поросли...

Въ частныхъ людяхъ, какъ и въ народныхъ организацияхъ, хранятся иногда подобныя же вторичныя, запасныя явленія.

Совсѣмъ другой, небывалый человѣкъ поднимается вдругъ изъ обветшалого, отброшеннаго, ненужнаго человѣка; или, наоборотъ, изъ хорошаго выползаетъ дурной.

Это дѣлается, конечно, не безъ боли, не безъ страданія; нерѣдко, если процессъ превращенія очень обостряется, слѣдуетъ смерть.

Понятно, что по возвращеніи Полѣскаго увѣренность его въ пріѣздѣ Саши скоро не только исчезла, но и привела его къ правильному, можетъ-быть, заключенію о томъ, что какъ же это онъ могъ хотя бы одну минуту вѣрить въ этотъ пріѣздъ?

Если бы онъ смотрѣлъ на Сашу, какъ смотрѣлъ на другихъ женщинъ, безъ всякой прелюдіи поэтического элемента воспоминаній дѣтства, онъ бы сказалъ себѣ просто-на-просто: «дуракъ!» и никогда бы не забылъ этой оплошности.

Онъ бы, вѣроятно, не отсталъ отъ Саши въ Одессѣ, не выпустилъ бы ее такъ.

Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ замѣшалось дѣйствительное чувство.

Родилось ли оно вслѣдствіе утомленія прошедшимъ и совершенно естественнаго желанія успокоиться, увеличить собою и безъ того большой полкъ *des invalides du mariage*? Или только теперь развилось оно. а до того его глушили плевелы? Было ли оно слѣдствіемъ чисто фізіологическихъ

причинъ обаянія именно этой дѣвушки относительно именно этого, а не другого мужчины, такъ вѣрно и давно предугаданныхъ Платономъ и рассказанныхъ въ формѣ притчи о двухъ половинкахъ, мужской и женской, ищущихъ одна другую по свѣту?

Была ли тутъ главною причиною новостъ ощущеній, передъ которыми чувствовали себя безсильными всѣ прежнія?

Обманъ за обманъ! Это было ясно Полѣсскому какъ Божій день... И она права, эта Саша, и Полѣсскій не могъ не сознать, что онъ только мальчишествовалъ, тогда какъ она отдавала ему все, все...

Писать ей? Ни за что! Что же можетъ она сдѣлать? Пріѣхать вторично? Этого она не сдѣлаетъ.

Бросить развѣ службу, мѣсто, махнувъ на все рукою? А чѣмъ существовать? Да и не покажетъ ли она ему дверей послѣ всего случившагося?

— А что же кузина?—спросилъ его Стороженко.

— Она не можетъ быть; вѣроятно, что-нибудь случилось.

— А общала быть?

— Общала.

— Черезъ два дня?

— Черезъ два

— Ну, братъ,—замѣтилъ Стороженко,—тутъ что-то нечисто, и твоя кузина...

— Пстой!—перебилъ его Полѣсскій.—Не скажи какой-нибудь глупости! Если была для меня когда-нибудь святая, такъ это она! Это тебѣ, дружище, и ты не обижайся, камертонъ для твоихъ будущихъ отзывовъ о ней... А еще лучше, если говорить о кузинѣ мы вовсе не будемъ.

— Ладно, буду знать,—отвѣтилъ Стороженко.—А какъ же это нашъ прежній-то взглядъ на женщину? Измѣнили мы ему, что ли?

— Да въ томъ-то, понимаешь ли, и штука, — быстро

проговорилъ Полѣскій, взявъ Стороженко за оба плеча и сильно встряхнувъ его, — въ томъ именно, что я хочу остаться при прежнемъ мнѣніи... Ну, и останусь! Она мнѣ вовсе не кузина.

— И не родственница?

— Ну, да, не родственница! Пожалуйста, замолчи...

Для Полѣскаго настали чрезвычайно тяжелые дни.

Самоувѣренность его была сломана, на чувственность наложена была эпптимія. Надежды никакой! Одиночество полное, и въ этомъ одиночествѣ постоянныя письма отъ Форескіюльдъ, страстныя, почти какъ прежде, съ указаніями на нужду въ деньгахъ, на то, что если бы тѣ 10,000, которыя пошли на приготовленіе удобренія пзъ костей...

Это становилось невыносимымъ.

Къ этому прибавлялись еще очень непріятныя отношенія къ губернатору.

Полѣскаго положительно не узнавали: онъ сдѣлался угрюмымъ, сидѣлъ по возможности дома и чрезвычайно сблизился съ однимъ только Стороженко.

Стороженко былъ симпатиченъ самъ по себѣ, но, кромѣ того, для него онъ оставался, какъ это ни странно, единственною связью, единственнымъ живымъ напоминаніемъ о Сашѣ: его имя было подписано подъ роковою телеграммою. Съ нимъ чужалась ему близость Саши, и если онъ просилъ его не говорить съ нимъ о ней, то самъ же нарушалъ эту просьбу и постоянно заговаривалъ.

Существовало и другое прямое напоминаніе, болѣе вещественное, осязаемое,—это письма Саши.

Егоръ Ѳедоровичъ думалъ-было перечитать ихъ...

Собралъ, сложилъ хронологически, началъ...

Нѣтъ, это выше силъ! Столько въ нихъ было тепла, прямоты, дѣвственности!.. Эти письма ему не принадлежать! Нѣтъ, нѣтъ! Отослать немедленно! Это будетъ хотя

какой-нибудь выходъ изъ невыносимой пассивности, это будетъ дѣйствіе...

«Но не подумаетъ ли она тогда, что я не хочу ея болѣе? Что она стала для меня ничѣмъ? Пускай думаетъ, а я все-таки отошлю».

И онъ отослалъ письма.

Какъ будто полегчало; что-то пригнетавшее удаллось.

Если бы еще что-нибудь сдѣлать, что-нибудь!

Въ числѣ соображеній, чаще другихъ возвращавшихся на память, благодаря письмамъ Людмилы Васильевны, было то, что она въ значительной степени виновница его положенія.

Не будь ея, не было бы, пожалуй, и пансіонерки. Саша не могла бы бросить ему въ лицо эти два упрека, Саша была бы другою съ нимъ...

Наступилъ вечеръ, ясный и теплый, когда, по обычаю, Полѣсскому принесены были письма.

Людмила Васильевна извѣщала о смерти своего мужа. Письмо кончалось слѣдующей многозначительной фразой: «я свободна, свободна совсѣмъ». Слово «совсѣмъ» было подчеркнуто.

Не доставало только этого! Понять смыслъ подчеркнутаго было вовсе не трудно.

Свадьба! Жениться на ней, на ней—виновницѣ потерпѣ для него Сашин!.. Это заключеніе, т. е. что онъ потерялъ Сашу изъ-за Людмилы Васильевны, стало для Полѣскаго аксіомою: онъ нисколько не сомнѣвался въ справедливости ея.

Письмо Людмилы Васильевны казалось Егору Ѳедоровичу какимъ-то святотатствомъ, какимъ-то посягательствомъ на Сашу.

Онъ смялъ его, швырнулъ и началъ ходить по комнатѣ.

Всякому изъ насъ приходилось, конечно, испытать въ

жизни, что то или другое направленіе нашего мышленія, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, какъ бы обрывается...

Проходитъ время; обстоятельства слагаются сходно съ тѣми, которыя были прежде, и вотъ старый, оборвавшійся складъ мыслей возникаетъ вдругъ снова, но уже не въ зачаткѣ, не изъ сѣмени, а полнымъ существованіемъ, чѣмъ-то цѣльнымъ, законченнымъ...

Этакого рода мышленія, — мышленія по готовому, если можно такъ выразиться, обусловливаютъ обыкновенно весьма рѣшительныя дѣйствія, такъ какъ человѣкъ не тратитъ силъ своихъ на ихъ разработку, не изнуряется, не расходуется, а сохраняетъ всю свою энергію.

Такъ было и съ Егоромъ Оедоровичемъ.

Не она, не Людмила Васильевна виновница всего случившагося, не Верблюховъ, а одинъ только Гримайловъ...

Къ этому заключенію пришелъ Егоръ Оедоровичъ еще уѣзжая съ Кавказа. Но тогда, при свиданіи съ Сашей въ Москвѣ, оно стушевалось: дѣло шло такъ, какъ ему хотѣлось, шло удачно.

Теперь... теперь иначе.

Отсылка писемъ Сашѣ облегчила его—это было нѣчто, это былъ выходъ изъ пассивности.

Расчетъ съ Гримайловымъ будетъ еще бѣльшимъ удовлетвореніемъ.

Гдѣ онъ, Гримайловъ?

Вслѣдъ за принятымъ рѣшеніемъ, Полѣскій сталъ наводить справки; узнать было не трудно, и Гримайлову написано то письмо, которое прочтено имъ послѣ торговъ на поставку сѣна.

Нисколько не подозрѣвая настоящаго смысла его, Гримайловъ отвѣтилъ Егору Оедоровичу и сообщилъ, что будетъ на-дняхъ самолично.

Предстояло, слѣдовательно, очень интересное свиданіе.

XXVIII.

Саша, уѣзжая изъ Одессы съ разбитымъ сердцемъ, пораженная Криницкою, телеграфировала теткѣ, спрашивая, можетъ ли она пріѣхать къ пей?

Она просила дать отвѣтъ въ Кіевѣ, на вокзалъ желѣзной дороги.

Черная мысль пробѣжала въ головѣ Бириной... Что, если Саша... Не можетъ быть: не такая она дѣвушка! Кромѣ того, у старухи на бѣломъ свѣтѣ было одно только лицо ей близкое, родное,—Саша...

Она долго сочиняла телеграмму. Много разъ перерывала ее; постоянно ставила, или хотѣла поставить, одно условіе: пріѣзжай, если... Но какъ сказать это «если»?

Кончила она на томъ, что телеграфировала просто: «пріѣзжай».

Свидѣлись, поговорили; стали жить попрежнему.

Еще въ ту минуту, когда Саша стояла на пристани и пароходъ уносилъ Полѣскаго, она соображала: какъ бы ей узнавать о томъ, что онъ дѣлаетъ? Какъ бы не совсѣмъ оторваться отъ него... конечно, такъ, чтобы онъ ничего не зналъ объ этомъ?

Двѣ нити могли бы быть въ ея распоряженіи: Криницкая и Стороженко.

Впечатлѣніе, произведенное на нее Криницкою, было страшное, невозможное.

Стороженко! Иванъ Захарыч!

Но что это за человѣкъ? Какъ писать ему? Что, если онъ покажетъ письмо? Онъ другъ Полѣскаго!

Сначала всѣ доводы были противъ, потомъ оказалось, что всѣ доводы—за. Было рѣшено писать ему, писать непременно.

Написано, подписано и отправлено слѣдующее письмо:

«М. Г.

И. З.

Я не смѣю чести знать васъ, но у меня есть телеграмма съ вашею подписью, уполномочивающая меня писать вамъ. Вы поняли уже, что дѣло идетъ о Полѣскомъ.

Я не знаю, женаты ли вы, не знаю, есть ли у васъ семья, мать, сестры, которыхъ бы вы любили; я не знаю, что вамъ дорого въ жизни, — но во имя этого дорогого, близкаго вамъ, рѣшаюсь писать. Егоръ Федоровичъ сказалъ мнѣ, что онъ близокъ съ вами и отзывы о васъ таковы, что оправданіе моему совсѣмъ необыкновенному письму есть.

Онъ не долженъ знать объ этомъ письмѣ, ни за что не долженъ, но я должна знать о немъ: что съ нимъ? Я виновата передъ нимъ, можетъ-быть, но, если вы его любите, не говорите объ этомъ письмѣ и пишите мнѣ. У меня есть причины думать, что я должна знать о немъ. Я бы просила не сообщеній, не переписки, — это васъ затруднить; но если представится минута для него серьезная, пишите мнѣ по приложенному адресу; если нѣтъ — то не пишите.

Но, ради Бога, не говорите ему и простите меня...»

Слѣдовали: адресъ и подпись.

Старый мотивъ, какъ видите: желаніе стать ангеломъ-хранителемъ человека.

А сколько дѣвушекъ и женщинъ, какъ подумаешь, поймалось на этомъ мотивѣ!

Можете себѣ представить это письмо попавшимъ въ руки такому человеку, какому мы знаемъ Стороженко!

Стороженко, вѣчно гоняющійся за идеальной женщиною и никогда ее не находившій, немедленно почувалъ, что тутъ, отъ этого письма, вѣсть чѣмъ-то такимъ, чего онъ не встрѣчалъ, но это что-то не ему, а другому.

Это письмо просто обожгло его.

За минуту до его прочтенія онъ былъ человѣкомъ относительно спокойнымъ, такъ сказать, установившимся, всецѣло поглощеннымъ мыслью о растаявшемъ конскомъ запасѣ.

Онъ смѣло и прямо смотрѣть въ глаза всѣмъ и каждому.

Теперь, сразу, будто по мановенію волшебнаго жезла, въ качествѣ хранителя заповѣдной тайны, онъ преобразился въ человѣка, боящагося проболтаться, озирающагося, недоувѣрчиваго.

Зачѣмъ было приходить этому письму? Чтò сдѣлало оно съ нимъ? Онъ не привыкъ скрывать что-либо—чтò, какъ вдругъ проболтается?

А главное, не сболтнуть бы ему, Полѣсскому—человѣку, котораго это такъ близко-близко касается!

Да имѣетъ ли онъ право скрыть это письмо отъ него?

А имѣетъ ли онъ право не скрыть его, когда отъ письма вѣсть чѣмъ-то такимъ хорошимъ, идеальнымъ?..

Какъ это ни смѣшно, но онъ понюхалъ письмо, отъ котораго дѣйствительно очень пріятно пахло какимъ-то саше.

Голова Стороженко окончательно вскружилась.

Побѣжать къ кому-нибудь и спросить совѣта?

Но къ кому? И имѣетъ ли онъ право на это?

Лучше всего отправиться къ какой-нибудь женщинѣ: онѣмышлены въ этихъ случаяхъ. Къ Криницкой, напримѣръ? Вѣдь можно будетъ спросить ее такъ, что она ничего не пойметъ.

И отправился Стороженко къ Криницкой.

Выборъ, какъ видите, былъ сдѣланъ чрезвычайно неудачный.

Дорогою обдумывалъ онъ, чтò бы такое околесное сочинить ему? Очень долго думалъ онъ тоже, куда ему спрятать письмо, это опасное подличное. При его беспорядочно-

сти, при постоянномъ разбрасываніи вещей по комнатѣ, это было положительно необходимо.

Письмо было сунуто сначала въ бумажникъ; потомъ искалъ онъ какого-нибудь ящика съ ключомъ—ящичковъ было много, но ключа ни одного; думалъ онъ положить за образъ, но образа не было: домъ былъ турецкій; зашить развѣ куда-нибудь?

Рѣшено было положить письмо въ бумажникъ, но, чтобы помнитъ о немъ, бумажникъ надо завернуть въ бумагу и такимъ образомъ опустить въ карманъ.

«Если возьму въ руки,—думалъ онъ,—сейчасъ вспомню. Но что же я скажу Криницкой?»

Стороженко быстро направился къ ней; по улицѣ шелъ онъ озираясь, точно воръ какой-нибудь или бѣглый: нѣтъ-нѣтъ, да и поймаютъ.

Вошелъ онъ въ домъ еще трусливѣе, еще робче.

Въ довершеніе всего на порогѣ столкнулся онъ съ Полѣвскимъ, случайно находившимся у Криницкой и только-что откланивавшимся.

Его точно что-то шарахнуло въ сторону; онъ растерялся, будто пойманный школьникъ, и схватился за бумажникъ, лежавшій за пазухой, точно боясь, что онъ выпрыгнетъ или закричитъ.

— Что съ тобою, Иванъ Захарычъ, — спросилъ Полѣвскій, — глядишь словно мокрая курица?

— Голова болитъ.

— Тогда нечего по гостямъ ходить, а поди ложись.

— Давно не былъ...

— Вчера мы вмѣстѣ были.

— Обѣщалъ зайти.

— Ну, это дѣло другого рода. Прощай. Гдѣ будешь вечеромъ?

— Дома.

— Я зайду, дѣло есть.

— Ладно.

И они разстались.

Криницкая приняла Стороженко очень любезно и тоже замѣтила, что онъ какъ будто не въ своей тарелкѣ. Женщина несомнѣнно умная и смѣтливая, она знала, чѣмъ растормошить его, и быстро навела разговоръ на его любимую тему—на разговоръ о женщинахъ.

Настолько сообразительности у Стороженко осталось, чтобы понять, что это ему въ руку, и онъ дѣйствительно оправился, пріосанился.

— Напрасный трудъ искать идеальной женщины, Иванъ Захарычъ,—не найдете.

— Отчего же-съ? Я не отчаиваюсь. Впрочемъ, я не знатокъ въ сердечномъ дѣлѣ, и если гдѣ дѣйствовать надо, непременно прорвусь. Вѣдь вотъ случилось мнѣ однажды быть въ такомъ положеніи, что я убѣдился въ этомъ: что ни сдѣлаю—глупо.

— Что же это было такое?

— Интересный вопросъ! Мнѣ кажется, — проговорилъ Стороженко,—что я и тогда, какъ всегда, не нашелся и сдѣлалъ какъ разъ не то, что было нужно.

— Расскажите, расскажите.

— Это случилось въ Петербургѣ, лѣтъ восемь назадъ. Одинъ мужъ былъ мнѣ другомъ; узнаю я, что жена ему невѣрна. Ну-съ...

— Ну, что же?

— Ну-съ, я ему ничего не сказалъ, а хорошо ли я поступилъ—кто его знаетъ!..

— Конечно, хорошо.

— Но вѣдь я нѣкоторымъ образомъ другу измѣнилъ?

— Да, но для него же; это то же самое, что если бы вы у себя же украли. Вы поступили правильно. Эти

вещи, т. е. невѣрности въ бракѣ, надобно поощрять, и вы поощрили.

Стороженко покорило

— А вотъ теперь другой случай: просила меня разъ одна дѣвушка, которую я очень, очень уважалъ,—она, теперь уже мать семейства,—сообщить ей, если чтò важное съ однимъ человѣкомъ случится; она очень этого человѣка любила, но заклпнала ему объ этомъ нпчего не говорить. Ну-съ...

— Ну и чтò же вы? Сказали?

— Нѣтъ, не сказалъ.

— Это вы сдѣлали дурно, потому что не поощрили того, чтò нужно, не поощрили разрушенія нынѣшняго строя общества. Посудите сами: вѣдь вамъ открыли секретъ, не спросивъ, желаете ли вы его знать и желаете ли хранить? Такъ это ваша собственность!

Хотя Стороженко былъ далеко не діалектикомъ и въ этомъ отношеніи всегда бы уступилъ Криницкой, но на этотъ разъ, находясь въ особенно возбужденномъ состояніи, возразилъ довольно удачно:

— Какъ такъ, Надежда Семеновна? Если я по улицѣ иду и деньги найду, и адресъ того, кому они принадлежать, при нихъ будетъ, такъ мнѣ ихъ себѣ присвоить, потому что меня не спросили, хочу ли я ихъ найти и хочу ли я, вообще, встрѣчаться съ ихъ собственникомъ?

Криницкой пришлось прибѣгнуть къ діалектическому скачку.

— Знаете ли чтò, Иванъ Захарычъ,—сказала Криницкая,—по-вашему, по-общепринятому, вы, пожалуй, правы, но по-нашему,—вѣдь вы знаете, что я человѣкъ партіи,—ввернула она многозначительно,—вся суть въ употребленіи денегъ: если собственникъ ихъ буржуа, рантье, ретроградъ, а вы человѣкъ будущаго, человѣкъ несомнѣннаго

будущаго, человѣкъ передовой, и деньги эти, на служеніе идеѣ, у васъ будутъ полезнѣе, чѣмъ у него,—такъ это ваши деньги!

Эту фразу произнесла Надежда Семеновна съ полутаинственнымъ, многодумнымъ выраженіемъ лица, какъ, должно-быть, въ свое время произносили массоны свои абракадабры.

— Да вотъ, кстати,—продолжала Крипицкая,—не дальше какъ нѣсколько дней назадъ, совершенно случайно, встрѣтила я въ Одессѣ одну дѣвушку, влюбленную въ Полѣскаго. Кстати: что это за телеграммы, Иванъ Захарычъ, вы подписываете?

Стороженко весь ушелъ въ слухъ и вниманіе.

— Дѣвушка просила меня не говорить Полѣсскому ничего о нашей встрѣчѣ...

— Ну, а вы сказали?

— Конечно, сказала, я хорошо сдѣлала, потому что, оказывается, Полѣсскій самъ былъ въ Одессѣ и видѣлъ ее. Ну, не было ли бы это смѣшно, если бы я ему не сказала?

Хуже, во сто кратъ хуже, оказалось настроеніе духа Стороженко, когда онъ выходилъ отъ Крипицкой.

Внутреннее чувство говорило ему, однако, что всѣ доводы Надежды Семеновны трынъ-трава, и онъ невольно схватился за бумажникъ, ощупывая, тутъ ли онъ, не попалъ ли какимъ-нибудь образомъ въ неподходящія руки хозяйки.

Но положеніе маіора стало окончательно невыносимымъ, когда, согласно обѣщанію, онъ зашелъ къ Егору Ѳеодоровичу, и тотъ сообщилъ ему, что долженъ на-дняхъ драться съ Гримайловымъ и просилъ его быть секундантомъ.

XXIX.

Графу Верблихову нужно было занять мѣсто генерала Форескіюльда, и онъ задумалъ похищеніе его жены,—виртуозъ.

Баронессѣ Шимаку нужны были деньги для существованія, и она сдѣлалась ростовщицею и посредницею весьма нечистыхъ, негласныхъ походовъ, — виртуозка.

Полѣсскому нужно было увезти г-жу Форескіюльду; онъ исполнилъ это виртуозомъ; такимъ же былъ онъ съ пансіонеркою, съ m-me Крево, со многими другими и такимъ разсчитывалъ быть съ Сашею.

Хиламовъ, Сытина, Гримайловъ, — все это виртуозы.

Если бы мы писали комедію, а не разсказъ, здѣсь было бы мѣсто для чудеснаго монолога въ устахъ какого-нибудь краснорѣчиваго резонера.

Монологъ могъ бы быть приблизительно слѣдующаго содержания:

Чѣмъ несовершенноѣ общество, — сказалъ бы резонеръ, — тѣмъ болѣе въ немъ виртуозовъ.

Неустойчива, — сказалъ бы онъ, — частная жизнь, подбиты вѣтромъ права и обязанности, хозяйничаетъ элементъ личныхъ вліяній и всякіе неудовные виды nepотизма, отъ продажи утвержденныхъ штатами мѣстъ до распредѣленія монополій и концессій, для сбыта ихъ въ удобнѣйшія руки, — и вы имѣете передъ собою цѣлые полки виртуозовъ. Четверть, половина, нѣтъ — весь интеллигентъ начинаетъ виртуозничать!

Небрежно, устарѣло законодательство, противорѣчивы отдѣльныя статьи его, нараставшія во времена давно отжившія, но оставшіяся въ жизни, — и вы имѣете концертъ виртуозовъ вслѣдхъ наименованій, безъ числа.

Наоборотъ, — заключилъ бы резонеръ, значительно пони-

живъ голосъ, какъ бы углубляясь въ самого себя, — если правильна жизнь, обезпечены права и обязанности; если болѣе или менѣе одинаково развитіе; если отношенія возможно логичны, ясны, гласны; если представляются законныя, правильные исходы изъ того или другого положенія, безъ того, чтобы обязательно сойти съ ума или побить человека; если существуютъ въ машинѣ жизни предохранительные клапаны, — виртуозы вымираютъ, переводятся, и общая заря счастья проступаетъ тогда, и погибаютъ души ночи, вампиры общества, полишинели чести, арлекины чувства...

Безумное хлопанье публики, топотъ ногъ и пыль столбомъ были бы несомнѣннымъ отвѣтомъ запыхавшемуся резонеру, — само собой разумѣется, если бы монологъ былъ сказанъ хорошо, безъ свиста въ зубахъ, безъ пришепетыванія и быть пропущенъ цензурой.

А дальше чтò?!

А дальше жизнь пошла бы своимъ порядкомъ...

Егору Федоровичу Полѣсскому и Алексѣю Григорьевичу Гримайлову предстояло разсѣчь гордіевъ узелъ.

Гримайловъ отвѣтилъ письмомъ на письмо, и свиданіе назначено было въ послѣднихъ числахъ октября.

Совсѣмъ, совсѣмъ другимъ человекомъ явился Гримайловъ къ нему, чѣмъ видѣли мы его въ послѣдній разъ у контрольнаго чиновника.

Хамелеонство такихъ людей поразительно.

Оба они встрѣчались не разъ въ Петербургѣ въ хорошихъ салонахъ, въ кругу блестящихъ дамъ, въ присутствіи разныхъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ лицъ.

Полѣсскому, какъ и многимъ другимъ, и въ голову не приходило сообразить, какимъ человекомъ, въ дѣйствительности, былъ Гримайловъ. Знай онъ десятую долю его подноготной, онъ бы не подалъ ему руки.

Но Гримайловъ такой джентльменъ, такъ ловокъ, обходителенъ, образованъ, такой удобный, веселый, умный господинъ!

Въ сущности, на совѣсти Алексѣя Григорьевича еще въ Петербургѣ было три подлога по векселямъ и одно ложное духовное завѣщаніе; послѣднее дѣло было обдѣлано имъ за-одно съ баронессою Шимакомъ.

Но чтобы проявиться, чтобы уясниться, всѣ эти прелестныя дѣлишки требовали времени: это были олимп, лежавшія подъ снѣгомъ, католическіе святые подъ спудомъ: весна еще не наступала, время канонизаціи не пришло, и ихъ существованія никто и не подозрѣвалъ.

Папболѣе чуткимъ къ опасности былъ самъ Гримайловъ: отъѣздъ его къ армии, для подрядовъ, какъ онъ говорилъ, былъ началомъ конца.

Но ни одному человѣку не могло бы придти въ голову догадаться о томъ, для чего онъ тутъ. Со Шмулевымъ былъ онъ знакомъ еще въ Петербургѣ, и ими обоими былъ представленъ въ думу знаменитый проектъ перестройки Гостиннаго двора; сближеніе этихъ людей не было новостью ни для кого изъ знавшихъ ихъ и не представлялось удивительнымъ.

Два слова объ этомъ характерномъ проектѣ.

Тогда были въ ходу два проекта: одинъ—проспектъ Императора Александра II, другой—Шмулевско-Гримайловскій съ Гостиннымъ дворомъ.

Тотъ и другой были, конечно, сочинены исключительно для пользы городского общества.

Гостинный дворъ долженъ былъ стать лучшимъ зданіемъ города: вырасти на два этажа, облицеваться чудеснѣйшимъ фасадомъ въ византийско-русскомъ стилѣ; было назначено мѣсто роскошному ресторану съ фонтанами и отдѣльными номерами; галлерей всѣ имѣли свои собственные имена:

Петровская, Павловская, Екатерининская, Аннинская и т. д.; въ каждой предполагалось по часовнѣ; каждая пѣть часовенъ принадлежала бы, за пзвѣстную ренту, тому или другому монастырю.

Въ видахъ особой выгоды для успѣховъ торговли,—эта мысль принадлежала всецѣло Гримайлову, —предположено было, что въ Гостиномъ же дворѣ будетъ устроено отдѣленіе, нѣчто въ родѣ канцеляріи отъ министерства финансовъ...

Часть зданій банка, ближайшая къ Гостиному двору, преобразалась въ роскошную биржу, опять-таки съ колоннами, фонтанами и статуями.

За все это составители проекта ходатайствовали только о томъ, чтобы имъ предоставлено было право взиманія за помѣщеніе лавокъ въ третьемъ и четвертомъ этажахъ. чтобы часть платы за наемъ въ двухъ нижнихъ этажахъ была предоставлена имъ же, равно какъ и рента отъ часовенъ.

Капиталь французскихъ банкировъ былъ обезпеченіемъ, этимъ капиталомъ думали сначала воспользоваться для приобрѣтенія въ собственность французской компаніи движенія по Волгѣ,—предпріятіе, въ которомъ былъ не безучастенъ и Алексѣй Григорьевичъ; но дѣло не выгорѣло, и часть капитала думали перенести на Гостиный дворъ.

Составители проекта, въ особенной ревности къ общественному благу, устраивая новую биржу подлѣ банка, жертвовали городу старою биржею и не претендовали на нее, имѣя въ виду, что кѣмъ-то, куда-то былъ представленъ планъ устройства на ея мѣстѣ храма Славы...

Проектъ, трудно сказать почему, не былъ принятъ, и Шмулевъ съ Гримайловымъ отправился къ арміи.

Встрѣча съ Полѣскимъ, о причинѣ которой Гримайловъ не догадывался, съ первыхъ же словъ Егора Федоровича поразила его до невозможности.

Гримайловъ предсталъ на свиданіе франтомъ, съ французской фразой и какою-то любезностью, и протянулъ руку.

Полѣсскій не взялъ ея.

— Вы,—сказалъ онъ ему,—два года тому назадъ имѣли разговоръ съ графомъ Верблиховымъ по поводу г-жи Форескіольдъ?

— Имѣлъ,—отвѣчалъ Гримайловъ, стараясь припомнить, сообразить, обезпечиться.

— Вы направили меня своимъ указаніемъ на эту женщину.

— И вы воспользовались имъ...

— Да, но я не воспользовался тѣми 10,000 рублей, которые вы получили.

У Гримайлова на сердцѣ какъ бы полегчало. Невзвѣстно почему промелькнула въ немъ мысль о томъ, что вѣдь Полѣсскій тоже можетъ нуждаться въ деньгахъ. Заговорилъ о дѣлѣжкѣ.

— Чтò же-съ, я вовсе не прочь...

Полѣсского потянуло размахнуться, но онъ сдѣлалъ только самое первоначальное движеніе, тотчасъ же, однако, замѣченное Гримайловымъ.

Онъ отскочилъ.

— Нѣтъ... не то... Алексѣй Григорьевичъ... дальнѣйшую рѣчь поведетъ за меня мой секундантъ съ вашимъ... Вы поняли?!

Разговоръ этотъ происходилъ на квартирѣ Полѣсского.

Гримайловъ, соображал, что передъ нимъ не какой-нибудь Тувъ или Верблиховъ, и что онъ долженъ все-таки разыгрывать роль джентльмена, молча поклонился и вышелъ.

«Развѣ донести?—думалъ онъ, уходя. — Вѣдь военное время къ тому же».

Но джентльменство все-таки надо выдержать... до посто́дняго момента!..

«Вотъ тебѣ и проектъ Гостинаго двора!»—неожиданно подумалось Гримайлову.

Проектъ, а не что другое вспомнился ему въ силу закона противоположностей: это было лучшее созданье его финансовой фантазій, это было наиболѣе улыбавшееся изъ всѣхъ его предпріятій, это былъ апогей его надеждъ, вѣнчаніе жизни... Дѣло съ Полѣскимъ казалось ему послѣднимъ словомъ, далѣе котораго не пойдешь...

Тутъ отзывалось физическими страданіями, пахло могилою...

«Лучше, во сто кратъ лучше была бы болѣе тихая жизнь,—думалось ему,—сладкая, безобидная, обезпеченная тишина составленія проектовъ, хотя бы менѣе пышныхъ...»

И фантастическая декорація будущаго Гостинаго двора, съ фонтанами, галлереями, биржею и отдѣльными номерами, рисовалась ясною, розовою въ его отуманенной головѣ. Фонтаны шумѣли и плескались, по галлереѣ топали и шлепали ноги, въ лавкахъ торговали, въ часовняхъ молились... Имя Гримайлова было у всѣхъ на устахъ...

И все это было розовое-розовое...

XXX.

У Стороженко въ кабурахъ его сѣдла была пара прекрасныхъ пистолетовъ.

На слѣдующій день послѣ разговора Полѣскаго съ Гримайловымъ, а именно въ пятницу, онъ, нсожиданно для деньщика, потребовалъ ихъ, вынулъ и сталъ разсматривать.

Еще вчера, то-есть въ самый день разговора, онъ былъ у Гримайлова и рѣшено было драться въ воскресенье.

Онъ однажды, давно какъ-то, былъ секундантомъ, и дуэль кончилась смертью.

Живо и ярко представлялась ему эта картина.

Она была безотраднa...

Но тогда онъ былъ очень молодъ, впечатлѣнія сглаживались быстро, такъ какъ трудно сказать, что заживаетъ и затягивается быстрое: царапины ли у ребенка, или впечатлѣнія молодости.

Несмотря на предстоящую дуэль, Стороженко былъ все-таки гораздо спокойнѣе, чѣмъ до того времени.

Онъ былъ спокоенъ потому, что, такъ или иначе, но онъ сдѣлалъ-таки свое дѣло: вчера же сообщилъ онъ Сашѣ о предстоящей дуэли, и сообщилъ телеграммой.

Точно мелкая зыбь послѣ крупной волны ходили въ немъ, при разглядываніи пистолетовъ, всякія умствованія а posteriori совершившагося факта—посылки телеграммы.

За послѣдніе дни онъ пережилъ чрезвычайно много, такъ много, что ему даже не было времени выпить.

Не успѣло поразить его письмо Саши, и онъ, не зная, что ему дѣлать, обратился съ теоретическими вопросами къ Криницкой, какъ вдругъ дуэль Полѣскаго потребовала отъ него практики, а не теоріи, и онъ, хорошо или дурно, но сдѣлалъ такъ, какъ подсказали ему умъ и сердце... И вотъ онъ—уже не въ теоретическомъ разсужденіи, не въ практическомъ дѣйствіи, а въ роздыхѣ послѣ этого дѣйствія.

Пушка послѣ выстрѣла дымится: Стороженко дымится...

Предъ нимъ мелькалъ образъ Саши. Какая она, что она, такая или такая?..

Онъ и приблизительно не зналъ ея внѣшности, но духовный портретъ ея нарисовалъ онъ себѣ, какъ могъ, и нельзя сказать, чтобы неудачно.

«Саша просила увѣдомить ее о серьезной минутѣ для Полѣскаго,—думалъ онъ.—Ну, я и увѣдомилъ».

«Положимъ, что съ формальной стороны (это выраженіе вспомнилъ онъ изъ разговоръ съ судебнымъ слѣдовате-

лемъ, котораго зналъ когда-то въ Петербургѣ), съ фюрмальной стороны я бы былъ правъ, увѣдомивъ ее письмомъ, такъ какъ о телеграммѣ она и не писала, но по совѣсти (это было выраженіе другого знакомаго въ Петербургѣ, бывшаго почему-то пять разъ присяжнымъ, тогда какъ другимъ не пришлось быть ни разу), но по совѣсти я долженъ былъ не только писать, но и телеграфировать».

И Стороженко продолжалъ разсуждать, дымясь послѣ выстрѣла.

«Телеграмму она теперь уже получила; слѣдовательно, если бы даже она выѣхала сюда немедленно, то дуэли, дѣлу чести, помѣшать не можетъ: она состоится, и Полѣсскій можетъ быть мнѣ только благодаренъ, если будетъ живъ. Одно только: не лучше ли бы я сдѣлалъ, телеграфировавъ, или даже написавъ, послѣ дуэли?»

«Но что такое эта Саша? Отчего меня,—думалъ Стороженко,—такъ неудержимо тянетъ къ ней?»

Само собою разумѣется, что Егоръ Ѳедоровичъ сообщилъ маіору о причинѣ дуэли, о роспискѣ Верблихова...

Маіоръ совершенно согласился съ нимъ въ ея необходимости: онъ сдѣлалъ бы то же самое. Узнавъ о продѣлкѣ Гримайлова, онъ послалъ по его адресу одно изъ самыхъ крѣпкихъ словъ, существующихъ на русскомъ языкѣ, отчего, конечно, Алексѣю Григорьевичу было ни тепло, ни холодно.

Въ объясненіи съ нимъ. имѣвшемъ мѣсто вчера, онъ былъ очень вѣжливъ, какъ и подобаетъ въ подобныхъ важныхъ случаяхъ.

Гримайловъ держалъ себя тоже съ достоинствомъ и сообщилъ, что секунданта его, одинъ изъ знакомыхъ въ Систовѣ, уже увѣдомленъ и долженъ прибыть сегодня же вечеромъ.

Все это было чрезвычайно просто, прилично, естественно. Осмотрѣвъ пистолеты, Стороженко отложилъ ихъ въ сторону.

Онъ обратился къ бумажнику, что онъ дѣлалъ за послѣднее время очень часто.

Какъ только онъ развернулъ его пзъ бумаги, отъ него понесло знакомымъ ему запахомъ письма Саши...

И замелькалъ опять незнакомый ему образъ дѣвушки...

Въ это время услышалъ онъ говоръ со стороны лѣстницы.

«Ага, секунданта!»—подумалъ маіоръ и поспѣшно спря-
талъ бумажникъ, не прочтя на этотъ разъ письма.

Вошелъ деньщикъ и сообщилъ, что господинъ Гримай-
ловъ желаетъ говорить съ нимъ.

Стороженко удивился, но просилъ войти.

Они раскланялись, и хозяинъ просилъ сѣсть.

— Я къ вамъ, полковникъ,—началъ Алексѣй Григорье-
вичъ,—съ покорнѣйшею просьбою.

— Чѣмъ могу служить?

— Я долженъ просить о томъ, чтобы отложить нашу
встрѣчу.

— Какъ такъ?

— Мною получено вотъ какое письмо отъ моего ком-
паньона Шмулева...

Гримайловъ развернулъ письмо.

— Суть въ томъ,—продолжалъ онъ,—что мнѣ придется
просить о дозволеніи изъ-подъ одной пули отважиться
пойти подъ множество пуль. Затѣмъ—я къ вашимъ услу-
гамъ. Впрочемъ, судите сами, и если, чего я не думаю,
вы найдете нужнымъ, чтобы я все-таки дрался завтра, то
я останусь.

Стороженко зналъ о компаньонствѣ Шмулева и Гримай-
лова; онъ взялъ письмо и внимательно прочелъ его.

Шмулевъ объяснялъ, что Гримайлову необходимо ѣхать
немедленно къ отряду, оперировавшему подъ Еленой;
агентъ ихъ бѣжалъ, увезъ съ собою деньги, и отрядъ
рискуетъ остаться безъ самыхъ необходимыхъ припасовъ,

безъ хлѣба и зерна. Шмулевъ сообщалъ также, что, въ виду экстренности случая, самъ онъ уже въ Софіи для немедленныхъ распоряженій, а присутствіе Гримайлова на мѣстѣ, для пріема и сдачи отправленнаго имъ добра, требуется необходимо.

Письмо кончалось многозначительною фразою: «Боюсь, чтобы солдатикамъ не пришлось голодать. Торопитесь!»

— Пу, такъ что же-съ?—спросилъ Стороженко, прочтя письмо.

— Я совершенно въ вашемъ распоряженіи,—отвѣтилъ Гримайловъ.

— Право, не знаю...

— Насколько мнѣ извѣстно,—поторопился ввернуть Гримайловъ,—послѣ состоявшагося вызова, встрѣчи и разговоры съ г-мъ Подѣскимъ для меня не допускаются. Вы замѣняете его собою.

— Это, конечно, такъ,—отвѣтилъ майоръ,—но случай настолько необыкновенный, что...

— Потрудитесь взять на себя трудъ переговорить съ Егоромъ Ѳедоровичемъ.

— Да-съ, я долженъ сдѣлать это: на себя не беру,—отвѣтилъ Стороженко.

— Въ такомъ случаѣ, я буду ждать отвѣта,—проговорилъ Гримайловъ, вставъ и раскланявшись.

— Да-съ. Я иду сейчасъ же,—сказалъ майоръ,—вы позволите мнѣ взять письмо съ собою?

Гримайловъ отдалъ письмо; только теперь, повернувшись къ выходу, замѣтилъ онъ пару пистолетовъ, лежавшихъ на столѣ.

Онъ улыбнулся и вышелъ.

Если бы Стороженко или Подѣскій хотя на мгновеніе могли сомнѣваться въ подлинности письма Шмулева, они бы единодушно поволокли Гримайлова вмѣсто всякой дуэли.

Письмо было подложное, но оно подѣйствовало какъ настоящее.

Самая тяжелая доля пала опять-таки на Стороженко: вѣдь телеграмма о дуэли уже у Саши; положимъ, что онъ въ ней слова «дуэль» не проставилъ, потому что телеграфистъ, пожалуй, не принялъ бы, но выраженія были настолько ясны, что Саша уже несомнѣнно въ дорогѣ.

«Да, да! Она въ дорогѣ! — думалъ Стороженко. — Иначе незачѣмъ было ей просить меня, иначе она совсѣмъ не такая, какою мнѣ представляется!»

Польскій не безъ неудовольствія согласился отложить дуэль; ему и въ голову не приходила возможность того, что въ дѣйствительности продѣлывалъ Гримайловъ; онъ помнилъ его по Петербургу, по множеству общихъ знакомыхъ, по такъ-называемому положенію въ обществѣ, по впечатлѣнію всей его личности. Такъ сильны бываютъ впечатлѣнія внѣшности, такъ упорно держатся они иногда.

И «голодающіе солдатики» въ концѣ письма тоже сыграли свою роль.

Получивъ согласіе Польскаго на отсрочку, Стороженко отправился прямо къ телеграфу и послалъ депешу, уведомлявшую о томъ, что спѣшности никакой нѣтъ: онъ рассчитывалъ по крайней мѣрѣ на проволочку съ мѣсяцъ, если не болѣе.

Гримайловъ въ тотъ же вечеръ отправился по пути на Тырново и ѣхалъ, дѣйствительно, къ Еленѣ, гдѣ въ это время нашимъ войскамъ приходилось не хорошо...

Что Гримайловъ проѣхалъ дѣйствительно въ этомъ направленіи, зналъ навѣрное Стороженко, выѣхавшій тоже въ сторону къ Тырнову для нѣкоторыхъ окончательныхъ распоряженій относительно послѣднихъ трехъ десятковъ коней, оставшихся отъ всего запаса.

Онъ выѣхалъ дней пять спустя и рассчитывалъ вернуться

на третьи сутки. Уѣзжая, онъ приказалъ деньщику хорошенько вычистить пистолеты.

XXXI.

Домъ, въ которомъ жилъ Полѣсскій, принадлежалъ какому-то бею.

На улицу выходилъ только одинъ заборъ; за нимъ шелъ садъ, и тутъ-то, окруженный зеленью, весь въ тѣни, помѣщался самый домъ, конечно, одноэтажный.

Съ крыльца входили въ большую центральную круглую комнату, имѣвшую четыре двери, черезъ которыя можно было войти въ четыре совершенно сходныя, лучами расположенныя, комнаты.

Въ двухъ изъ нихъ, въ лѣвыхъ, помѣщалась канцелярія Полѣскаго; онѣ имѣли выходъ въ садъ, и къ нимъ вела особая садовая калитка; двери отъ нихъ въ центральную комнату были заколочены и завѣшаны коврами.

Первая отъ входа направо была спальнею Полѣскаго, вторая—столовою.

Если обѣ двери были открыты, то человѣку, вошедшему съ главнаго крыльца, видна была почти вся внутренность столовой, зато не было вовсе видно спальни; надо было сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы заглянуть въ нее.

Центральная комната была вся обложена коврами, увѣшана оружіемъ; широкія оттоманки, три счетомъ, стояли между дверями.

Со времени отъѣзда Стороженко прошло двое сутокъ. Егоръ Ѳеодоровичъ, оставшись совершенно одинъ, скучалъ невыносимо.

Онъ посвящалъ утро и день службѣ, даже особенно старательно служилъ за эти два дня, но вечера были для него страшно тяжелы.

Наступилъ вечеръ, по времени года, поздней осени, недурной, даже теплый.

Ковры мелькали тѣми непрочными, мигающими, мягкими колерамп, которые вызываются сумерками.

Полѣсскій долгое время ходилъ отъ оттоманки къ оттоманкѣ, точно выбирая, на которую изъ нихъ повалиться.

Онъ, слыша за дверьми канцеляріи говоръ служащихъ, думалъ даже, не снять ли ему ковра и не открыть ли двери. Все-таки жизнь, шумъ, движеніе: такъ скучно было ему.

Но эту мысль онъ скоро бросилъ, какъ непригодную по многимъ причинамъ.

И онъ опять ходилъ, ходилъ безъ усталости...

Нельзя сказать, чтобы человѣкъ этотъ не обладалъ фантазіею, и она дѣйствительно служила ему въ настоящую минуту службу, поднимая одну декорацію за другою.

Между фантазіею человѣка и часомъ привидѣній есть много сходства: то и другое требуетъ тишины, предпочтительно ночной тишины, отсутствія живыхъ существъ...

Удалились, наконецъ, изъ канцеляріи и послѣднія живыя существа, кромѣ дежурнаго, который несомнѣнно залегъ спать.

Тишина наступила полная, очень рѣдко прерываемая съ улицы.

Для Егора Ѳедоровича сложилась одна изъ тѣхъ минутъ, когда человѣку его темперамента мечтается особенно яркими, безпокойными, тревожащими образами...

Они нанизываются одинъ за другимъ съ осязаемостью удивительною...

Это своего рода Вальпургіева ночь, своего рода Лысая гора: доступъ имѣютъ только посвященные, тронутые. Все, что чисто, что непорочно, что холодно и дѣвственно, не допускается къ этому шабашу...

Кладбище шевелится; закрытыми остаются немногія мо-

гилы праведниковъ, зато раскрываются всѣ, всѣ остальные и допровываютъ чувственность жизни.

Это чувство говорило въ старикѣ Фаустѣ, когда онъ потребовалъ себѣ отъ Мефистофеля молодости.

Музыкальнымъ изображеніемъ этого же состоянія духа задался Мейерберъ въ знаменитой сценѣ исканія золотой вѣтви на кладбищѣ, когда танцовщицы окружаютъ искателя вѣтви со всѣхъ сторонъ и льнутъ къ нему...

Понятно, что скромный обликъ Сашп, ничего осязаемаго собою не давшій, не рисовался передъ глазами Полѣскаго.

Рисовались и не тѣ мелкія, проходныя, эфемерныя женщины, въ родѣ m-me Крево, которыя составляли хоръ или кордебалетъ этого фантастическаго представленія...

Нѣтъ! Безъ всякаго сравненія, рѣзче, пластичнѣе другихъ навязывалась ему все-таки Людмила Васильевна.

И была же это женщина, въ самомъ дѣлѣ!

Точно хозяйка возвращалась она въ свой домъ—въ фантазію Полѣскаго.

И вѣдь она до сихъ поръ его любитъ! Написать ей развѣ? Сейчасъ прилетитъ! И вѣдь отчего бы ей не быть здѣсь?... Право, не лучше ли опять къ ней? Вѣдь она все-таки хороша, изъ ряду вонъ хороша!

Положимъ, что тогда конецъ съ Сашей; но чтѣ же ему, однако, отъ этой Сашп? Журавль въ небѣ, да и журавль ли еще? И развѣ не все кончено?

На столѣ лежало послѣднее письмо Людмилы Васильевны, какъ и всегда не распечатанное и не прочтенное; оно ясно бѣлѣло на темномъ столѣ, такъ какъ столъ стоялъ у окна.

Егоръ Федоровичъ подошелъ къ столу, чиркнулъ спичкою, зажегъ свѣчи, сѣлъ на стулъ и, сорвавъ конвертъ, принялся читать.

Онъ былъ на пятой или шестой строкѣ, когда къ нему постучали въ окно, изъ сада...

Она! Она!.. Людмила Васильевна!..

Дѣйствительно, наклонившись къ самому стеклу и продолжая барабанить по немъ пальцами, стояла въ саду г-жа Форескиольдъ.

Броситься отъ стола къ дверямъ было для Егора Ѳедоровича дѣломъ одной секунды...

Они почти столкнулись на порогѣ.

— Постой, постой! — улыбаясь, но рѣзко оттолкнувъ Егора Ѳедоровича, проговорила Людмила Васильевна.

Она быстро направилась къ столу и взяла письмо въ руки.

Это было дѣйствительно ея посланіе, и она застала его читающимъ именно его.

— О! мое письмо!..—сказала она, кладя его на столъ и, полуобернувшись къ Полѣсскому, глядѣла на него сіяющимъ, страстнымъ, благодарнымъ взглядомъ.

— Ну, поди же ко мнѣ!—добавила она какимъ-то глухимъ, взволнованнымъ голосомъ.

Полѣсскій съ той секунды, какъ увидѣлъ ее за окномъ, опомнился отъ одуренія только тогда, когда она, на порогѣ, оттолкнула его.

Впечатлѣніе ея лица, за стеклами окна, освѣщеннаго близко стоявшими свѣчами, подѣйствовало на него какъ-то электрически.

Когда она прошла къ столу и подняла письмо къ глазамъ, онъ слѣдилъ за нею неотвязно.

Развитыя, правильныя очертанія этой женщины, кокетливое, съ длинными греческими рукавами пальто, шляпка съ откинутымъ и перевязаннымъ у шеи вуалемъ, даже какъ-то случайно выставленная изящная ботинка,—все это видѣлъ онъ, все это жгло его, и онъ не двигался.

Только тогда, когда она произнесла свое глухое, взволнованное: «О! мое письмо!» и обратилась къ нему лицомъ, чара исчезла мгновенно, и онъ бросился къ ней на шею.

Это движеніе было для нея, конечно, не неожиданно.

Греческій фатумъ, какъ видите, не ложь. Поумирали Юпитеры и Юноны, но божокъ Фатумъ остался и живетъ.

Вѣдь Полѣсскій почти никогда не читалъ ея писемъ; послѣднее, развернутое имъ, лежало на столѣ нераспечатаннымъ болѣе трехъ дней.

Нужно же было Людмилѣ Васильевнѣ подойти къ окну именно въ ту минуту, когда Полѣсскій былъ на пятой или шестой строкѣ чтенія, а не нѣсколькими секундами раньше, когда письмо лежало нераспечатаннымъ, или когда онъ срывалъ съ него конвертъ.

Нужно же было, чтобы она, Людмила Васильевна, явилась именно въ такіе часы глупаго одиночества, когда чисто-фізіологическія условія вызвали этотъ фантастическій канканъ всякихъ женскихъ обликовъ, который вытанцовывался въ сознаніи Полѣскаго, въ полумракѣ, вызвавшемъ пзъ ковровъ комнаты мягкіе, непрочные, мигающіе колеры красокъ.

Нужно же было, чтобы и Стороженко не было, и чтобы встрѣча съ Гримайловымъ была отложена.

И что бы было, если бы явилась Саша, а не Людмила Васильевна?

Это могло случиться очень легко.

XXXII.

Мы оставили Сашу давно.

Когда она получила отъ Полѣскаго пакетъ своихъ писемъ, она находилась подъ двумя противорѣчивыми ощущеніями: одно говорило ей, что все кончено, другое, напротивъ, весьма назойливо утверждало, что отсылка писемъ,

компрометирующихъ ее, поступокъ безусловно очень хорошій.

Ужъ не измѣняется ли онъ?

Тогда-то, подъ впечатлѣніемъ этой надежды, написала она Стороженко свое письмо.

Помимо того, что это письмо было подсказано ей любовью, тутъ весьма вѣскими являлись и другіи причины.

Одну изъ нихъ она прямо высказала въ письмѣ: она считала себя все-таки виноватою передъ Егоромъ Федоровичемъ.

Другая была тоже совершенно обыденная, естественная: мы не такъ-то легко расстаемся съ начатымъ дѣломъ.

Это — условіе общее всякому существованію, всякой жпзнп, и въ этомъ смыслѣ совершенно одинакова судьба травинки, поддерживающей свое бытіе всѣми силами своихъ корешковъ и листьевъ, и чего-либо задуманнаго человѣкомъ.

Тотъ же ростъ, та же борьба за существованіе, то же питаніе и положительное нежеланіе умирать.

Сашѣ не хотѣлось, чтобы ея отношенія къ Полѣсскому умерли: она уже слишкомъ много сдѣлала для этого, слишкомъ сроднилась съ этимъ.

Отношенія ея къ Бириной были очень натянуты.

Когда пришла телеграмма, посланная ей Стороженко о серьезной минутѣ, наставшей для Полѣскаго, она рѣшила ѣхать немедленно.

Сказать объ этомъ теткѣ у нея не хватало духа: она написала ей письмо, въ которомъ сообщала о своемъ рѣшеніи ѣхать, просила простить, благодарила за все и заявляла въ концѣ письма, что къ ней она ни въ какомъ случаѣ не вернется.

Она доѣхала по желѣзной дорогѣ до Бухареста, добралась до Дуная и сѣла на пароходъ, направлявшійся къ цѣлп ея странствія.

Она ѣхала безостановочно. Уже на пароходѣ чувствовала себя Саша совсѣмъ нехорошо и заперлась въ отдѣльную каюту.

Изъ цѣли своего путешествія подѣхала она вечеромъ и сошла съ парохода позднѣе другихъ, выждавъ удаленія глазѣвшей толпы.

Она смотрѣла изъ окна каюты на берегъ, точно выпскивая кого-то, точно будто Стороженко непременно долженъ быть на берегу, и она его узнаетъ, и онъ узнаетъ ее, и когда не видѣвши другъ друга.

Голова ея болѣла, въ груди чувствовалось стѣсненіе.

Напрасно перебѣгали глаза ея по лицамъ толпившихся у сходней: все это были чужіе, чужіе... Масса военныхъ,—она никого не знаетъ.

Съ толпы перевела Саша свои глаза на строенія города, на ближнія горы: опять-таки все незнакомыя, чужія очертанія, ничего своего, родного...

Она дождалась того момента, когда публика сошла съ пристани и приступили къ разгрузкѣ парохода.

Сообразивъ, что надо же ей что-нибудь дѣлать, она пошла къ капитану, дававшему какія-то приказанія, и попросила совѣта.

— Мнѣ бы надо было,—сказала она,—отыскать въ городѣ Ивана Захарыча Стороженко. Какъ это сдѣлать?

— А кто это Стороженко? — спросилъ ее капитанъ, видимо заинтересованный красавицей-просительницей, ѣхавшей все время взаперти и никому не показывавшейся.

Этою таинственною путешественницею интересовались многіе. Людмила Васильевна, ѣхавшая на томъ же пароходѣ, интересовалась болѣе другихъ, но совершенно безуспѣшно.

Тогда какъ Саша, какъ мы видѣли, сошла на берегъ послѣднюю, Людмила Васильевна соскочила первою и направилась прямо къ Полѣскому,

На вопросъ капитана о томъ, кто это Стороженко,—Саша отвѣтила только, что онъ маіоръ.

Какъ и всегда бываетъ, вопросъ и отвѣтъ Саши услышали люди, стоявшіе подлѣ.

— Это начальникъ конскаго запаса,—отвѣтилъ изъ толпы какой-то плечистый казакъ.

— Гдѣ онъ живетъ?—спросилъ капитанъ казака.

— Далеко-съ, за бараками.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ капитанъ, обращаясь къ Сашѣ,—я бы совѣтовалъ вамъ, такъ какъ уже поздно, переночевать на пароходѣ или послать кого-нибудь увѣдомить.

— Нѣтъ, я бы хотѣла скорѣе сама быть у него—отвѣтила Саша и поблагодарила за предложеніе, попросивъ оставить до завтра только вещи.

При посредствѣ капитана и участіи полицейскаго солдата, знавшаго Стороженко очень хорошо и взявшагося проводить Сашу, она, послѣ получаса довольно утомительной ходьбы, явилась въ квартиру Стороженко.

Деньщикъ, въ значительной степени пьяный, широко раскрылъ глаза при входѣ Саши: онъ, исполняя приказаніе барина, чистилъ въ это время пистолеты.

При свѣтѣ огарка стеариновой свѣчки, вставленнаго въ бутылку, пистолеты эти были первымъ предметомъ, бросившимся Сашѣ въ глаза.

Быстро, почти одновременно, промелькнули въ ней двѣ мысли: «я такъ и ждала! дуэль!» и другая: «слава Богу, можетъ-быть, не поздно».

— А давно стрѣляли изъ этихъ пистолетовъ?—спросила Саша деньщика, вставшаго при ея приходѣ и опиравшагося одною рукою на грязный столъ съ ваксою, щетками, ломтями хлѣба и мискою застывшихъ, подернутыхъ плесою щей.

Запахъ въ комнатѣ былъ невозможный; и безъ того болѣвшая голова Сашы затрещала.

Она повторила вопросъ: когда стрѣляли?

— Давно-съ, только-что изъ кобуръ вынуть приказали.

У дѣвушки отлегло на сердцѣ.

— Иванъ Захарычъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, въ Тырновъ уѣхали.

— А когда будутъ?

— Сегодня, а можетъ и завтра.

— А капитанъ Полѣсскій гдѣ живетъ? Недалеко?

— Близко-съ, на оврагѣ, — отвѣтилъ уже не деньщикъ, а провожавшій Сашу солдатикъ.

— Можешь ли провести меня къ нимъ?—спросила Саша.

— Могу-съ.

И вотъ она опять въ дорогѣ, опять странствуетъ, но уже ближе къ цѣли: она идетъ прямо къ ней.

У длиннаго забора, передъ раскрытою дверью сада, солдатикъ остановился.

— Вотъ ихъ домъ-съ, — сказалъ онъ.

— Вотъ это входъ, прямо, черезъ садъ, на крыльцо?

— Точно такъ-съ.

— Ты не ошибся ли? Мнѣ надо Егора Ѳедоровича Полѣсскаго.

— Они и есть-съ.

— Тутъ?

— Это прямо, что видно, ихъ кабинетъ, а налѣво ихъ канцелярія.

Саша дала солдатiku рублевую бумажку, и тотъ, счастливый, ушелъ.

Вотъ они гдѣ, счастливые, какъ подумаешь!

И вотъ она у входа въ садъ.

Совершенно разбитая, растерявшаяся, она опустилась на скамью, стоявшую подлѣ двери, и было нѣсколько минуть

такихъ, что Саша ровно ничего не помнила, не соображала...

Эта склонившаяся, точно надломленная, неподвижная женская фигура, вся въ черномъ, въ сѣрыхъ тонахъ надвинувшейся ночи, при сухомъ осеннемъ шелестѣ листьевъ сада и совершенномъ отсутствіи движенія по улицѣ, даже при томъ условіи, что лица ея не было видно вовсе,—если бы только были прохожіе, показалась бы имъ воплощеніемъ печали, отчаянія!

Совершенно машинально поднялась она, наконецъ, со скамьи, направилась по дорожкѣ сада къ крыльцу, взошла на него, прошла въ комнату, неслышно ступая по ковра, и остановилась...

Изъ первой двери направо доносился разговоръ...

Голосъ Полѣскаго Саша, конечно, узнала; другой голосъ былъ женскій...

Что говорили они, что услыхала Саша?

Какъ сумасшедшая бросилась она назадъ. Она не сбѣжала, но соскочила со ступенекъ крыльца, пронеслась прямо дорожкой сада въ двери, на улицу...

Въ это самое время къ дому подъѣхали дрожки; какой-то офицеръ поспѣшно сошелъ съ нихъ.

Саша почти наткнулась на него...

— Иванъ Захарычъ...—пробормотала она, узнавъ, почувъ въ пріѣхавшемъ Стороженко.

Это былъ дѣйствительно онъ: деньщикъ сообщилъ ему о посѣщеніи, о разговорѣ, и онъ полетѣлъ къ Полѣсскому.

— Я-съ, это я... да...—успѣлъ только отвѣтить онъ.

Дѣвушка съ чувствомъ неподдѣльнаго ужаса бросилась къ нему, оглядываясь назадъ.

— Увезите меня, увезите отсюда!—проговорила она.

Стороженко посадилъ ее на дрожки, сѣлъ съ нею и долженъ былъ обнять и прижать къ себѣ, такъ какъ онъ сообразилъ, что иначе Саша вывалится изъ дрожекъ.

Это ощущеніе человѣческаго тѣла, становящагося вдругъ чрезвычайно тяжелымъ, зналъ онъ изъ практики, на войнѣ, по убитымъ наповаль товарищамъ.

Онъ велѣлъ ѣхать въ гостиницу.

Не успѣли дрожки откатиться отъ сада, какъ на крыльцѣ появились Полѣсскій и Людмила Васильевна.

— Навѣрное, навѣрное входилъ кто-то,—говорила она ему,—я слышала...

— Не можетъ быть!—отвѣтилъ Полѣсскій. — Впрочемъ, дѣйствительно, стучать дрожки... Кто же бы это могъ быть?

— Но какая неосторожность: всѣ двери настежь! Ты неизмѣнимъ!..—говорила Людмила Васильевна, взявъ его за руку.

— Въ концѣ концовъ, чтѣ же тутъ особеннаго?.. Но кто бы это могъ быть, однако? Подѣхать, взойти и исчезнуть!

Они вернулись въ комнаты и на этотъ разъ закрыли за собою двери.

Да, подожди Саша второй телеграммы Стороженко, ничего бы подобнаго съ нею не случилось.

XXXIII.

Немного времени оставалось до конца войны.

Подъ Еленой, куда направился Алексѣй Григорьевичъ, пришлось намъ положить многихъ; сценка, которую мы теперь опишемъ, происходила въ одномъ изъ отрядовъ, незадолго до рокового дня 22-го ноября.

Селеніе, называвшееся, кажется, Пиргось, уже нѣсколько разъ переходило изъ рукъ въ руки, отъ турокъ къ намъ и обратно.

Съ первымъ проблескомъ свѣта раздались съ турецкой стороны выстрѣлы; наши отвѣчали—и пошла работа!

Въ теченіе цѣлаго дня деревня обагралась кровью вдовсталя.

Турокъ было гораздо больше, чѣмъ нашихъ, и къ нимъ то и дѣло подходили подкрѣпленія.

Очевидцы описывали потомъ то страшное зрѣлище, которое представлялось всякій разъ, когда мы брали деревню отъ турокъ обратно.

Всѣ наши раненные были добиты; съ отрѣзанными ушами и носами, съ вырѣзанными животами, а кто и совсѣмъ безъ головы, унесенной турками,—валялись наши мертвые по задворкамъ и околицамъ, въ домахъ и по улицѣ...

Зіянію ранъ не было конца...

И шли наши солдатики, шли на вѣрную смерть—и тутъ не было и слѣда какого-либо ропота.

Чувство долга тянуло ихъ, какъ тянеть лѣтнимъ вечеромъ вѣтеръ-сквознякъ тысячи мошекъ; ни сознаніе безвыходности положенія, ни видъ нашихъ приколотыхъ и прерѣзанныхъ братьевъ не останавливали, не замедляли ихъ.

И безграмотные-то были они, и пзъ бѣдныхъ деревень собораны, и отъ близкихъ родныхъ оторваны, и награды-то имъ быть не могло никакихъ...

А все они лѣзутъ впередъ, лѣзли какъ очумѣлые!

Да за какую же это святую святыхъ тянуло ихъ на смерть и мученіе?

Попстинѣ должно это быть—святая святыхъ!

Передъ правымъ флангомъ нашимъ вилсъ довольно крутые овраги, остатки какихъ-то могучихъ, современныхъ потоку водотоковъ...

Съ высоты птичьяго полета мѣсто это, совершенно оголенное, песчаное, должно было представляться какъ бы матеріею муара: овраги составляли своими побѣгами и изворотами темные рисунки по свѣтлomu фону.

Нѣкоторые изъ крайнихъ, нежилыхъ строеній деревни забѣжали къ нимъ, спустились по косогорамъ и пріютились въ оврагахъ какъ въ щеляхъ.

Здѣсь тоже дрались, тоже наваливали трупы.

Около полудня выдалась такая минута, что овраги эти

не принадлежали ни намъ, ни туркамъ; бои тѣмъ временемъ кипѣли главнымъ образомъ на лѣвомъ флангѣ.

Далеко въ сторонѣ, въ одной изъ этихъ щелей, стояли два всадника: Алексѣй Григорьевичъ и офицеръ нерегулярныхъ войскъ жидовско-армянскаго типа.

— Ну, братъ Хиламовъ, прощай! — говорилъ Алексѣй Григорьевичъ. — Свидимся ли?

— Кто знаетъ!..

— Писать-то я буду, когда возможность представится, ну, а чтобы вернуться — это едва ли; развѣ чрезъ много лѣтъ американскимъ гражданиномъ? А главное — сейчасъ же, сегодня же, если можно, Олимпіадѣ Ѳедоровнѣ, баронессѣ, напиши и скажи... только безъ особыхъ подробностей, суть только, слышишь? Она пойметъ... Она знаетъ...

— Ладно...

— А вотъ, кстати, платокъ мой носовой захвати, доказательство... Я бы часы далъ, да вѣдь ихъ турки первымъ дѣломъ утащутъ... А впрочемъ, возьми... твои будутъ... хорошіе...

Выстрѣлы тѣмъ временемъ стали снова приближаться къ правому флангу...

Время было дорого...

— Опять сюда надвигаются. — сказалъ офицеръ, — поѣзжай же... Да смотри, не попадайся!..

— Прощай, — отвѣтилъ Гримайловъ, протянувъ ему руку и крѣпко сжавъ ее, — спасибо!

Онъ повернулъ лошадь къ сторонѣ турскъ и оврагами, обстрѣдованными еще наканунѣ, исчезъ для Россіи...

Причиною необходимости бѣгства выставилъ Гримайловъ Хиламову вовсе не дуэль съ Полѣскимъ, не подложные векселя и фальшивое духовное завѣщаніе, а долги, только долги...

Въ понятіяхъ людей о нравственности чортъ ногу сломить. Хиламовъ, знай онъ настоящія причины бѣгства, особенно послѣднюю — дуэль, пожалуй что и не помогъ бы

Алексѣю Григорьевичу, но относительно долговъ — отчего же, это другое дѣло!

Пока Гримайловъ удалялся по направленію къ туркамъ, Хплавовъ повернулъ влѣво и поѣхалъ навстрѣчу къ нашимъ.

Онъ не замедлилъ вѣхъ въ крайніе дома деревни.

Трупы, бѣльшеею частью раздѣтые, безголовые, валялись повсюду.

Лошадь осторожно ступала между ними, какъ бы уважая человѣка даже послѣ смерти, и Хплавовъ весьма спокойно выбиралъ тѣло, которое должно было играть роль тѣла Гримайлова.

Онъ не замедлилъ натолкнуться на подходящее: совершенно голое, принадлежавшее, несомнѣнно, по изысцеству рукъ, или офицеру, или юнкеру.

Тѣло безъ головы было приткнуто въ уголъ дома у изгороди.

Хплавовъ соскочилъ съ коня и спряталъ между трупомъ и стѣною платокъ Гримайлова. Онъ ткнулъ и часы въ ближайшую щель стѣны и придвинулъ къ ней ногою кучку подсохшихъ стеблей кукурузы.

Затѣмъ онъ сѣлъ въ сѣдло и поѣхалъ къ мѣсту боя.

Хотя мефистофелевскій профиль, съ жидовско-армянскимъ оттѣнкомъ лица, нисколько не измѣнился послѣ совершеннаго этимъ человѣкомъ, но это совершенное было такъ ново, овладѣло имъ до такой степени, что онъ рѣшительно не замѣчалъ начавшихъ свистать кругомъ него пуль; онъ боялся покойниковъ, а тутъ пришлось ему возиться съ мертвецомъ.

День сталъ клониться къ вечеру, когда наши получили подкрѣпленія, и силы наши и непріятельскія уравнились.

Мы удержали деревню за собою, со всѣми ея трупами.

Къ вечеру вступили въ отправленіе своихъ обязанностей врачи, фельдшера и Красный Крестъ.

Стали пересчитывать живыхъ, пошли розыски между мертвыми.

Присутствіе въ отрядѣ Гримайлова, какъ челоѣка штатскаго, было замѣчено всѣми. Знали также, что онъ одиѣ изъ поставщиковъ, что онъ пріятель Хиламова; были у него между старшими офицерами отряда петербургскіе знакомые.

Его отсутствія спохватились скоро.

Понятно, что Хиламовъ, какъ ближайшее къ нему лицо, былъ озабоченъ болѣе другихъ. Онъ сѣлъ на коня и отправился на поиски.

Особенной хитрости не предстояло въ томъ, чтобы признать въ тѣлѣ, припертомъ въ уголъ дома у изгороди, тѣло Гримайлова.

Тѣло стояло точно такъ, какъ поставилъ его, сунувъ платокъ и часы, Хиламовъ.

Какой-то старый шрамъ, оказавшійся на груди, былъ признанъ имъ за несомнѣнное подтвержденіе догадки; не замедлили вытащить платокъ и часы,—что было уже ярымъ доказательствомъ.

— Какъ же это часовъ-то не украли? — сказалъ кто-то изъ Краснаго Креста.

— Видимо, себѣ кто-то припряталъ, да не успѣлъ! — отвѣтилъ Хиламовъ и взялъ часы.

Подожли и подѣхали другіе офицеры и были тоже свидѣтелями находки и констатированія тѣла...

Здѣсь мы просимъ читателя вспомнить первую главу нашего разсказа: похороны Гримайлова, сужденія о немъ, письмо, посланное Хиламовымъ баронессѣ Шимакъ.

Гордѣвъ узелъ, представлявшійся, въ концѣ концовъ, Алексѣю Григорьевичу, былъ разсѣченъ имъ по-своему.

Никому и въ голову не приходило во время отиѣванія тѣла, что онъ самъ, Гримайловъ, былъ въ это время у ту-рокъ, гдѣ, объявивъ себя корреспондентомъ «Figaro», тотъ-

часть же былъ принять очень радушно, кое-о-чемъ спрошенъ и ему дана была полная возможность въ самомъ непродолжительномъ времени гулять по берегу Босфора.

Денегъ у него было довольно, какъ разъ столько, сколько не досчиталъ Шмулевъ въ своей кассѣ, а уже насчетъ того, что роль была разыграна чудесно, особенно съ французскимъ языкомъ, нѣтъ никакаго сомнѣнія.

Понятно, что въ Константинополѣ, къ которому мы такъ быстро приближались, и передъ которымъ такъ неожиданно остановились, Алексѣй Григорьевичъ остался не долго.

На волнахъ греческихъ и итальянскихъ морей ему казалось такъ легко и вольготно по пути въ Европу: онъ былъ эстетикъ въ душѣ...

«Какъ красиво должно было быть здѣсь во времена Перикла!»—думалъ Гримайловъ, глядя съ парохода на развалины, окружающія Аѳины.

Въ розовомъ блескѣ погасавшей зари поднимались зарумяненные солнцемъ классическіе мраморы. Темно-синимъ было теплое, спокойное море.

Напомнимъ здѣсь къ слову, что Гримайловъ, направляясь изъ Петербурга къ арміи, имѣлъ уже въ виду своевременно обратиться изъ Россіи.

Но что это случится именно такъ, какъ случилось,—этого онъ не зналъ.

XXXIV.

Война кончилась.

Вездѣ по Россіи настроены были триумфальныя арки, и войска наши чествовались по заслугамъ.

Лица, появлявшіяся отъ поры до времени въ нашемъ рассказѣ, всѣ, кромѣ старика Форескіольда, живы. Онъ похороненъ въ Висбаденѣ.

Саша вынесла очень серьезную болѣзнь воспаленія въ

легкихъ и, по выздоровленіи, была вызвана старухою Бириною. О смертельной болѣзни ея старуха узнала изъ обстоятельнаго письма Стороженко.

Саша до сихъ поръ въ дѣвухахъ.

Она необычайно красива, сдержана, задумчива. Вздохителей по ней десятки. Но не подвернулся еще такой человекъ, который, послѣ всего слышаннаго ею, послѣ могучаго нравственнаго роста, могъ бы быть ей по-плечу.

Да едва ли и подвернется, потому что. *summa summagum*, наши мужичины несомнѣнно мельче нашихъ женщинъ, и въ этомъ, можетъ-быть, надежда на лучшее будущее.

Чувство глубокой дружбы и благодарности испытываетъ Саша къ Стороженкѣ, получившему въ Петербургѣ какое-то мѣсто. Она съ нимъ въ перепискѣ.

Во взглядѣ Стороженко на женщинъ произошла перемена. Онъ убѣжденъ въ существованіи идеальной женщины, потому что онъ ее нашелъ, видѣлъ, даже обнималъ, но онъ призналъ, что она не для него...

— Чистое къ чистому!—говорилъ онъ себѣ въ утѣшеніе.

Полѣсскій прочелъ о смерти Гримайлова въ реляціи.

Онъ попрежнему живетъ съ Людмилою Васильевною, которая, чтò ни день, пріобрѣтаетъ все большее и большее вліяніе.

Отчего они не женятся—сказать трудно: вѣроятно, оба все еще чего-то ожидаютъ.

Баронесса Шимахъ салонъ свой закрыла по причинѣ весьма понятной: она послѣдовала за Гримайловымъ за границу. Повидимому, у нихъ былъ уговоръ встрѣтиться, но встрѣтились они или нѣтъ—неизвѣстно.

Графъ Верблюховъ, все еще занимающій мѣсто Форескюльда, получилъ на который-то изъ своихъ орденовъ мечи и очень щеголяетъ ими. Росписки, данной имъ Полѣсскому, онъ обратно не получилъ, но это его не безпо-

коить; благотворительностью и прочимъ занимается онъ гораздо меньше прежняго: нѣтъ прямой цѣли и причины.

Криницкіе, по окончаніи войны, разѣхались. Оказалось, чего никто и не подозрѣвалъ, что они повѣнчаны не были, а только сожителемъ.

Съ госпожою Сытиною случилась ужасно непріятная исторія.

Тѣ векселя на нѣмчика, Адама Адамыча Фришмана, о которыхъ мы вспоминали и которые служили въ рукахъ ея вожжами и обуславливали его вѣрное и преданное служеніе, въ одинъ прекрасный день исчезли.

Сытина обомлѣла, открывъ это похищеніе.

Первою мыслью ея было поставить весь домъ вверхъ дномъ, распубликовать, раскричать, позвать нѣмчика къ объясненію...

Но она немедленно спохватилась.

«Къ чему?—думалось ей.—Если укралъ ихъ опъ, то пмъ и слѣдъ простылъ и концы въ воду; если укралъ не онъ, то вѣдъ ихъ предъявлягъ же, наконецъ, гдѣ-нибудь, когда-нибудь: векселя явлены у нотаріуса».

«Обождать, обождать,—думалось ей,—а тѣмъ временемъ. если укралъ не нѣмчикъ, держать его на привязи попрежнему, пользоваться какъ пользовалась, потому что, скажи она ему только, что векселей нѣтъ болѣе, — и, Боже мой, какъ онъ съ цѣпп-то сорвется!..»

И Анна Ѳедоровна дѣйствительно молчала.

Только какъ будто нѣжнѣе стала она къ нему. а сама все приглядывалась, приглядывалась, глазами выпытывала.

Нѣмчикъ какъ ни въ чемъ не бывало: кротокъ, исполнительъ.

Было это разъ какъ-то вечеромъ.

Сводили счеты, толковали о томъ и другомъ. Анна Ѳе-

доровна была очень нѣжна, даже нѣкоторымъ образомъ вызывала...

Въ комнатѣ никого не было, а войти безъ спросу прислуга не могла; слѣдовательно, обезпеченіе полное...

При громадныхъ размѣрахъ Анны Ѳедоровны и относительной сухопарости нѣмчика, эта идиллическая сцена была бы достойна кисти первокласснаго художника...

Крикливый голосъ ея произносилъ слова нѣжности; руки, привыкшія расталкивать толпу на аукціонахъ, приглаживали волосы нѣмчика; грудь, гренадерская грудь, привыкшая дышать сперматическимъ запахомъ камеръ мировыхъ судей, искала ласки...

— Да ужъ вы, Анна Ѳедоровна, ко мнѣ, право, очень добры, — говорилъ нѣмчикъ ломанымъ языкомъ: — я вамъ очень благодаренъ...

И Анна Ѳедоровна отвѣчала какими-то теплыми словами, а сама думала: «если бы мнѣ только прочесть въ тебѣ, окаянный, укралъ ты векселя или нѣтъ?..»

— Ну, а теперь, пожалуй, и довольно будетъ, — неожиданно проговорилъ нѣмчикъ, освободившись изъ ея объятій и вставъ съ мѣста. — Genug!

— Чтò? — возгласила Анна Ѳедоровна, тоже поднявшись и немного прибираясь.

— Я вамъ, — продолжалъ нѣмчикъ, — съ большою благодарностью скажу, что векселей моихъ у васъ больше не имѣется. Да и ни у кого ихъ нѣтъ!

— Такъ я и думала! — возопила Сытина: — разбойникъ, воръ, грабитель!..

— Да вы не кричите! Зачѣмъ кричать! Вы бездоказательно кричите. Я, вѣдь, неглупый человѣкъ, и я вамъ только по секрету это сказалъ, чтобы вы не искали.

Нѣмчикъ нагло улыбался.

Какъ ни могуча была вообще Анна Ѳедоровна, но до

рукопашной она еще никогда не доходила... Раздавить нѣмца хотѣлось бы ей! Но что же изъ этого проку?

И сталъ неизвѣстный нѣмчикъ, освободившись отъ опеки Анны Ѳеодоровны, дѣла за свой собственный счетъ дѣлать; всю ея практику сманилъ онъ къ себѣ.

Не прошло и года, какъ появилась въ Петербургѣ новая негласная касса ссудъ, дѣла которой были гораздо обширнѣе, чѣмъ тѣ, которыя вела Сытина.

Протискался нѣмчикъ къ которому-то изъ консуловъ; тотъ рекомендовалъ его начальству одного изъ банковъ... Приняли на службу: тутъ помогъ и графъ Верблиховъ.

Какъ-то будетъ онъ служить?..

Умеръ для Россіи Гримайловъ—оперился Адамъ Адамовичъ Фришманъ...

Слѣдуетъ, въ заключеніе, сообщить огуломъ о нѣкоторыхъ лицахъ, безымянно промелькнувшихъ въ нашемъ разсказѣ, а именно о тѣхъ цифрахъ-солдатикахъ, о которыхъ мы не разъ упоминали и которые дрались за какую-то святую святыхъ.

Они тоже, какъ и Гримайловъ, отправились за границу.

На большомъ кораблѣ, именовавшемся «Миловичъ», — имя, какъ видите, славянское,—прошедшимъ лѣтомъ привезено было въ Англію, для удобренія ея полей, шесть тысячъ центнеровъ человѣческихъ костей, собранныхъ подъ Плевною и на другихъ крупныхъ мѣстахъ сраженій.

Двадцать тысячъ пудовъ человѣческихъ костей! Легко сказать!

А Гримайловъ, Фришманъ, Хиламовъ, Верблиховъ, Шимакъ, Сытина, Тузь, Шмулевы и К^о живы и благоденствуютъ...

Рудневка, 1881 г.

ЗАСТРЪЛЪЩИКИ.

I.

Темныя горы Урала, въ лѣсистой части его, были покрыты густымъ мракомъ ночи...

Это была одна изъ тѣхъ зимнихъ ночей въ концѣ февраля, въ которыхъ ни зги не видно; небо завѣшено тучами; новолуніе.

Не проявляется никакихъ рѣшительныхъ очертаній, никакихъ красокъ: горъ — нѣтъ, лѣсовъ — нѣтъ, густой пелены бѣлаго снѣга — нѣтъ! Есть только мракъ и по немъ постоянный, ровный звукъ колокольчика, точно рисующій какую-то чрезвычайно монотонную, звуковую картину.

Тьма и колокольчикъ—и больше ничего, ничего рѣшительно!

Люди всѣ по домамъ.

Это тотъ удивительный часъ мрака, когда ямщикъ отказывается править лошадьми и предоставляет коренной ощупывать путь своими неподкованными копытами.

Коренная ведетъ вѣрно; прпстяжныя жмутся къ оглоблямъ, чего онѣ никогда не дѣлаютъ днемъ.

Вѣтра нѣтъ ни малѣйшаго; морозъ градуса три—не больше.

На почтовой дорогѣ, при началѣ подъема на длинную-длинную гору, изъ проѣзжающихъ саней слышится разговоръ:

— Далеко ли еще? будемъ ли черезъ часъ?

Это былъ женскій голосъ, несомнѣнно молодой.

— Будемъ-съ; вотъ какъ на гору подыдемся, такъ и заводъ видѣть будете,—отвѣтилъ ямщикъ.

Дѣйствительно: послѣ получасового, довольно труднаго подъема съ перевала горы прорѣзались сразу въ безусловной темнотѣ ночи огневые очертанія завода, стоявшаго гдѣ-то внизу—далеко, очень далеко.

Цѣлый рядъ красныхъ огненныхъ языковъ, расположенныхъ правильнымъ четырехугольникомъ п поднимавшихся въ темноту, благодаря безвѣтрію, прямыми столбами, образовывалъ какой-то чудовищный, громадный, состоявшій изъ множества красныхъ трубъ, фантастическій, пылающій органъ...

Органъ этотъ, правда, молчалъ въ настоящую минуту, но, не дай Богъ, заиграй онъ свою бѣсовскую музыку—дрогнула бы ночь, поднялся бы вихрь. Не дай Богъ!

Былъ одиннадцатый часъ въ началѣ.

Не безъ любопытства п не безъ радости выглянула изъ-за ямщика недавно спрашивавшая его женщина, чтобы подробнѣе разглядѣть феерическую, сразу возникшую картинку.

Картина была дѣйствительно величественна, а для путницы—совершенно нова.

Полчаса времени еще, п возокъ, поскрипывая полозьями, катилъ по широкой плотинѣ, подлѣ заводскаго пруда.

Благодаря сильному освѣщенію, всѣ сооруженія завода были видны съ особенною ясностью. Для человѣка, знакомаго съ горнымъ дѣломъ, можно было опредѣлить совершенно вѣрно число вагранокъ, кричную фабрику, магазины, контору, домъ управителя завода, церковь, школу, громадныя склады дровъ, магазинны.

Особа, ѣхавшая въ возкѣ, ничего въ этомъ не понимала, но любовалась и думала о томъ, какъ занесетъ она это первое впечатлѣніе въ свой дневникъ.

Больше всего поразило ее какое-то громадное, ярко освѣщенное, желѣзное зданіе. Невѣроятный грохотъ, стукъ и дьявольскій визгъ неслись изъ него. Оно точно дышало пламенемъ и дымомъ изъ всѣхъ своихъ безчисленныхъ оконъ и отдушинъ крыши. Кромѣ того, было много щелей, трещинъ, и всѣ онѣ зіяли!

Это была рельсовая мастерская, занятая ночью работою.

Грохотъ и визгъ были такъ сильны, что, когда возокъ миновалъ мастерскую, свернулъ въ сторону, къ дому управителя, и въѣхалъ, наконецъ, во дворъ, обсаженный громадными вѣтвистыми деревьями, въ сравнительную тишину, — путница даже обрадовалась.

На звукъ колокольчика, между тѣмъ, выбѣжалъ на крыльцо слуга, потомъ другой.

Одинъ изъ нихъ немедленно вернулся и доложилъ хозяевамъ, сидѣвшимъ въ гостиной, что гувернантка пріѣхала.

Въ этой гостиной, освѣщенной хорошо, бросались въ глаза прежде всего удивительные экземпляры комнатныхъ растений: громадные, пышущіе здоровьемъ драцены и фикусы.

Это отличительная черта квартиръ начальствующихъ лицъ на заводахъ. Лица эти мѣняются, но обстановка передается, обыкновенно, отъ лица лицу; передаются и цвѣты: не тащить же ихъ, въ самомъ дѣлѣ, этихъ великановъ, при перемѣщеніи за тысячи верстъ, да еще по морозу!

И они, эти великаны, остаются на своихъ мѣстахъ. Времени за уходомъ много; воздухъ чистый; комнаты очень высоки: и экземпляры поражаютъ своею граціозностью.

Замѣтила эту особенность и гувернантка, войдя въ гостиную.

«Вотъ, — подумала она: — не съ подобныхъ ли экземпляровъ списывалъ Зола свою оранжерею, гдѣ разостлалъ потомъ тигровую шкуру!?»

Управитель завода, горный инженеръ, мужчина лѣтъそろка пяти, очень видный, даже красивый, Викторъ Викторовичъ Пуславинъ, встрѣтилъ гувернантку въ дверяхъ и не замедлилъ представить женѣ и ея двумъ дочерямъ отъ перваго брака.

— А ваша команда уже спитъ, — сказалъ онъ гувернанткѣ: — такъ что знакомство съ ними отложимъ до завтра.

— Вы, вѣроятно, очень устали? — спросила гувернантку Марья Сергѣевна Пуславина, которая казалась чуть-чуть постарше мужа; она въ молодости была, вѣроятно, очень красива; явные признаки какой-то болѣзни — блѣдность, нервность въ лицѣ и мертвенная синеватость ногтей на длинныхъ, безкровныхъ, слегка желтоватыхъ пальцахъ — невольно бросались въ глаза.

— Нѣтъ, нисколько, — отвѣтила гувернантка.

— Ужинать! ужинать, скорѣе! — проговорила хозяйка.

Направились къ столовой.

Обѣ взрослые барышни, брюнетки, Лиза и Елена Тройниковы, только тутъ были рассмотрѣны гувернанткою съ болѣею тщательностью. Лиза почти некрасива; Елена очень хороша.

По окончаніи ужина, хозяйка и обѣ дочери отвели гувернантку въ ея комнату, простились и оставили одну.

Чемоданъ и два сакъ-вояжа были уже внесены.

Комната оказалась чистою, хорошею, съ окнами въ садъ. Нельзя было не замѣтить, что она была приготовлена съ особеннымъ вниманіемъ; на туалетномъ столѣ стояли одеколонъ, туалетный уксусъ, мыло и пр.

Кое-какъ разобравшись, гувернантка стала раздѣваться.

«Да, да, — думала она, — это странно, но я сама ви-

дѣла, сама... Марья Сергѣевна выпила три полныхъ рюмки водки, или это у нихъ тутъ такіе обычаи?»

Вытащила она изъ чемодана свой дневникъ и занялась проглядываніемъ его уже лежа въ кровати, широко раскинувшись на ней.

Вотъ нѣкоторыя изъ помѣтокъ дневника, проскользнувшія у нея передъ глазами, прежде чѣмъ она, уставшая съ дороги, довольная общимъ впечатлѣніемъ первой встрѣчи, заснула богатырскимъ сномъ:

«Были у Бореля... по общественному мнѣнію—подлость любить мужа подружки...»

«Отецъ семьи, въ которую я поступила, въ Лондонѣ; его портретъ въ моей комнатѣ; странное что-то!.. Katzenjammer en miniature... Всюду встрѣчаю лейбъ-кирасировъ; ничего не имѣю противъ...»

«Видѣла А*, говорить, что любить моего Н*, пусть любить хоть всю лейбъ-гвардію... Лучше въ веселый часъ покончить жизнь, выпить лишній стаканъ, оставить ничего не подозрѣвающую компанію и въ первомъ ресторанѣ, безусловно при полномъ комфортѣ, застрѣлиться... Обѣтъ дала не пѣловаться; провпнилась даже на Балканскомъ проспектѣ, при мужѣ, опять-таки съ Н*...»

Гувернантка, авторъ этихъ замѣтокъ, была одною изъ представительницъ интеллигенціи, шествовавшая на нашъ востокъ!

Въ пять часовъ утра раздался пронзительный свистъ; онъ тянулся очень долго—въ три пріема. Это былъ призывъ рабочихъ на фабрики.

Гувернантка проснулась, чиркнула спичкою и зажгла свѣчу.

II.

Лидія Михайловна Таринская, гувернантка, несмотря на то, что она только-что проснулась и не прибралась,

была недурна собою. Свѣтлокаштановые волосы спадали недлинными, но очень густыми прядями на бѣлую сорочку; роста она была высокаго; глаза имѣла каріе; ей было двадцать семь лѣтъ отъ роду; особыхъ примѣтъ въ наружности не было.

Происходила она отъ родителей бѣдныхъ и неблаго-родныхъ.

Воспитывалась въ одномъ изъ модныхъ петербургскихъ пансіоновъ, такъ какъ платило за нее весьма состоятельное третье лицо...

Гувернанткой успѣла она перебывать въ пяти домахъ.

Изъ перваго, главою котораго былъ богатый зеркальный фабрикантъ, ушла потому, что тотъ господинъ Н*, о которомъ она упоминала въ дневникѣ, проводилъ лѣто въ другой окрестности Петербурга, чѣмъ зеркальный фабрикантъ.

Изъ второго удалила ее хозяйка дома, опасаясь за нравственность своего пятидесятилѣтняго мужа.

Въ третій была она опредѣлена, опять-таки, тѣмъ же господиномъ Н*, но ушла сама, потому что Н* сталъ ухаживать, и очень счастливо, за хозяйкою.

Въ четвертомъ домѣ пробыла она очень долго — почти три года; это были желѣзнодорожники, любители картъ и газетъ; пикники чередовались съ завтраками и обѣдами. Лидія Михайловна ни за что не ушла бы изъ этого дома, но домъ самъ ушелъ отъ нея: мужъ и жена вдругъ разъѣхались послѣ 16-ти лѣтъ сожительства; причиною была сестра жены, жившая до того въ домѣ...

Пятый домъ узрѣлъ Лидію Михайловну уже не гувернанткою, а компаніонкою старой, богатой барыни. Здѣсь оставалась она долго, потому что и тутъ было очень весело: у старухи имѣлось десять племянниковъ, три внука и восемь племянницъ—все на возрастѣ, все веселые, но...

тутъ повредилъ дневникъ! Старуха имѣла обыкновеніе ходить по чужимъ столамъ и комодамъ въ минуты отсутствія ихъ собственниковъ. Она прочла двѣ-три странички и, опасаясь за племянницъ, отказала...

На Уралъ попала она слѣдующимъ образомъ: управителю завода, Виктору Викторовичу, понадобилась для дѣтей отъ второго брака гувернантка...

Въ Петербургъ полетѣло письмо къ одному изъ пріятелей: такъ и такъ—нужна гувернантка не дороже того-то п, пожалуй, недурна собою, съ манерами.

Лидія Михайловна поѣхала, выговоривъ себѣ, однако, право, черезъ полгода, если мѣсто не понравится, быть высланной въ Петербургъ обратно, на счетъ хозяина.

Когда она, одѣвшись и прибравшись, подошла къ окну, чтобы поднять шторы, такъ какъ стало уже совершенно свѣтло, къ ней вошла въ комнату Елена и повела въ столовую.

Ей представили двухъ кургузыхъ карапузовъ шести и восьмилѣтняго возраста. Мать и сестра были тоже на-лицо.

Одинъ изъ нихъ немедленно заявилъ, что онъ не хочетъ никакой гувернантки; другой, почему-то, заревѣлъ во всю...

Въ это время вошелъ въ столовую Викторъ Викторовичъ.

— Цыцъ! Это чтò такое!..

Но возгласъ отца оказался напрасенъ: ребенокъ, едва слышавъ знакомые ему шаги, проглотилъ слезы и замолчалъ.

«Ага!—подумала Лидія Михайловна:—это очень пріятно, значить, строгъ: бояться!»

— Какъ вы спали съ дороги?—обратился Викторъ Викторовичъ къ гувернанткѣ.

— Прекрасно, благодарю васъ.

Пуславинъ подошелъ вслѣдъ затѣмъ не къ женѣ, а по очереди къ обѣимъ дѣвушкамъ и подалъ имъ руку.

Елену, младшую, красивую, отвелъ онъ въ сторону, къ окну, и сталъ вполголоса, очень весело разговаривать съ нею.

Чаще другихъ доносилось имя Клима Кузьмича.

Дѣвушка отвѣчала быстро, нисколько не стѣняясь, и въ ея словахъ то и дѣло проскользало слово «мамаша».

— Все мамаша, да мамаша!—возразилъ Викторъ Викторовичъ, отойдя отъ окна и сѣвъ къ столу на одинъ изъ концовъ его; на другомъ сидѣла жена.

— Пока чтò, расскажите намъ что-нибудь о Петербургѣ; чтò тамъ, какъ тамъ?—обратился Викторъ Викторовичъ къ Лидіи Михайловнѣ.—Вы въ лошадахъ недостатка нигдѣ не встрѣчали?

— Нигдѣ, кромѣ только недалеко отсюда, кажется, станцій за пять.

— На Пожновской, не такъ ли? у нѣмца?

— Да.

— Нѣмецъ пришелъ къ вамъ съ разспросами, куда ѣдете?

— Да.

— И вы сказали, что ѣдете ко мнѣ, и онъ васъ часовъ шесть на станціи продержалъ?

— Да, да!—проговорила весьма быстро удивленная гурвернантка.

— Представьте себѣ, что это изъ мести ко мнѣ! Это онъ всѣмъ, кто ко мнѣ ѣдетъ и за себя постоять не можетъ, ту же штуку подносить, и хотѣлъ я вамъ писать объ этомъ, да какъ-то забылъ. Ну, ужъ я ему, когда-нибудь, крупную пакость сдѣлаю...

— Чтò же это за странная месть такая?—спросила Лидія Михайловна

Отвѣтилъ ей не Викторъ Викторовичъ, а жена его.

Мужъ предоставилъ ей, наконецъ, слово для сообщенія старой-престарой исторіи о томъ, какъ, благодаря Пуславину, нѣмецъ лишился права содержанія лошадей на цѣлыхъ пяти станціяхъ.

— Ну, вотъ и мстить, и ничего съ нимъ не подѣлаешь,— закончила Марья Сергѣевна.

— Вотъ-съ вы въ какія первобытныя страны пріѣхали, Лидія Михайловна, — проговорилъ Пуславинъ: — частная, личная мсть въ полномъ ходу существуетъ!

— Но это очень любопытно...

Отпили чай. Мужъ пошелъ на заводъ; жена условилась съ гувернанткой насчетъ занятій дѣтей.

За обѣдомъ Лидія Михайловна замѣтила, что Пуславина дѣйствительно пьетъ очень много водки.

Показать ей заводъ рѣшено было на завтрашній день.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, гувернантка достала дневникъ и исписала цѣлыхъ четыре страницы.

Она намѣтила въ нихъ только главное: внѣшнее впечатлѣніе завода, водку госпожи Пуславиной, шушуканье Виктора Викторовича съ Еленой подлѣ окна и проскользнувшее нѣсколько разъ мимо ушей ея имя Клима Кузьмича.

«Кто этотъ таинственный Климъ Кузьмичъ?—писала она.— Должно-быть, молодой человѣкъ, недурень собою, неглупъ, можетъ, въ случаѣ надобности, быть героемъ романа. Интересно будетъ видѣть! Ну, а что, если вдругъ это кто-либо изъ людей, съ которыми я встрѣчалась у Бореля, Дюссона, у татаръ? Я ихъ такъ много встрѣчала. Какъ бы это было интересно. Я бы хотѣла этого».

Но если бы Лидія Михайловна могла только знать, какъ далеко, какъ бесконечно далеко была она отъ истины!

Виктору Викторовичу не въ шутку нравилась Елена!

Ясный солнечный день занялся надъ Ураломъ.

День какъ разъ для охоты: легкій морозецъ послѣ пороши; никакого вѣтра.

Подлѣ завода, какъ и вездѣ на Уралѣ близъ заводовъ, лѣса вырублены давно, но, въ видѣ исключенія, верстахъ въ двухъ, здѣсь оставлены были четыре весьма значительныя рощи. Онѣ отдѣлены одна отъ другой, и въ нихъ то и дѣло забѣгаютъ зайцы и лисицы, а иногда и волки.

Обѣ сестры, Лиза и Елена, очень любятъ эти рощи. Лиза коллектируетъ въ нихъ, даже зимою, всякихъ насѣкомыхъ, летающихъ и ползающихъ, конечно, въ куколкахъ, гербаризируетъ; Елена ужасно любитъ охоту съ гончими, прекрасную свору которыхъ получила она, годъ тому назадъ, въ подарокъ отъ Виктора Викторовича.

Такъ это было и теперь. Часовъ въ десять утра сестрамъ подали одиночку. Лиза вооружилась палкой съ топорикомъ на одномъ концѣ и небольшимъ остриемъ на другомъ — заводской работы; Елена взяла ружье, опоясалась патронташемъ и взяла свору.

День былъ дѣйствительно прелестный. Бодрая лошадка быстро привезла ихъ къ рощамъ; сестры сошли и, привязавъ ее къ дереву, разбрелись въ разные стороны.

Скоро въ ясномъ воздухѣ, неподвижно покоившемся въ розовомъ свѣтѣ зимняго солнца, раздался гдѣ-то вблизи стукъ топорика Лизы: значитъ, она нашла какое-нибудь старое дупло и работаетъ въ немъ, отыскивая куколки бабочекъ и жуковъ.

Немного позже, въ другомъ концѣ рощи, вдругъ громко затыкали гончая, видимо по зрячему, можетъ-быть, по лисицѣ.

Веселая музыка этого тывканья переносилась съ мѣста на мѣсто, иногда замирала, прерывалась, иногда возникала съ новою силою совсѣмъ не тамъ, гдѣ кончилась.

Долго шла эта музыка... Раздался выстрѣлъ, и—тявканье сразу прекратилось.

Еленѣ пришлось выстрѣлить по зайцу въ довольно глубокой котловинѣ. Звѣрекъ бѣжалъ вдоль по тропинкѣ, ведшей въ ближайшую, довольно далекую, деревню, почему-то круто повернулъ назадъ, на Елену, и выстрѣлъ былъ данъ въ лобъ. Заяцъ растянулся моментально вслѣдъ за выстрѣломъ, перекувырнувшись самымъ забавнымъ образомъ.

Елена быстро подбѣжала и отбила гончихъ.

Въ это самое время изъ-за громаднѣйшей ели вынесся на нее довольно рослый конь, запряженный въ узенькія, маленькія сани, способныя двигаться даже по лѣсной тропинкѣ.

Въ саняхъ сидѣлъ Климъ Кузьмичъ Холенко, горный инженеръ, завѣдывавшій на заводѣ рельсо-прокатнымъ цехомъ.

Инженеръ былъ недуренъ собою и отличался особенною изысканностью въ одеждѣ; фуражка его съ синими кантами и бархатнымъ околышкомъ будто только-что вышла изъ магазина.

— Немного бы раньше,—проговорилъ онъ, осаживая лошадей и вставъ пзъ саней,—и вашъ выстрѣлъ, Елена Петровна, сидѣлъ бы во мнѣ или въ лошади! Какой громадный русакъ! — прибавилъ онъ, поднявъ зайца съ земли. — Прямо въ лобъ; должно-быть, меня слышалъ и повернулъ на васъ.

— Если бы вы видѣли, какъ онъ курьезно кувырнулся,—замѣтила Елена.

— А Елизавета Петровна тоже тутъ?

Въ отвѣтъ на это далеко въ сторонѣ раздался мѣрный стукъ молоточка старшей сестры.

Холенко былъ, несомнѣнно, букою. Онъ не былъ такимъ прежде; онъ сдѣлался имъ къ тридцатому году жизни—ко

времени нашего разсказа. Полнаго курса въ горномъ институтѣ онъ не кончилъ: онъ былъ замѣшанъ въ какую-то политическую пропаганду и долженъ былъ оставить институтъ. Три года провелъ онъ за границею, въ Серренѣ, и, какъ человѣкъ очень способный, тотчасъ взятъ на частную службу.

Горную фуражку носилъ онъ самовольно.

На лѣвой рукѣ у него не хватало двухъ пальцевъ, отрѣзанныхъ плющильною машиною.

— А вы откуда?—спросила его Елена.

— Кучи ѣздилъ смотрѣть; уголь дурной присылаютъ, такъ посмотрѣть хотѣлось, такъ ли жгутъ.

— Да вѣдь это не вашего вѣдѣнія!

— Знаю. Но я не понимаю этого разрѣзанія работы на отдѣльные ломти въ одномъ и томъ же заводѣ. Дѣло общее...

— За это-то васъ не и любятъ.

— А мнѣ-то что до этого? Я могу любить.

— И папаша не любитъ!

— Да какой же онъ вамъ папаша, Елена Петровна? Онъ и подлѣ него никогда не сидѣлъ.

— Ну, вы опять со своимъ...

Холенко насупился. Онъ воспользовался тѣмъ, что гончія подошли къ нему, нагнулся и сталъ ихъ гладить.

— Что же, Елена Петровна,—заговорилъ онъ, не поднимаясь отъ собакъ и не глядя на нее:—такъ неужели мнѣ и не надѣяться?

— Я вамъ говорила, Климъ Кузьмичъ, что вы прекрасный человѣкъ, но мнѣ-то вы не по сердцу; вы мнѣ не нравитесь!

— Такъ не папаша же вамъ нравится!—рѣзко отвѣтилъ онъ, вытянувшись во весь ростъ.

Елена вспыхнула, но смолчала.

Разговоръ на эту тему былъ для нея не новостью. Весь заводъ и даже окрестности знали о совершенно особенномъ расположеніи Пуславина къ младшей дочери его жены. Тутъ, повидимому, зарождалось одно изъ тѣхъ странныхъ, не лишенныхъ драматизма положеній, которыя, къ несчастью, не разъ имѣли и будутъ имѣть мѣсто въ жизни.

— Ну, вотъ, видите ли, Климъ Кузьмичъ, за что именно вы мнѣ не можете нравиться это за подобныя неожиданныя въ словахъ и дѣйствіяхъ. А главное, если бы тутъ была хоть тѣнь правды... и, прежде всего, что вамъ за дѣло?

— Что же дѣлать, воздержаться не могу, — процѣдилъ сквозь зубы Холенко: — но, прежде всего, мнѣ жаль васъ, я боюсь за васъ...

Разговаривавшіе, слышавшіе отъ поры до времени стукъ молоточка Лизы, не замѣтили, что звукъ этотъ перемѣнилъ свой характеръ. Если бы они не были очень искренно заняты довольно характернымъ разговоромъ, они давно примѣтили бы и топотъ приближавшейся лошади.

Направляясь по слѣду, оставленному Еленой въ рощѣ, ее нагналъ, верхомъ на пѣгомъ конѣ, Викторъ Викторовичъ.

— А вы отчего не на заводѣ, Климъ Кузьмичъ? — сухо спросилъ онъ Холенко, видимо недосказавъ и сотой доли того, что хотѣлъ бы сказать вмѣсто этихъ словъ. — Или вы вмѣстѣ условились охотиться? — добавилъ онъ, взглянувъ на Елену.

— Я къ кучамъ ѣздилъ, — отвѣтилъ Холенко: — вы видите, что лошадь къ заводу головою стоитъ.

— А вы куда, папаша? — спросила Елена.

— Я?... на васъ посмотрѣть пріѣхалъ.

Сцена вышла изъ непріятныхъ и привела бы, вѣроятно, къ очень нехорошему концу, такъ какъ она была не слу-

чайнымъ порывомъ и явилась звеномъ, пока что послѣднимъ въ длинномъ ряду послѣдовательныхъ развитій одного и того же глупаго положенія, если бы не неожиданное появленіе Лизы.

— Какой я экземпляръ носорога отыскала, — кричала она еще издали, завидѣвъ всю компанію: — понятно, въ куколкѣ!

Вся она была въ снѣгу: шапочка, волосы, плечи, юбка. Фигура представлялась довольно забавною.

Голосъ ея прервалъ и разрушилъ тяжкое молчаніе, установившееся надъ трупомъ зайца, безотвѣтно лежавшимъ на бѣломъ снѣгу.

— Дай, Елена, зайца, я его домой свезу, — проговорилъ Викторъ Викторовичъ: — вѣдь ты еще будешь охотиться?

— Буду.

Ему подали зайца и, пока онъ привязывалъ его къ сѣдлу, Климъ Кузьмичъ, пожавъ руку Лизѣ, сѣлъ въ свои сани и, ни слова не сказавъ, чуть-чуть приподнял фуражку и ударилъ вожжей по коню.

Минуты три спустя направился къ заводу, шагомъ, и Викторъ Викторовичъ.

Сестры принялись каждая за свое дѣло, попрежнему.

III.

Миновала недѣля послѣ описанной сцены, какъ пришло на заводъ неожиданное извѣстіе: приготовить господскій домъ для помѣщенія лица, посылаемаго собственницею завода, княгинею Бирскою, для его осмотра.

На заводахъ Урала, принадлежавшихъ когда-то, почти безъ исключенія, двумъ-тремъ лицамъ, существуютъ еще до сихъ поръ, тамъ, гдѣ ихъ не разорили, барскіе дома, остатки прежняго величія.

Если такой домъ не отданъ на жильѣ управителю, не

обращенъ въ помѣщеніе для рабочихъ, не развалился, то онъ стоитъ почти всегда запертымъ, если не заколоченнымъ.

Собственники заводовъ не бываютъ на Уралѣ. Для чего имъ домъ?

Помѣщенія эти хранятъ слѣды прошлаго, даже предпрошлаго вѣка. Старыя картины, бронзы, мебель, библиотеки, опять-таки тамъ, гдѣ онѣ не разворованы, свидѣтельствуютъ о совершенно другихъ временахъ, вкусахъ и средствахъ.

Для того, чтобы рельефнѣе, рѣзче выдвинуть лицо, командированное на заводъ княгинею Бирскою, не лишнимъ будетъ познакомиться съ личностью самой княгини, съ которою впоследствии намъ непременно придется встрѣтиться въ разсказѣ.

Княгиня Бирская, Софья Алексѣевна, собственница завода, была женщиною замѣчательной семьи и замѣчательнаго рода.

Родъ этотъ былъ не изъ самыхъ древнихъ и княжескій титулъ получилъ «по грамотѣ». Несмотря на сравнительную юность свою, онъ далъ нѣсколькихъ министровъ и одного порядочнаго боевого генерала.

Официальная генеалогія его была менѣе любопытна, чѣмъ медицинская: въ теченіе четырехъ поколѣній въ немъ было одиннадцать сумасшедшихъ.

Четырехъ сыновей своихъ похоронила старуха-княгиня къ тому времени, какъ мы встрѣчаемъ ее въ нашемъ разсказѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, одна за другой, слѣдовали эти смерти: лучшая была—разрывъ сердца; хуже умеръ младшій сынъ ея—онъ утонулъ; два оставшихся кончили сумасшествіемъ...

Какъ ни въ чемъ не бывало, вынесла княгиня эти удары судьбы: легкій румянецъ покрывалъ ея исхудалыя, семи-

десятилѣтнія щекп; ровная, никогда не сбѣгавшая съ лица ея полуулыбка, полугримаса отличала ее всегда и вездѣ; высокій ростъ, сановитость, самая глубокая гордость, то-есть такая, которая даетъ знать о себѣ только послѣдствіями оскорбленія этой гордости, а никакъ не въ моментъ ея пораженія, были ея отличительными качествами.

Будь въ этой женщинѣ сколько-нибудь сердца, про нее можно было бы сказать, что это дубъ, устоявшій въ буряхъ!

Холодомъ, сильнымъ холодомъ вѣяло отъ всей этой сановитой особы, и, если бы у насъ любили вальтерскоттовскія краски описаній, если бы онѣ не были намъ совершенно чужды, то, говоря о ней, пришлось бы, пожалуй, забѣжать въ фантастику, некромантію, бѣсовщину!

Для объясненія этой мысли слѣдуетъ припомнить довольно печальную исторію ея воспитанницы.

Когда сыновья ея были давно внѣ дома и совершали свои карьеры по пути къ сумасшествію и потопленію, она взяла къ себѣ, какъ необходимую мебель, какую-то сироту.

Сирота выросла и была выдана ею замужъ.

Въ настоящее время это маніакъ своего рода. Кому неизвѣстно, что она видитъ воочію всѣхъ только-что умершихъ своихъ знакомыхъ: они проходятъ мимо нея, даютъ знать о своей смерти.

Не далѣе какъ годъ тому назадъ, эта бѣдная женщина, легши спать и погасивъ свѣчу, явственно различила написанныя противъ нея въ ногахъ кровати, золотыми буквами, три слова: «скарлатина, скарлатина, скарлатина!»

— *Il n'y aura que trois*,—проговорилъ при этомъ чей-то голосъ, замѣтите: по-французски.

И вправду: на утро въ верхней квартирѣ дома заболѣлъ скарлатиною ребенокъ; къ вечеру другой—внизу; третій—на третій день—у кучера. Всѣ трое умерли.

И такихъ исторій много, и онѣ не сочинены: эти мертвецы и эти буквы дѣйствительно бываютъ видны бывшею воспитанницею княгини...

Но сколько же нужно было холода и отравы въ той атмосферѣ, въ которой росла, подлѣ княгини, бѣдная дѣвочка, чтобы толкнуть ее въ міръ галлюцинацій; сколько должна она была видѣть и слышать мрачныхъ дѣяній, семейныхъ ужасовъ и дурныхъ людей, чтобы вообразить въ себѣ это странное общеніе со смертію!

А могучіи дубъ, княгиня Бирская, продолжала существовать въ почтенной зелени своихъ геральдическихъ вѣтвей.

Доходы княгини были громадны: богатый заводъ, который мы видѣли, составлялъ весьма небольшую частицу ея состоянія; и отъ нея-то посланъ былъ, для его осмотра, докторъ Фирсъ Константиновичъ Дерамовъ.

Трудно представить себѣ человѣка болѣе противоположнаго княгинѣ, чѣмъ былъ этотъ докторъ.

Въ длинной и мрачной драмѣ пышнаго существованія княгини докторъ игралъ ту же роль, какую играли умные шуты въ трагедіяхъ Шекспира.

Княгиня точно отдыхала въ его обществѣ.

Сынъ одного изъ безгласныхъ нахлѣбниковъ отца ея мужа, дальняго родственника, весь свой вѣкъ состоявшаго при семьѣ Бирскихъ, Фирсъ Константиновичъ былъ, такъ сказать, членомъ послѣдняго поколѣнія этой семьи. Онъ былъ воспитанъ на ея счетъ и предназначенъ съ раннихъ лѣтъ на карьеру доктора.

Княгиня, еще задолго до того, какъ стала Бирскою, въ молодые годы, будучи дѣвушкою, встрѣчала у ниль, въ будущемъ своемъ домѣ, этого бѣлокураго, кудряваго мальчика, весьма юркаго, прыткаго, смѣшливаго, веселаго.

Ставъ княгинею Бирскою и, со временемъ, главою дома,

она заполучила доктора одновременно съ состояніемъ и, что совершенно понятно, увидѣла въ немъ свою опору, своего блжайшаго совѣтника.

— Фирсъ Константиновичъ,—говаривала она иногда, въ самыя тяжелыя минуты жизни:—не сдѣлать ли какого-либо добраго дѣла?

И у Фирса Константиновича была всегда наготовѣ масса кандидатовъ, цѣлая коллекція людей, пригодныхъ для больницы и богадѣльни, для пенсій и единовременныхъ пособій, жаждущихъ того, чтобы ожить душою и тѣломъ, благодаря могучему предстательству—«словечку» княгини.

И сколько такихъ «словечекъ» вызвалъ къ жизни—и къ какой жизни—Фирсъ Константиновичъ!

Случалось иногда, что въ существованіи княгини проходитъ періодъ затишья, сравнительнаго счастья; нѣтъ никакой надежды на то, что она спроситъ у него «добраго дѣла», а между тѣмъ помощь нужна, нужна немедленно...

Тогда докторъ прибѣгалъ къ различнымъ стратагемамъ: притворится злымъ, желчнымъ, язвительнымъ; начнетъ увѣрять, что всѣ люди мерзавцы, что нѣтъ честныхъ во-все, что дѣлать добро—значить поощрять тунеядцевъ и прочее.

Эту стратагему умная княгиня знала:

— Сколько вамъ нужно денегъ, или за кого нужно хлопотать?—спрашивала она, смѣясь.

Или придутъ къ княгинѣ сказать, что докторъ боленъ.

— Въ аптеку посылали?—спроситъ княгиня.

— Посылали-съ.

— Это значитъ,—соображала умница-княгиня,—что мой докторъ, совершенно не признающій медицины, особенно въ важныхъ случаяхъ, совершенно здоровъ.

«Что вамъ нужно?»—писала она ему въ записочкѣ, безъ

подписи, иногда не сейчасъ, а по прошествіи нѣсколькихъ часовъ или дней—для показанія характера, какъ она думала.

Послѣ такой записки докторъ являлся немедленно, и доброе дѣло было сдѣлано.

Стратagemъ, подобныхъ этимъ, было у доктора mille etre—и самыхъ разнообразныхъ!

Квартиру имѣлъ докторъ въ домѣ княгини: это было единственное, чѣмъ онъ пользовался, и то не даромъ, потому что лѣчилъ всѣхъ ея домашнихъ и ее.

Ему было шестьдесятъ лѣтъ отъ роду въ тотъ моментъ, когда мы съ нимъ встрѣчаемся. Вѣрный принципу—не принимать никакихъ лѣкарствъ, онъ былъ здоровъ, какъ волъ, и пріѣхалъ на Ураль, зимою, какъ ни въ чемъ не бывало—бодрымъ и свѣжимъ.

Замѣтимъ къ слову, что Фирсъ Константиновичъ былъ словоохотливъ, быстръ на реплики, чрезвычайно уменъ и начитанъ.

IV.

Сообщенное Пуславину извѣстіе о необходимости приготовить барскій домъ сообщило ему и имя посѣтителя.

Кто же изъ служившихъ въ вѣдомствѣ княгини не зналъ доктора Фирса и его всеильнаго значенія?

Можно себѣ представить поднявшуюся суматоху.

Пріятнѣе всего, и непосредственно вслѣдъ за его полученіемъ, отразилось это извѣстіе на Еленѣ.

Викторъ Викторовичъ былъ какъ громомъ пораженъ имъ. Онъ зналъ очень хорошо, что такое близкое лицо и въ такую пору не командировается безъ серьезной причины.

Значить, что-нибудь провѣдали! А провѣдать было что: уже одинъ уголь расцѣпывался вовсе не по настоящей стоимости, и это была дѣйствительно самая черная галлю-

цинація изъ всѣхъ возникавшихъ. Затѣмъ слѣдовали: счета рабочихъ, различные выводы въ расходъ, несправленная плотина, значившаяся исправленною, и многое другое.

Но черная галлюцинація угля покрывала собою всѣ остальные:

«Что касается до плотины, — думалъ Викторъ Викторовичъ, — то теперь слишкомъ глубокой снѣгъ — не доберешься... Рабочіе—ну, это народъ кроткій, несмѣлый... Вотъ Климъ Кузымчъ—это другое дѣло! Положимъ, онъ всего не знаетъ, но вѣдь привезетъ же съ собою докторъ кого-нибудь, непременно привезетъ!.. Да ужъ не онъ ли причина?..»

И черная галлюцинація угля возникала съ новою силою, и обликъ Елены заволакивался чернымъ флеромъ, тянувшимся отъ нея...

Но, помимо этого заволакиванія, султанскіе помыслы Пуславина за послѣднюю недѣлю, съ перваго дня пребыванія гувернантки, были и безъ того немножко расшатаны.

Если допустить сравненіе Виктора Викторовича въ его вожделѣніяхъ съ молніею, то молнія эта очутилась въ странномъ недоумѣніи: по которому изъ двухъ громоотводовъ, поставленныхъ на аршинъ разстоянія одинъ отъ другого, ей скатиться?

Самоувѣренная молнія была твердо убѣждена въ томъ, что по одному изъ громоотводовъ она должна скатиться!

Елена... Это было совсѣмъ не такъ просто и удобно. Положимъ, что со стороны жены особеннаго противорѣчія не будетъ, да и быть не можетъ: во-первыхъ, по ея характеру, во-вторыхъ, потому, что предохранительный клапанъ съ этой стороны—и это очень хорошо уяснилъ себѣ Викторъ Викторовичъ—уже отчасти открылся: это тѣ лишнія рюмки водки жены, которыя были замѣчены Таринскою въ первый вечеръ ея пріѣзда.

Гувернантка!... Тутъ, напротивъ того, никакого посягательства на священнѣйшія основы общества не будетъ; тутъ, пожалуй даже, во вниманіе къ дѣтямъ, ну, для бѣльшей энергіи въ педагогіи, что ли, можно особеннымъ образомъ привязать гувернантку...

Викторъ Викторовичъ даже улыбнулся этой мысли, когда она, Богъ вѣсть почему, сама собою впервые промелькнула въ немъ.

Онъ началъ особенно тщательно, молча, со стороны, съ особенною боязнью, наблюдать за Лидіею Михайловною...

Высокій ростъ, развитыя формы... Елена хуже...

Глаза,— глаза обѣщаютъ многое: они съ поволокой! Эти глаза несомнѣнно кое-что впадали! «Въ мои годы,—думалъ Пуславинъ,— это будетъ даже лучше».

Что въ выразительныхъ глазахъ дѣйствительно остается нѣкоторый слѣдъ того, что они видѣли, или, правильнѣе, того, что они выразили когда-то, видѣвъ что-то и психизавъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

Замѣтимъ кстати, что послѣднее заключеніе Виктора Викторовича о гувернанткѣ было взято не совсѣмъ съ вѣтру: день спустя послѣ полученія извѣстія о пріѣздѣ доктора Фирса, онъ получилъ письмо и отъ того пріятеля, который пріискалъ ему гувернантку. Въ немъ значилось, между прочимъ, слѣдующее:

«Зная тебя, я выбралъ именно эту: помимо воспитательницы, она можетъ быть и кое-чѣмъ другимъ. Имѣю на это несомнѣнныя свѣдѣнія».

Дальнѣйшій планъ дѣйствія былъ рѣшенъ Пуславинымъ въ принципѣ: Елена пока въ сторону, но до отъѣзда доктора Фирса—никакихъ измѣненій, никакихъ подходовъ.

Прежде всего устроить, приготовить домъ.

Пошла чистка.

Съ завода взяты были всѣ самые ловкіе мастера для снятія чехловъ, обтиранія пыли, установки мебели.

Странное впечатлѣніе производили въ заводѣ открывшіяся двери главнаго подъѣзда и свѣтъ въ окнахъ по вечерамъ.

Цѣлыя поколѣнія рабочихъ родились, выросли и отошли въ могилы, а двери эти никогда не открывались; окна не освѣщались.

Никакой легенды въ родѣ «Корневильскихъ колоколовъ» на сумрачномъ Уралѣ по поводу этого дома не сложилось, но нѣкоторое странное чувство къ нему — не то страхъ, не то нелюбовь — были въ сердцахъ мѣстныхъ жителей очень ясны.

Да и скажите, пожалуйста, можетъ ли не производить впечатлѣнія постоянно торчащее передъ глазами сознаніе, что вотъ тутъ должны были бы жить и одухотворять эти каменные массы стѣны тѣ таинственные люди-мѣны, на пользу которыхъ не одинъ вѣкъ kloпочутъ печи, гибнуть лѣса, нарождаются и проходятъ цѣлыя поколѣнія людей.

Но ихъ нѣтъ, этихъ многочисленныхъ людей. Имъ тепло и хорошо гдѣ-то дальше—тамъ, откуда всѣ лучи, всѣ блаженства, а тутъ только—трудъ, работа, нужда...

И вдругъ—чудо! Этотъ домъ отворился, освѣтился!

Стали отворяться, будто улѣтки, и сердца людскія на заводѣ: говору, догадкамъ, надеждамъ и страхамъ не было конца.

Домъ быстро прибирался, чистился, подкрашивался; на окнахъ зазеленѣли даже цвѣты; задымилась трубы.

Въ назначенный день, къ полудню, дѣйствительно подкатила къ подъѣзду дома новая, казанской работы, крытая кожей, кибитка, и докторъ Фирсъ Константиновичъ, въ сопровожденіи какого-то господина, очень быстро вышелъ изъ нея и поздоровался съ Пуславинымъ, ожидавшимъ его на подъѣздѣ: верховые дали знать ему о прибытіи гостя.

Съ остальными властями завода познакомился докторъ тотчасъ же въ комнатахъ.

Викторъ Викторовичъ и его сослуживцы не могли не замѣтить, что на козлахъ тарантаса сидѣлъ ямщикомъ самъ нѣмецъ со станціи Пожновской, задерживавшій всѣхъ, направлявшихся къ заводу.

Многіе улыбнулись этому, понявъ смыслъ.

V.

Мы уже имѣли случай замѣтить дважды объ излишнихъ рюмкахъ водки, выпиваемыхъ Марьею Сергѣевною.

Это были не простыя рюмки, а—рюмки со смысломъ.

Положеніе жены, за одною изъ дочерей которой ухаживаетъ мужъ, не то чтобы совсѣмъ обыкновенное положеніе.

Весь вопросъ, конечно, въ томъ, какъ кто смотритъ на жизнь и ея задачи. Положеніе самое трагическое не можетъ ни сложиться, ни устоять, несмотря на всѣ данныя, если личности, въ него попадающія, неспособны къ трагизму или не хотятъ его.

Самые острые кризисы могутъ, нппочемъ, разрѣшиться въ ничто, даже въ веселое, карикатурное, если имъ захотятъ и сумѣютъ дать желаемое направленіе.

Марья Сергѣевна въ моментъ нашего знакомства съ нею представляла изъ себя развалину того, чѣмъ она была прежде.

Она родилась на Уралѣ, въ одномъ изъ устраивавшихся заводовъ, въ тѣ далекіе годы, когда горное вѣдомство представляло изъ себя *status in statu*.

Пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, приближавшихъ Уралъ къ столицѣ, не было и въ поминѣ, и высшія горныя власти владѣли всѣмъ рѣшительно, даже юрисдикціею края, чуть не чеканили—да и чеканили—монету.

Правительство исходило отъ той простой мысли, что, такъ

какъ руда вообще и золото въ особенности—вся суть, весь смыслъ, вся причина существованія Урала, то и надо отдать горное горнымъ.

Горныя власти не только чинили судъ и расправу, но имѣли даже свои военныя команды, свою полицію.

Это былъ темный, своеобразный, заколдованный кругъ, попасть въ который извнѣ представлялось невозможностью. Тамъ люди толклись и ронились одни съ другими на всѣхъ ступеняхъ; все это были родственники и все это покрывало другъ друга, такъ что всякая ревизія, всякій контроль становились нелѣпостью; муравейникъ заѣдалъ всякаго не муравья, попадавшего къ нимъ.

Бывало такъ: какой-нибудь высшій начальникъ назывался Петровымъ; второй былъ тоже Петровымъ—его братомъ; третій оказывался двоюроднымъ братомъ одного изъ нихъ; четвертый—шуриномъ другого, и такъ далѣе внизъ до кочегара, который оказывался незаконнымъ сыномъ двухъ старшихъ!

Связь, какъ видите, очень крѣпкая.

Подъ этою густою, сбитою какъ когутъ, сѣтью замкнутыхъ родственныхъ, матримоніальныхъ отношеній гнѣздились и росли злоупотребленія неслыханныя, кражи колоссальныя, насилія невозможныя, такъ-такъ и сгинувшія безнаказанно навсегда...

Всякій отдѣльный начальникъ былъ деспотомъ у себя въ полномъ смыслѣ этого слова, и надъ нимъ только — свой судъ, своя расправа!

Долгое, очень долгое время, чуть ли не съ Петра Великаго, горный міръ, хозяйничавшій на всемъ Уралѣ, отъ горы Благодати до Міасса и далѣе на востокъ, по руднымъ богатствамъ Сибири, былъ главнымъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, единственнымъ представителемъ русской интеллигенціи.

Мы говоримъ единственнымъ потому, что было время, когда, сильное петербургскими заручками, горное вѣдомство заправляло краемъ. Не было учителя, не было священника, не было чина полиціи, который бы назначался иначе, какъ вдоль и поперекъ изслѣдованный сквозь призму горныхъ интересовъ.

Татары, мордва, черемисы, башкиры, цѣлыми столѣтіями мирно гнѣздившіеся на своихъ мѣстахъ, скоро почувяли на себѣ всю сладость интеллигенціи, шествовавшей съ запада, въ безчисленныхъ облицахъ такихъ застрѣльщиковъ, какимъ былъ Викторъ Викторовичъ.

Назидательно было бы вселиться, хотя временно, въ мышленіе какого-нибудь чуваша или башкира, созерцающаго то, что онъ видитъ передъ собою, и оцѣнивающаго на основаніи своихъ традицій!

Не хорошо, очень не хорошо!—такъ долженъ онъ думать.

А подѣлать ничего нельзя: застрѣльщики валомъ валять—за ними сила...

Культиивированіе востока? какая задача и какими людьми?

Вспомните казнь иркутскаго вице-губернатора Жолобова и прочтите о ней въ полномъ собраніи законовъ.

Вспомните губернатора Тюфяева.

Все это были застрѣльщики интеллигенціи, по которымъ востокъ знакомился съ нами!

Все это были единицы, но горный міръ былъ фалангою, покрытою тысячами щитовъ, и вотъ у одного-то изъ центуріоновъ этой фаланги родилась и поведена была въ жизнь Марья Сергѣевна Пуславина.

Жизнь сломала ее чрезвычайно скоро. Первый мужъ ея, тоже центуріонъ, былъ неизвѣстно кѣмъ застрѣленъ при возвращеніи его съ работы. Тогда были еще въ ходу работы каторжниковъ, и отъ поры до времени, въ глухомъ

молчаніи хмураго Урала, просвистывала пуля и тявкала ножъ, рѣдко не достигая своихъ назначеній.

Жена осталась съ двумя дочерьми и сыномъ.

Сынъ былъ ея надеждою и радостью; судьба не хотѣла сохранить его: укушенный бѣшеною собакою, мальчикъ, два года спустя, умеръ въ припадкѣ бѣшенства, связанный по рукамъ и ногамъ, весь облитый пѣною.

За эти два года мать видимо зачахла.

Такъ какъ она приходилась родною племянницею главному начальнику всѣхъ уральскихъ заводовъ, то начальникъ этотъ порѣшилъ дать Пуславину весьма хорошее мѣсто, если онъ на этой вдовствующей племянницѣ женится.

Женился Пуславинъ; но скоро умеръ начальникъ: мѣста онъ не получилъ и обратился къ частной службѣ, на которой мы его и застаемъ...

Ну, что пришлось испытать Марьѣ Сергѣевнѣ за нѣсколько лѣтъ второго брака, объ этомъ лучше говорить не будемъ...

Въ моментъ нашей встрѣчи съ нею она не болѣе какъ развалина.

Отношенія мужа къ Еленѣ были послѣднимъ гвоздемъ ея медленно заколачиваемаго гроба...

Она только молчала и смотрѣла: больная, безсловная, забитая, съ отеками на лицѣ и синеватыми погьями на пальцахъ рукъ...

У старшей дочери, Елизаветы, было нѣсколько характерныхъ чертъ: она за словами въ карманъ не лѣзла; была полна той «ноншалантности», которая лѣтъ десять тому назадъ сказала на нашихъ дѣвушкахъ, и считала себя свободною отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Но Елизавета насъ особенно интересовать не будетъ.

Другое дѣло съ Еленою.

Отношенія ея къ Пуславину или, лучше сказать, упра-

вленіе этимъ отношеніями, было крайне трудною задачею, поставленною ей жизнью на первыхъ же порахъ, такъ какъ порвать ихъ она могла...

Далеко не изъ тѣхъ дѣвушекъ, въ которыхъ не хватило бы характера отбросить отъ себя на приличное разстояніе человѣка подобнаго Пуславину. Елена ненавидѣла его до глубины души и, тѣмъ не менѣе, дѣлала видъ будто не лишена расположенія!

Она могла бы уйти изъ дому, могла бы выйти замужъ...

Но — что будетъ тогда съ матерью? Да и долго ли жить матерп: худоба, блѣдность, отеки лица. вѣчное молчаніе...

Нѣтъ, она матери не бросить, не должна...

Она замѣчала очень хорошо, что обращеніе Виктора Викторовича съ нею находилось въ прямой зависимости отъ обращенія съ нимъ Елены...

Планъ былъ составленъ.

Она будетъ томить его, томить до безконечности!.. Должно же, наконецъ, вмѣшаться время и сдѣлать что-нибудь... умереть мать... она непременно умереть, скоро, очень скоро... «О! съ какою злобою скажу я ему тогда,—думала Елена,—подлѣ тѣла матери скажу, что чувствую! какъ мучительно презираю... а до тѣхъ поръ—улыбка, доброта, предупредительность...»

И она съ умѣніемъ удивительнымъ вела Виктора Викторовича... вотъ уже полтора года...

И матерп было легче...

Не трудно объяснить и одну изъ причинъ, почему не любила Елена встрѣченнаго напъ Кппма Кузьмпча: человѣкъ этотъ былъ способенъ серьезно предполагать, что она расположена къ Пуславину... Какой стыдъ и какая глупость!

Что касается до Марьи Сергѣевны, то она боялась уяснять себѣ что-либо въ слагавшихся отношеніяхъ. Она

думала только обрывками мыслей, понимала тупо, болѣзненно... Лишняя рюмка водки обуславливала сонливость, померканіе мыслп, и это ей нравилось. это было ей нужно.

Сестра Елены, свободная отъ предразсудковъ, какъ п подобало, дѣлала видъ, что ровно ничего не замѣчаетъ отъносительно папаши. Это пріемъ чрезвычайно простой и удобный...

На слѣдующій день послѣ пріѣзда доктора, Марья Сергѣевна, вставъ отъ обѣда, прошла въ свою комнату: маленькіе карапузы-сыновья, поднимали такой гвалтъ, что хоть святыхъ вонъ выноси.

Елена послѣдовала за нею.

Викторъ Викторовичъ обѣдалъ въ этотъ день со всѣми служащими у доктора. и на скорое возвращеніе его разсчитывать было нельзя. Скажемъ къ слову, что этотъ обѣдъ былъ хорошиимъ тактическимъ пріемомъ, дебютомъ доктора. Обыкновенно обѣдомъ угощаютъ пріѣзжаго. Тутъ было наоборотъ и объяснено, между прочимъ, что докторъ самъ нигдѣ, кромѣ своего дома, никогда не обѣдаетъ.

Пріѣздъ доктора и ожидаемыя послѣдствія этого пріѣзда подѣйствовали на Марью Сергѣевну настолько сильно, что, пользуясь отсутствіемъ мужа, она выпила лишнюю рюмку— для притупленія расходившихся нервовъ.

Елена, слѣдовавшая за нею въ трехъ шагахъ, видѣла, какъ шла мать ея, слегка покачиваясь, и какъ, войдя въ спальню и добравшись до кресла, тяжело опустилась въ него и закрыла глаза.

Елена вернулась къ двери. заперла ее на задвижку и взглянула на мать. Она сидѣла передъ нею въ розовыхъ сумеркахъ приближавшагося вечера совершеннымъ трупомъ: ни кровинки не сказывалось въ этомъ неподвижномъ лицѣ; руки покоились на ручкахъ кресла; ноги остались неподогнутыми.

Мертвецъ!

Елена быстро подошла, ощупала голову, руку, сердце...
Нѣтъ, жива.

Взявъ съ комода одеколону, она натерла ей виски.

— Что это, что съ тобою? — проговорила Марья Сергѣевна, придя въ себя:—я не больна! что съ тобою?

— Знаю, мамаша,—отвѣтила Елена:—я только такъ...

— Знаешь что, Елена, мнѣ страшно за Виктора Викторовича,—почти прошептала Марья Сергѣевна:—этогъ приѣздъ доктора не къ добру.

— Нѣтъ, мамаша, говорятъ, что докторъ такой добрый...

Марья Сергѣевна ничего не отвѣтила, но пожала ей руку.

— Мамаша!

— Что?

— Милая мамаша! вы меня любите?

— Тебя? тебя!

— И вы обо мнѣ ничего дурного не думаете?.. вы понимаете меня, мамаша?

— Понимаю... — отвѣтила больная протяжно, какъ бы обдумывая отвѣтъ въ то самое время, когда она его уже давала. Легкія морщинки пробѣжали по ея лбу; глаза глядѣли неподвижно въ одну точку.

— Вы понимаете, почему я такъ держу себя относительно него?

Мать оставалась погруженною въ думу.

Это длилось нѣсколько секундъ: затѣмъ она, точно сообразила что-то, опомнилась и захотѣла притянуть къ себѣ Елену; слабыя руки ея нѣсколько разъ скользнули по ней, наконецъ-таки уцѣпились и пригнули...

Въ три ручья хлынули слезы изъ глазъ Марьи Сергѣевны.

Елена наклонилась къ ней, но готова была отшатнуться—такъ сильно пахло отъ матери водкою.

— О! не цѣлуй меня, не цѣлуй! — быстро проговорила Марья Сергѣевна.—Я знаю, знаю... Это водкой пахнет!

Минуты три спустя, Елена вышла изъ комнаты на цыпочкахъ: мать заснула.

VI.

Заводъ княгини Бирской былъ сталелитейный и желѣзодѣлательный, но, кромѣ того, тутъ же имѣлись и золотые промыслы.

— Пожалуйста, на золото, на золото обратьте вниманіе,—сказала княгиня доктору въ моментъ прощанія.

Эти слова были очень характерны: промыслы были далеко не богаты и давали никакъ не болѣе какой-нибудь двадцатой части дохода желѣзнаго производства.

Но какъ вы хотите?—вѣдь это золото, и это такъ естественно.

Маленькій человѣчекъ, Петръ Петровичъ Сытовъ, взятый изъ Петербурга, объяснилъ доктору, что этому желанію графини удовлетворить вполнѣ нельзя, такъ какъ розсыпи разрабатываются только лѣтомъ, но что кое-что по книгамъ и справкамъ уяснить удастся.

И маленький человѣчекъ зарылся въ счеты и книги, и на заводѣ сразу поняли, что въ концѣ концовъ суть будетъ, все-таки, въ немъ.

Фирсу Константиновичу начали показывать все.

Водили день, водили другой. Старикъ умаялся.

Въ школѣ дѣти пропѣли гимнъ; въ богадѣльнѣ показаны ему были работы старушекъ, сложенные въ шкапы, подъ номерами; въ госпиталѣ обращено было его вниманіе на статистическія изслѣдованія, пополняемыя самымъ аккуратнымъ образомъ вотъ уже тридцать лѣтъ.

Изъ всѣхъ заводскихъ производствъ старику, съ эстетической точки зрѣнія, болѣе прочихъ понравилось рельсовое,

въ особенности ночная работа: эти раскачиваемыя на цѣпяхъ огненные змѣи раскаленныхъ рельсовъ, втягиваемыхъ въ себя вальками; эти дышавшія пламенемъ печи, въ которыхъ накаливались толстыя, неуклюжіе пакеты, изъ которыхъ потянутся рельсы; этотъ блестящій фейерверкъ вертящихся по кругу искръ при обрѣзываніи пунцовыхъ полосъ; стонъ, грохотъ, визгъ, стукъ, шипѣніе и всевозможныя оттѣнки огня—отъ погасающаго угля до бѣлаго каленья во мракѣ ночи, — все это было и ново для него, и красиво.

Прямо противоположное чувство испыталъ онъ на такъ-называемомъ запасномъ дворѣ, но только это было не ночью, а днемъ. Подъ пушпстыми, мѣстами нависавшими, мѣстами оборванными, подушками уральскихъ снѣговъ покоились всякіе заводскіе хламы. Отслужившіе службу котлы, треснувшія трубы, чудовищныя маховыя колеса, всякіе шестерни и грохоты, согнутыя и поломанныя осп и стружки, колоссальныя валы, полуразобранныя машины, зубцы, острія, цѣпи,—все это, въ какомъ-то хаотическомъ безпорядкѣ, одно поверхъ другого, въ ржавчинѣ и плѣсени, почивало, молчало...

Викторъ Викторовичъ, повсюду сопровождавшій доктора, изъ себя выходилъ, объясняя ему то или другое.

Докторъ, казалось, былъ совершенно доволенъ: онъ признавалъ, что многое содержится дѣйствительно въ порядкѣ.

Отчетность по магазинамъ была примѣрная. Такъ, въ одномъ изъ нихъ Фирсъ Константиновичъ, взявъ вѣдомость и прочтя въ ней, что товаровъ должно быть на лпцо 222 штуки, приказалъ при себѣ сосчитать ихъ—оказалось 222; въ другомъ отдѣленіи провѣрена была налпчность нашатыря—точъ- въ -точъ; въ третьемъ взвѣшенъ одинъ изъ штабелей свинца—на тысячу слишкомъ пудовъ оказалось разницъ нѣсколько фунтовъ!

Чего же лучше? чѣмъ не порядокъ?

И такъ удачно шло это безъ малаго двѣ недѣли.

Молчалъ только маленькій человѣчекъ, статскій адъютантъ Фирса Константиновича, пока что не подававшій голоса.

Далеко за полночь горѣли въ его комнатѣ свѣчи; онъ спдѣлъ, обложенный вѣдомостями, и то и дѣло щелкалъ пальцемъ по счетамъ, провѣряя, сравнивая, отбрасывая, прикладывая...

За эти двѣ недѣли перезнакомился Фирсъ Константиновичъ съ семейю Пуславина.

Елизавета ему не понравилась; Елена пришлось по сердцу, и съ нею калякалъ онъ болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо.

Тишина и благодушіе, съ которыми совершалась ревизія, возвратили доктору его обычное расположеніе духа; онъ даже отступился отъ исключительной официальнойности своего положенія и обѣдалъ у Пуславина.

Болѣзнь Марьи Сергѣевны заинтересовала его.

— Скажите,—спрашивалъ онъ Виктора Викторовича:— эта видимая апатія всего организма вашей жены, давно она длится?

— Да-съ, давно!...—За отвѣтомъ слѣдовалъ вздохъ.

— Но какія были первыя причины? Не было ли чего-нибудь такого особеннаго, во время беременности, что ли?

— Нѣтъ, Фирсъ Константиновичъ...

— Вы что-то, какъ будто, скрываете? Вѣдь я могу вамъ быть полезенъ! скажите... скажите прямо! Насколько я вижу, вы человѣкъ весьма обстоятельный, дѣло идетъ у васъ хорошо ..

— Благодарю васъ!

— Ну, говорите...

— Это... это трудно сказать вамъ... Это горе моей семьи... Это моя такая печаль, такая, что если бы не дѣти, увѣрю васъ, я бы не задумался...

— Чтò же это такое?— спросилъ крайне заинтересованный докторъ.

Послѣдовало коротенькое молчаніе.

— Она — пьеть! — проговорилъ вполголоса Пуславинъ.— Но только вы, ради Бога, докторъ, не дѣлайте виду, что знаете: это убьетъ ее!

— Бѣдная!

Докторъ протянулъ Виктору Викторовичу руку и сжалъ ее.

Этотъ разговоръ происходилъ часу въ седьмомъ вечера въ кабинетѣ доктора.

Пуславинъ скоро послѣ того раскланялся и пошелъ домой.

Онъ былъ удивительно доволенъ собой и необыкновенно счастливъ, даже веселъ. Ревизія шла дѣйствительно удачно; онъ успѣлъ перевести доктора въ область совсѣмъ не официальныхъ, а интимныхъ разговоровъ.

Докторъ, наоборотъ, пзъ человѣка вовсе незаинтересованнаго въ судьбѣ Пуславина, совершенно къ нему холоднаго, скорѣе предубѣжденнаго, почувствовалъ къ нему даже значительную долю жалости, такъ какъ посылка ревизіи на заводъ была, во всякомъ случаѣ, знакомъ недо-вѣрія—могла обидѣть.

Оба они ошибались въ своихъ заключеніяхъ; ошибались такъ, какъ ошибается природа, создавая литейщика Обойщика и обойщика Литейщикова; почему бы, казалось, не наоборотъ поступать природѣ? Тогда было бы совершенно правильно: докторъ—одураченный, Пуславинъ—ублагодотворенный!

Въ Викторѣ Викторовичѣ, по мѣрѣ его успокоенія, начиналъ, мало-по-малу, воскресать временно убитый въ немъ человѣкъ: онъ тотчасъ же, непосредственно вслѣдъ за описанною нами интимною бесѣдою съ докторомъ, задумалъ продолжать свои сравнительныя штудіи относительно гвернантки и Елены.

«Вѣдь уѣдетъ же, наконецъ, докторъ, — подумалъ онъ, — и уѣдетъ скоро; тогда нужно будетъ на что-нибудь рѣшиться! Зачѣмъ терять время!»

Въ громадномъ домѣ управителя имѣлась обширная, крытая стекломъ галлерей, обращенная къ саду, представлявшая изъ себя зимнюю оранжерею.

Галлерей эта находилась на исключительномъ попеченіи Елизаветы, любительницы естественныхъ наукъ. Со времени пріѣзда гувернантки, она, тоже любившая цвѣты, раздѣляла трудъ ея.

Изъ двухъ сестеръ одна только Елизавета почувствовала значительное расположеніе къ Лидіи Михайловнѣ. Красивая Елизавета относилась, по натурѣ своей, къ тому довольно обыкновенному типу дѣвушекъ, которыя, сознавая, что безобразіе ихъ будетъ служить имъ великою помѣхою въ жизни и что имъ не удастся попользоваться лакомствомъ запрещеннаго плода въ натурѣ, — жадно бросаются на пользованіе имъ въ словахъ, разсказахъ, чтеніи. Отсюда ихъ склонность къ подсматриваніямъ, къ выслушиванію извѣстнаго рода сплетень, къ собираніямъ спеціальныхъ свѣдѣній, къ пріямымъ разговорамъ.

За все то время, какъ Елизавета достигла совершеннолѣтія, и даже гораздо ранѣе того, не было скандальной хроники на заводѣ или на Уралѣ, которой бы она не знала подробно прочихъ.

Она была чрезвычайно худа, обладала громаднымъ ртомъ съ большими зубами, выдававшимися на манеръ рѣзцовъ лошади, свѣтлыми волосами, обыкновенно не въ мѣру поднятыми.

Когда какой-нибудь карикатуристъ въ сатприческомъ листкѣ задается мыслью изобразить особу женскаго типа, несимпатичную, похожую на орангутанга, онъ, самъ того не зная, рисуетъ ея портретъ.

Съ Еленою было совсѣмъ иначе.

Дѣвушки типа противоположнаго, какимъ была Елена, наоборотъ, чуждаются, гнушаются всякихъ пряныхъ, чувственныхъ разсказовъ и исторій.

Въ чистомъ и прелестномъ сознаніи своей красоты, въ справедливомъ предвидѣніи того, что отъ нихъ неминуемо загорится, вспыхнетъ пламенемъ чья-либо любовь, что онѣ не будутъ искать, что ихъ сыщутъ, онѣ боятся сферы любви и, въ особенности, ея тѣневыхъ, чувственныхъ сторонъ.

Понятно, что Лидія Михайловна, судя по тѣмъ отрывкамъ изъ ея дневника, съ которыми мы познакомились, была какъ бы создана въ подруги Елизаветѣ, и онѣ, дѣйствительно, очень быстро сошлись.

Галерея, о которой мы только-что упоминали, ко времени прихода Пуславина была освѣщена ярче обыкновеннаго, но въ ней нѣкого не было.

Дѣло въ томъ, что Елизавета и Лидія Михайловна условились на предстоящій вечеръ заняться обмываніемъ цвѣточныхъ листьевъ.

Для этого онѣ притащили нѣсколько лампъ, губокъ, тряпокъ, лѣстницу и нѣсколько разнообразныхъ лоханей теплой воды.

Онѣ только-что ушли укладывать спать мальчиковъ, что почему-то исполняли всегда вдвоемъ.

Лампы горѣли ярко; отъ воды въ лоханкахъ на свѣжей галлерей подымались чуть замѣтные пары; на столѣ лежала заложенная карандашомъ книжка.

Извѣстно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ.

Викторъ Викторовичъ подошелъ прямо къ книжкѣ: это было «La cigée» Зола. Заложена была знаменитая страничка описанія оранжереи, съ этими удивительными оживотвореніями цвѣтовъ и тигровую шкуру...

Нѣкоторыя, самыя рельефныя мѣста книги были нѣсколько разъ—и весьма сильно—очеркнуты карандашомъ.

Зналъ эти страницы и Викторъ Викторовичъ.

На оберточномъ листѣ романа была французская надпись: *Lydie Tarinsky*.

Вошла гувернантка, одна.

Пуславинъ, видя ее входящею, продолжалъ держать передъ собою книгу. Выходила сценка безмолвная, но многозначительная.

Хотя Лидія Михайловна за короткое время своего пребывания успѣла, въ особенности отъ Елизаветы, заручиться нѣкоторыми свѣдѣніями о Викторѣ Викторовичѣ, но, тѣмъ не менѣе, положеніе ея было довольно щекотливое.

Пуславинъ, съ своей стороны, припоминалъ письмо пріятеля: «помимо воспитательницы, она можетъ быть и кое-чѣмъ другимъ».

И такъ: впередъ, рѣшительнѣе!

— Это не вы отмѣтили эти страницы?—спросилъ онъ ее.

— Я!—отвѣтила чрезвычайно смѣло гувернантка.

— И мы здѣсь тоже въ оранжереѣ, здѣсь тоже цвѣтутъ цвѣты!..—негромко проговорилъ онъ, глядя на нее чрезвычайно пристально.

Гувернантка потупила глаза.

— Уралъ не Парижъ, конечно! и тамъ, въ романѣ, юноша, а не человѣкъ въ лѣтахъ...

— Викторъ Викторовичъ! ради Бога...

Пуславинъ стоялъ, какъ вкопанный; онъ глядѣлъ пронизательно, говорилъ тихимъ, сдержаннымъ голосомъ:

— Но мы можемъ быть въ Парижѣ,—продолжалъ онъ, не то что говоря, а шипя:—можетъ-быть, скоро, когда хотите...

Послышался шагъ; сквозь стекла галлерей видна была приближавшаяся Елизавета.

— Ни слова, въ особенности ей!—успѣлъ проговорить Пуславинъ и продолжалъ уже обыкновеннымъ голосомъ:— Сами вы читайте эту книгу, но сыновьямъ моимъ...

— А дочерямъ?—громко спросила Елизавета.

— Дочерямъ?

— Да.

— Можно, но—чтобы я не видѣлъ.

Онъ положилъ книгу на столъ и, бросивъ взглядъ на Лидію Михайловну, къ величайшему удовольствію своему замѣтилъ, что она съ удивительнымъ мастерствомъ пришла въ себя, какъ ни въ чемъ не бывало...

Въ эту минуту явился человѣкъ и доложилъ Виктору Викторовичу:

— Они въ аптеку прошли-съ!

— Кто?—спросилъ Пуславинъ, оправляясь вовсе не такъ быстро, какъ оправилась гувернантка.

— Господинъ докторъ-съ.

— Въ аптеку? Ну, хорошо, ступай, — отвѣтилъ онъ человѣку.

Человѣкъ вышелъ.

«Въ аптеку! ночью! — думалъ Пуславинъ. — Ну, ужъ я не пойду... Пускай себѣ роется тамъ насколько его душѣ угодно: касторовое масло и горчичники навѣрное имѣются!»

VII.

Человѣкъ, доложившій Пуславину, былъ правъ: Фирсъ Константиновичъ дѣйствительно отправился въ аптеку.

Понятно, что каждый шагъ его по заводу долженъ былъ быть извѣстенъ Пуславину, и для этого были приняты всѣ надлежащія мѣры.

Оставшись одинъ послѣ ухода Пуславина, Фирсъ Константиновичъ очень долго ходилъ по комнатѣ.

Сообщеніе, сдѣланное ему, расшевелило въ немъ жалость.

«И какая это глупая наука медицина!—думалъ онъ:— не имѣть въ Россіи специфическаго средства противъ пьянства! Вѣдь болѣзнь специфическая, ну, и средство надобно сыскать специфическое! Должно же быть такое средство! Глупо, ужасно глупо. Да нѣтъ ли тутъ кого-нибудь, кто бы лѣчилъ отъ пьянства?.. запахаря? Тѣфу, тѣфу! Чтò это я за глупость такую выдумалъ!»

И Фирсъ Константиновичъ дѣйствительно отплюнулся.

И онъ все ходилъ, ходилъ...

Взглянулъ въ окно: ночь лунная; посмотрѣлъ на градусникъ: пять градусовъ.

Онъ взялъ шапку, одѣлся и направился къ аптекѣ, мѣстонахожденіе которой онъ замѣтилъ.

Старика-аптекаря не было дома, а былъ одинъ изъ помощниковъ.

Приходъ доктора огорошилъ его: онъ вскочилъ на ноги, забѣгалъ за длиннымъ столомъ своимъ, какъ бы ища выхода.

— Чтò это съ вами, молодой человѣкъ? успокойтесь!..

И молодой человѣкъ успокоился: онъ стоялъ, какъ вкопанный.

— Ну, скажите вы мнѣ, пожалуйста, есть ли у васъ или *Ferrum lacticum*, или *Aether sulfuricus*.

— Это отъ анеміи-съ!—быстро затараторилъ юноша:— какъ же, есть-съ, только давнишняго заготовленія; статистическія данныя наши показываютъ, что эта болѣзнь...

— Позвольте, позвольте!—перебилъ его докторъ:—вы мнѣ лучше самые медикаменты покажите.

Юноша забѣгалъ снова и сталъ вытаскивать разныя стеклянки.

— Ну. хорошо, хорошо! довольно!... А вотъ вѣсы-то у васъ старенькіе, очень старенькіе.

— Да-съ, они у насъ не то чтобы очень вѣрны—вотъ эти вѣсы; вотъ тѣ, подъ колпакомъ, тѣ очень, очень вѣрны, а вотъ эти точно что ошибаются.

— Такъ какъ же вы дѣлаете?

— Пособляемъ-съ: привѣски дѣлаемъ-съ.

— Ну, а если бы вы вѣсы провѣрить захотѣли, что бы вы сдѣлали?

— Очень просто-съ,—отвѣтилъ юноша.—Я это вотъ такъ дѣлаю-съ: грузы положу-съ на эту и на ту чашку, потомъ-съ сниму-съ, потомъ поверну вѣсы-съ вотъ такимъ способомъ, чтобы правая чашка лѣвою стала, лѣвая—правою, и опять положу грузы—тотчасъ разница и выйдетъ.

Юноша продѣлалъ рассказываемую штуку съ вѣсами.

— Прекрасно-съ, прекрасно,—бормоталъ докторъ, соображая въ это время совсѣмъ другое.—«А что,—думалось ему,—если я ту же штуку на заводскихъ вѣсахъ въ магазинѣ продѣлаю?! Вѣдь это дѣйствительно чрезвычайно просто: для пріемки—гири на эту сторону, матеріалъ на другую, для сдачи—вернулъ вѣсы... и грузы тѣ же, и вѣсы тѣ же! а вѣдь результатъ-то совсѣмъ другой будетъ, совсѣмъ другой! И если такимъ манеромъ да сотни тысячъ пудовъ пропустишь, смотришь: не одна тысяча улетучится или въ чистой прибыли окажется... Непремѣнно испытаю, завтра же испытаю...»

Въ это время вошелъ прямо съ лѣстницы, въ поношенной шубѣ, старпчокъ-аптекарь, которому тоже было дано знать о посѣщеніи доктора.

Докторъ, увидя его, попятился...

Словно изъ далекаго-далекаго прошедшаго, сказочнымъ чудомъ преображенный, засвѣтили ему знакомыя, очень знакомыя черты!

Только что сказка сдѣлала свое: она убѣлила это юношеское лицо, сразу убѣлила...

— Оедоръ! ты!—крикнулъ докторъ.

— Я, Фирсъ Константиновичъ!

Докторъ бросился ему на шею...

Сорокъ лѣтъ—легко сказать: сорокъ лѣтъ!—легло между послѣднимъ рукопожатіемъ и этимъ братскимъ поцѣлуемъ.

Юноша-фармацевтъ стоялъ, какъ вкопанный; онъ—какъ видите—или бѣгалъ, какъ угорѣлый, или стоялъ, какъ вкопанный, и ничего не понималъ въ этомъ лобызаніи дряхлаго патрона своего, старичка, надъ которымъ всѣ подтрунивали, съ этою петербургскою силою, способною—такъ и снилось юношѣ—разнести заводъ, развѣять вагранки, разсыпать машины, скрутить, задавить самого Виктора Викторовича!

Движеніе доктора было такъ быстро, такъ удивительно просто въ основѣ,—онъ мысленно вернулся къ своей собственной молодости,—что ему не было рѣшительно времени сообразить: да не негодя ли какого обнимаетъ онъ?

Въ сорокъ лѣтъ изнегодяйничаться можно!

Къ счастью, это было не такъ. Честнымъ путемъ убѣдила сѣдина аптекаря и не лгали ни кроткіе глаза его, ни та постоянная, никогда не сбѣгавшая улыбка спокойствія, которая, какъ мы замѣтили, не сходила съ лица собственницы завода, княгини Бирской; только происхожденіе обѣихъ улыбокъ было совершенно другое.

— И ты смѣлъ, и ты могъ, и ты отважился,—говорилъ аптекарю докторъ, держа его за обѣ руки и глядя на него въ упоръ,—ты смѣлъ не навѣстить меня?!

Старикъ молчалъ попрежнему.

— Ты зналъ, что твой старій Фирсъ тутъ и не знаетъ о твоемъ существованіи? И ты слышалъ же о Фирсѣ, что онъ у княгини, что онъ другъ княгини, и никогда не писалъ, ничего не спрашивалъ?!

Старикъ продолжалъ молчать.

— Добро ты въ шубѣ—идемъ ко мнѣ...

И Фирсъ Константиновичъ потащилъ своего стараго товарища въ княжескій домъ.

Можно себѣ представить, съ какими прикрасами разнеслась эта вѣсть по заводу въ ту же ночь.

Старичка-аптекаря любили, и только и было говору у рабочихъ ночной сѣмны по пылавшимъ пламенемъ цехамъ, что о неожиданной встрѣчѣ.

Неизвѣстно чему-то всѣ радовались: будто что-то должно случиться, чѣмъ-то новымъ повѣсть, что-то искомое нашлось и станетъ хорошо...

Не прошло и четверти часа послѣ похищенія аптекаря, приведеннаго въ исполненіе Фирсомъ Константиновичемъ, какъ юноша-фармацевтъ уже стоялъ передъ Викторомъ Викторовичемъ.

— Разсказывай подробно, какъ, что было?

И юноша разсказывалъ. Когда онъ кончилъ, Пуславинъ отправилъ его домой.

— Гмъ!—промычалъ онъ вслѣдъ уходившему фармацевту.

Но былъ такой моментъ въ этотъ вечеръ, когда аптека оставалась совершенно пуста, и потребуйся какіе-нибудь не терпящіе отлагательства медикаменты — получить ихъ было невозможно.

VIII.

У Винкельмана, въ началѣ его разсужденія объ аллегоріяхъ, помѣщены очень характерныя замѣтки объ ушахъ у древнихъ статуй, какъ выразителяхъ нѣкоторой идеи. Онъ говоритъ, что по сохранившемуся отъ какой-нибудь статуи уху можно судить о достоинствѣ всей утерянной статуи; далѣе говоритъ онъ, что хорошо изваянное ухо свидѣтельствуетъ о древности произведенія; онъ особенно подробно обрисовываетъ особенности уха Геркулеса.

Эти геркулесовскія уши всегда очень малы, плотно прижаты къ головѣ; anthelix уха какъ бы раздуть и этимъ закрыто слуховое отверстіе.

Настолько изъ Винкельмана.

Читатель самъ—если онъ только приглядывался къ античнымъ статуямъ, то-есть имѣлъ время на это—конечно, примѣтилъ особенности уха Сатировъ, Фавновъ, Вакховъ; это ухо узкое, немножко наискось поставленное; оно удлинено такъ, какъ если бы кто-либо взялъ нормальное, красивое ухо за его верхній край и нижнюю оконечность, вытянулъ его—и оно такъ бы и осталось.

Уши обоихъ этихъ типовъ имѣются и передъ нами—въ нашемъ разсказѣ.

У Виктора Викторовича были уши несомнѣнно геркулесовскаго пошиба, съ весьма маленькимъ, какъ бы заросшимъ отверстіемъ.

Со времени пріѣзда доктора и начала ревизіи онъ ужасно хотѣлъ бы слышать все, все рѣшительно, что говорится на заводѣ, что доходить до доктора.

Онъ хотѣлъ бы имѣть огромныя, вездѣсущія, все слышашія уши, съ чудовищными отверстіями, съ колоссальными слуховыми трубами.

Но отверстіе было мало, возмутительно мало!

Ушами второго типа отличался тотъ нѣмецъ съ Пожновской станціи, который привезъ на заводъ доктора самолично.

Пролазъ, какъ и всѣ сатиры, нѣмецъ уже въ дорогѣ хотѣлъ бы воспользоваться близостью къ доктору, но время года помѣшало: переговариваться съ облучка съ человѣкомъ, сидящимъ въ крытой кибиткѣ, невозможно.

Такъ сильно, какъ подумаешь, вліяніе климатическихъ условій на отношенія людскія!

Зато на самомъ заводѣ, на слѣдующее утро послѣ опи-

санной сцены въ аптекъ, онъ добился, наконецъ, аудіенціи у доктора, пріѣхавъ на заводъ вторично именно для нея.

Докторъ, подъ впечатлѣніемъ вчерашняго вечера, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, покуривая свою обычную дешевенькую сигару.

На столѣ краснаго дерева, передъ диваномъ, стояло нѣсколько ящиковъ всевозможныхъ дорогихъ сигаръ фирмы Фейка.

Это была любезность со стороны Пуславина; докторъ къ этой любезности не прикасался.

Фирсу Константиновичу доложили, что пришелъ нѣмецъ съ Пожновской станціи.

— Excellenz!—началь-было пѣмецъ, войдя.

— Не экселенцъ, нѣтъ,—возразилъ докторъ,—и по-нѣмецки плохо понимаю. Можете по-русски?

— Можно-съ,—отвѣтилъ нѣмецъ самымъ чистымъ русскимъ языкомъ.

— Ну, и прекрасно. Чтѣ прикажете?

Нѣмецъ немного замаялся и сталъ вертѣть шапкою въ рукахъ, какъ бы думая придать себѣ этимъ видъ величайшей наивности.

— Можеть, сообщить мнѣ чтѣ пмѣете?—спросилъ докторъ.

— Да-съ! много сообщить могу и людей укажу.

— И прекрасно. Въ чемъ дѣло?

— Только я честный человѣкъ, господинъ докторъ.

— Знаю, знаю! Да вѣдь и убѣдиться въ этомъ будетъ не трудно. Только, пожалуйста, видите ли чтѣ: вы мнѣ лучше прямо что-нибудь такое скажите, чтобы я убѣдиться могъ, въ руки взять, а не то чтѣ: дурной человѣкъ, всѣ знаютъ, говорятъ и пр... Нѣтъ, вы прямо!

Нѣмецъ повертѣлъ головою по сторонамъ.

— Господинъ докторъ! тутъ никого нѣтъ?

— Никого.

— Господинъ докторъ! планъ завода у васъ есть?

— Есть.

Достали планъ, развернули.

Нѣмецъ не то чтобы умѣло, но все-таки нашелъ, что ему нужно было: магазинъ № 3.

— Вотъ, господинъ докторъ, магазинъ этотъ видите?

— Вижу.

— Когда, господинъ докторъ, вы войдете въ него — во второй этажъ ступайте.

— Ну?

— Ну, и тамъ, въ маленькомъ помѣщеніи, гдѣ мелкій инструментъ лежитъ: напильники, буравчики, стамески и другое, тамъ вы маленькую дверь увидите.

— Дальше!

— Отворите дверь—лѣстничка будетъ на чердакъ; такъ вы по этой лѣстничкѣ ступайте. Какъ войдете на чердакъ, такъ рогожи разостланныя между балками увидите. Если ступите на рогожу—захруститъ.

— Ну, и что же?

— Это все тамъ спрятанные матеріалы будутъ.

— То-есть, какъ спрятанные? въ магазинѣ? Да гдѣ же ихъ и прятать?

— Такъ-то такъ, но это незаконный матеріалъ: на приходѣ не значится, въ книги не записанъ. Ну, а потомъ, если магазиннаго спросите,—Пошехонинъ его зовутъ,—другія чудеса покажетъ.

Сообщеніе было серьезное, фактическое. Докторъ участилъ свои шаги по комнатѣ и бросилъ въ каминъ сигару, на половину недокуренную.

Онъ не докуривалъ сигары до конца, до пригрѣванія губъ, только въ случаяхъ важнаго раздумья: сигара оказывалась измочаленною, измятою, размягченною, шипящею.

— И это все вѣрно, что вы говорите? — спросилъ онъ, наконецъ.

— Вѣрно-съ. Да если бы не вѣрно было, такъ тутъ ничего такого не будегъ, что вы на чердакъ прошли.

— И то правда... Да неужто же управитель такой оплошный человѣкъ? Это, конечно, безъ его вѣдома?

— Ха-ха-ха, господинъ докторъ! Да безъ его вѣдома въ заводѣ крыса на мыши не женится. Но тутъ, можетъ-быть, и примыя улики сохранены, если ихъ прибрать позабыли; на связкахъ, на нѣкоторыхъ, его собственноручныя помѣтки имѣются.

— Да не можетъ быть!

Это восклицаніе сорвалось помпою воли доктора: такъ грубо-цинична показалась ему вся штука.

— Дурной человѣкъ, господинъ докторъ, очень дурной...

Нѣмецъ опять замоталъ головою по сторонамъ, затоптался на мѣстѣ: видимо было, что онъ хотѣлъ сообщить еще что-то.

— Ну, говорите, говорите все!—подтолкнулъ его Фирсъ Константиновичъ на дальнѣйшее сообщеніе.

— Но это уже завода не касается, господинъ докторъ.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ до этого дѣла нѣтъ.

— Господинъ докторъ—очень благодарный человѣкъ, какъ мы слышали.

— Ну, неправду слышали...

— Страждущіе есть!

— Такъ я-то тутъ при чемъ?

— Человѣка это рисуетъ, что я сообщу! Помочь можете.

Нѣмецъ совсѣмъ попизилъ голову.

— Жену его видѣть изволили?

— Видѣлъ.

— Смерть ходила!?!

— Да, да .. такъ что же?

— А дочь ся, Елену Петровну, тоже видѣли?

— Видѣлъ.

— Такъ вотъ и почина, что жена мертвецомъ глядитъ.

— То-есть, какъ это.

Доктору было невдогадъ.

— Да вѣдь это отъ перваго брака ея дочь-то!

— Ну, такъ что?

— Такой онъ дурной человѣкъ, что онъ и своей-то дочери не пощадилъ бы!

— Вы лжете!

— Никакъ нѣтъ-съ...

Оставаться дольше нѣмцу съ Пожновской станціи причины не было: онъ свое сдѣлалъ.

Уходя, пробормоталъ онъ что-то и открылъ дверь: передъ нимъ стоялъ, вытянувшись во весь ростъ, желавшій войти къ доктору Викторъ Викторовичъ.

Сослужили ли ему уши геркулесовскаго типа службу — сказать трудно, но вѣрно то, что, войдя въ комнату, онъ почелъ своею обязанностью объяснить доктору, что этотъ пѣмецъ мошенникъ, что онъ принужденъ былъ лишить его нѣкоторыхъ мелкихъ поставокъ на заводъ, и что поэтому онъ, конечно, не преминетъ сообщить всякія неправды.

Докторъ слушалъ Пуславина, но очень невнимательно.

Ревизія завода, интересовавшая его, сразу отступила на второй планъ передъ послѣднимъ сообщеніемъ нѣмца. Тутъ, можетъ быть, еще возможна была помощь; тутъ, можетъ-быть, надо сдѣлать добро?

Фирсъ Константиновичъ попалъ въ свою сферу.

IX.

При всей кажущейся сложности человѣческой природы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она оказывается безпомощно-простою.

Все неожиданные крики въ виду опасности, вся податливость передъ лестью, апатія при долгихъ неудачахъ, развитіе во всю всѣхъ способностей при удачѣ, возникновеніе въ толпѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совершенно животнаго инстинкта стадности, — все это явленія чрезвычайно общія, чрезвычайно простыя.

Есть случаи въ жизни, гдѣ человѣкъ, приглаждавшійся къ людямъ, пуская въ ходъ тотъ или другой способъ дѣйствія, имѣетъ право разсчитывать почти всегда на вѣрняка.

Едва ли возможно, напримѣръ, представить себѣ кого бы то ни было совершенно не поддающимся лести, изложенной хотя бы въ слѣдующихъ формахъ: «я знаю, что вы лести не допускаете, но, скажите сами, какъ же мнѣ быть съ вами, если...» и пр., или: «мнѣ такъ противна лесь вообще, а льстецы въ особенности, что, собственно говоря, толковать съ вами о васъ я бы не могъ...», или еще тоньше: «лестить вамъ нельзя, такъ молчать передъ вами, что ли?»

Къ числу совершенно простыхъ, заурядныхъ явленій долженъ быть отнесенъ и общій ходъ всѣхъ такъ-называемыхъ ревизій, если только — что бываетъ очень часто — самъ ревизоръ не становится первымъ укрывателемъ.

Самый выгодный для ревизора образъ дѣйствій слѣдующій:

Онъ ничего не знаетъ; онъ олицетворенная простота; онъ даже удивляется, зачѣмъ его прислали. Оборони Богъ показаться лицомъ знающимъ, посвященнымъ!

Ревизоръ приступаетъ къ дѣйствію, приступаетъ, конечно, неумѣло; не трудно замѣтить, что онъ начинаетъ не съ того конца. Это, дѣйствительно, замѣчаютъ, рады успокоиться и принять обыденныя фizioноміи.

Тутъ, непременно тутъ, въ этой возвращающейся тишинѣ, начинаютъ, мало-по-малу, заговаривать кругомъ него всякіе пехоршіе инстинкты.

Изъ нихъ именно и будетъ онъ — какъ говорятъ французы — чеканить свою монету.

Являются къ свѣту два типа людей, очень полезные оба.

Одни — это люди довольные существующимъ порядкомъ, но прислуживающіеся.

Отчего же не помочь доброму человѣку, да еще и неумѣльному? Опасности нѣтъ, а пригодиться онъ, все-таки, можетъ. Прислуживанье заходитъ обыкновенно дальше, чѣмъ оно того желало. Нѣтъ ничего легче, какъ, прислуживаясь даже въ шутку, перейти границу, выбѣжать изъ своего собственнаго намѣренія...

Ждать чего-либо большаго отъ этихъ людей вначалѣ ревизору нельзя; но важно, что они передъ своими отчасти скомпрометировались: они пригодятся!

Дѣйствуетъ второй типъ. Это люди недовольные.

Гдѣ ихъ нѣтъ — недовольныхъ?

Ревизоръ тутъ. Приѣдетъ ли онъ или другой кто вторично — неизвѣстно. Какъ же не воспользоваться?

Начинается наущничанье. При этомъ очень опасенъ тотъ случай, когда въ числѣ наущничающихъ является лицо подставное, т. е. такое, которое взяло на себя дипломатическую миссію наущничать съ выгодой для ревизуемыхъ, уяснять пропавшія копейки, чтобы скрыть рубли, и узнавать взгляды ревизора.

Во время этого болѣе или менѣе долгаго дуэта прислуживающихъ и наущничающихъ молчаливою, существенною подмогою являются цифры и умѣнье читать расчерченные вдоль и поперекъ вѣдомости, счета, смѣты, таблицы, умѣнье выискавъ между тысячами цифръ несущественныхъ — цифры главные и сопоставить ихъ.

Вся задача, весь трудъ состоитъ въ томъ, чтобы наскочить на одну существующую, хотя бы и незначительную проруху.

Сдѣлано это—сдѣлано все.

Паушничающіе начинаютъ тогда говорить вдвое громче и смѣлѣе; прислуживающіеся, чувствуя себя скомпрометированными относительно своихъ и желая заручиться, по возможности, расположеніемъ предполагаемыхъ побѣдителей, становятся сами паушничающими; но ихъ показанія уже гораздо важнѣе показаній прежнихъ паушничавшихъ, потому что они были сами въ дѣлѣ и ихъ не избѣгали, какъ тѣхъ.

Точно фантастическая декорація разваливаются одно за другимъ всѣ хитросплетенія и укрывательства: языки развязываются; показанія сыплются; бодрость оставляетъ самыхъ закоренѣлыхъ — и желаемое зерно правды вылущивается.

Въ удачныхъ ревизіяхъ должно заключаться высокое наслажденіе, такое же, какъ при удачномъ лѣченіи для докторовъ.

Счастье и случай, конечно, играютъ свои подобающія роли, и Фирсу Константиновичу нельзя сказать, чтобы не везло.

Разоблаченія нѣмца были чрезвычайно важны; недурна была мысль о провѣркѣ вѣсовъ, и Фирсъ Константиновичъ рѣшилъ обставить ближайшій день чѣмъ-нибудь такимъ, чего не было въ прошедшіе дни.

Прекраснымъ средствомъ для этого являлось взять съ собою на заводъ маленькаго человѣчка, Петра Петровича.

Съ утра—докторъ вставалъ въ семь часовъ—позвалъ онъ къ себѣ Петра Петровича.

Человѣчекъ этотъ былъ своеобразнымъ, вполне сложившимся типомъ скромнаго, ничего для себя не спрашивающаго, ничего не ожидающаго чернорабочаго счетчика.

Этотъ типъ имѣетъ два вида, два развѣтвленія, совершенно сходные со стороны техники ихъ дѣйствій, совер-

менно противоположныхъ по цѣли примѣненія этой техники.

Эти люди дѣйствуютъ какъ та или другая щелочь: оставаясь совершенно пейтральною относительно металла, она разѣдаетъ стекло.

Одинъ изъ счетчиковъ созданъ для того, чтобы выискивать, разоблачать цифровые обманы; онъ роется съ одною, ему симпатичною, цѣлью, подъ однимъ только угломъ зрѣнія. Другой, умѣющій считать отнюдь не хуже перваго, созданъ для того, чтобы умѣть путать цифры, ставить ихъ такъ, чтобы онѣ скрывали правду; онъ знаетъ, что балансированіе на цифрахъ—самая высокая изъ всѣхъ гимнастикъ.

Очень любопытна бываетъ борьба между подобными людьми: разъ они допущены къ дѣлу, они, какъ бульдоги, какъ барсучьи собаки, не отпускаютъ того, что захватили зубами.

При равныхъ силахъ, побѣда остается непременно на сторонѣ честнаго счетчика—по очень простой причинѣ, что дважды два никакъ не бываетъ иначе, какъ четыре.

Петръ Петровичъ былъ великою силою, и всѣ вышкolenные заводскіе бухгалтеры были ему не подъ ростъ.

Онъ немедленно явился на призывъ Фирса Константиновича съ листомъ бумаги въ рукѣ.

— Чтѣ это у васъ?—спросилъ докторъ.

— Нѣкоторые выводы.

— Ну, чтѣ же?

— Мошенники!

Эти счетчики всегда ужасно рѣзки на слова; эту особенность заимствуютъ они отъ цифръ, съ которыми постоянно имѣютъ дѣло.

Нѣтъ ничего на свѣтѣ рѣзче, грубѣе, беззастѣливѣе цифры.

Петръ Петровичъ объяснилъ доктору нѣкоторыя вещи, весьма краснорѣчивыя, въ особенности относительно валю-

выхъ платъ рабочимъ. оцѣнки угля и накладныхъ расходовъ.

Докторъ мало что понялъ и, накопецъ, спросилъ:

— Ну, въ выводѣ-то, въ выводѣ, что получается?

— Кража.

— Большая?

— Въ годъ четвертая часть доходовъ.

Докторъ обомлѣлъ.

— Не меньше?

— Навѣрное больше, Фирсъ Константиновичъ!..

Что именно видѣлъ минувшею ночью во снѣ Викторъ Викторовичъ?—было бы очень интересно знать...

Хорошее впечатлѣніе истекшаго дня,—считая составными частями его отзывы доктора и разговоръ съ Лидією Михайловною,—было настолько сильно, что маленькая неприятность сцены въ аптекѣ не могла ослабить его. Гораздо неприятнѣе было свѣдѣніе, полученное имъ самимъ о посѣщеніи пѣмца съ Пожновской станціи...

Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ!

Онъ спать прекрасно и не подозрѣвалъ, что наступившій день принесетъ съ собою быстрое разрушеніе всѣхъ фантасмагорій.

— Здравствуйте, здравствуйте, — сказалъ ему докторъ, когда онъ, по обыкновенію, вошелъ къ нему.

На этотъ разъ доктору трудно было подать Пуславицу руку, но, сдѣлавъ надъ собою насиліе, онъ протянулъ ее.

— Что прикажете сегодня, Фирсъ Константиновичъ?

— А вотъ я хочу (до сегодня докторъ сказалъ бы: я думаю) Петру Петровичу заводъ показать; вѣдь онъ его еще не видалъ, а порядочно на него поработалъ.

— И прекрасно. Съ чего же мы начнемъ?

— Да начнемъ съ магазинновъ.

Одѣлись, пошли.

Ближайшимъ былъ магазинъ № 1.

Вошли.

Прямо противъ входа вѣсы, большущіе, и цѣлая куча гирь подлѣ.

— Ахъ, да, кстати, велите-ка, Викторъ Викторовичъ, вѣсы провѣрить.

— Слушаю-съ. Эй, люди!

Люди были на-лицо. Навалили полосового желѣза—вѣсомъ 50 пудовъ ровно.

— Ну, и прекрасно, — проговорилъ докторъ: — а переложите-ка теперь гири сюда, а желѣзо сюда.

Переложили. Разновѣсу оказалось 10 фунтовъ.

— Ну, это немножко много, — процѣдилъ докторъ.

— Какъ немножко! — вскрикнулъ Пуславинъ и накинудся на смотрителя магазина: — такой-сякой, да какъ не досмотрѣлъ, да давно было сказано провѣрить.

Перешли въ магазинъ № 2 — то же самое.

И тутъ крикъ и брань, но только поменьше.

У входа въ магазинъ № 3 встрѣтилъ входившихъ смотритель магазина — подслѣповатый старикъ.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ докторъ.

— Пошехонинъ.

— Давно смотрителемъ?

— Пятнадцать лѣтъ.

— Нагрузите вѣсы, — обратился къ нему Викторъ Викторовичъ.

Нагрузили; разновѣсу оказалось около семи фунтовъ.

Пуславинъ молчалъ. Сопровождавшіе ихъ люди — главный бухгалтеръ, два смотрителя цеховъ — начали перешептываться.

Докторъ, подозревая къ себѣ Петра Петровича и перекинувшись парой словъ, направился во второй этажъ; всѣ послѣдовали за ними.

Вотъ онъ—помѣщеніе съ мелкимъ инструментомъ, вотъ и маленькая дверь.

— А эта дверь куда ведетъ?

— На чердакъ.

— Отворите.

Дверь была отворена; поднялись.

Въ полусвѣтѣ отдушинъ едва-едва проступали громаднаыя балки чердака и массивныя стропила, видимо, очень старой постройки: такого лѣса теперь уже нѣтъ. Повсюду пабросаны были рогожи.

Едва только ступилъ докторъ на первую изъ нихъ, какъ подъ ногами его что-то хрустнуло; онъ откинулъ рогожу ногою: блеснули мѣдныя трубки.

— А это чтѣ такое?

Все, чтѣ сказано было нѣмцемъ съ Пожновской станціи, оправдалось слово - въ - слово. Чердакъ оказался полнымъ незаписанныхъ на приходъ вещей, размѣщенныхъ повсюду, понатыканныхъ вездѣ.

Фактъ былъ на-лицо. Въ полусвѣтѣ чердака нельзя было разглядѣть фізіономію Пуславина: должно - быть, была хороша. Докторъ и Петръ Петровичъ пожимали плечами.

Фирсъ Константиновичъ вспомнилъ слова нѣмца о собственноручныхъ помѣткахъ, и такъ какъ было поздно и начало смеркаться, чердакъ былъ опечатанъ печатью доктора, и всѣ участники чудеснаго открытія, почти безмолвствуя, разошлись по домамъ.

«Аптекарь! — думалось Пуславину. — Знать бы это мнѣ раньше!..»

X.

Климъ Кузьмичъ Холенко, горный инженеръ, съ повенскою фуражкою и изяществомъ въ одеждѣ, былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ выжидать случая; въ

данный моментъ онъ не упустилъ съ быстротою молніи, со всѣмъ запасомъ залежавшихся, отдохавшихъ въ ожиданіи силъ, воспользоваться обстоятельствами—улучить минуту.

Наша старая сказка создала типъ Ильи Муромца, сиднемъ-сидѣвшаго много лѣтъ; маленькіе Ильи Муромцы продолжаютъ существовать между нами.

Но тотъ, старый, Илья былъ герой: шелъ на сильнаго, защищалъ слабого. Современный Илья совсѣмъ иной.

Климъ Кузьмичъ былъ изъ настоящихъ уральцевъ, никогда не покидалъ Урала и прокладывалъ свою дорожку въ той замкнутой, колтунообразно-сплетенной средѣ, характеристике которой, самую бѣглую, мы предпослали.

Онъ вѣрилъ, какъ только можно вѣрить, безъ размысленій, безъ зазора, въ то, что этой среды надо держаться во что бы то ни стало, что ея никакими силами не пробьешь, что эти вѣшніе, быстро налетающіе ураганы—въ видѣ доктора—ничего не подѣлаютъ.

Скажемъ больше: сила кастовыхъ особенностей была въ немъ настолько прочна, чувство товарищеской поддержки, во что бы то ни стало, такъ непоборимо, что онъ, даже не зная человѣка, но только по одному тому, что онъ не «ихній», кто бы онъ ни былъ, считалъ за врага, за посягателя и легко могъ начать ненавидѣть.

При торжественномъ осмотрѣ чердака онъ присутствовалъ вмѣстѣ съ другими и возненавидѣлъ доктора.

Чердакъ былъ запечатанъ въ шестомъ часу вечера; въ восемь былъ Холенко у Виктора Викторовича.

Въ домѣ управителя царствовало необыкновенное спокойствіе. Не было слышно довольнаго, рѣзкаго смѣха Лизы, хохота Лидіи Михайловны; дѣти были запрятапы далеко въ дѣтскую и имъ приказано было, для того, чтобы не было ни малѣйшаго топота, сидѣть и вырѣзывать изъ бумажекъ.

Елена сидѣла въ комнатѣ у матери, стараясь разогнать тѣ страхи, которые обуяли больную, какъ только вѣсть о совершившемся достигла ея.

Викторъ Викторовичъ сидѣлъ въ кабинетѣ, одинъ, передъ почти погасшимъ каминомъ; онъ даже не курилъ, а, покусывая губы, мялъ незажженную сигару въ рукахъ.

Если передъ нимъ, въ числѣ множества неясныхъ, обрывочныхъ, быстро мѣнявшихся образовъ, выдѣлялся одинъ изъ нихъ съ нѣкоторою ясностью, такъ это былъ—аптекарь!

Онъ, онъ, неминуемо онъ, причина погрома! Докторъ шелъ на чердакъ слишкомъ увѣренно, вовсе не случайно.

Понятно, что теперь онъ на этомъ дѣлѣ не остановится, что разоблаченія пойдутъ одни за другими—дѣло очень серьезно.

Человѣкъ доложилъ ему о приходѣ Клима Кузьмича.

Холенко по личному почину никогда не ходилъ къ нему, въ особенности со времени заигрываній Пуславина съ Еленой.

Приходъ этотъ его крайне удивилъ, и первую мысль Виктора Викторовича было, что и онъ изъ докторскихъ, что онъ прямо отъ доктора.

Во вниманіе къ послѣднему предположенію онъ всталъ съ кресла.

— Чтѣ вамъ угодно, Климъ Кузьмичъ?—спросилъ онъ.

— Я по важному, касающемуся насъ обоихъ, дѣлу.

— Что-нибудь новое?

— Нѣтъ, очень старое.

— Вѣдь мы враги съ вами?—проговорилъ Пуславинъ.

— Да, до сегодня—если вамъ будетъ угодно. Общая выгода!

— Садитесь. Чтѣ такое?

Пуславинъ заперъ дверь на задвижку, подложилъ въ каминъ дровъ, закурилъ сигару и предложилъ такую же гостю.

Они сѣли.

— Понимаете ли вы, Викторъ Викторовичъ, извините за вопросъ, повидимому, неосновательный,—понимаете ли вы все значеніе печати на чердакѣ?

— Понимаю ли я? Гмъ! полагаю.

— Ваша собственность нѣкоторымъ образомъ въ заводскомъ магазинѣ. И какая собственность!

— Но это надо еще доказать! Это могло произойти по нерадѣнію, по оплошности, это могло произойти, наконецъ, помню меня, чортъ возьми!

Пуславинъ вскочилъ съ кресла и началъ шагать по комнатѣ.

— Это было бы вѣрно, чтò вы говорите, если бы не доказательства...

— Какія доказательства?

— Они есть, они на чердакѣ и подъ печатью.

— Доказательства!—повторилъ Пуславинъ и остановился передъ Холенко, выжидая.

— Да, они есть.

Холенко тоже поднялся съ дивана и, оглядѣвшись въ комнатѣ—нѣтъ ли кого, продолжалъ:

— Помните ли вы ваши собственноручныя отмѣтки?..

Пуславинъ ударилъ себя рукою по лбу... Онъ дѣйствительно припомнилъ! Онъ припомнилъ сразу все, все: какія помѣтки, чего касались; въ нихъ названы были даже фамиліи другихъ служащихъ... Это свернутый вчетверо листъ бумаги... Да, да... онъ тамъ, онъ подъ печатью..

— Хотите, я вамъ ихъ достану? — проговорилъ тихо Климъ Кузьмичъ.

— Хочу ли я?! Да какъ же это возможно? а печать?.. срѣзать? — быстро договорилъ Пуславинъ, какъ бы догадавшись.

— Невозможно! я осмотрѣлъ ее.

— Въ такомъ случаѣ, что же и говорить!

— Служба за службу, — отвѣтилъ Климъ Кузьмичъ: — выдайте за меня Елену Петровну!

Говоря это, Холсенко и не подозрѣвалъ того, что вопросъ объ Еленѣ, со времени появленія Лидіи Михайловны, былъ лишенъ всей остроты своей. Онъ ставилъ дѣло ребромъ и готовъ былъ купить ее дорогою цѣною.

— Да развѣ я могу? — отвѣтилъ Викторъ Викторовичъ. Онъ тотчасъ сообразилъ дешевизну требуемой платы, но только не хотѣлъ показать этого.

— Вы-то не можете? вы!

— То-есть, Климъ Кузьмичъ...

— Время не тернить, Викторъ Викторовичъ, — отвѣчайте...

— Да какъ же вы достанете отмытки?

— Это мое дѣло.

Послѣ нѣкотораго раздумья, Пуславинъ далъ свое согласіе.

— Слово ваше!

— Слово...

И Климъ Кузьмичъ, простившись, направился къ себѣ домой.

Ночь стояла темная, темная...

Магазины всѣ подъ-рядъ, изъ боязни пожара, были поставлены вдали отъ огневыхъ производствъ, въ самой глухой части обширнаго заводскаго двора. Лѣтомъ подлѣ нихъ день и ночь царствовало оживленіе, потому что тутъ пробѣгалъ водопроводъ и устроенъ былъ широкій, обложенный камнемъ бассейнъ, въ которомъ рабочіе постоянно купались. Запыленные, закопѣлые, покрытые потомъ и грязью, они съ наслажденіемъ окунывались въ прохладныя, вѣчно возобновлявшіяся воды бассейна.

Это дѣлалось и днемъ, и ночью; и смѣху, и грубымъ

остротамъ, и циническимъ шуткамъ не бывало конца. Отсюда возвращались они къ горнамъ и фурмамъ освѣженные, ободренные.

Это было имъ такъ нужно!

Но зимою, когда все заваливалось снѣгомъ, молчаливые магазины по почамъ были погружены въ какое-то раздумье. Миллионныя богатства ихъ дремали, а стѣны чуть-чуть отражали розовый свѣтъ далекихъ огней.

Запасшись кое-какимъ столярнымъ инструментомъ, Климъ Кузьмичъ направился къ магазину № 3 обходнымъ путемъ, мимо вала, мимо каменноугольныхъ кучъ, и подошелъ къ нему, по поясъ въ снѣгу, съ задней стороны.

Только тому, кто зналъ заводъ наизусть, возможно было это ночное шествіе: свѣжій человѣкъ четыре раза сломалъ бы себѣ шею, выворотилъ ноги, такъ какъ снѣгъ покрывалъ собою все и вся.

Онъ приблизился къ водосточной трубѣ; съ ловкостью кошки взобрался онъ по ней на крышу и сталъ ориентироваться.

— Да, да, здѣсь, аршина полтора вправо отъ этой трубы, должна быть заложенная отдушина. Мальчикомъ былъ я, когда другой ревизоръ налетѣлъ; тогда течь въ магазинѣ оказалась и отдушину заложили.

Холенко улыбнулся своему воспоминанію. Онъ началъ отгребать на предполагаемомъ мѣстѣ снѣгъ; пришлось прибѣгнуть къ отдѣленію отъ желѣза крыши льда.

Когда это было исполнено, онъ осторожно постучалъ молоточкомъ по желѣзу: раздался совершенно глухой звукъ.

— Здѣсь! ловко попалъ—хорошо помню.

Пошли въ ходъ клещи. Съ самыми легонькими постукиваніями, искусною и умѣлою рукою, впотѣмахъ, какъ истый знатокъ желѣзнаго дѣла, Климъ Кузьмичъ отворотилъ листъ: образовалось отверстіе, и онъ юркнулъ въ него.

Тыма па чордакѣ была кромѣшняя. Опѣ достала изъ кармана складной фонарикъ и добыла огня.

Не прошло и четверти часа, какъ искомый листъ былъ найденъ.

Обратный путь былъ гораздо легче; желѣзо на крышѣ заворочено на мѣсто; набросано на него снѣгу. Въ довершеніе удовольствія Холенко, въ это время повалилъ густой снѣгъ и загладилъ всѣ слѣды ночного посѣтителя магазина.

Пока на заводѣ, какъ отъ сѣмени корешки, пошли одно за другимъ разоблачонія, вѣсть объ этой исторіи разнеслась по Уралу далеко кругомъ.

У ближайшаго по мѣсту жительства исправника, Болдарева, — тоже застрѣльщика интеллигенціи, — было очень многочисленное собраніе другихъ застрѣльщиковъ: Богъ послалъ ему сына; надо было окрестить его. Это было 9-го марта, день одного изъ Александровъ, именины отца, т. е. самого исправника; рѣшено было дать сыну то же имя.

Странное впечатлѣніе производила зарпѣе припесенная и поставленная въ залу кунель: она красовалась въ одномъ углу, подъ образомъ; въ другомъ, по діагонали, накрытъ былъ столъ съ закусками и цѣлою фалангою бутылей, торчавшихъ какою-то разноцвѣтною бахромою.

Были бутылки толстенькія и длинненькія, были четырехугольныя и какія-то странно-пузатыя; ожерельемъ красовались грибки, грибочки, икра, сыры, колбасы.

Крестины назначены были въ два часа дня; съ двѣнадцати начали появляться гости и прикладываться къ закускамъ.

Очень неудобный день выдался для крестинъ: 9-го марта именинникомъ былъ не только исправникъ, но и мѣстный тузъ — золотопромышленникъ Ойрсовъ.

Понятно, что надо было быть и у того, и у другого.

У обоихъ были закуски, оба звали обѣдать. Волею-не-

волею, казалось бы, надо городскому обществу раздѣлиться. Вышло иначе: благодаря близости квартиръ обоихъ, оба общества составляли, такъ сказать, одно цѣлое не только во все время закусокъ, но и во время обѣда.

Это сложилось хитро, но сложилось именно такъ, а не иначе.

Были такіе артисты, какъ, напримѣръ, мѣстный почтмейстеръ, человѣкъ крайне веселый и всѣми любимый, который былъ одновременно на обоихъ обѣдахъ: у него былъ приборъ и тутъ и тамъ, и онъ то и дѣло перепархивалъ.

Это было чрезвычайно весело: обѣдъ у исправника, обѣдъ у золотопромышленника; тамъ сидятъ и тутъ сидятъ, и между обѣими квартирами постоянный обмѣнъ людей, вѣчное движеніе.

Переходили и въ одиночку, переходили подъ конецъ и группами. Одна изъ такихъ группъ, ко второму часу закуски, придя отъ золотопромышленника къ исправнику, какъ разъ во время крестинъ, чуть-чуть было не помѣшала танцству. Къ счастью, кончилось мирно: прибывшіе ограничились только тѣмъ, что стали подигрывать «Елѣны...»

Переселенческіе инстинкты ослабли, однако, къ концу обѣда волею-неволею: многимъ пришлось быть «крѣпкими мѣсту» и общества обрисовались хоть для фотографированія.

Исправникъ самъ не пилъ совершенно—свойство, повліявшее въ значительной степени на его карьеру. Онъ сознавалъ это очень хорошо и именно поэтому считалъ своею святою обязанностью подпивать остальныхъ. Когда все кругомъ него было «готово», онъ сознавалъ себя сильнымъ, чрезвычайно сильнымъ человѣкомъ.

У него имѣлся соперникъ въ этомъ дѣлѣ, но совершенно по другой причинѣ: мѣстный казначей, не имѣвшій понятія о томъ, что значитъ быть пьянымъ, потому что вино на него не дѣйствовало.

Преданія гласятъ, что въ кадетскихъ корпусахъ, когда они существовали по-старому, были такіе «артисты», которымъ ровно ничего не значило быть высѣченными! Практика образуетъ удивительныя психологическія явленія.

Обѣдъ кончился. Не ушелъ еще ни священникъ, ни дьяконъ. Никто не ушелъ, однако, кромѣ дамъ.

Расположились въ трехъ комнатахъ, группами; кое-кто сѣлъ въ карты.

Представитель одного изъ мѣстныхъ страховыхъ обществъ долго отказывался, не желая играть съ воинскимъ начальникомъ.

— Да что же я вамъ не заплачу, что ли?—спрашивалъ офицеръ.

— Конечно, не заплатите.

— Я ручаюсь, господа, я,—проговорилъ исправникъ, и они сѣли.

Уѣздный лѣсничій, человѣкъ нестарый, предпочелъ дамское общество и усѣлся очень тѣсно на диванѣ между двухъ барышень.

— Ну, что же такое акушерка?—спрашивалъ онъ ихъ.

— Не знаемъ...

— Да вѣдь вы это слово произносите? вѣдь вы Анну Ивановну видѣли, какъ она шампанское подносила? вѣдь живой человѣкъ! акушерка! ну, такъ объясните мнѣ, что такое акушерка?

Барышни конфузились и очень затруднялись дать подходящее объясненіе.

Въ довольно неловкое положеніе былъ поставленъ хозяинъ, когда убирали со стола посуду и готовились снять скатерть, чтобы унести столъ.

На одномъ концѣ стола возсѣдали два акціонныхъ чиновника надъ своими рюмками. Повидимому, сдвинуть этихъ господъ съ мѣста представлялось затруднительнымъ.

Что дѣлать?

Исправникъ обратился за совѣтомъ къ мѣстному казначею—своему сослуживцу.

— Пойдите, я ихъ сейчасъ!

— Пожалуйста...

Казначей подошелъ къ нимъ и поклонился.

— Припасайте, господа,—сказалъ онъ имъ,—пятирублевки.

— Гмъ!—промычалъ одинъ изъ нихъ.

— Анна Ивановна, акушерка, опять ходомъ за деньгами пойдеть. Она, я видѣлъ, разливаеть. Не хотите платить—такъ слѣдуйте моему примѣру.

Твердо убѣжденный въ успѣхъ своихъ словъ, казначей направился вопъ изъ залы по направленію къ кабинету.

Дѣйствительно, товарищи потянулись за нимъ слѣдомъ—и столъ былъ убранъ.

Исправникъ, видѣвшій все это, поблагодарилъ и, замѣтивъ, что общество, наконецъ, устроено, направился къ угловому дивану и сѣлъ подлѣ своего помощника, давно обрѣтавшагося тамъ.

— Слыхали? Пуславинъ-то?—спросилъ онъ, усѣвшись.

— Да-съ, да-съ!

Оба представителя полицейской власти были заинтересованы въ судьбѣ Виктора Викторовича, но неодинаково: жсна исправника была его двоюродною сестрою, а помощникъ его, чрезъ посредство третьяго лица, состоялъ поставщикомъ на заводъ всѣхъ письменныхъ и канцелярскихъ принадлежностей, что, въ совокупности, составляло сумму весьма порядочную.

Обоимъ имъ Пуславинъ былъ по сердцу.

— И помощь-то, вѣдь, чловѣку ничѣмъ нельзя—такъ вбухался!

— Не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюють-сь,— отвѣтилъ помощникъ. — Слишкомъ онъ знающій чело-вѣкъ, Пуславинъ, чтобы другого мѣста не получить; возьмутъ!

— Изъ своихъ кто-нибудь подвелъ.

— Не безъ этого; да ужъ не Климъ ли Кузьмичъ, чего добраго? сердечное дѣло-сь...

— Ну, ужъ вы опять со своимъ; очень вы любите эти-кія вещи поднимать! Мало ли что въ дому дѣлается,—быстро возразилъ исправникъ, умѣвший весьма хорошо, съ точки зрѣнія полицейской, отличать отношенія частныя отъ отношеній общественныхъ.—Вы,—продолжалъ онъ:—вотъ такую вещь скажете, другой подхватить, пѣтушкомъ закричить, а у третьяго или четвертаго гласомъ трубнымъ раздастся!

— Такъ-то оно такъ,—отвѣтилъ помощникъ, проглотивъ вторую половину фразы.

Въ это время послѣдовала совершенно неожиданная сцена.

Золотопромышленникъ, желая сохранить наилучшія съ исправникомъ отношенія и сознавая, что исправникъ не можетъ быть доволенъ тѣмъ, что половина гостей отъ него ушла, задумалъ сдѣлать ему сюрпризъ—выписать изъ Екатеринбурга фокусника, профессора магіи, и часу въ восьмомъ вечера, всѣмъ соборомъ, всѣмъ своимъ обществомъ, явился къ нему въ домъ и привелъ чародѣя.

Жена исправника, бывшая въ заговорѣ, приготовила все, что нужно, и полное слитіе двухъ веселыхъ обществъ, имѣвшее прелюдію въ перебѣганіяхъ во время закуски и обѣда, послѣдовало къ общей радости.

— Го-го-го! вивать обоимъ хозяевамъ! — слышалось изъ толпы.

Гоготали долго, разнообразно, гоготали на всѣ манеры... Явились наливки, настойки.

Фокусникъ, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, превзошелъ себя: вынималъ чашу съ водой и рыбками изъ рукава, разбивалъ въ ступкѣ часы и возвращалъ ихъ цѣлыми, выпускалъ изо рта безконечныя ленты, а въ концѣ концовъ разбросалъ изъ шляпы букетники иммортелей, раскрашенныхъ во всѣ краски, съ этикетками: «съ новорожденнымъ!»

Исправникъ пылалъ чрезвычайнымъ довольствомъ, даже прослезился, и лобызалъ золотопромышленника, лобызалъ...

И было такъ весело, такъ весело, что, казалось, будто эти люди никогда до того не веселились, что они веселятся, избавившись отъ какого-то большого горя или исполнивъ какія-либо святыя, трудныя обязанности... А и все-то исполненіе заключалось въ томъ, что у исправника крестили сына и что, вмѣсто одного Александра Болдарева, явился на свѣтъ другой Болдаревъ, тоже Александръ, и православный, какъ и первый.

Чародѣй былъ героемъ вечера; всѣ наперерывъ старались доказать ему, что тутъ Европа, что тутъ артистовъ цѣнятъ...

— Жидъ проклятый! — громко ляпнулъ ему въ слѣдъ кто-то изъ молодыхъ, подпившихъ гостей, отнесшійся къ заявленіямъ общества критически.

Жидокъ замѣтилъ это.

«Ну, warte nur!» — подумалъ онъ и, отозвавъ золотопромышленника, спросилъ, указывая на этого господина, съ кѣмъ изъ дамъ особенно любезенъ онъ, нѣтъ ли у него какой-нибудь Herzensschwäche, дамы сердца?

— О! есть, есть! вотъ та, видите, на второмъ креслѣ отъ дивана.

Не прошло и получаса, какъ у этой барыни исчезъ изъ кармана носовой платокъ.

Стали искать, искать: нашли его у молодого подпившаго господина.

Опять хохотъ, гоготанье, веселье...

Въ это самое время къ исправнику подошелъ лакей и подалъ пакетъ.

Онъ развернулъ его; это было донесеніе станowego, жившаго на заводѣ, о томъ, что между рабочими затѣвается что-то нехорошее, что тамъ идетъ волненіе.

Исправникъ показалъ донесеніе помощнику.

— Бунтъ!—проговорилъ тихонько послѣдній.

— Можетъ-быть, помощь Виктору Викторовичу... Попробуемъ...

Мысль исправника была геніальна!

ХІІ.

Когда докторъ, Фирсъ Константиновичъ, потащилъ къ себѣ въ домъ старика-аптекаря, онъ и не воображалъ возможности увидѣть въ человѣкѣ этомъ то, что онъ увидалъ.

Это была одна изъ тѣхъ удивительныхъ людскихъ развалинъ, существованіе которыхъ возможно или въ самыхъ глухихъ, незамѣтныхъ углахъ провинціи, или въ пригородныхъ частяхъ болѣе или менѣе людныхъ городовъ, — можетъ-быть, только въ Россіи.

Въ развалинахъ, какъ извѣстно, есть тоже свои разрасты.

Старѣйшія изъ нихъ, конечно, тѣ, которыя представляются простыми кучами щебня, песку, камней, утратившихъ не только профиль зданія, но не имѣющихъ даже слѣдовъ опредѣленнаго плана: часть его смыта дождемъ, часть запахана, третья часть ушла подъ новое жилье. Изъ подобныхъ кучъ зданія не выстроишь!

Кандидатами къ этимъ безжизненнымъ кучамъ являются другія развалины—помоложе. Всѣ горизонтальныя линіи ихъ обвалились; все, что держалось въ силу какого-либо

архитектурнаго расчета, кромѣ одного простого наслоенія камней или кирпичей, разрушилось; видны только вертикальныя лиціи стѣнъ и угловъ, торчащихъ изъ земли какими-то колоссальными обглоданными зубами разной высоты и широты.

Третій типъ еще юнѣе: въ немъ существуетъ горизонтальная линія, замѣтенъ сводъ, ничего не поддерживающій, правда, но, все-таки, сводъ; четко прорѣзываются окна; есть этажи и лѣстницы, если они были; ясно назначеніе отдѣльныхъ помѣщеній: кажется, что люди только-что вышли отсюда и вотъ-вотъ возвратятся! да и дѣйствительно возвращаются иногда.

Къ первому типу относятся, напримѣръ, наши древнѣйшія такъ-называемыя городища временъ Геродотовскихъ, въ нихъ живутъ одни только пресмыкающіяся, да кой-какія изъ жесткокрылыхъ.

Ко второму типу причислить путешественникъ значительную часть древне-греческихъ и римскихъ развалинъ; въ числѣ жильцовъ ихъ появляется птица и вьетъ свое гнѣздо, пользуясь щелью, карнизомъ, нишею.

Романскія и готическія церкви Западной Европы—третій видъ развалинъ, самыхъ юныхъ; если мѣсто глухое, въ сторонѣ отъ жилья,—они населяются и млекопитающими высшаго разряда: лисою, хорькомъ, крысою.

Аптекарь Оедоръ былъ человѣческою развалиною третьяго рода; къ первому и второму относятся почти исключительно сумасшедшіе.

Онъ былъ когда-то юношей полнымъ огня и задатковъ. Товарищъ Фирса Константиновича по гимназіи и медицинской академіи, онъ со всею силою просыпавшейся души втянулся въ движеніе, концентрировавшееся тогда въ кружкѣ Петрашевскаго.

Какимъ-то особеннымъ счастьемъ, несомнѣнно объяснимомъ

случайностью было то, что слѣдственная комиссія, повидимому, ровно ничего не знала о предполагавшемся устройствѣ тайной типографіи; за эту мысль стоялъ особенно горячо юноша-модикъ и многіе другіе, миновавшіе комиссію; о существованіи этой мысли говаривалъ впослѣдствіи,—когда все быльемъ поросло,—Достоевскій, очень горячо отстаивавшій это намѣреніе.

Что именно ожидало людей, попадавшихъ въ руки Дубельта и Бенкендорфа, знаемъ мы изъ записокъ лицъ, имѣвшихъ съ ними дѣло. Плущильная машина тѣхъ далекихъ лѣтъ дѣлала свое дѣло весьма послѣдовательно.

Сплющивала она, и много разъ сплющивала, и нашего бѣднаго аптекаря.

Сосланный въ Челябинскъ, едва только нашелъ онъ средства къ существованію въ какомъ-то не то трактирѣ, не то гостиницѣ, въ качествѣ весьма добросовѣстнаго счетчика, какъ уже былъ переправленъ въ Чистополь.

Въ Чистополѣ онъ тоже устроился; тамъ его тоже оцѣнили—въ качествѣ конторщика по сплаву лѣса; новое странствіе—въ Кунгуръ.

Тутъ, благодаря случаю, занялся онъ сапожнымъ мастерствомъ; полюбилъ онъ дѣвушку, дочь хозяина, открылъ свою мастерскую, готовилась свадьба... Приказъ—переселиться въ Екатеринбургъ.

Дѣвушку съ нимъ не отпустили.

Разъ въ жизни, одинъ только разъ въ жизни, довелось этому сердцу открыться для любви, и оно открылось во всю.

Какъ сѣверный цвѣтокъ, который, пользуясь рѣдкою теплотою полуденнаго солнца, раскрываетъ, раздвигаетъ всѣ свои лепестки, выпячиваетъ бархатистую сердцевину и тянется, тянется къ теплу каждымъ усикомъ,—такъ грѣлся и онъ тогда!

И въ эту раскрытую, приготовленную для принятія тепла душу пахнуло вдругъ морозомъ...

Зачѣмъ раскрывалась эта душа, зачѣмъ грѣлась эта грудь? Это ея дѣло...

Отъ этого удара аптекаръ нашъ не могъ поправиться никогда. Желѣзо болѣе извѣстнаго количества разъ не перегнете—сломается. Сломался и онъ.

Болѣзненный, желчный, раздражительный, онъ въ послѣдній разъ въ жизни проявилъ энергію, когда добрые люди предложили ему какое-то маленькое казенное мѣсто.

— Благодарю васъ, не хочу,—отвѣтилъ онъ.

— Да почему же?

— Изъ казны денегъ не возьму, не могу... не слѣдуетъ... Если бы всѣ не брали!

Этотъ отвѣтъ былъ нѣкоторымъ образомъ признакомъ психическаго расстройства. Вторымъ признакомъ было то, что онъ сталъ зарабатывать средства къ жизни, читая надъ покойниками.

Въ этомъ сближеніи съ мертвыми, въ тишинѣ долгихъ ночей, много лѣтъ подъ-рядъ умиротворялась, притихала его израненная душа.

Ему было безъ малаго сорокъ, когда сняли, наконецъ, полицейскій надзоръ и пустили на свободу. Въ Екатеринбургѣ былъ онъ знакомъ всѣмъ и каждому; всѣ знали о его судьбѣ, о прежнемъ успѣшномъ занятіи медициною и предложили поступить въ аптеку.

На Уралѣ, гдѣ горное вѣдомство въ тѣ дни государственными законами руководствовалось далеко не всегда, получилъ онъ право открыть аптеку—только не па виду, а гдѣ-нибудь поглубже.

Этой глушью былъ заводъ княгини Бирской; и вотъ уже второй десятокъ лѣтъ, какъ онъ орудовалъ этимъ дѣломъ,

уйдя цѣликомъ въ аптекарскіе вѣсы, рецепты, этикетки, въ сохраненіе и возобновленіе матеріаловъ.

Онъ сдѣлался чрезвычайно робокъ, кротокъ, невозмутимъ. Густая, блестящая сѣдина обрамляла его свѣжее, румяное лицо. Вѣдь растутъ же зеленныя травы на мѣстахъ побищъ и не всякая Голгофа остается голою скалою...

Правда, изъ своего былого сохранилъ онъ какую-то особенную склонность къ бѣдному страждущему люду. Не разъ случалось, что онъ и совѣтами, и деньгами поможетъ. Поэтому-то цѣнилъ онъ на заводѣ болѣе всѣхъ Елену, понимая очень хорошо, что она значитъ для своей матери.

Правда и то, что въ глубинѣ души, гдѣ-то тамъ, куда никто не заглянетъ, сохранилось у бывшаго чтеца надъ покойниками чаяніе какихъ-то лучшихъ дней, когда ему можно будетъ сказать: «нынѣ отпускаеши», и какая-то глухая, безнадежная, тихая, очень тихая потребность въ мести за все недоданное, недочувствованное, отнятое жизнью!

«Но кому мстить?—думалъ онъ:—всѣ, всѣ достойны...»

И онъ былъ чрезвычайно кротокъ и свѣтлъ въ взглядѣ и сѣдиною.

— Ну, расскажи, ну, растолкуй... ну, вспомнимъ!..—говорилъ ему докторъ, усадивъ въ кресла передъ собою и продолжая стоять надъ нимъ, держа обѣими руками, будто боясь, что онъ улизнетъ, исчезнетъ.

— Трудно - съ, трудно - съ вспомнить, — проговорилъ аптекарь.

— Ну, я напому, напому! Какъ это ты меня къ Петрашевскому тащилъ? какъ я тебѣ, помнишь, о Машѣ рассказывалъ? какъ мы съ тобою, гораздо раньше того, дверныя ручки въ классѣ, передъ приходомъ учителей, чернилами мазали? Помнишь, помнишь?

— Да-съ, да-съ, припоминаю...

— Да ты мнѣ, кажется, «вы» говоришь?

Аптекарь какъ-то тихо мотнулъ головою.

«Кто это,—думалось ему,—стоять передо мною? Можетъ, такой, какъ и всѣ другіе? можетъ-быть, изъ худшихъ?..»

— Да чѣмъ же мнѣ пробудить тебя, чѣмъ, дорогой мой Ѳедоръ!—воскликнулъ докторъ и бросился цѣловать его.

Аптекарь отвѣчалъ какими-то тихими, еле-звучавшими поцѣлуями.

— Фирсъ Константиновичъ... Фирсъ... — пробормоталъ онъ:—вѣдь я маленькій человекъ, маленькій... а вы...

— Говори мнѣ «ты», Фирсъ! слышишь ли? или я тебя, знаешь...

Аптекарь поднялся съ мѣста. Эти слова: «я тебя, знаешь...» подѣйствовали на него какимъ-то болѣзненнымъ образомъ. Онъ слышалъ ихъ и въ Челябинскѣ, и въ Чистополѣ, и въ Кунгурѣ! Онъ слышалъ ихъ не разъ! Чтò, какъ опять отъ правятъ вдругъ... вѣдь это возможно... Онъ слыхалъ эти слова въ разныхъ вариантахъ и слѣдствіемъ были: Кунгуръ, Челябинскъ, Чистополь, холодъ, дорога, тьма!.. Неужели опять?

— Да за чтò же?—проговорилъ онъ совершенно безсознательно, точно переброшенный въ другой какой-то міръ, въ былое...

Только тутъ, спохватившись, догадался докторъ, съ какимъ типомъ людей имѣетъ онъ дѣло. Его кольнуло въ сердце... Эти уколы чувствовалъ онъ всегда, когда передъ нимъ было чье-либо несчастье, какая-нибудь развалина... А это была развалина.

— Ну, кури, Ѳедоръ! куришь?—проговорилъ онъ быстро.

— Курю.

Сигары задымились. Къ величайшему изумленію доктора, Ѳедоръ заговорилъ съ нимъ.

— А скоро ты уѣдешь?—спросилъ онъ несмѣло.

— Да вотъ разобратъся сначала надо. Про чердакъ слы-

шалъ?.. Ну, по дружбѣ. по старой памяти, скажи ты мнѣ: что за человѣкъ Пуславинъ?

— Да что же я-то могу?

— Что онъ воръ, на это у меня доказательствъ много; а ты мнѣ объ немъ какъ объ человѣкѣ скажи—вотъ что!

Отвѣта не было.

— Ну,—продолжалъ докторъ:—какъ онъ съ женою, съ дочерью?

Аптекарь медленно поднялъ на него глаза и быстро опустил ихъ.

— Правда ли,—продолжалъ докторъ вполголоса:—правда ли, что онъ ухаживаетъ за дочерью?.. Значить, правда?.. Ну, а дочь что? Какъ она?

— Она? Елена Петровна?.. Она хорошая...

— Значить, съ ея стороны ничего тутъ нѣтъ?.. Значить, это онъ одинъ, Пуславинъ? Такъ вотъ что!

— Да что же я-то тутъ?.. — робко отвѣтилъ аптекарь:— я вѣдь... я ничего не знаю, ничего...

Тупой страхъ выражался на его лицѣ. Фирсъ Константиновичъ замѣтилъ и это. Онъ зашагалъ по комнатѣ и швырнулъ въ каминъ совершенно измочаленную, зашипѣвшую у него подъ носомъ сигару.

Не докуривъ своей сигары и бережно положивъ ее на пепельницу и аптекарь; онъ всталъ, чтобы уйти.

Старые товарищи простились; докторъ потребовалъ, чтобы Ѳедоръ обѣдалъ у него каждый день.

XIII.

Листъ, который былъ добытъ сквозь лазейку въ крышѣ Климомъ Кузьмичемъ, имѣлъ дѣйствительно весьма компрометирующія свойства.

Это общая судьба всѣхъ особенно долгихъ и успѣшныхъ практиковъ въ мошенничествахъ разнаго рода; становясь

все болѣе и болѣе отважными и дерзкими, эти господа начинаютъ, такъ сказать, шалить, кокетничать съ опасностью, баловаться. Упускаются изъ вида вещи самыя простыя, объ осторожности не думаютъ, и люди, закрывая глаза, подобно глухарямъ, воображаютъ, что ихъ не видятъ.

На листѣ этомъ, между прочимъ, было помѣчено Пуславиннымъ собственноручно: дровъ по вѣдомостямъ 4,300 сажень, въ дѣйствительности—5,200; затѣмъ слѣдовало правильное до курьезности распредѣленіе излишка, въ довольно сложной прогрессіи, между служащими, съ обозначеніемъ ихъ фамилій, по количеству получаемого содержанія. Помѣчено было съ замѣчательною точностью количество предметовъ, имѣвшихся въ складѣ на чердакѣ. Въ разныхъ углахъ листа были пробы пера; нарисовано нѣсколько женскихъ головокъ и дымовая система какой-то очень большой печи. Были даже—должно-быть, подъ веселую руку написанные—слѣдующіе стихи:

Кораблеву ничего —
Какъ не стоить оъ того...

И этотъ-то листъ, писанный рукою Виктора Викторовича, былъ забытъ имъ и лежалъ живою уликою среди вещей, не записанныхъ на приходѣ.

Подвигъ, совершенный Холенко, оказался совершеннымъ далеко не напрасно, такъ какъ на заводѣ все пошло вверхъ дномъ. Порванная въ одномъ мѣстѣ сѣть продѣлокъ, при малѣйшихъ усиліяхъ и даже само собою, такъ сказать, своею тяжестью, распускалась все дальше. Обличенія, какъ доказательства непринадлежности къ виновнымъ, являлись отовсюду, и всѣ, молчавшіе до того, заговорили очень громко. Это былъ какой-то потокъ доносовъ! Но собственноручныхъ доказательствъ, пока что, кромѣ этого листа, не имѣлось, и этотъ-то листъ былъ изъ уликъ изъятъ.

Холенко, какъ мы знаемъ, выговорилъ себѣ награду, и,

зная, что между своими на заводахъ слово держится крѣпко, онъ тотчасъ же передалъ документъ Виктору Викторовичу.

Наступилъ Великій постъ, и колоколъ одинокой церкви исполнялъ свою службу добросовѣстно. Начались первыя, легкія оттепели, и заводъ припалъ тотъ чрезвычайно траурный видъ, который обусловливается тѣмъ, что между бѣлыхъ снѣговъ проступали все рѣзче и рѣзче темныя, черныя, покрытыя углемъ и шлаками дорожки, тропинки и дороги.

Слякоть развилась неимоверная, и у заводскихъ людей пошли въ ходъ тѣ высокія галоши, появленіе которыхъ, положимъ, не въ Петербургѣ, но гдѣ-нибудь въ Германіи или Франціи, вызвало бы всеобщее вниманіе.

На Виктора Викторовича все происходившее на заводѣ не производило особенно сильнаго впечатлѣнія: во-первыхъ—совершилось, во-вторыхъ—онъ, зная княгиню Бирскую, былъ убѣжденъ въ томъ, что ни уголовного преслѣдованія, ни гражданскаго иска она противъ него не начнетъ; онъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ, прогнанный, гдѣ-нибудь непременно опять устроится.

При этой мысли о будущемъ его не покидалъ обликъ Лидіи Михайловны... Съ нею!—думалось ему.

Зато чрезвычайно глубокое впечатлѣніе произвело все случившееся на Марью Сергѣевну и Елену.

Впечатлѣніе это выразилось прежде всего тѣмъ, что они между собою вдругъ прекратили всякій разговоръ о заводѣ и о томъ, что на немъ происходило.

Во-вторыхъ, участь ихъ обѣихъ облегчала: о нихъ точно забыли.

Понятно, что Еленѣ, которой и въ голову не приходило сообразить: насколько тутъ во всемъ повліяло прибытіе Лидіи Михайловны, это отстраненіе ея самой и матери казалось совершенно естественнымъ, по временнымъ.

Уйти докторъ — начнется старое! И красивая головка ее то и дѣло думала, думала... Но у всѣхъ выходовъ изъ этого положенія становился на стражѣ, возбраняя выходъ, словно Мильтоновскій архангелъ, обликъ матери. Безъ нея пельзя, съ нею—невозможно! Дилемма не изъ легкихъ.

Сборы всей семьи за обѣдомъ были бы чрезвычайно тягостны, если бы не присутствіе Лидіи Михайловны и если бы не весьма сподручный характеръ Елизаветы, чрезвычайно сдружившейся съ нею.

Разоблаченія, слѣдовавшія изъ дня-въ-день, становились для Пуславина утомительными. О возстановленіи прежняго не могло быть и рѣчи; очень естественно, что ему желалось кончить все это возможно скорѣе.

Иначе смотрѣлъ на дѣло докторъ.

Того, что онъ имѣлъ въ рукахъ, для обыкновеннаго ре-визора было бы съ избыткомъ достаточно, но какъ же оставить Елену, когда положеніе ее было безвыходное и должно было стать еще худшимъ?

Къ развязкѣ подвинулъ его, самъ того не зная, Пуславинъ.

Какъ мы сказали, все совершавшееся утомляло его своимъ однообразіемъ и, такъ сказать, безцѣльностью. Онъ скучалъ—ему надо было развлечься, поразнообразить вѣчное одно и то же.

Онъ рѣшился провести сватовство Холенко.

Послѣ обѣда Марья Сергѣевна и Елена, какъ обыкновенно, ушли въ спальню. Не успѣли онѣ закрыть за собою двери, какъ явился къ нимъ, совершенно неожиданно, Викторъ Викторовичъ.

Онъ былъ совершенно спокоенъ и объявилъ, что пришелъ по очень серьезному дѣлу.

— Сядемте,—сказалъ онъ.

Усѣлись.

— Вы, конечно, знаете,—началъ онъ:—что происходитъ

па заводѣ?.. Я никогда не выдавалъ себя за другого, чѣмъ я есть, но на столько мерзости со стороны многихъ я, все-таки, не разсчитывалъ. Дѣло, во всякомъ случаѣ, потеряно.

Онъ остановился, переложилъ ногу па ногу и продолжалъ:

— Одинъ только человѣкъ оказался такимъ, какъ слѣдуетъ, одинъ!

— Кто такой?—спросила Марья Сергѣевна.

— Климъ Кузьмичъ...

Хотя при этомъ имени въ Еленѣ шевельнулось какое-то непріятное чувство, но ей и въ голову не приходила возможность того оборота, который оно должно было принять тотчасъ же.

— Чтѣ именно и какъ было — это я расскажу когда-нибудь послѣ, но фактъ тотъ, что онъ досталъ мнѣ одинъ изъ моихъ счетовъ, присутствіе котораго въ рукахъ милѣйшаго Фирса Константиновича было бы болѣе чѣмъ худо.

— Спасибо ему!—проговорила опять Марья Сергѣевна.

— А ты чтѣ скажешь, Елена?—обратился къ ней Пуславинъ, поднявъ на нее въ упоръ, въ первый разъ послѣ долгаго времени, свои глаза.

— Чтѣ же, я и не сомнѣвалась.

— А чтѣ же ты думаешь: для меня онъ это сдѣлалъ?

Елена вспыхнула; Марья Сергѣевна стала чрезвычайно внимательною.

— Такъ я прямо къ дѣлу. Онъ сдѣлалъ это для тебя...

Послѣдовало продолжительное молчаніе; легкая краска чуть-чуть проступила на блѣдныя щеки Марьи Сергѣевны.

— Ни для кого не тайна, — заговорилъ опять-таки Пуславинъ:—что онъ къ тебѣ расположенъ... Къ тебѣ, видишь ли, быть расположеннымъ не трудно... даже было бы странно иначе... и я не удивляюсь этому!.. Его услуга мнѣ—очень большая услуга, такъ вотъ, видишь ли...

— Такъ онъ жениться хочетъ и ты его сватаешь? — спросила Марья Сергѣевна.

Она улыбалась какъ-то чрезвычайно страшно, чтобы не сказать страшно; глаза ея блистали непривычнымъ имъ нервнымъ блескомъ; щеки окончательно зарумянились.

— Да!—отвѣтилъ рѣзко Пуславинъ.

— Я отвѣчу за нее, Викторъ Викторовичъ.

— Ты?!..

— Я...

Марья Сергѣевна встала съ мѣста; она подошла къ дочери, взяла ее за руку и, стоя подлѣ нея, произнесла четко и громко:

— За него она замужъ не выйдетъ... Чтобы платить ей—надо ее оцѣнить... И ты цѣнилъ ее дороже!

Марья Сергѣевна продолжала улыбаться.

Пуславинъ и Елена поднялись съ мѣстъ одновременно.

— Я не тебя замужъ выдаю, Марья Сергѣевна, а ее,— рѣзко проговорилъ онъ:—ей отвѣчать—не тебѣ. Елена!

— Я не люблю его и не выйду.

— И это послѣднее слово?

— Послѣднее.

Виктору Викторовичу не оставалось больше ничего, какъ выйти изъ спальни, что онъ и исполнилъ.

Холенко ожидать его въ кабинетѣ съ новымъ извѣстіемъ; онъ былъ не одинъ: его сопровождали всѣ начальники цеховъ.

XIV.

Есть, есть — и это великое утѣшеніе — въ массахъ людей, именно потому, что онѣ массы, удивительно яркія, чрезвычайно простыя очертанія основныхъ, хорошихъ инстинктовъ.

Хорошихъ чувствъ людскихъ много, неисчислимо много,

но главныхъ-то, основныхъ едва ли болѣе, чѣмъ красокъ въ радугѣ.

Да не есть ли это несообщенное библіей соотношеніе между радугой, засіявшей послѣ потопа, и обновленной тогда грудью людской?

Благоволеніемъ была эта радуга; брызнули свѣтозарные лучи ея въ человѣка и горять... Темно горять иногда, это правда, а погаснуть, все-таки, не могутъ. И такъ какъ даны они были, говорить «Ветхій Завѣтъ», не одному какому-либо человѣку, а всему человѣчеству, то и теплятся они съ особою силою, особенно лучезарно въ массахъ, въ громадахъ людскихъ...

Были примѣры, что лучи погасали и въ нихъ...

А былъ ли примѣръ, чтобы они не проявлялись снова?

Мы говорили уже, что одною изъ крупнѣйшихъ уликъ противъ Виктора Викторовича были подобранные и разсмотрѣнные статскимъ адъютантомъ доктора счета рабочихъ.

Всѣ они были валовые; а сколько ихъ было, рабочихъ, да кто именно—не обозначалось; не обозначалось и то, какъ платилось: подневно, посрочно или иначе.

Этимъ путемъ запускалась лапа чрезвычайно глубоко въ бытъ бѣдныхъ людей.

Наиболѣе обиженныхъ было между башкирами.

Голодные толпы ихъ, наваливавшія къ заводу по веснѣ, съ началомъ работъ на золотыхъ промыслахъ, обсчитывались путемъ валовыхъ счетовъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ; ихъ поселяли въ общихъ казармахъ, кормили дурно, да, кромѣ того, давали возможность опиваться въ подвижныхъ кабакахъ сколько угодно. Къ осени обсчитанный башкирь уходилъ куда-то такой же обношенный, голодный, какимъ приходилъ.

Съ заводскими рабочими было немного лучше; но тутъ

проявлялась во всей прелести своей плотоядная натура Пуславина и большинства его помощниковъ.

Этимъ людямъ нравилось, и они имѣли полную возможность не только наживаться, но и быть помѣщиками въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Всѣ они, въ совокупности, представляли изъ себя власть широко развѣтвленную и прочно связанную; всякій рабочій, попадавшій въ высшій разрядъ, приближался къ этой власти; становился онъ мастеромъ—онъ былъ самъ властью.

Одного простого распоряженія было достаточно для того, чтобы пустить по міру семью; заводу оказывалась, будто бы, нужною земля подъ домомъ или огородомъ — оспѣдность человѣка свѣивалась, какъ дымъ; не исполнилъ человѣкъ простой прихоти—его запрягутъ въ такую работу и начнутъ штрафовать такъ чувствительно, что свѣивайся съ земли куда хочешь...

И этихъ свѣиваній людскихъ было много...

Когда вѣсть о чердакѣ и всемъ прочемъ разнеслась далеко по Уралу и забѣжала дальше, въ степи, услышали о ней и башкиры.

Башкиры вовсе не такой глупый и слѣпой народъ, какъ о нихъ думаютъ.

Они до сихъ поръ говорятъ всѣмъ и каждому, будто у нихъ процессъ съ казною; что есть, будто бы, въ Златоустовскомъ архивѣ дѣло о ихъ претензіи на владѣніе землями заводовъ Златоустовскаго, Міасскаго и Садкинскаго; что земли эти были имъ жалованы, а потомъ отобраны; что, будто, есть о нихъ такое дѣло и въ сенатѣ.

Конечно, это говоръ, слухъ, болтовня—не больше, такая же претензія, какъ и нѣкоего казака Самойлова на землю подъ городомъ Енисейскомъ! Не чепуха ли?

Намѣтили они себѣ, однако, поклонъ пріѣзжему изъ Петербурга господину на заводѣ: пошли депутаты оттуда и

отсюда... Движеніе... становой обратилъ вниманіе... Фирсъ Константиновичъ кое-что отвѣтилъ и поручилъ статскому адъютанту поразслѣдовать.

Гораздо серьезнѣе было то, что имѣло совершиться на заводѣ и о чемъ пришелъ предупредить Пуславина Клима Кузьмичъ.

Послѣ неуспѣшнаго сватовства своего и разговора съ Еленою и Марьею Сергѣевною, Пуславинъ вошелъ въ кабинетъ раздраженнымъ, злымъ.

— Развѣ еще что-нибудь? — спросилъ онъ Холенко, привыкнувъ къ ежедневно поступававшимъ новымъ свѣдѣніямъ.

Онъ окинулъ взглядомъ всѣхъ своихъ помощниковъ, подалъ каждому изъ нихъ руку и, конечно, тотчасъ же догадался, что дѣло идетъ о чемъ-то коллективномъ, потому что всѣ здѣсь на-лицо.

— Что-нибудь серьезное, господа?—спросилъ онъ.

— Да!—отвѣтили нѣсколько человѣкъ разомъ.

— Въ чемъ же дѣло?

— А вотъ въ чемъ,—заговорилъ Холенко:—завтра всѣ рабочіе, всею громадою, предстанутъ предъ свѣтлыя очи доктора.

— А зачѣмъ?

— Съ заявленіемъ! Съ какимъ—неизвѣстно.

— Но вѣдь это же нельзя! Это — бунтъ! Это должна предупредить полиція! мы сами, наконецъ!

— Но предупреждать-то нечего,—заговорилъ кто-то изъ старшихъ,—потому что неизвѣстно: ни—кто, ни—гдѣ, ни—о чемъ.

— Да вѣдь есть же у васъ, господа, свои люди въ цехахъ? Неужели нельзя — я не говорю: узнать, но установить. Мы здѣсь между своими, слѣдовательно, стѣсняться нечего и можно говорить прямо: важно не заявленіе, потому

что и безъ того довольно заявлено, но важень способъ заявленія—громадою! Это невозможно!

Говоря это, Пуславинъ былъ совершенно правъ: онъ былъ испуганъ именно самою формою заявленія. Не про-рухи въ счетахъ, не жалобы рабочихъ, не сама княгиня Бирская были страшны ему; все это не помѣшало бы ему получить другое мѣсто. Но движеніе громадою, подъемъ рабочихъ — вотъ чего ему никогда нигдѣ не простили бы изъ-за страха повторенія.

— Заводъ обокралъ! Это ничего.

— Заводъ распустилъ! Это ужасно.

Такого человѣка не нужно, съ такимъ человѣкомъ—вулканъ подъ ногами!

И Пуславинъ зналъ это очень хорошо, и онъ былъ не въ шутку испуганъ.

— Дѣлайте, что хотите, господа, но предупредите, — закончилъ онъ, нервно оглядывая присутствующихъ.

Рѣшено было разбрестись по заводу—поговорить, а это, какъ извѣстно, первый видъ компромисса, сдѣлки съ болѣе толковыми, имѣющими значеніе людьми.

Было восемь часовъ вечера. Ночь наступала лунная, тихая, слегка морозная; звѣздъ сіяло несомнѣнно больше, чѣмъ обыкновенно, потому что воздухъ былъ такъ чистъ, такъ удивительно чистъ, что ни одной изъ нихъ, даже самой скромной, не удавалось спрятаться за какою-либо дымкою, тучкою, мглою.

Небо, казалось, обнажило всѣ свои глубины — во всемъ ихъ блестящемъ, невозмутимомъ порядкѣ.

Не меньше порядка было и внизу, и на заводѣ; ничто рѣшительно не давало знать о приготовленіи къ чему-то необыкновенному.

Въ цехахъ съ ночьюю работою шла обычная болтовня.

Пыхтѣлъ паръ, качались огненные змѣи, неистово виз-

жала пила, пылали лица истопниковъ и кочегаровъ передъ печами, доведившими металлъ до блага каленія.

Въ цехахъ не работавшихъ, въ магазинахъ царствовала мертвая тишина, и сквозь рѣшетчатые окна фабрикъ, со многими разбитыми стеклами, можно было видѣть, какъ мирно ложились полосы луннаго свѣта по чугуннымъ плитамъ, служившимъ мостовою.

По улицамъ было такъ же тихо, какъ и всегда: кой-гдѣ звучала пѣсня, вытанцовывалась гармоника, бѣжала дѣвочка въ лавку за питьемъ или съѣдобнымъ, перебрасывались парюю словъ встрѣчные, болтали сидѣвшіе у воротъ небольшія сборища...

Все, все—какъ всегда, ни малѣйшаго измѣненія.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что сами рабочіе дѣйствительно готовились къ чему-то рѣшительному; рабочіе не могли не замѣтить, какъ разсыпались по заводу всѣ начальствующія лица, чего въ этотъ часъ и такъ систематично никогда не дѣлалось.

И они замѣтили, и прогулка эта должна была казаться имъ чрезвычайно забавною.

Викторъ Викторовичъ самъ не пошелъ, — въ этомъ проявленіи его на заводѣ было бы слишкомъ много видимости, — но онъ рассчиталъ, что можетъ пойти къ такому человѣку, который, если только что-либо дѣйствительно готовится, то непременно объ этомъ знаетъ: онъ пошелъ къ аптекарю.

XV.

Какъ было въ восьмомъ часу, такъ и въ десятомъ: ночь стояла глубокая, до нѣдръ своихъ обнаженная, а морозецъ, воспользовавшись тѣмъ, что по улицамъ стояли лужи, а по окнамъ скользили потеки, сталъ повсюду вырисовывать свои рисуночки.

Онъ вырисовывалъ только одно: разную чудесную растительность, листья, стебли, вѣтви, цвѣты, будто пополнялъ этимъ то, чего недоставало въ природѣ. Луна помогала ему, потому что пускала по рисункамъ свою зеленовато-лазурную краску.

Расчетъ Пуславина на то, что аптекаръ—скорѣе чѣмъ кто-либо другой — долженъ знать о готовящемся событіи, оказался чрезвычайно вѣренъ; невѣренъ былъ только выводъ, который онъ изъ этого сдѣлалъ.

Высокая фигура управителя, въ его короткой шубкѣ съ мѣховою оборкою, была, конечно, очень хорошо извѣстна всѣмъ и каждому.

Его дѣйствительно узнали, когда онъ подходилъ къ аптекѣ, окруженной садикомъ, и двѣ какія-то тѣни юркнули между деревьями и будто сгнули.

— Кто это?—крикнулъ Пуславинъ.—Эй, вы!

Но «эй, вы!» не подѣйствовало: отклика не было.

Пуславинъ думалъ—было бѣжать за ними, но не рѣшился: вѣдь отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, какъ извѣстно.

Онъ прислушался къ удалявшимся шагамъ.

Понятно, что если бы не что-то тайное, неладное, эти люди не убѣжали бы отъ него.

— Гипъ-гипъ-гипъ-гипъ! — раздалось вдругъ издали — по направленію удалявшихся шаговъ.

— Гэ - гэ - гэ - гэ! — доносилось оттуда же на другой манеръ.

И это тоже не предвѣщало ничего добраго! Это было дурачество, но дурачество зловѣщее.

Эти и тому подобныя подтруниванія, это—тѣ маленькіе вихрики, чтò поднимаютъ по дорогѣ завитушки пыли и песку передъ шквалами; они были издавна знакомы Пуславину.

Онъ долго стоялъ передъ домомъ аптекаря въ раздумьи; онъ видѣлъ свѣтъ въ его двухъ комнатахъ.

— Надо зайти!—рѣшилъ Пуславинъ.

Послѣ того, что открытіе склада на чердакѣ послѣдовало непосредственно вслѣдъ за горячею встрѣчею доктора съ аптекаремъ, Викторъ Викторовичъ ни одной минуты не сомнѣвался въ томъ, что причина открытія—аптекарь!

Въ первое время онъ хотѣлъ бы разнести его, стереть съ лица земли, уничтожить! Повстрѣчай онъ его—онъ для начала, въ видѣ прелюдіи, наговорилъ бы ему такихъ вещей и такъ, что...

Но онъ его не встрѣчалъ.

Теперь впечатлѣніе того далекаго дня улеглось, задвинулось новыми впечатлѣніями, начиная съ разговора съ Лидіею Михайловною и предложенія прокатиться въ Парнажъ, и кончая несостоявшимся сватовствомъ послѣдняго вечера.

Въ настоящую минуту, въ особенности послѣ сообщенія, сдѣланнаго Климомъ Кузьмичомъ о чемъ-то готовившемся на заводѣ, и въ особенности послѣ этого «гипъ-гипъ!» и «гэ-гэ!», настроеніе духа его обазывалось менѣе воинственнымъ.

Онъ вошелъ въ аптеку и засталъ аптекаря съ помощникомъ за развѣшиваніемъ какихъ-то порошковъ. Приходъ Виктора Викторовича озадачилъ ихъ обоихъ.

— Кому это рецептъ?—спросилъ онъ.

— Женѣ мастера Есѣева,—отвѣтилъ аптекарь.

— Что съ нею?

— Родила...

— Когда кончите, мнѣ съ вами поговорить надо будетъ,—проговорилъ Пуславинъ, обращаясь къ старику.— Кажется, у васъ тутъ пріемная комната?—спросилъ онъ, направляясь къ дверямъ вправо отъ входа.

— Тутъ-съ.

Аптекарь передалъ окончаніе работы своему помощнику и послѣдовалъ за Пуславинымъ.

Пуславинъ разстегнулъ шубу, положилъ свою стальную палку съ вензелемъ на столъ, сбросилъ съ руки перчатку и, закуривъ папирску, усѣлся на стулъ.

Аптекарь остановился у входа.

— Садитесь,—пригласилъ его Пуславинъ.

— Я и постою.

— Садитесь же...

Аптекарь не сажился.

Въ этихъ двухъ людяхъ, какъ они глядѣли въ настоящую минуту другъ на друга, сказывалась очень рѣзко вся удивительная быстрота, вся послѣдовательность и, въ то же время, вся неувовимость логики жизни.

Въ каждомъ изъ нихъ были, такъ сказать, двѣ двойственности; тотъ и другой являлись совершенно не тѣми людьми, какими они были мѣсяцъ тому назадъ; и тотъ, и другой казались другъ другу и желали казаться вовсе не тѣмъ, чѣмъ были они въ настоящую минуту въ дѣйствительности.

Пуславину никогда и въ голову не могло придти подумать, что онъ можетъ—и будетъ—просить о чемъ-нибудь аптекаря; еще меньше думалъ онъ, что ему придется не только просить, но притворяться, хитрить, вывѣдывать, выслѣживать! Единственно возможною формою обращенія его къ аптекарю было—приказаніе, да и то не непосредственное, а изъ третьихъ рукъ.

Пуславинъ считалъ себя безконечно твердымъ, незыблемымъ въ этой странной формации нашего горнаго феодализма; считалъ себя господиномъ въ семьѣ, хозяиномъ жены и ея дочери, считалъ темную массу рабочаго люда достаточно вышколенною, молчаливою...

И все это оказывалось совершенно иным: онъ во всемъ ошибался.

Но нельзя же было выказать все это передъ аптекаремъ! Отсюда рѣзкій звукъ палки, брошенной на столъ, швырянье перчатки: ему хотѣлось казаться тѣмъ, прежнимъ Пуславинымъ.

Личность аптекаря намъ отчасти знакома.

Бывшій чтецъ надъ покойниками, съ его свѣтлою сѣдною и невозмутимостью, казалось, забывшій себя, примирившійся, увѣрившій себя, что на Пуславинъ міръ кончается,—и во снѣ не мечталъ о возможности прихода къ нему, за панибрата, самого управителя, и чтобы этотъ управитель предложилъ ему сѣсть!

Онъ считалъ себя поконченнымъ. Вдругъ — докторъ, чердакъ, другія разоблаченія, а на завтра... на завтра — хорошая вещь... къ нему приходили, съ нимъ совѣтовались...

Но не выказать же этого Пуславину? Нѣтъ, нѣтъ: та же тишина, та же кротость...

И онъ не садился, несмотря на приглашеніе.

— Въ такомъ случаѣ и я встану, — какъ-то презрительно бормотнулъ Пуславинъ: — мнѣ неудобно такъ говорить.

Аптекарь сѣлъ.

— Я къ вамъ по очень серьезному дѣлу, касающемуся всѣхъ насъ. Вы, конечно, знаете, что многіе безпорядки и даже больше—невѣрности въ счетахъ и т. п., изъ которыхъ во многомъ я самъ причина, извѣстны доктору Фирсу Константиновичу. Я не хочу и не нахожу нужнымъ разслѣдовать то, по чьему именно указанію эти люди, совершенно не знающіе завода, пришли прямо въ магазинъ № 3, прямо во второй этажъ, прямо къ чердачной двери...

Говоря это, Пуславинъ впился глазами въ аптекаря.

Старикъ сидѣлъ неподвиженъ, спокоенъ и слушалъ.

— Такъ я говорю,—продолжалъ Пуславинъ:— что это меня не касается, хотя я твердо убѣжденъ въ доносѣ, въ предательствѣ. Но вотъ въ чемъ дѣло: на заводѣ готовится, говорить, коллективное заявленіе рабочихъ?

Пуславинъ опять остановился: прочесть что-либо въ лицѣ старика было, все-таки, невозможно.

— Знаете ли вы что-нибудь объ этомъ? слышали ли?

— Слыхалъ-съ... говорили..

— Кто говорилъ?

— Въ обѣдъ-съ башкиры прѣзжали, такъ медикаментовъ взять зашли; пока что тутъ имъ доставали, а они между собою говоръ подняли...

— Такъ вы отъ нихъ слышали?

— Отъ нихъ-съ.

— И больше ни отъ кого?

— Ни отъ кого-съ. Да и то сказать: башкиры говорятъ—слова глотаютъ: можетъ, они о чемъ другомъ, своемъ говорили.

— А о чемъ будетъ заявленіе?

— Вотъ ужъ этого не знаю-съ,—скорѣе прочаго проговорилъ аптекаръ:—этого не говорили.

Послѣ небольшого молчанія, Пуславинъ, видя, что онъ отъ аптекаря никакого толку не добьется, спросилъ кое-что, совсѣмъ не подходившее къ дѣлу, объ отношеніяхъ его, аптекаря, къ доктору, и получилъ весьма уклончивые отвѣты. Онъ всталъ со стула; поднялся одновременно съ нимъ и старикъ.

Уйти совсѣмъ съ пустыми руками, не убѣдившись въ томъ, что что-то будетъ, Пуславинъ не хотѣлъ и, застегивая шубу, спросилъ аптекаря:

— Ну, а скажите мнѣ: совѣтовались рабочіе съ вами?

— Со мною-съ?

— Да.

— Нѣтъ!—громко и рѣшительно отвѣтилъ Оедоръ.

— А если бы пришли совѣтоваться, что бы вы имъ сказали?—спросилъ Пуславинъ уже подлѣ двери.

Старикъ, опередивъ его, отворилъ двери и, отвѣшивая поклонъ, объяснилъ:

— Я предоставилъ бы ихъ въ ваше распоряженіе, Викторъ Викторовичъ!..

Въ этихъ словахъ было столько глубокой злобы, насмѣшки, презрѣнія, что Пуславина даже покорило. Но отвѣчать было нечего и онъ вышелъ, убѣдившись въ томъ, что что-то дѣйствительно готовится. Не больше его узнало и все остальное, рассыпавшееся по заводу, начальство.

XVI.

Настало утро; раздался обычный свистокъ; тронулась общая работа на заводѣ.

День стоялъ чудесный, конечно, въ мартовскомъ значеніи этого слова: на одномъ только голубомъ небѣ не было воды; зато на землѣ, вездѣ и повсюду, бѣжала, струилась, суежилась вода!

И вездѣ-то ей нужно было поспѣть, и всюду ее спрашивали, и все-то она хотѣла наполнить.

Ну и попадалась же она иногда въ просакъ: всякую рытвину хотѣла залить, во всякомъ оврагѣ — подняться до края; работала, пѣнилась, поднималась! вотъ-вотъ, достигнетъ цѣли! — смотришь, обваливается она сама крутой бокъ оврага, углубляетъ его сама, да потомъ и сердится.

Великой помощи была вода лишена въ томъ отношеніи, что рѣчки и рѣки, пруды и озера,—все это не могло принять участія въ ея трудахъ, потому что всѣ они были одѣты льдомъ.

Но не безучастна была и вода, окованная льдомъ, къ водѣ, работавшей въ сіяніи мартовскаго солнца!

Кое-гдѣ, для сообщенія съ немъ, образовала она полыньи, тихонько проступала на поверхность и сквозила густыми зеленовато-голубыми тонами.

Докторъ всталъ, какъ и всегда; ровно въ семь часовъ, выпилъ кофе, закурилъ сигару, полюбовался въ окно на первый весенній день и принялся писать княгинѣ письмо.

Это было счетомъ третье; вотъ оно:

«Милостивая, высокоуважаемая княгиня Софья Алексѣевна!

Пишу вамъ третье свое письмо въ сіяніи перваго весенняго дня; термометръ показываетъ на солнцѣ семь градусовъ; солнце совсѣмъ не сибирское. Что-то у васъ теперь въ Петербургѣ? Думаю—великая грязь, и у подвѣзда вашего швейцаръ занятъ выметаніемъ той лужи, которая вотъ уже сколько лѣтъ всегда собирается передъ нимъ и черезъ которую вашимъ сіятельнымъ ножкамъ всегда кладутъ обитую малиновымъ сукномъ доску. Лужа—для нашего брата, доска—для васъ, моя благодѣтельница.

На заводѣ, какъ и прежде, что ни день, то открытіе.

По расчету моего адъютанта, которымъ не нахваляюсь, доходы вашего сіятельства, въ общей суммѣ, должны были бы подняться на цѣлую треть, если бы не здѣшніе морозы и если бы часть денегъ, при счетахъ, не примерзала къ считающимъ рукамъ.

Господинъ Пуславинъ совсѣмъ дурной человѣкъ и подбравъ такихъ же. Отношенія его къ женѣ и дочери ужасны. Мой аптекаръ сообщилъ мнѣ, что имѣлъ конверсацію съ Еленой, изъ которой узналъ, что г. Пуславинъ сваталъ за нее цехового начальника Холенко. Я сначала не повѣрилъ, но потомъ повѣрилъ, потому что узналъ причину того, что ему дѣвушка болѣе не нужна. Этотъ человѣкъ

выписать красавицу-гувернантку изъ вашего Петербурга, и она очень къ нему благоволилъ.

Сообщаю вамъ, высокочтимая княгиня, все это потому, что знаю, что эта матерія любопытнѣе сухихъ заводскихъ донесеній. Такъ какъ я никогда не лгу, то и скажу вамъ откровенно, что я могъ бы уже и уѣхать, такъ какъ дѣло беззаконій по управленію достаточно выяснилось, но не могу, потому что мнѣ бѣдной дѣвушки и матери ея очень жаль. Оставить ихъ тутъ послѣ погрома совѣсть не велить, и я все думаю, что бы мнѣ такое сдѣлать? И вотъ почему я жду и не являюсь предъ вами, княгиня, свѣтлыя очи. Да и по правдѣ: времени пропустилъ такъ много, что уже распутицу пережду и пароходства по Волгѣ дождусь. Одно къ одному.

Не кончаю письма иначе, какъ просьбою посоветовать мнѣ, что мнѣ дѣлать съ дѣвушкой и ея матерью? Оставить ихъ такъ никакъ нельзя! Этотъ человѣкъ повѣнчаетъ ее силою, если понадобится—ротъ платкомъ зажать, а священникъ у нихъ ихній, собственный—сдѣлаетъ какъ прикажутъ. Посоветуйте, сіятельная!

Согласно послѣднему письму вашему, на обратномъ пути, въ Казани непремѣнно посѣщу графа Бориса Борисовича, хотя это нѣсколько задержать меня. Осмѣливаюсь самымъ покорнымъ образомъ поцѣловать ваши, княгиня, милостивыя ручки и остаюсь преданнѣйшимъ слугою вашимъ.

Докторъ Фирсъ».

Письмо было написано, прочтено, запечатано и положено на столъ.

Вошелъ аптекарь.

Онъ глядѣлъ иначе—веселѣе обыкновеннаго, точно разогрѣлся на яркомъ солнцѣ. Онъ видѣлъ, какъ положено было письмо на столъ.

— Это къ княгинѣ?—спросилъ онъ.

— Да.

— Вѣдь говорилъ я Фирсу Константиновичу — такихъ писемъ на столъ не бросать: тутъ у стѣнъ руки растутъ, когда хозяинъ уходитъ.

— Правда, правда, братецъ; забыть.

Аптекарь взялъ письмо въ руки и повертѣлъ его.

— И, опять-таки, говорилъ я насчетъ запечатыванія: непременно все кругомъ клеємъ замазать надо и заказнымъ послать—не иначе!

— Экіе люди у васъ, однако, Ѳеодоръ!

— Свои люди... А вотъ я къ тебѣ, докторъ, съ предупрежденіемъ.

— Ну! дурное что?

— Нѣтъ, не дурное, но важное! Какъ ты сегодня на заводъ придешь, такъ къ тебѣ народъ съ челобитной посылать. Такъ ты не пугайся—ты въ почетѣ.

— А о чемъ челобитная?

— Чтобы ты княгиню за твою присылку сюда благодарилъ.

— Только-то?

— Нѣтъ, еще и просьбы подадутъ. Всякія тутъ будутъ просьбы; конечно, будутъ и глупыя, но и важныя будутъ матеріалы... Это все они тебѣ сами подадутъ и скажутъ, а вотъ чего они не скажутъ, а я говорю: ты ихъ бумагъ изъ рукъ не выпускай—подъ ключъ, да подъ замокъ, да подъ печать.

— А господинъ Пуславинъ о томъ, что готовится, знаетъ?

— Знаетъ, что что-то будетъ, но какъ именно хорошо это будетъ—не знаетъ. Вчера въ ночи всѣ они по заводу рыскали — провѣдать хотѣли; самъ онъ ко мнѣ заходилъ. Рабочіе выйдутъ къ тебѣ ко времени, какъ обѣдать пойдутъ.

— Ладно! — проговорилъ докторъ, подумавъ: — пускай...

Дѣйствительно, какъ было сказано, такъ и случилось.

Не прошло получаса времени послѣ прихода доктора на заводъ, какъ онъ увидѣлъ себя окруженнымъ всѣми начальствующими лицами. Съ подобной свитой путешествовалъ онъ по заводу только въ первый день своего прїѣзда. Ясно было, что они чего-то ждали, эти господа, и видѣли въ своей совокупности извѣстнаго рода гарантію.

Обѣденное время приближалось, но ни малѣйшаго измѣненія въ обычномъ ходѣ работъ не замѣчалось.

Обходъ продолжался довольно молчаливо, сопровождаемый общими фразами; всѣмъ ходившимъ было чрезвычайно неловко. Подходили къ отдѣльнымъ машинамъ, станкамъ, печамъ; рабочіе ни гу-гу: знай свое дѣло дѣлаютъ—сверлятъ, скоблятъ, рѣжутъ, штампуютъ.

Докторъ рассчиталъ самъ, уже безъ указанія Оедора, что къ назначенному сроку, къ обѣду, ему лучше всего быть посрединѣ большого двора.

Ко времени обычнаго свѣстка паровой машинны докторъ дѣйствительно находился на сказанномъ мѣстѣ.

Картина вышла чрезвычайно красивая!

Изъ всѣхъ дверей, изъ всѣхъ мастерскихъ сразу, съ лѣстницъ и изъ подваловъ показались рабочіе. Словно муравейникъ какой-то взбудоражилось!

Много было отдѣльныхъ мастерскихъ, и почти всѣ онѣ были видны со середины двора, гдѣ стояли докторъ и все начальство. Рабочіе двигались не вразбродъ, а собравшись въ отдѣльныя, болѣе или менѣе большія, кучки передъ своими цехами, выждавъ и оглядѣвшись, двинулись они сразу по направленію къ доктору.

Докторъ не замѣтилъ знака, по которому сразу, какъ по музыкѣ, безъ малѣйшей сумятицы, плавно, тихо, величаво, снявъ шапки, двинулись эти люди отъ окраинъ къ центру.

— Это что такое?—спросилъ докторъ Пуславина.

— Не знаю-съ! должно-быть, заявленіе какое.

Темная толпа тѣмъ временемъ все надвигалась, сдавливалась отовсюду.

Хотя докторъ и зналъ причину ея движенія, и хотя онъ замѣчалъ, какъ, мало-по-малу, то здѣсь, то тамъ, по темной толпѣ забѣгли въ рукахъ бумажки, просьбы, которыя предстояло ему принять, тѣмъ не менѣе, движеніе это имѣло характеръ довольно внушительный; какъ вѣрно сообразилъ Фирсъ Константиновичъ, быть огорошеннымъ подобнаго рода картиною, не зная ея причины или чувствуя себя виноватымъ, должно-быть, несовсѣмъ пріятно.

Рабочіе сошлись, окружили врача-ревизора и шагахъ въ десяти почтительно остановились.

— Что вамъ?—крикнулъ Пуславинъ.

Изъ-за перваго, ближайшаго, ряда выдѣлился старикъ. Онъ держалъ на рукѣ небольшую, потемнѣвшую отъ времени икону; золотого было на ней только два диска, большой и маленькій, подлѣ головъ Спасителя и Богородицы. Икона была, видимо, очень древняя.

— А мы.—отвѣтилъ чрезвычайно спокойно старикъ, сѣдой какъ лунь, чистый, опрятный, повидимому, отставной рабочій:—мы къ господину доктору съ посильнымъ приношеніемъ нашимъ ея сіятельству княгинѣ, отчислившей намъ, какъ намъ завѣдомо стало, по предстательству господина доктора, недочеты нѣкоторыя. Да передастъ господинъ докторъ эту икону! Она у насъ старая-престарая; много на нее нашего брата рабочихъ молилось, такъ, можетъ, у ея сіятельства княгини мѣсто въ божницѣ найдется.

Старикъ отвѣсилъ низкій поклонъ, и пока всѣ остальные, безъ шапокъ, стояли совершенно неподвижно, онъ подошелъ къ доктору и передалъ икону.

Старикъ Фирсъ былъ тронутъ. Объ этомъ аптекарь пе

сказалъ ему, а вѣдь это было хорошо, очень хорошо! Онъ чувствовалъ, что у него къ горлу что-то подступило... онъ пошевелилъ губами, приободрился, проглотилъ слезы и, снявъ фуражку, принялъ икону.

— Спасибо вамъ, добрые люди, — отвѣтилъ онъ: — спасибо за старую княгиню. Стара она очень — на заводъ сама пріѣхать не можетъ; ну, а какъ моложе была — не о томъ думала. Не посѣтуйте! меня къ вамъ прислала: я ей человѣкъ близкій, простой; что вижу, то и передамъ!

— Знаемъ! — слышалось со сторонъ; выдѣлилось нѣсколько поклоновъ.

— А какъ тебя, старика, величать?—спросилъ докторъ оратора, говорившаго привѣтствіе и поднесшаго икону;— мнѣ княгинѣ отписать объ этомъ нужно будетъ.

— Ѳедосей Ехреминъ, батюшка докторъ, изъ отставныхъ рабочихъ! А какъ ты намъ милостивое слово сказалъ, такъ не откажи и нѣкоторыя просьбицы принять. Что дѣлать,—пробавилъ онъ, вздохнувъ:—нужды много, семьи растутъ, хлѣбушко дорогъ, безъ вины виноваты бываемъ, а не то такъ отъ обоюднаго непониманія происходитъ... Не откажи!

Послѣдовалъ глубокій поклонъ его и очень многихъ другихъ.

— Давайте! давайте!—отвѣтилъ докторъ.

Въ толпѣ зашевелились; здѣсь и тамъ мелькнули бумаги и, передаваемые въ толпѣ изъ рукъ въ руки, направлялись къ доктору, но не окраиной, а въ самой гущѣ ея, то и дѣло мелькали надъ головами.

Просьбы слетѣлись къ доктору точно мотыльки, и всѣ до единой — ихъ было штукъ двадцать — попали по назначенію.

Принявъ просьбы, докторъ отпустилъ толпу, и она разо-

шлась — тихая, спокойная — и накрылась шапками только на очень значительномъ отъ него разстояніи, когда его и всѣхъ сопровождавшихъ обдало опять свѣжимъ воздухомъ, недостатокъ котораго чувствовался очень явственно до того.

Не прошло и десяти минутъ, какъ во дворѣ не было ни одного рабочаго.

— О чемъ это, господа, вы толкуете?—спросилъ докторъ нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ, особенно живо бесѣдовавшихъ между собою.

— Нѣтъ-съ, это мы такъ...—отвѣтили спрошенные.

— Это вы, вѣроятно, о Ѳедосеѣ Ефремовѣ, господа? — промолвилъ, глядя на нихъ и явственно улыбаясь, догадливый Пуславинъ.

— Да.

— Этотъ Ѳедосей Ефремовъ,—объяснилъ Викторъ Викторовичъ доктору: — за нерадѣніе и пьянство съ завода трижды увольняемъ былъ. Такъ вотъ они о чемъ толкуютъ.

— Будто бы?! — воскликнулъ докторъ и покачалъ головою. — Какъ, подумаешь, наружность-то обманчива бываетъ!

Съ пакетомъ просьбъ въ рукахъ докторъ направился домой, во-свояси.

Первымъ дѣломъ его по возвращеніи было вскрыть конвертъ еще неотосланнаго княгинѣ письма и дополнить его описаніемъ всего случившагося.

XVII.

Дня черезъ три послѣ сцены, описанной нами, ровно въ полдень, вся семья Виктора Викторовича сидѣла за завтракомъ.

Вотъ уже около мѣсяца, какъ жилъ докторъ на заводѣ и

шли чудесныя открытія. Люди ко всему привыкають, и всѣ взрослые члены этой семьи вполне сжились съ совершившимся фактомъ. Сжились съ гувернанткою своею и оба карапуза, маленькіе Пуславины, потому что она имъ мало въ чемъ мѣшала, сама укорачивала часы уроковъ и проявляла положительно рѣдкую сообразительность въ изобрѣтеніи причинъ отмѣнять уроки.

Викторъ Викторовичъ, вначалѣ хорохорившійся, увидѣлъ бесполезность какого-либо отвода глазъ доктору и обращалъ все свое вниманіе исключительно на то, чтобы какъ-нибудь не сдѣлались извѣстными его возникавшія отношенія къ гувернанткѣ.

Отношенія его къ Еленѣ послѣ сватовства, отклоненнаго ею, были довольно холодны, но онъ боялся быть рѣзкимъ съ нею и Марьею Сергѣевною, не зная навѣрное, чѣмъ все происходившее разрѣшится.

Разговоръ шелъ о томъ, когда, приблизительно, уѣдетъ докторъ.

Неожиданно подъ самыми окнами дома раздался колокольчикъ и Пуслаvinу доложили, что пріѣхалъ исправникъ. Тотчасъ за докладывавшимъ вошелъ и онъ самъ.

— Виктору Викторовичу и Марьѣ Сергѣевнѣ и барышнямъ наше нижайшее почтеніе! — проговорилъ онъ, поцѣловалъ ручку Марьѣ Сергѣевнѣ, а остальнымъ пожалъ руки.

Встрѣтивъ новое лицо—Лидію Михайловну, исправникъ остановился въ недоумѣніи.

— Лидія Михайловна Таринская, воспитательница моихъ карапузовъ,—поспѣшилъ объяснить Пуславинъ.

Познакомились.

«Красавица»,—подумалъ исправникъ, взглянулъ искося, мелькомъ, на Елену и подумалъ: «которая лучше? Новая лучше».

Этого же мнѣнія былъ и самъ хозяинъ.

— Слышалъ-съ, слышалъ-съ о вашемъ горѣ, Викторъ Викторовичъ,—ну и заѣхалъ провѣдать.

— Что прикажете дѣлать?—отвѣтилъ Пуславинъ, пожимая плечами:—за всѣмъ не усмотришь.

— Очень, очень, душевно сожалею...

И онъ крѣпко пожалъ руку Пуславину.

Подали закуску, ѣду, заварили кофе, болтали о томъ и о семъ, а по окончаніи гость и хозяинъ отправились въ кабинетъ.

— Но вы у меня денекъ-другой, Александръ Ивановичъ, останетесь?—спросилъ по пути Пуславинъ.

— Зависитъ, зависитъ...—отвѣтилъ исправникъ. — Скажите, пожалуйста, Викторъ Викторовичъ, не могу ли я вамъ въ чемъ быть полезенъ?

— Трудно-съ: дѣло проиграно.

— Будто бы? но, можетъ-быть, если подумать, да погадать...

— Гадайте сколько хотите, а мнѣ съ вами, все-таки, проститься придется.

Собесѣдники размѣстились по кресламъ и закурили сигары.

— Скажите, — началъ исправникъ, подумавъ: — у васъ тутъ какое-то коллективное заявленіе рабочихъ было?

— Было, но съ иконою впереди! Это вовсе не то.

— Однако, и башкиры приходили?

— Приходили.

— Большими толпами приходили? можетъ-быть, шумѣли?

Пуславинъ протянулъ исправнику руку, улыбнулся и крѣпко пожалъ ее.

— Нѣтъ, Александръ Ивановичъ, изъ того, что было, бунта не сдѣлаете, никакъ не сдѣлаете! Понимаю васъ и искренно благодарю.

— Но вѣдь въ бунтѣ,—продолжалъ не унимавшійся исправникъ:—разныя фазисы бываютъ: есть приготовленіе, начало подстрекательства, есть, наконецъ, простыя основанія предполагать...

— Все это ни къ чему, повѣрьте мнѣ, ни къ чему—и еще разъ спасибо!

Лицо исправника сдѣлалось неподдѣльно грустнымъ. Онъ, видимо, продолжалъ копаться въ своихъ собственныхъ мысляхъ, соображая, что движеніе между башкирами и гуртовое заявленіе рабочихъ, хотя бы съ иконою впереди, вовсе ужъ не такое обыденное явленіе, не такой матеріалъ, чтобы изъ него рѣшительно ничего нельзя было сдѣлать.

— Эврика!—воскликнулъ онъ неожиданно.—Эврика!

— Чтò такое?

— А если бы,—заговорилъ Александръ Ивановичъ, придвинувшись къ Пуславину и вполголоса:—пе начеканить ли мы какой монеты, если попугать?

— Кого? доктора-то? да на какого чорта?

— Какъ такъ? Эти люди, знаете, вѣдь тоже скандаловъ не любятъ.

— Ну?

— Если бы этакъ, примѣрно, поторговаться? Оба, молъ, дѣла скверны: и Виктора Викторовича, да и ваше тоже не особенно гладко: въ рабочихъ инстинкты нехорошіе развиваются; въ башкиру, которая и безъ того алчбу къ сутяжничеству проявляетъ, неподходящія надежды вселяете... Ну, такъ мы, пожалуй, на соглашеніе съ вами пойдемъ, а ужъ вы по счетамъ Виктора Викторовича что-нибудь сбавьте!

Выложивъ свои соображенія, Александръ Ивановичъ другую сигару закурилъ и ожидалъ отъ Пуславина отвѣта.

— Не такой онъ человѣкъ, Александръ Ивановичъ! на сдѣлку не пойдетъ, да и зачѣмъ ему сдѣлка?

— Однако!

— Да попробовать, пожалуй, можно; только очень уж хитро это сдѣлать надо.

— Такъ попробуемъ?

— Попробуемъ.

Рѣшено было послать къ доктору человѣка съ вопросомъ: можетъ ли онъ принять исправника?

Пришелъ отвѣтъ, что просить, и наши собесѣдники двинулись въ путь оба.

Доктору и въ голову не приходило, съ какимъ проектомъ въ карманѣ явились къ нему эти оба человѣка. Онъ принялъ ихъ очень любезно, усадилъ, предложилъ курить.

Послѣ нѣкоторыхъ общихъ фразъ, рѣчь повелъ исправникъ.

— Я, собственно говоря, Фирсъ Константиновичъ, къ вамъ по дѣлу и—по текущимъ временамъ—очень серьезному.

— Чтò изволите приказать?

— Не я-съ, а служба моя приказываетъ.

Доктору было совершенно невдогадъ, о чемъ онъ рѣчь поведетъ, и поэтому просилъ объясниться.

— Положимъ, я даже твердо увѣренъ въ томъ, — продолжалъ исправникъ:—что это, такъ сказать, безъ всякаго вашего участія сдѣлалось, но оно, все-таки, сдѣлалось. Въ мѣстномъ населеніи волненіе идетъ, а это, какъ вы сами знать изволите...

Докторъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— Ну, хорошо-съ; дальше?

— А дальше... вы меня простите, Фирсъ Константиновичъ, служба прежде всего-съ.—Я, вы сами знаете, за спокойствіе края отвѣчаю. Вѣдь если это продолжаться будетъ... тутъ только начало трудно!

— Все это совершенно вѣрно, чтò вы изволите о службѣ

говорить, и я нисколько вамъ докладываю не мѣшаю. Если вы находите это нужнымъ—ваше дѣло: донесите.

— Да вѣдь донести и донести рознь...

Фирсу Константиновичу не трудно было уразумѣть, къ чему дѣло клонится: видимо—пойдутъ на сдѣлку. Ему хотѣлось, просто изъ любопытства, прослушать до конца.

— Вы еще долго тутъ оставаться изволите?—спросилъ исправникъ.

— Развѣ и это касается полицейской власти? Скажите, Викторъ Викторовичъ,—обратился докторъ совершенно неожиданно къ Пуславину:—какъ долго, по вашему мнѣнію, придется мнѣ еще оставаться? Отвѣтите за меня.

Пуславинъ былъ поставленъ втупикъ и смолчалъ, слегка пожимая плечами.

— Такъ какъ же вы думаете?

— Зависитъ отъ того, Фирсъ Константиновичъ, чтѣ вамъ еще угодно будетъ.

— Эхъ, господа, господа!—проговорилъ докторъ:—разные мы съ вами люди.

Онъ быстро подошелъ къ бюро, открылъ одинъ изъ ящиковъ, вынулъ конвертъ и подалъ его исправнику.

— Ваша фамилія — г. Болдаревъ, не такъ ли? Такъ это вамъ.

Форматъ, печать, почеркъ руки—все это было знакомо исправнику: губернаторскіе?

Онъ распечаталъ и прочелъ.

Помните ли вы эту сцену изъ «Севильскаго Цирюльника», когда ночная стража желаетъ арестовать Альмавиву, — или эту другую, изъ «Эрнани», гдѣ опять-таки стража признаетъ въ арестуемомъ шалашаго монарха и пятится.

Совершенно то же разыгралось и здѣсь.

Викторъ Викторовичъ былъ сконфуженъ болѣе исправ-

ника. Онъ понималъ очень хорошо, въ какое глупое положеніе влопался, показавъ доктору, что былъ не прочь даже на такія средства. Убѣжденіе въ собственной глупости для такого человѣка, какимъ былъ Пуславинъ, являлось, конечно, самымъ унизительнымъ; до сихъ поръ можно было отказать ему во всемъ, но только не въ умѣ...

Водворившееся молчаніе могъ прервать одинъ только докторъ, и онъ прервалъ его.

— Успокойтесь, господа,—сказалъ онъ:—успокойтесь. Я нисколько не сержусь и дальнѣйшаго хода этой маленькой интермедіи не дамъ. Я думалъ даже вовсе не пользоваться этой бумагой, но вы сами вынудили меня, и я искреннѣйшимъ образомъ прошу извинить.

— Позвольте, Фирсъ Константиновичъ,—замѣтилъ исправникъ:—но я именно въ смыслъ этой бумаги и приходилъ къ вамъ, что если нужна какая-нибудь помощь...

— Благодарю васъ, благодарю. Мнѣ не нужно.

Остаться долѣе было бы невозможно, и оба гостя откланялись.

«Ай - да молодецъ княгиня! — думалъ докторъ, подойдя къ окну и видя уходившихъ собесѣдниковъ.—Вѣдь это она въ Петербургѣ просила написать, а я-то отпѣкивался—говорю: «не надо»... Безвыѣздно, вонъ, въ Петербургѣ сидитъ, а Россію-то, видно, знаетъ. Молодецъ! полководецъ-женщина!

XVIII.

Домъ княгини Бирской въ Петербургѣ извѣстенъ всякому извозчику, хотя навѣрное въ этомъ домѣ, кромѣ княгини и ея штата, никто не живетъ и дохода отъ этого дома извозчикамъ чрезвычайно мало.

Намъ, для нашего разсказа, нуженъ только кабинетъ ея,

такъ какъ въ немъ получить она то увѣдомленіе, которое поразило ее не менѣе, чѣмъ поразить читателя.

Быль шестой часъ вечера въ половинѣ, т. е. до обѣда оставалось полтора часа.

Княгиня Софья Алексѣевна сидѣла въ креслахъ, возлѣ дивана; противъ нея помѣщался какой-то дряхлый, очень дряхлый полный адмиралъ съ георгіевскимъ крестикомъ въ петлицѣ.

Это былъ старинный другъ ея—графъ Борисъ Егоровичъ Шумлянскій, къ сыну котораго, подъ Казанью, долженъ былъ заѣхать на обратномъ пути Фирсъ Константиновичъ.

Домъ княгини носилъ на себѣ въ высшей степени особенность всѣхъ богатыхъ, роскошныхъ обстановокъ: въ немъ было всего больше, чѣмъ нужно.

Въ домѣ необходима одна прихожая—ихъ было три; нужна одна столовая—ихъ было двѣ; нуженъ дворъ—ихъ было два. Каретъ въ сараѣ было три, и каждая изъ нихъ не на четырехъ, а на восьми рессорахъ; колеса ихъ имѣли двойныя шины: желѣзныя и гуттаперчевыя. Когда княгиня умреть, ее положить непременно въ три гроба—для переноса тѣла въ имѣніе; за тѣломъ ея пойдетъ не одинъ священникъ, а нѣсколько митръ и цѣлый рядъ священниковъ и діаконовъ, и т. д.

Въ кабинетѣ или, правильнѣе, въ одномъ изъ кабинетовъ, какъ сказано, это излишество было доведено до крайнихъ предѣловъ.

Возьмемъ одинъ изъ трехъ письменныхъ столовъ, самый большой, мужской, вполне министерскій.

Нѣсколько бюваровъ, множество фотографій, три чернильницы, особыя помѣщенія для бумагъ и конвертовъ всѣхъ сортовъ, цвѣтовъ и величинъ; если, положимъ, княгиня писала и ей нужно было предохранить написанное чернилами отъ пачкотни, то ей представлялся выборъ

между песками нѣсколькихъ цвѣтовъ и пропускною бумагою, павернутою на валикахъ, качалочкахъ, прессъ-папье; если ей, положимъ, понадобилось бы добыть огня (княгиня много курила), то въ ея распоряженіи имѣлись: химическій само-зажигатель, чрезъ накаливаніе платины постоянно горѣвшій огонекъ на мордочкѣ какой-то бронзовой собаки, другой зажигатель—механическій и, наконецъ, цѣлый музей спичекъ, изъ которыхъ однѣ были длиною въ четыре вершка!

Эти послѣднія спички назначались исключительно для тѣхъ, у кого дрожатъ руки. Спичекъ этихъ выходило много.

Такое же разнообразіе имѣлось и въ советкахъ: отъ простыхъ колокольчиковъ начиная—до электрическихъ и воздушныхъ звонковъ, понадѣланныхъ чуть ли не у всякаго дивана.

А формы креселъ и кушетокъ! а очертанія и профили разныхъ вальковъ и подушекъ! а бездѣлушки, картины, статуэткы, ковры и коврики!

Да ужъ не въ насмѣшку ли надъ всѣмъ этимъ помѣстилъ декораторъ, устраивавшій кабинетъ, надъ однимъ изъ дивановъ, прелестнѣйшій, огромный «limoge», въ формѣ круглаго диска, съ изображеніемъ св. Мартина, сидящаго на конѣ и отрывающаго половину своего плаща для подаян бѣдному, распростертому на землѣ?

Какъ трудно, должно-быть, умирать людямъ, живущимъ въ подобной обстановкѣ!

Здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, сновали въ свое время, дѣтьми и взрослыми, одиннадцать сумасшедшихъ въ четырехъ поколѣніяхъ, о которыхъ мы упоминали; тутъ пригорюнивалась, задумывалась и сбивалась въ галлюцинаціяхъ та бѣдная дѣвочка, которую взяли какъ мебель; здѣсь, въ этомъ кабинетѣ, появлялись въ свое время, отчасти уже при княгинѣ, всѣ самые крупные дѣятели послѣднихъ трехъ

царствованій; тутъ, на этихъ диванахъ, коврахъ и подушкахъ, какъ на фантастическихъ корняхъ, окрѣпъ, перенесъ всѣ бури и замшился этотъ могучій дубъ—княгиня, семидесятилѣтняя, высокая, исхудалая, всегда безмятежная...

Было ровно семь часовъ вечера.

Въ теченіе цѣлыхъ двухъ минутъ сверху и снизу блили на всѣ манеры многочисленные часы и часики кабинета; дольше и звучнѣе всѣхъ слышались куранты прадѣдовскихъ часовъ съ камина.

Музыка этихъ двухъ минутъ въ кабинетѣ представляла изъ себя нѣчто совершенно особенное; тутъ чуялась и какая-то грустная истома, и плясовая, не исключая и пляски смерти, и что-то такое отъ любви и отъ ненависти, и то, что этого всего нѣтъ, нѣтъ!—а есть, къ счастью, одно только великое, всеокрушающее время.

Пунктъ семь часовъ. Княгиня и ея гость поднялись съ мѣстъ и направились въ столовую.

Не доложилъ никто объ обѣдѣ не потому, что въ многочисленной прислугѣ не хватало докладчика, а потому, что въ волшебныхъ замкахъ—у Черномора, на примѣръ,—тоже не приходится докладывать, а все подается неслышно, само собою.

Первою комнатою по пути въ столовую было нѣчто розовое, фарфоровое, въ одно окно, нѣчто въ родѣ будуара.

Какъ разъ у прохода стоялъ небольшой столикъ съ серебрянымъ подносомъ; на немъ лежали прибывшія до обѣда письма и визитныя карточки.

И письма, и карточки—совсѣмъ какъ у Черномора—не подавались, а клались: ихъ, видно, тоже доставлялъ какой-то духъ.

Проходя, княгиня остановилась у подноса и тотчасъ же взяла одно изъ писемъ, оставивъ лежать остальные. Это письмо было отъ доктора.

Обыкновенно она до обѣда писемъ не читала: — дурныя вѣсти или вообще неожиданности портятъ пищевареніе, — какъ она говорила. Уже одно то, что она взяла съ собою письмо доктора въ столовую и положила, не распечатавъ, подлѣ себя, было знакомъ совершенно исключительнаго благоволенія.

Писемъ своихъ покойныхъ сыновей, когда они еще находились въ живыхъ, она не читала вовсе. Эту обязанность исполнялъ обыкновенно докторъ и передавалъ своевременно, что нужно. Письма, писанныя по-русски, были болѣею частью безграмотныя.

Въ темной готической столовой на этотъ разъ только два человѣка сидѣли за столомъ: княгиня и ея гость-адмиралъ. Служило шесть человѣкъ; блюдъ было десять; свѣчей на могучемъ канделябрѣ — тридцать шесть и всѣ зажжены.

— Кому это такую честь, княгиня, сдѣлали, — заговорилъ адмиралъ: — и письмо съ собою къ столу взяли?

— Это отъ моего Фирса, графъ, съ завода.

— А когда же онъ вернется?

— А я ему писала, что если онъ тотчасъ не вернется, такъ я заводъ продамъ.

Графъ былъ немного туго на ухо, и хозяйкѣ приходилось говорить очень громко, что ее нисколько не стѣсняло. Значительная часть разговора происходила на французскомъ языкѣ; то, что желательно было скрыть отъ людей, говорилось по-англійски.

— А на обратномъ пути, — заговорила княгиня: — я ему приказала заѣхать къ графу Борису Борисовичу.

— Спасибо, спасибо! — отвѣтилъ адмиралъ.

— Пусть, въ самомъ дѣлѣ, посмотритъ, что онъ тамъ у васъ дѣлаетъ съ земствомъ своимъ.

— Да, да, не говорите; совсѣмъ это мнѣ не на радость —

бросить карьеру, да и какую карьеру, и въ царство царицы Сумбеки уѣхать! добро бы еще жила дарица...

— Что-жъ, это тоже изъ новыхъ вѣяній,—замѣтила княгиня:—можетъ-быть, оно и лучше. Вѣдь правду-то сказать, графъ мой милый, вамъ особаго благоволенія нынче не оказываютъ!

— Такъ-то оно такъ, безъ сомнѣнія, но, вѣдь, знаете, неравенъ часъ: показали бы вдругъ благоволеніе, а его-то на-лицо и нѣтъ! Вѣдь если такъ, какъ онъ, и другіе сдѣлаютъ, такъ кому же тогда благоволеніе-то оказывать: Сидорову, Петрову, Растегаеву, Подметкину и другимъ историческимъ родамъ? Не думаю, чтобы это очень нравилось.

— И я не думаю,—добавила княгиня.

Обѣдъ своимъ порядкомъ кончился ровно въ восемь часовъ. Княгиня чрезвычайно любила входить въ свой кабинетъ какъ разъ подъ музыку всѣхъ часовъ. Для этого приходилось вставать отъ стола минуты за двѣ до срока, знать который было не трудно, такъ какъ громадныя часы, имѣвшіеся и въ столовой, за пять минутъ до боя какъ-то особенно шигѣли, точно воздуху въ себя втягивали.

Прошипѣли часы, собесѣдники встали и направились во-свои-си. Княгиня захватила письмо.

Во время обѣда невидимыя силы приготовили въ кабинетѣ кофе, перенесли письма и карточки изъ розовой комнаты на большой письменный столъ, а въ фарфоровой корзинѣ, стоявшей возлѣ любимой кушетки княгини, вмѣсто бѣлыхъ и лиловыхъ гіацинтовъ и розовыхъ и красныхъ тюльпановъ, появилось видимо-невидимо ландышей, а посрединѣ ихъ распахнулась роскошнѣйшая азалея «duc de Brabant».

Послѣ ѣды полезно нѣкоторое молчаніе.

Сѣли. Молчать. Вдали пылаетъ каминъ.

Княгиня, полурастянувшись на кушеткѣ, вскрыла письмо

доктора и стала читать, попросивъ напередъ позволенія и предложивъ гостю курить.

Адмиралъ закурилъ свою сигару помощью четырехвершковой спички.

Княгиня, само собою разумѣется, читала безъ очковъ; она читала полулежа.

— Чтò это? я сплю или брежу?—проговорила она неожиданно, оставивъ чтеніе, спустивъ ноги съ кушетки, сѣвъ и протирая глаза.

Адмиралъ даже испугался.

— Да нѣтъ, позвольте, позвольте!—И княгиня, уже сяди, приблизивъ письмо къ лампѣ, стала снова читать.

Сомнѣнія не могло быть никакого! чернымъ на бѣломъ написано!

Княгиня нажала пуговку звонка, и не прошло десяти секундъ, какъ явился камердинеръ.

— Подайте бумагу и перо.

То и другое было немедленно подано. Княгиня кивнула головою, и человѣкъ исчезъ.

— *Quelque chose de bien grave, chère madame?*

— *Je l'espère... il est devenu fou, mon docteur...*

— *Mais?!...*

Княгиня четко и сравнительно быстро написала слѣдующую телеграмму:

«Здоровъ ли докторъ? не сошелъ ли съ ума? Отвѣчайте немедленно самымъ обстоятельнымъ образомъ».

Адресована была телеграмма на заводъ, эстафетою, Петру Петровичу Сытову.

Опять пуговка, опять безмолвный человѣкъ, и телеграмма отправлена.

Затѣмъ княгиня вошла въ свое обычное спокойствіе и продолжала разговоръ съ адмираломъ, но уже не мѣняла темы его о докторѣ Фирсѣ.

Что же заключалось, однако, въ письмѣ, полученномъ ею?

XIX.

Исполненіе задачи Фирса Константиновича и его статскаго адъютанта на заводѣ приближалось къ концу. Ни для кого не было тайною, что оставаться имъ болѣе незачѣмъ и что они ждутъ только, чтобы мало-мальски установилась дорога.

Весна, подостѣвшая раньше обыкновеннаго, въ довершеніе всего прочаго, выдала Пуславина головою и по вопросу о плотинѣ: снѣгъ сошелъ—и открылось, что она все не чинилась.

Противъ него была, слѣдовательно, и природа, но за него была Лидія Михайловна.

Та галлерей съ цвѣтами, о которой мы нѣсколько разъ говорили, не могла бы сіять во всемъ своемъ блескѣ въ срединѣ зимы, если бы не оранжерея, снабжавшая ее цвѣтущими экземплярами.

Оранжерея эта стояла въ глубинѣ сада, окружавшаго домъ управителя. Къ ней шла прямая аллея, прямо къ срединѣ, и двѣ боковыя дорожки—къ обоимъ концамъ ея. Она состояла изъ трехъ отдѣленій: холоднаго въ центрѣ и двухъ теплыхъ по бокамъ: одно для разсадъ, другое для экзотическихъ растеній. Къ тому и другому отъ средняго отдѣленія, какъ это дѣлается обыкновенно, вели невысокія деревянныя лѣстнички.

Оранжерея была поручена вѣдѣнію естествоиспытательницы Елизаветы Петровны, и, въ виду наступавшей весны, она, въ сопровожденіи Лидіи Михайловны, находилась въ ней на работѣ. Оба садовника отпавились обѣдать, и разговоръ между дѣвушками могъ вестись совершенно свободно.

Обѣ онѣ, въ подвязанныхъ темныхъ коленкоровыхъ передникахъ, засучивъ рукава повыше локтей, разсаживали по горшкамъ разсаду. Руки ихъ были выпачканы; лица разгорѣлись. Въ свѣжѣмъ запахѣ только-что разрытого навоза дышалось легко, и работа шла весело.

— Шерочка, душечка!—говорила Лиза, сильно нажимая землю вокругъ тоненькаго зелененькаго отростка какого-то растенія, только-что пересаженнаго ею въ горшокъ:—Золотко сказалъ бы, пожалуй, что теплыя объятія земли, обнимая съ любовью корни этого маленькаго существа, внушаютъ ему любовь и будущее цвѣтеніе. Ты смотри—запиши мои слова въ дневникъ.

— Непремѣнно.

— Но не все равно, кто нажимаетъ землю. У красавицы Лидіи...

— Ну, вотъ опять...

Лиза оставила работу и, уставивъ, будто къ пляскѣ, руки въ бока, глядѣла на Лидію Михайловну, улыбаясь во весь широкій ротъ.

— Чѣмъ не красавица?.. Уфъ!—воскликнула она, и неожиданно бросившись къ ней, обвила своими крѣпкими руками, будто струнами, и чмокнула—впиалась прямо въ губы.

Задѣтый ею горшокъ полетѣлъ, полетѣлъ и другой на высланный кирпичами полъ, и оба разбились вдребезги.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, Лиза!—немного разсердившись, отвѣтила гувернантка.—Или ты мужчина? Оставь... да ну, оставь же!

— Будь я на мѣстѣ папаши,—проговорила Лиза, отойдя шага на два и опять-таки подбоченясь:—я бы ужъ давно, давно...

И уральская лесбиянка, сходная съ Сафо тѣмъ, что и та, по точнымъ извѣстіямъ, была очень некрасива собою, продолжала, улыбаясь, любоваться ею.

— Какъ же? сейчасъ! такъ это и будешь!—отвѣтила Лидія Михайловна.—А сестрица?

— Чтò сестрица? съ нею послѣ твоего прїѣзда—все кончено.

— Едва ли.

— А я такъ убѣждена въ этомъ. Да, по правдѣ сказать, я очень рада: вѣдь это, все-таки, слишкомъ!...

— Знаешь ли чтò, шерочка...—заговорила Лидія Михайловна, послѣ короткаго молчанія:—вѣдь намъ съ тобою надобно, все-таки, объясниться, условиться... вѣдь такъ нельзя. Ну, уѣдетъ докторъ, чтò потомъ?

— Какъ чтò?

— Вѣдь я такъ, при этихъ условіяхъ, пока мамаша тутъ и Елена... ни за что!

— Совершенно съ тобою согласна.

— Но вѣдь Викторъ Викторовичъ не остановится; особенно теперь, послѣ погрома, потребуетъ утѣшенія...

— Вотъ если бы Елена Климу Кузьмичу не отказала, ну, тогда было бы просто: раздѣлились бы на двѣ семьи... могли бы мы, пожалуй, и въ Парижъ прокатиться, какъ онъ говорилъ... Лидочка! Елену надо выдать замужъ! Устрой поѣздку въ Парижъ!

— Потерпите, сударыня!

— Но со мной ты не разстанешься? не правда ли? вѣдь тебѣ невыгодно со мной разставаться? вѣдь я, все-таки, ширма? ну, говори же? да?

Лидія протянула ей обѣ руки... Но, спохватясь, что онѣ по локоть въ землѣ, ограничилась однимъ только поцѣлуемъ.

Въ это время сквозь стекла оранжереи увидѣли двѣ девушки направляющагося къ нимъ Пуславина.

— Судьба идетъ!—проговорила Лиза и быстро побѣжала по направленію къ одной изъ лѣстницъ.

— Постой! куда ты?

Лиза была уже у дверей, на лѣстничѣ, и, наклонясь оттуда, проговорила:

— Меня здѣсь нѣтъ; я ничего не слышу и не вижу! Впередь!

Улыбнувшаяся ей возможность незримо присутствовать при скабрёзной сценѣ до такой степени поглотила её увлекла, что она себя не помнила отъ радости.

Она скрылась въ боковое отдѣленіе. Вошелъ Пуславинъ. Онъ оглянулся.

— Вы однѣ, Лидія Михайловна?

— Здѣсь? одна.

— А тамъ?—Пуславинъ указалъ головою на отдѣленія и, не торопясь, заглянулъ въ оба.

Если бы только кто увидѣлъ, какъ, услышавъ подходящаго Пуславина, прижалась между открытою дверью и стѣною Елизавета; какъ вытянулась она, какъ собрала въ колѣна юбки, какъ плотно прижала къ стѣпѣ затылокъ!..

Цѣль была достигнута: Пуславинъ не видѣлъ ея.

— Лидія Михайловна! намъ случай поговорить и это необходимо! Все, что случилось со мною, вамъ извѣстно; конецъ будетъ тотъ, что я здѣсь не останусь. Одно къ одному: я рѣшился также не оставаться болѣе съ женою...

— Но гувернантка будетъ вамъ нужна?!

Лидія Михайловна слегка улыбнулась и, наклонивъ голову, начала спускать рукава платья.

— О! оставайтесь такъ! оставайтесь такъ! Если бы вы знали... впрочемъ, что же объ этомъ... Я сыновей возьму съ собою, и не гувернантка, а вы мнѣ нужны!

— Викторъ Викторовичъ! я не скрою отъ васъ: то, что вы предлагаете мнѣ...

— Позвольте, Лидія Михайловна, у меня въ банкѣ полтораста тысячъ. Въ тотъ день, когда вы рѣшитесь... я

даю вамъ, двадцать пять! Я не думаю то же, чтобы мнѣ пришлось остаться вовсе безъ мѣста. Будьте полною хозяйкою въ моемъ домѣ...

Лидія Михайловна упорно молчала.

— А Марья Сергѣевна?... а Елена Петровна?—спросила она.

— Онѣ будутъ имѣть, что нужно.

— А Лиза?

— Лиза будетъ съ нами, если хотите и если я угадаю вашу мысль. Все какъ вы хотите, все!... но только дайте мнѣ увѣренность въ томъ, что въ эту тяжелую, непріятную для меня пору вы поддерживаете, вы позволяете любить себя человѣку, который—я не скрою отъ васъ—лишается передъ вами воли, смысла, и отдастъ, современемъ, конечно, больше, чѣмъ думаетъ дать въ эту минуту... Вы понимаете меня... я въ лѣтахъ!

Легкій шорохъ и топанье ногъ заставили ихъ оглянуться; они слышались изъ отдѣленія, противоположнаго тому, въ которое скрылась естествоиспытательница.

На лѣстничкѣ, на порогѣ, показалась Елена.

— Лиза здѣсь?!—проговорила она громко, видимо озадаченная.

— Конечно, здѣсь! а то гдѣ же?—отвѣтила Лиза, выскочивъ изъ противоположныхъ дверей:—что тебѣ?

Сценка вышла очень красивенькая, какъ разъ для театра: обѣ сестры на двухъ лѣстничкахъ, а посрединѣ—Пуславинъ съ Лидією Михайловною!

— Тебѣ письмо съ почты,—сказала Елена.

Обѣ дѣвушки сошли со ступенекъ и направились одна другой навстрѣчу.

Конвертъ былъ врученъ по принадлежности, и такъ какъ приближалось обѣденное время, то послѣ коротенькаго

осмотра трудовъ барышень по пересадкѣ, вся компанія потянулась во-свояси.

Елена прошла раньше прочихъ; за нею Лиза. Пуславинъ схватилъ по пути ея руку и крѣпко сжалъ ее.

Пропуская впередъ Лидію Михайловну, онъ спросилъ ее, полузагородивъ дорогу:

— Что же отвѣтъ, и самый положительный?

— Я подумаю... подъ условіемъ...

Одна изъ партій обрисовалась, такъ какъ это «подумаю» было самою легкою, воздушною формою слова «да».

Твердое тѣло — видите ли — находилось пока въ газообразномъ состояніи.

XX.

Условіе, подъ которымъ Лидія Михайловна согласилась на предложеніе Пуславина, сдѣлалось ему извѣстнымъ очень скоро. Она требовала свадьбы Елены во что бы то ни стало.

Это было и просто, и послѣдовательно.

Близость отъѣзда доктора была несомнѣнна. Подождать бы Пуславину! Но въ немъ было совершенно естественное желаніе не только покончить со всѣми передрыгами, длившимися такъ долго, но также и наверстать потерянное. Потерявъ многое какъ управитель, онъ думалъ наверстать какъ любовникъ, и вотъ почему ранѣе, и гораздо энергичнѣе, чѣмъ бы слѣдовало, онъ принялся за исполненіе условія, потребованнаго Лидією Михайловною.

Докторъ, съ своей стороны, нисколько не подозрѣвавшій подходовъ, существовавшихъ противъ Елены, былъ, однако, совершенно опечаленъ невозможностью сдѣлать что-либо для матери и дочери. Чего только не придумывалъ онъ!

Оттянуть отъѣздъ возможно долго? Оно уже было сдѣлано, но продолжать этого въ безконечность нельзя.

Купить нѣкоторымъ образомъ Пуславина, обѣщавъ ему известное, даже значительное спускожденіе? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что княгиня согласится на все, чего онъ, докторъ, попроситъ. Но кто же поручится за такого человѣка, какъ Пуславинъ, и тутъ, въ этой глуши, гдѣ и священникъ-то у нихъ свой?

Устроить послѣ отъѣзда нѣчто въ родѣ наблюденія, спасательной станціи? Но тутъ и самую станцію разнесутъ, слѣда не отыщешь—сама полиція поможетъ. И гдѣ люди для этого? Аптекарь—одинъ только и есть! Но докторъ не разъ думалъ, какъ бы ему взять аптекаря съ собою?

Оставить для этой цѣли своего статскаго адъютанта Сытова? Но у него старуха-мать въ Петербургѣ, разбитая параличомъ—сюда не перевезешь...

И бѣдный докторъ съ ужасомъ сознавалъ, что срокъ отъѣзда надвигался: уже прошли слухи о томъ, что по Камѣ двинулись пароходы.

Нѣтъ ли тутъ кого изъ молодежи,—если не здѣсь, то гдѣ-нибудь по сосѣдству,—порядочнаго человѣка, подходящаго жениха? Можно будетъ, пожалуй, кое-какое приданое со-
стряпать, устроить, обезпечить.

Эта мысль была лучше прочихъ. Правда, тутъ все или вышколено, или забито, все къ масти подобрано, изъ кого возьмешь? Но вѣдь отыскался же здѣсь Ѳеодоръ; можетъ, и другой кто сыщется; спросить объ этомъ именно Ѳеодора.

Было часовъ семь вечера и еще довольно свѣтло.

Докторъ повернулся, чтобы позвать человѣка: Ѳеодоръ самъ стоялъ передъ нимъ.

— А я только-что за тобою послать хотѣлъ,—проговорилъ докторъ, подошелъ къ нему и отшатнулся: такъ болѣзненно, грустно, испуганно было его лицо.

— Чтѣ случилось? откуда ты?

— Помочь надо! помочь сейчасъ!

— Кому?...

Мы избавимъ читателя отъ подробностей того, что общилъ доктору Федоръ: онѣ возмутительны; скажемъ въ общихъ словахъ: Пуславинъ принялся за исполненіе условія предложеннаго Лидіею Михайловною. Направившись послѣ обѣда, какъ и въ первый разъ, когда онъ сваталъ Клима Кузьмича, въ спальню жены, онъ выпроводилъ Елену и остался съ Марьею Сергѣевною наединѣ. Послѣдовалъ долгій, очень крупный разговоръ... Слышали два-три глухихъ крика! Когда Пуславинъ вышелъ отъ жены и Елена бросилась въ спальню къ матери, она застала ее въ обморокѣ. Воротничокъ платья и правый рукавъ были наполовину разорваны...

Конечно, обо всемъ этомъ тотчасъ узнали люди; узналъ и Федоръ.

— И вотъ что тамъ было,—закончилъ онъ свой рассказъ.— Ожидать можно, что будетъ...

Докторъ продолжалъ слушать его и послѣ того, какъ все было сказано.

Онъ какъ будто старался помирить необходимость моментальной помощи съ медленностью исполненія того плана, который онъ сочинилъ и собирался сообщить Федору.

«Планъ былъ такъ хорошъ,—думалось ему.— Что если онъ никуда не годится? а онъ, пожалуй, не годится».

— Мерзавецъ!—проговорилъ, наконецъ, докторъ.—Вѣдь я тебя, Федоръ, въ виду возможности чего-либо подобнаго и позвать хотѣлъ. У меня была мысль!

— Какая?

— Да нѣтъ ли у васъ тутъ, ну, не тутъ, такъ недалеко гдѣ-нибудь,—подходящаго человѣка, порядочнаго человѣка для Елены?

— Жениха?

— Жениха! ну, припомни, ну, потолкуй съ кѣмъ-нибудь! Аптекарь отрицательно покачалъ головою.

Изъ прихожей въ это время донесся говоръ; раздались очень быстрые шаги; распахнулась дверь, и Елена, урочивъ въ дверяхъ накиннутую на плечи шубку, вбѣжала и остановилась...

Докторъ и аптекаръ бросились къ дѣвушкамъ.

— О! не троньте! не троньте меня! не нужно! Я стою на ногахъ крѣпче, чѣмъ когда-нибудь!

Человѣкъ внесъ въ это время свѣчи, и Елена, будто приходя въ себя, будто стараясь опомниться отъ чего-то страшнаго, очень недавняго, оглядывала поочередно то доктора, то Ѳедора, и вдругъ, глубоко, очень глубоко вздохнувъ, протянула имъ обѣимъ руки и улыбнулась.

«Друзья!»—подумалось дѣвушкамъ.

Ей придвинули кресло.

— Нѣтъ, я не сяду! у меня много силъ и много рѣшительности... Я за дѣломъ пришла!.. и за какимъ дѣломъ!—добавила она, слегка нѣсколько разъ качнувъ головою.

— Успокойтесь, милая Елена Петровна, успокойтесь!—сказалъ, наконецъ, докторъ.

— Это когда-нибудь потомъ... когда много времени пройдетъ, я тогда все расскажу! а теперь, теперь... Спасите меня и мать мою: мы въ вертепѣ!

— Да! но какъ спасти? Чтѣ же я-то могу? Мы объ этомъ сейчасъ говорили...

То, чтѣ было сообщено доктору Ѳедоромъ, было только частью того, чтѣ имѣло мѣсто въ дѣйствительности.

Обморокъ матери длился долго. Елизавета и не показывалась къ ней: хлопотала одна Елена съ горничною. Послѣ долгихъ ожиданій, Марья Сергѣевна пришла въ себя и вслѣдъ затѣмъ заснула.

Чтобы пройти въ свою комнату, Елена должна была идти по коридору мимо комнаты сестры.

Звучный, веселый смѣхъ несея оттуда; ей не трудно было узнать голоса Пуславина и Лидіи Михайловны.

Мысль о новомъ значеніи гувернантки въ домѣ уже и до того нашла себѣ дорогу въ голову Елены. Веселый смѣхъ въ настоящую минуту, послѣ того, что произошло, смѣхъ при затворенныхъ дверяхъ въ комнатѣ сестры, подъ ея покровительствомъ, на нейтральной почвѣ, былъ болѣе тѣмъ намекъ, предположеніе...

Часъ спустя, Елена возвращалась тѣмъ же путемъ, чтобы взглянуть на мать. Тотъ же смѣхъ продолжался!

Но мать застала она иначе, чѣмъ оставила.

Марья Сергѣевна сидѣла на своей кровати и пудрилась, поставивъ передъ собою зеркало и свѣчи.

Лицо ея, покрытое цѣлымъ слоемъ пудры, было совершенно бѣло, какъ маска. Темнѣли только углубленія рта и глазъ.

— А, вотъ и ты,—сказала мать, увидѣвъ Елену:—а я красивѣй хочу быть, чтобы Виктору Викторовичу понравиться...

Видъ этой живой, совершенно пьяной маски былъ просто страшенъ.

Бросившись опрометью вонъ, мимо комнаты сестры, съ ея ужаснымъ смѣхомъ, нисколько не унимавшимся, она послала къ матери горничную, сама же очутилась у докторѣ.

— Вы не можете помочь мнѣ? вы?—сказала она въ отвѣтъ на послѣднія слова доктора:—да серьезно ли вы это говорите? Возьмите меня въ жепы!

Прибѣжать, какъ прибѣжала, сказать, что сказала и какъ сказала,—на это потратилась вся бодрость, вся смѣлость, вся увѣренность дѣвушки! Всего этого оказалось въ ней больше, чѣмъ требовалось для исполненія ея намѣренія; она не обратила вниманія на то, ушелъ ли человекъ,

принесшіи свѣчи, не слышитъ ли се другой кто—ой было все равно... будь тутъ хоть вся Россія!.. Но затѣмъ дойти до кресла было ей трудно: ее подвели и усадили.

Фирсъ Константиновичъ стоялъ надъ нею, заложивъ руки за спину, ошеломленный, неподвижный, хмурый.

Первымъ пришелъ въ себя аптекарь:

— Что же, Фирсъ? а вѣдь это умнѣе нашего?.. сама выдумала, сама пришла!

Услѣдить мысли доктора за это время было невозможно.

«Смѣшно» чередовалось съ «должно»; возможность какихъ-то отклоняющихся полумѣръ, полусредствъ разлеталась въ пухъ и прахъ передъ безмолвною фигурою этой дѣвушки, осунувшейся въ кресло; надежды на время? Но тутъ именно время—гибель! насилья! проклятья! смерть, можетъ-быть! А что люди скажутъ? а если согласиться? Тогда это будетъ только началомъ чего-то невозможнаго, глупаго, безразсуднаго! А обязанность помочь? а значеніе добра, которому онъ служилъ всю жизнь, отрицать его, что ли? И вѣдь онъ можетъ же, взявъ дѣвушку за себя, дать ей назадъ ея свободу!? можетъ, конечно, можетъ!!

Подойдя къ Еленѣ и снявъ осторожно съ лица руку, его прикрывавшую, докторъ долго смотрѣлъ на нее, соображалъ...

Онъ приложилъ свою руку ко лбу ея—холоденъ! Пульсъ?.. пульсъ былъ чрезвычайно слабъ.

Засуетились.

Походная аптека доктора была недалеко; прибѣгли къ нашатырному спирту, натиранію висковъ.

Елена открыла глаза тотчасъ же, сдѣлала большое усиліе и поднялась на ноги.

— Я не знаю, докторъ, достаточно ли ясно я выразилась? Я не того прошу, чтобы вы увезли меня и мать отсюда, нѣтъ, я хочу быть вашей женой...

Вмишался, опять-таки, аптекарь:

— Фирсь! вѣдь дѣло просто, чрезвычайно просто, бери, братъ! или тебѣ твоихъ послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ глупой жизни жаль? сдѣлай изъ нихъ что-нибудь, придай имъ значеніе! Просятъ—значить, они еще годны на что-нибудь... а это не всякому дается, не всякому!

— Да вѣдь смѣяться будутъ!

— А надпись-то на крестѣ: «сей есть царь іудейскій» помнишь? Смѣялись?!

— Развѣ... развѣ по чужому примѣру... фиктивно!..—проговорилъ докторъ медленно, съ большой разстановкой словъ.

— А то какъ же иначе?..

И вотъ причина той телеграммы, которую послала княгиня Бирская на имя Сытова, когда узнала о намѣреніи доктора жениться и заподозрила состояніе умственныхъ способностей его. Увѣдомляя княгиню о предстоявшей свадьбѣ и прося ея благоволенія «къ этому своеобразному поступку», онъ отъ сообщенія фиктивности брака изъ чувства какой-то странной стыдливости удержался.

На слѣдующій день утромъ весь заводъ зналъ большую и совершенно необычайную новость—о женитьбѣ доктора.

XXI.

Пріѣхалъ Фирсь Константиновичъ на заводъ въ одной клубиткѣ. Уѣхалъ онъ съ новою семьею своею въ двухъ тарантасахъ.

Впереди открывали это свадебное путешествіе Марья Сергѣевна и Елена Петровна Дерамова.

Сзади завершали его тотъ же Фирсь Константиновичъ съ тѣмъ же Петромъ Петровичемъ.

Только два тяжелыхъ чувства увозили съ собою эти люди.

Въ первомъ тарантасѣ преобладало, конечно въ Марьѣ Сергѣевнѣ, сознаніе того, что она покинула двухъ маленькихъ ребятъ. Но она сознавала ясно, какъ Божій день, что ея присутствіе могло быть для нихъ только вредно: видѣть ее въ той убійственной роли, которую она должна была играть, могли они не иначе, какъ не видя въ ней матери! Кромѣ того, надо было спасти Елену. Изъ двухъ золъ она выбрала меньшее и оставила младшихъ дѣтей.

Во второмъ тарантасѣ, само собою разумѣется у доктора, преобладала печаль по Федорѣ. Всѣ усилія его взять съ собою аптекаря или выманить у него обѣщаніе пріѣхать остались тщетными.

— Ты, вотъ,—говорилъ ему на прощанье Федоръ,—изъ послѣднихъ остающихся тебѣ лѣтъ жизни хорошее употребленіе сдѣлалъ, и пожертвовалъ-то ты ими послѣ трехмѣсячнаго знакомства съ Еленою Петровною, и хорошо сдѣлалъ. А неужели же я послѣ двадцати лѣтъ оставляю заводскихъ?! Вѣдь вотъ не даромъ выжидалъ—самъ видишь! Но писать буду непремѣнно...

Пріѣхалъ на заводъ Фирсъ Константиновичъ въ глубокую зиму. Уѣзжалъ онъ въ самое лучшее время весны.

Весна идетъ! весна пришла! покрикивали имъ навстрѣчу мелкія птички, и, если бы не ужасная дорога, путешествіе было бы чрезвычайно пріятно.

Съ Пожновской станціи повезъ ихъ опять-таки нѣмчикъ самолично и долго и много рассказывалъ о томъ благопріятномъ впечатлѣніи, которое «на весь уѣздъ и дальше» произвело ихъ пребываніе на заводѣ и ожидаемое смѣщеніе Пуславина.

Трое сутокъ пути. Кама. Пароходъ. Въ нѣсколькихъ часахъ отъ Казани, подъѣзжая къ довольно значительному селу, пароходъ далъ хриплый свистокъ. Отъ берега отчалили двѣ большія лодки съ чрезвычайно длинными ру-

лями и веслами. Противъ села пароходъ остановился: кинули въ лодки веревки, тѣ притянулись вплотную къ трапамъ, и наши пассажиры благополучно сошли въ нихъ.

Пока они это дѣлали, могучее теченіе полноводной Камы отнесло ихъ къ самому концу села, къ церкви. Тутъ, по совершенно вѣрному расчету, ихъ ожидали двѣ коляски четвернями.

Пріятно было сѣсть въ хорошую, съ пружинными подушками, коляску!

Предувѣдомленный по телеграфу, графъ Борисъ Борисовичъ Шумлянской въ назначенный день выслалъ, какъ того просилъ докторъ, два экипажа.

«Зачѣмъ это ему два экипажа?»—думалъ графъ.

Докторъ—по разсѣянности, по привычкѣ или намѣренно—не сообщил о томъ, кто съ нимъ именно ѣдетъ. Онъ зналъ, однако, что сколько бы народу къ графу ни пріѣхало—всѣхъ размѣстятъ.

Расчетъ былъ совершенно вѣренъ.

Представьте себѣ въ довольно пустынной, угрюмой, лѣсистой мѣстности, на высокомъ берегу одного изъ притоковъ Камы, нѣчто въ родѣ гатчинскаго дворца.

Сходство это не удивительно: планы ихъ обоихъ принадлежатъ одному и тому же архитектору.

То же расположеніе покоевъ, тѣ же дворы за высокими желѣзными рѣшетками, тѣ же пустыя караулки, та же темная, металлическая, замшившаяся крыша, тѣ же безконечно-длинные прямые линіи карнизовъ, а по стѣнамъ утомительные, безконечные, въ три этажа, ряды оконъ, полуколонокъ и по всему этому разбросанныя кое-гдѣ фпгурки и завитушки рококо.

Многое пообвалилось. По желтой краскѣ стѣнъ и бѣлымъ обводамъ оконъ, воротъ и дверей, въ особенности на углахъ,

краснѣется оголившійся кирпичъ — тотъ старый, большой, несокрушимый кирпичъ, котораго нынче не дѣлаютъ.

Дворецъ — потому что это не домъ, а дворецъ — окруженъ стариннымъ паркомъ. Рука и фантазія Гонзаго такъ и чувствуются въ этомъ удивительномъ умѣніи воспользоваться тѣмъ, что дала природа, задвинуть некрасивое, выставить напоказъ, выдвинуть на видъ удачное, обмануть разстояніями, чудесно воспользоваться перспективой.

По парку разсыпаны коттеджи, мостики,obelisks, храмы. Мѣстами на чугунной плитѣ, составляющей легенду какой-нибудь колонны, красуется золоченое, рельефное, пылающее сердце или такая же, лишенная нѣсколькихъ буквъ, надпись: «щастію мо..о сердца».

Вензелевое изображеніе имени основателя этого дворца «Б. Б.», въ завитушкахъ, подъ графскою короною, начинается преслѣдовать путешественника версты за двѣ до дома, появляясь впервые на чугунныхъ перилахъ мостика...

Вы были только-что въ Америкѣ, въ Новомъ Свѣтѣ. Катились по могучей рѣкѣ, съ ничѣмъ нерегулируемымъ разливомъ, мимо едва только намѣченныхъ поселеній, мимо безконечныхъ пустырей и лѣсовъ. Вы только-что имѣли дѣло съ черемисой, мордвой, чувашами, башкирами, татарвой. А тутъ!..

А тутъ обдаетъ васъ прошлымъ вѣкомъ, вѣяніемъ Версали, Шведцингена, Санъ-Суси! Тутъ вы цѣликомъ во времена Монъ-Бижу и Монплезировъ и, въѣзжая въ высокія, никогда незакрываемыя ворота съ гербами, невольно хватаетесь за затылокъ, думая: да не отвалилась ли по этой чертовской дорогѣ моя привязная, напудренная коса?

Докторъ слышалъ объ имѣніи графа Шумлянского, но онъ не ожидалъ ничего подобнаго и былъ пораженъ.

Еще болѣе былъ пораженъ графъ Борисъ Борпсовичъ.

Ему пришли доложить, что Фирсъ Константиновичъ пріѣхали.

— Сколько ихъ?

— Они сами съ женою и тещею и еще господинъ.

— Съ женой? Какъ съ женой?

— Точно такъ-съ.

Извѣстіе это было такъ неожиданно, что графъ не удержался и вышелъ на лѣстницу, чтобы убѣдиться въ этомъ воочию.

Жилыми комнатами графа былъ второй этажъ. Къ нему вела роскошная, широкая, съ площадками на два крыла, лѣстница. Съ площадки второго этажа можно было видѣть поднимавшихся.

День былъ очень свѣтлый; графъ былъ очень дальнозорокъ и тотчасъ же увидѣлъ Марью Сергѣевну, — это, конечно, жена! другая—это, безъ сомнѣнія, теща!

Теща?! она! эта красавица, эта молоденькая!

Навожденіе... Легкое облако мгновеннаго потемнѣнія сообразительности, налетающее при очень сбивчивыхъ неожиданностяхъ, пронеслось и по мышленію графа.

Путешественники наши тѣмъ временемъ приблизились къ нему.

Нѣсколько штриховъ для очертанія очень характерной личности молодого графа.

Онъ воспитывался въ пажескомъ корпусѣ; поступилъ въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ полковъ; въ академіи не былъ.

Исключительно высокое положеніе отца, адмирала, быстро двинуло его по службѣ. Нѣкоторыя отличія, сдѣланныя ему, были сдѣланы совершенно не въ примѣръ прочимъ и возможны только у насъ.

Затѣмъ явились другіе люди; пошатнулось положеніе адмирала, и это тотчасъ же отозвалось на сынѣ.

Правда, отзывалось оно совершенно минимально, и другой, менѣе избалованный, менѣе чуткій къ служебнымъ успѣхамъ организмъ вовсе бы и не замѣтилъ этого еле замѣтнаго, хотя и преднамѣреннаго, щекотанія.

Но графъ Борисъ Борисовичъ былъ обиженъ и совершилъ удивительный *coup d'état*: онъ бросилъ свое видное, съ большимъ значеніемъ, мѣсто и рѣшился, какъ онъ говорилъ, стать земцемъ.

Въ расчухиваніи будущаго онъ, съ большею или меньшею основательностью, увидѣлъ не только «полезное будированіе», но и какую-то далекую, чуть-чуть свѣтившую ему надежду мести, реванша!

«Не хотѣли меня тамъ, — думалъ онъ, — такъ я, вамъ па зло, вынырну отсюда!»

И онъ поселился въ своемъ дворцѣ; навезъ съ собою всякую обстановку, не псключая француженки, и сталъ собирать и кормить мѣстныхъ земцевъ напропалую. Понятно, что къ нему полѣзли всѣ и вся. Имя его, хорошо извѣстное повсюду, связи его въ Петербургѣ, его личная карьера ставили его въ совершенно исключительное положеніе относительно мѣстныхъ губернскихъ властей: онъ, все-таки, былъ силой.

Этотъ будущій земець, со всѣми атрибутами самаго чистокровнаго бюрократа, былъ какимъ-то совершенно особеннымъ рожденіемъ, однимъ изъ тѣхъ переходныхъ типовъ Дарвина, которыхъ отличительная черта скоропроходимость.

Не дай Богъ, добьется онъ своего: пройдетъ онъ, дѣйствительно, отъ земства въ дѣло, — а онъ непремѣнно пройдетъ, — и тогда прощай самый мозгъ костей такого земскаго представительства!

Онъ края своего не знаетъ; онъ края своего не любить; онъ пойдетъ на сдѣлку съ точки зрѣнія своихъ

петербургскихъ отношеній и отдасть свое полномочіе на службу тому, противъ кого должно оно было орудовать.

Графъ, описываемый нами, не единственный въ своемъ родѣ: ихъ полку прибываетъ. *Annibal ante portas*, господа земцы!

Знакомство всѣхъ гостей съ хозяиномъ произошло на площадѣ лѣстницы, и мышленіе графа, заволокнувшееся было при взглядѣ на Елену, вошло въ отправленіе всѣхъ своихъ обязанностей.

XXII.

Цицеронъ въ Тускулумѣ, Горацій въ Тибурѣ, Варронъ въ Казинумѣ, Плиній въ Лаурентумѣ!.. Кромѣ, однако, француженки!

Графъ Борисъ Борисовичъ былъ очень радъ пріѣзду гостей—всѣхъ въ совокупности. Доктора онъ зналъ давно и по связямъ его съ семьею княгини Бирской, а во вниманіе къ тому, что онъ петербуржецъ, считалъ его «своимъ, ровней». Это было по сердцу графу; онъ столько времени былъ окруженъ одними только «меньшими братьями» — земцами!

Правда, былъ съ нимъ еще и кузенъ его, юноша двадцати трехъ лѣтъ, поручикъ гвардіи въ отставкѣ, но этотъ значилъ немного.

Кузенъ относился, какъ онъ самъ говорилъ, къ людямъ, «культивировавшимъ сонъ».

Онъ въ состояніи былъ спать часовъ пятнадцать въ сутки; ѣлъ отлично, ходилъ мало и вслѣдствіе этого сталъ полнѣть невообразимо быстро.

Роскошный румянецъ покрывалъ его щеки; темный пушокъ усовъ рисовался легкою тѣнью подъ носомъ.

Ему даже служба гвардейскаго офицера казалась трудною. Онъ дремалъ всѣмъ существомъ своимъ, и когда другіе

юноши въ его годы увлекаются всёмъ рѣшительно — женщинами, картами, попойками, — онъ смотрѣлъ на все это сонливо. Точно будто священникъ, когда окупилъ его въ купель, окупилъ и въ результаты какой-то самой добродушной стопческой философіи, и такимъ онъ и остался.

Временно занялся онъ однажды спиритизмомъ, но матеріализація духа была для него слишкомъ долга, слишкомъ скучна!

И несмотря на все это, этотъ ходячій сонный аппаратъ былъ, все-таки, помѣченъ божественнымъ перстомъ: у него былъ прелестный талантъ къ музыкѣ; онъ игралъ на фортепіано замѣчательно; одно это могло бы наполнить цѣлую жизнь, — но онъ шутилъ этимъ талантомъ, потому что ему, какъ онъ говорилъ, сочинять музыку нужно, а не играть!

Какъ будто игра — не особый видъ сочиненія?

Въ этомъ отношеніи онъ, какъ видите, былъ тѣмъ же, что и кузень: тому мало было блестящей карьеры, этому мало блестящей игры.

Странные люди!

И юноша спалъ, ѣлъ и спалъ, и былъ въ отставкѣ.

Понятно, что онъ не могъ быть компаньономъ графу Борису, — и пріѣздъ доктора оживилъ старшаго брата, такъ какъ можно было, наконецъ, выболтаться, показать всю глубину своего «отъ земли взятаго» міровоззрѣнія!

Первымъ дѣломъ графа было показать доктору не хозяйство — его собственно не было — земля шла изъ половины, вотъ и все, но домъ.

Ходилъ докторъ; ходила Елена; ходила и Марья Сергѣевна...

Въ громадныхъ комнатахъ глядѣли со стѣлъ портреты — иногда во весь ростъ — разныхъ русскихъ и французскихъ дѣятелей конца прошлаго вѣка. Одинъ изъ предковъ графа былъ посланъ въ Парижъ въ тѣ дни.

Видъ палудренныхъ париковъ, дамъ въ фижамахъ, военныхъ съ кружевными воротничками и рукавчиками поразилъ Елену. Она никогда ничего подобнаго не видала! Графъ, объясняя ей то и другое съ достаточною полнотою, такъ какъ французскую исторію, по мемуарамъ, онъ дѣйствительно зналъ, вырасталъ въ собственныхъ глазахъ, какъ бы приобщаясь къ великому вѣку.

Особенно богаты были бронзы, и графъ, какъ весьма галантный кавалеръ, тутъ же поднесъ Еленѣ въ подарокъ несессеръ временъ регентства. Онъ обратилъ вниманіе ея на одну изъ серебряныхъ *émail cloisonné* коробочекъ: въ ней лежала цѣлая куча мушекъ, будто ихъ только-что туда набросали.

— И это налѣпляли они?!—невольно вскрикнула Елена.

— Налѣпляли! они даже разговаривали этимъ путемъ—напримѣръ, мушка съ правой стороны подбородка значила: я жду васъ; мушка гдѣ-нибудь подлѣ уха: мужъ будетъ дома—нельзя.

Елена вспыхнула: ей показалось обиднымъ, что такъ дурно думали тѣ люди, которые оставили столько роскошныхъ вещей и имѣли столько вкуса.

Послѣ обѣда докторъ остался наединѣ съ графомъ Борисомъ, и тутъ завязался у нихъ преинтересный разговоръ.

— Да,—говорилъ графъ,—если бы всѣ знали, въ чемъ истинная сила, кому принадлежитъ будущность, кто не только кажется, а дѣйствительно есть представитель народныхъ и общественныхъ интересовъ, то всѣ сдѣлали бы то же, что и я. И посмотрѣли бы мы, что тамъ тогда сдѣлали бы!

При этомъ графъ указалъ рукою куда-то: не то въ небо, не то къ Петербургу.

Ему, какъ мы сказали, ужасно хотѣлось выболтаться, но и доктору очень хотѣлось его слушать, такъ какъ ста-

рикъ-адмиралъ, чрезъ княгиню, поручилъ Фирсу Константиновичу допытать, насколько малый безнадеженъ? Докторъ началъ противорѣчить.

— А я скажу вамъ, — возразилъ онъ, — чтѣ бы тамъ тогда сдѣлали: прапорщики стали бы подпоручиками, подпоручики — поручиками, статскіе совѣтники — дѣйствительными статскими и т. д., — ну, и убыль сама-собою, такъ сказать, затянулась бы.

— А талантъ?

Должно замѣтить, что графъ Борисъ Борисовичъ, какъ и многіе, находился въ совершенно странномъ затмѣніи мыслей относительно значенія этого слова. Для него талантъ былъ полнѣйшимъ синонимомъ карьеры. На Западѣ безъ таланта нѣтъ никакой карьеры; у насъ въ литературѣ, въ художествахъ, въ ученомъ мірѣ — тоже нѣтъ карьеры (первая ошибка мышленія), слѣдовательно безъ таланта нѣтъ и карьеры служебной, и такъ какъ онъ, графъ, въ этой карьерѣ не достигъ крайнихъ предѣловъ возможности и ушелъ, а за нимъ уйдутъ другіе, то (вторая ошибка) — и таланта больше не будетъ, а будетъ только тля, низкопоклонство, бездарность...

— Да-съ, — дополнилъ графъ, — таланта не будетъ, какъ нѣтъ у насъ аристократіи и нѣтъ плебса, какъ нѣтъ административныхъ ясно очерченныхъ лагерей и воззрѣній, нѣтъ партій, нѣтъ высшаго и среднего общества, а есть какая-то ардекинада личностей между «дошелъ» и «недошелъ» — вотъ и все.

— Графъ, — замѣтилъ докторъ, — я всегда зналъ, что вы хорошо говорите, что у васъ отличная память, что вы быстро схватываете предметъ; я схватываю не такъ быстро и не пойму, какъ это у насъ высшаго и среднего общества и особыхъ партій и воззрѣній нѣтъ, и чтѣ же значитъ по-вашему: «дошелъ» и чтѣ «недошелъ»?

— Виновать, виновать! У насъ есть высшее и среднее общество. Въ первомъ сплетничаютъ про министровъ, ихъ товарищей, главноуправляющихъ, членовъ государственнаго совѣта, то-есть о третьемъ и второмъ классѣ чиновъ; въ среднемъ тому же самому подвергаются директора департаментовъ, дивизіонные генералы, думскіе и земскіе представители и литераторы! Это, конечно, разница. Всѣ послѣдніе *недошли*, потому что имъ предстоитъ движеніе къ первымъ; первые—*дошли*, потому что имъ некуда двигаться. Это міръ гарантій. Это все пирамиды съ широкими основаніями; даже отъ землетрясенія—и отъ того онѣ обезпечены, потому что такими же кучами останутся, если бы что...

Докторъ улыбнулся.

— Поэтическій образъ — нечего сказать, — проговорилъ онъ.—Ну, а такихъ, графъ, какъ вы, понимающихъ ошибку общаго строя, много?

— Много, но не тамъ, а здѣсь! Здѣсь, въ этомъ долготерпѣніи и кротости, въ этомъ тепломъ отношеніи къ нуждамъ земли, въ этихъ застрѣльщикахъ будущей цивилизаціи края, вижу я нашъ оплотъ, нашу будущность...

Тутъ, на этомъ мѣстѣ, графъ Борисъ Борисовичъ схватилъ доктора за руку и, понизивъ голосъ, продолжалъ:

— Вы не повѣрите: когда я вошелъ въ первый разъ въ земское собраніе, выбранный, между прочимъ, единогласно, когда я увидѣлъ себя рядомъ съ волостнымъ старшиною, священникомъ, рядомъ съ учителемъ сельской школы, я ощутилъ... я ощутилъ что-то невообразимое! У меня голова закружилась, у меня въ глазахъ потемнѣло... Тутъ будущность,—думалъ я,—и я въ будущности...

— И васъ не тянетъ назадъ?

— Нисколько.

— Ну, если бы тамъ, наверху, какія перемѣны произо-

шли—вмѣсто немилыхъ вамъ людей другіе люди сѣли, вы бы, все-таки, не вернулись?

— Да если бы ко мнѣ депутація, какъ къ Михаилу Романову, пріѣхала, я и тогда отказался бы.

— Крѣпко же, однако, въ васъ убѣжденіе!

— Крѣпко, ухъ, какъ крѣпко! Однако, Фирсъ Константиновичъ, я вотъ вамъ, обрадовавшись, всю мою душу излилъ, даже въ ущербъ, можетъ-быть, вашему мнѣнію обо мнѣ, а объ васъ-то я и не спросилъ, какъ это вы...

— Понимаю, понимаю! это вы насчетъ моей женитьбы говорите. Я самъ, батюшка графъ, хорошо этого не понимаю. Двѣ недѣли тому назадъ мнѣ это и въ голову не приходило... что прикажете? случай... околдовала!

— Будто бы?

— Да, да! И ужъ какъ я просить-то ее началъ! Бѣдная она дѣвушка—ну и смиловилась. Вотъ и женился.

— А княгинѣ писали?

— Княгинѣ-то? а то какъ же! всю подноготную писалъ: какъ что было—все знаетъ.

— Нигдѣ больше въ дорогѣ не остановитесь?

— Нигдѣ, думаю.

Докторъ съ семьею прогостилъ три дня у графа и двинулся въ путь въ вождѣлѣнномъ здоровіи; на одиннадцатый день пути, вслѣдствіе нѣкоторыхъ роздыховъ, нужныхъ Марѣ Сергѣевнѣ, прибылъ онъ въ столицу.

XXIII.

Ко времени прибытія молодыхъ въ Петербургъ въ домѣ старухи-княгини царствовала большая суета. Были даже случаи, которыхъ никто не запомнить, такъ, напримѣръ: княгиня два дня подъ-рядъ опоздала сѣсть за столъ къ обѣду, потому что къ этому времени обойщикъ приступалъ къ послѣднимъ приготовленіямъ спальни для молодыхъ.

Княгиня съ какою-то совершенно несвойственной ей приткостью сама давала совѣты, сама наблюдала за ихъ исполненіемъ.

Къ тѣмъ комнатамъ, которыя занималъ докторъ, прирѣзаны были еще три компаты, находившіяся, такъ сказать, подъ архивомъ княжеской семьи; тутъ же жилъ и архивариусъ.

Этотъ архивъ былъ чрезвычайно любопытенъ, и если когда-нибудь, въ силу какой-либо случайности, документы, въ немъ хранящіеся, увидятъ свѣтъ Божій, они возбуждаютъ не мало любопытства.

Какъ извѣстно, у насъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, мало-по-малу, образовывается и постоянно пополняется своеобразная литература дѣловыхъ записокъ, проектовъ, мнѣній. Все это по разнымъ вѣдомствамъ отпечатывается чрезвычайно роскошно, на чудесной бумагѣ, отпечатывается въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ и раздается по рукамъ лицъ болѣе или менѣе высокопоставленныхъ; масса этихъ работъ такъ велика, печатаніе стоитъ такъ дорого, что любопытно было бы знать—не обходится ли этотъ родъ печатаній литературы казнѣ дороже, чѣмъ всѣ прочія изданія въ Россіи, не считая, конечно, поврежденныхъ.

Этихъ записокъ за послѣднее время, считая съ 1800 г., въ архивѣ княгини было чрезвычайно много.

Другой отдѣлъ архива, не менѣе любопытный, состоялъ изъ колоссальной переписки представителей княжескаго дома со всевозможными лицами чуть ли не всѣхъ уѣздовъ и родовъ. Такъ какъ одинъ изъ отошедшихъ въ вѣчность предковъ былъ долгое время посломъ на Востокъ, то вся исторія возникновенія въ новѣйшемъ видѣ имперіи Японской имѣла свой слѣдъ въ этомъ архивѣ и для спеціалиста и любителя не имѣла бы цѣны. Къ числу очень важныхъ

вклады надо причислить также всякіе документы, частные и официальные, относившіеся ко времени воцаренія императора Николая.

Всѣ эти матеріалы были пронумерованы, прошнурованы, благодаря заботамъ архиваріуса, и вотъ ихъ-то именпо, не исключая и самого архиваріуса, сдвинули съ мѣста для устройства помѣщенія молодымъ.

Нельзя умолчать о томъ, что въ княгинѣ происходила значительная борьба съ нѣкоторыми изъ ея привычекъ и воззрѣній. Такъ, напримѣръ, она не сразу рѣшила вопросъ о томъ—ѣхать ей или не ѣхать навстрѣчу къ молодымъ, на желѣзную дорогу.

Къ опредѣленному времени рѣшено было ѣхать, и она поѣхала.

Но если волновалась княгиня, то не менѣе ея волновался и докторъ, подъѣзжая къ Петербургу.

Въ обоихъ старикахъ имѣло мѣсто то странное, но совершенно обычное явленіе, которое приходилось намъ замѣчать въ себѣ и въ другихъ зачасгую. Явленіе это называется въ томъ безформенномъ, но весьма опредѣленномъ волненіи, которое заговариваетъ въ людяхъ при участіи ихъ въ чемъ-то совершенно для нихъ новомъ. Это не то волненіе, которое предшествуетъ какому-либо рѣшенію; нѣтъ, это волненіе *a posteriori* совершившагося факта, это волненіе, которое, такъ сказать, никакого значенія имѣть не можетъ, потому что фактъ совершился и его не измѣнить. Тѣмъ не менѣе, оно есть и избавиться отъ него нѣтъ никакой возможности.

Доктору приходилось бояться больше всего того, чтобы не показаться смѣшнымъ рядомъ со своею красавицею-женою. Княгинѣ хотѣлось, чтобы никому и въ голову не приходила мысль о томъ, что тутъ совершилось нѣчто безъ ея вѣдома, безъ ея менторства, что докторъ позволилъ себѣ

поступокъ не ею предначертанный, не ею санкціонированный.

Елена была совершенно спокойна, и ее не столько занимала предстоявшая встрѣча съ княгиней Бирскою, сколько видъ Петербурга, мало-по-малу возникавшаго передъ нею.

На нѣкоторые вопросы ея:—какая это церковь видна, что это за заводъ, какія трубы дымать,—докторъ отвѣчалъ сбивчиво и называлъ даже церковь Волковского кладбища—Смоленскою.

Но вотъ уменьшается ходъ поѣзда; вотъ дается послѣдній свистокъ. Вещи въ вагонѣ связаны; билеты отобраны; вотъ и платформа...

— Это княгиня? — спросила Елена, указывая мужу въ окно на особу ей совершенно незнакомую, съ ливрейннымъ лакеемъ позади.

— Она! опа! пріѣхала-так! — отвѣтилъ докторъ, радуясь тому, что ему сдѣлапа была такая великая честь и что съ вокзала въ домъ поѣдетъ онъ свободный отъ того тягостнаго чувства ожиданія и неопредѣленности, которое томило его уже очень давно.

Докторъ, по выходѣ изъ вагона, облобызалъ, конечно, ручки княгини. Жену его княгиня обняла чрезвычайно радушно и взглянула на нее такъ привѣтливо, какъ давно ни на кого не смотрѣла. Если пожелать объяснить себѣ эту привѣтливость, то оно будетъ едва ли трудно, такъ какъ съ Еленю, съ появленіемъ этой молодости, этой красоты въ замшившемся отъ времени домѣ княгини должно было вселиться веселіе.

Наибольшую неловкостью отличалось знакомство княгини съ Марьею Сергѣевною. Для княгини Марья Сергѣевна была рѣшительно непригодною и являлась обузою, такъ какъ, согласно перепискѣ съ докторомъ, помѣщеніе ея въ домѣ княгини было непремѣннымъ условіемъ сожителства.

Княгиня не имѣла возможности привыкнуть къ тому, чтобы что-либо дѣлалось ей паперекоръ, а сожительство съ Марьей Сергѣевною являлось именно такимъ перекоромъ. Отсюда чрезвычайная холодность, сдержанность встрѣчи, оставшіяся въ ихъ отношеніяхъ навсегда.

Переваливъ черезъ свиданіе съ княгинею, докторъ уже совершенно спокойно подѣзжалъ къ знакомому ему дому съ гербами, вовсе не боясь любопытныхъ взглядовъ прислуги.

А этихъ взглядовъ было много: они скользили и отъ воротъ, и изъ второго этажа, и со сторонъ лѣстницы.

— Красивая! Красавица! — слышалось въ шушуканьи дворни, и легкая улыбка пробѣгала по лицамъ ихъ.

Княгиня ввела молодыхъ въ ихъ квартиру сама и благословляла богатѣйшею иконою Богородицы, осыпанною жемчугами.

XXIV.

Прошло три года.

Аптекарь Оедоръ не ошибся: докторъ Фирсъ Константиновичъ умеръ на третью весну и умеръ въ большихъ страданіяхъ и послѣ очень продолжительной болѣзни: у него образовался ракъ.

Княгиня послѣдовала за нимъ черезъ полгода, но умерла такъ легко и пріятно, какъ дай Богъ всякому: совершенно здоровая, спокойная и сытая, она, послѣ обѣда, войдя въ кабинетъ, полулегла на кушетку, протянула руку за папирскою и покончила съ жизнью.

Жестоко ошибся графъ Борисъ Борисовичъ, послѣдовавши за докторомъ въ Петербургъ, мѣсяцъ спустя послѣ ихъ отъѣзда. Онъ поѣхалъ за Еленю, пожертвовавъ земскими интересами этому прелестному облику мелькнувшей передъ нимъ женщины. Не только при существованіи док-

тора не давала ему Елена Петровна никакой надежды, но и по смерти мужа она отказала ему наотрѣзъ въ согласіи выйти за него замужъ.

Понятно, что Марья Сергѣевна не покидаетъ дочери, и какъ бы ей ни хотѣлось видѣть ее замужемъ за хорошимъ человѣкомъ, она не выражаетъ этого и до сихъ поръ ни словомъ, ни взглядомъ: опасно!

Нашимъ уральскимъ знакомымъ живется не особенно дурно.

Викторъ Викторовичъ управляетъ другимъ какимъ-то заводомъ. Княгиня только смѣстила его и, по просьбѣ доктора, ни уголовнымъ, ни гражданскимъ порядкомъ не преслѣдовала, хотя была возможность и къ тому, и къ другому.

Онъ находится въ полной зависимости отъ Лидіи Михайловны. Ровно половина капитала, владѣльцемъ котораго онъ ей себя объявилъ, перешла къ ней въ руки. Остальная перейдетъ.

Лидія Михайловна не стѣсняется мѣнять свои склонности то къ одному человѣку, то къ другому, и дружба ея съ Елизаветой самая глубокая, неразрывная: барышня довольна тѣмъ, что, не рассчитывая сама на похождения, принимаетъ сердечное и дѣятельное участіе въ похожденіяхъ Лидіи. Она, какъ эта дѣвушка на картинѣ французскаго художника, держитъ факель, указывая дорогу, и счастлива этимъ.

Аптекарь Федоръ все еще живъ. Онъ былъ въ дѣятельной перепискѣ съ докторомъ, много помогъ и помогаетъ рабочимъ. Сѣдина его такъ же свѣтла и чиста, какъ была, а румянецъ все юнѣетъ, да юнѣетъ...

Да позволено намъ будетъ, въ заключеніе, упомянуть, что доктору на заводѣ грозила большая опасность: Холенко, вѣрный принципамъ товарищества и прерогативамъ гор-

наго вѣдомства, предложилъ — было Пуславину покончить съ докторомъ и со адъютантомъ...

Это предложеніе было сдѣлано вслѣдъ за первымъ сватовствомъ его. Между Холенко и Пуславинымъ шли даже нѣкоторые секретные переговоры: думали воспользоваться для этого шахтою, издавна заложеною Пуславинымъ для добычи бураго угля. Это предпріятіе, т. е. добыча угля, описано было книгинѣ, какъ нѣчто чрезвычайно выгодное; испрошены деньги; выписаны машины; отслуженъ молебенъ; потомъ были испрошены деньги еще и еще — уже для того, что: не пропадать же тѣмъ, которыя уже выданы!

Уголь былъ гдѣ-то глубже — правѣе, лѣвѣе — чѣмъ думали!

Шахта и ходы содержались крайне небрежно. Вѣдь могъ же докторъ, единовременно съ адъютантомъ, спуститься въ шахту? Вѣдь могла же не выдержать которая-нибудь изъ стѣнокъ? а тамъ — ищи, разузнавай! Судебныя власти — тоже свои люди...

Эта затѣя, подвергавшаяся весьма серьезному обсужденію, не была приведена въ исполненіе, можетъ-быть, только потому, что состоялась свадьба доктора и опредѣлилось главное послѣдствіе ея: отношеніе Пуславина къ Лидіи Михайловнѣ...

Понятно, что бывшая гувернантка веденіе своего дневника прекратила.

Переплетная „НИВА“ С.П.Б.